

АЛЕКСЕЙ БЕЛОВ-СКАРЯТИН

МИРЫ ЭРЫ

КНИГА ТРЕТЬЯ. ТРУДНЫЙ ХЛЕБ

**ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ
ИРИНЫ СКАРЯТИНОЙ
И ВИКТОРА БЛЕЙКСЛИ**

Алексей Белов-Скарятин Миры Эры. Книга Третья. Трудный Хлеб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69493723

SelfPub; 2023

Аннотация

Этот роман завершает историческую трилогию под общим названием "Миры Эры", повествующую о столь различных жизненных периодах Ирины Владимировны Скарятиной, представительницы знатного стародворянского рода, коей пришлось после всех тягот и лишений 1905 – 1922-го годов в России (о чём рассказывается в предыдущей книге цикла) отбыть в эмиграцию и пройти трудный путь, чтобы найти в новой реальности своё достойное место признанной писательницы, лектора, многократной путешественницы на свою Родину и военкора. Повествование дополнено большей частью никогда не издававшимися рассказами её американского мужа Виктора Блейкли и выдержками из двух с половиной сотен американских журнальных и газетных статей.

Содержание

Предисловие	5
Предисловие Ирины	17
Часть Первая. В Европе	24
Через Германию	27
Прибытие в Лондон	38
Русская диаспора	50
Базар, бал и прочее	63
Дела налаживаются	75
Крутой оборот	84
Водный путь в Америку	94
Часть Вторая. Уроки французского	105
Встреча с Нью-Йорком	108
В пульмане	121
Нерадушный приём	130
Первый урок	145
Первый обед	153
Вечер трудного дня	163
Скандал и свадьба	178
Ку-клукс-клан и кино	190
Ночной поезд и сигарета	197
Свадебный генерал	204
Судьбоносные встречи	217
Часть Третья. Плави́льный котёл	246

Продажа недвижимости	249
Хостес	258
Пятеро ухажёров	272
Меховой отдел	291
Начало нового мира	307
Супружество	322
Гражданство	375
Писательство	390
Благодарности	489

Алексей Белов-Скарятин

Миры Эры. Книга

Третья. Трудный Хлеб

Предисловие

Этот роман завершает историческую трилогию под общим названием *"Миры Эры"*, повествующую о столь различных жизненных периодах Ирины Владимировны Скарятиной, представительницы знатного стародворянского рода, коей пришлось после всех тягот и лишений 1905 – 1922-го годов в России (о чём рассказывается в предыдущей книге цикла) отбыть в эмиграцию и пройти трудный путь, чтобы найти своё достойное место в новой реальности.

В основе романа лежат: художественный перевод большей части опубликованного в США в 1932-ом году собственного произведения Ирины *"A World Begins"* (*"Мир начинается"*) и никогда, за небольшим исключением, не издававшихся рассказов её американского мужа Виктора Блейкли, объединённых заголовком *"My Russian Wife"* (*"Моя русская жена"*), на которые я наткнулся в хранилище рукописей библиотеки Конгресса США; всевозможная информация, которую я смог почерпнуть во время своих историко-генеалогических

поисков из разнообразных источников, включая американские газеты и журналы, а также личную переписку Ирины.

Третья книга цикла *"Миры Эры"* столь же коренным образом отличается по жанру от второй, как та, в свою очередь, от первой, являясь, без сомнения, сатирической трагикомедией. Работая над переводом текстов Ирины и Виктора, я постоянно ловил себя на мысли, что те напоминают мне написанное Ильфом и Петровым или Зощенко, а ещё виденное мной самим в так называемые "лихие девяностые" с их "новыми русскими" без образования, воспитания и вкуса.

А вот как встретила выход в свет вышеупомянутой книги Ирины американская пресса:

"Графиня¹ рассказывает о своём опыте пребывания в Чикаго. Одно из самых удивительных ощущений, испытываемых читателем, – это внезапное осознание того, что страницы, которые, казалось бы, фиксируют факты, никоим образом не связанные с ним лично, на самом деле обращаются непосредственно к нему, повествуя о хорошо знакомых местах и людях. Я уже почти дошла до середины романа 'Мир начинается' той самой Ирины Скарятинной, чей 'Мир может закончиться' явился одним из наиболее запоминающихся человеческих документов наших дней – рассказом русской графини о глубинах голода, обнищания и мар-

¹ Незадолго до революции Ирина развелась со своим первым мужем, графом Александром Фёдоровичем Келлером, и американские репортёры, прознав про этот факт её биографии, достаточно долго использовали данный титул в своих статьях.

гинализации при Советах, – когда описываемый ею городок 'Рассвет' вдруг обернулся Авророй, а 'Метрополь' – Чикаго, и их улицы заполнились персонажами, которых я прекрасно знала – всех до единого.

В этот миг стало предельно ясно, что всё поведенное автором поразительно знакомо, что автор сама какое-то время находилась среди нас, что, прочитав книгу, чикагцы (по крайней мере, многие из них) узнают, что выступили в роли натурщиков и натурщиц для панорамы американской жизни и обычаев, нарисованной ею.

Немало читателей, прошедших вместе с русскими авторами – представителями старого режима – сквозь воссозданные в их книгах ужасы новой власти, задавались вопросом: 'А что же было потом?' И некоторые из хроникёров делятся тем, что случилось с ними после отъезда из России. Так поступила и Ирина Скарятина, опубликовав свой 'Мир начинается'. Там приведены записки из Англии о голоде и холоде, о горечи и отчаянии, перемежающиеся с ироничными зарисовками о собраниях беглой знати. Дабы разорвать порочный круг, автор, нанявшись к американке учительницей французского языка, переезжает в Америку. С этого момента книга становится в своей трагичности почти комичной. Ибо Ирина Скарятина, будучи чуждой в совершенно незнакомой стране, попадает во власть особы абсолютно немыслимого типа. Описание этой эсеницы и того, как автору приходится приспособливать свой язык и поведение к странной

ситуации, в которой она оказалась, да и вообще к поразительной для неё по своей сути жизни в Америке, рождает историю, которая, какой бы печальной ни являлась, чрезвычайно смешна. Это социальная драма, социальная сатира, очень остроумно изложенная зорким наблюдателем.

Однако для определённой части жителей Чикаго такое изложение от кого-то, с кем они встречались лицом к лицу и чьё перо, возможно, впервые рассказывает о том, о чём молчали её уста, пока она жила с ними бок о бок, может стать потрясением". (Фэнни Бутчер, Чикаго Трибьюн, 09/04/1932)

"'Мир начинается' изобилует трагизмом, патетикой и юмором. Событий в судьбе графини с лихвой хватило бы на полсотни среднестатистических жизней. И она рассказывает о них ярко и очень лично.

Некоторые придирчивые читатели могут посетовать, что по драматизму продолжение уступает первой книге 'Мир может закончиться'. Отчасти это верно, поскольку, к счастью для большинства из нас, обстановка в Англии и Америке не вызывает ощущения надвигающейся беды, ужасающих происшествий, убожества и кровавости революционных дней. Однако те же самые находчивость, смелость и сила духа, что помогли графине пережить дни красного террора, помогают ей сносить бедность, одиночество и пустоту дней её изгнания.

'Мир начинается' – это дань уважения Америке и аме-

риканцам, насыщенное и вдохновенное произведение, мимо которого не следует проходить". (Полли Дэффрон, Ричмонд Таймс-Диспэтч, 10/04/1932)

"Имея хорошо развитую привычку вести дневник, она способна в мельчайших подробностях описывать свои впечатления о каждом из мест пребывания, сопровождая их яркими портретами мужчин и женщин, с которыми её свела судьба, и вплетая во все эти зарисовки воспоминания о своей прежней жизни в России, большинство из которых определённо играют в пользу отчего дома, где любовь и изящество манер были общепринятыми нормами существования. Именно этот привкус контраста является отличительной особенностью книги, поскольку без него испытания графини Ирины были бы сродни тем, через которые прошли сотни женщин, столкнувшихся с таким же унижением, сражавшихся в тех же битвах и одержавших те же победы. Она вполне могла бы – хотя и не делает этого – процитировать строки Данте о 'терновом венце скорби', суть которых проглядывает сквозь всё повествование.

Две вещи подпитывали её храбрость: во-первых, неиссякаемое чувство юмора, позволявшее ей – порой цинично, однако всегда отважно – разглядеть комичную сторону в событиях, которые иначе могли бы стать для неё катастрофическими; а во-вторых, врожденный национальный мистицизм и вера в то, что 'чудеса случаются даже в наши дни'. С

лёгким оттенком злорадства – абсолютно прощительным в указанных обстоятельствах – она даёт список мужчин, пытавшихся 'с исключительно бесчестными намерениями' заманить её в сомнительные любовные связи ... Показав себя более чем достойным противником, в полной мере наделённым благоразумием, основанным на глубоком понимании порочности этого мира, она вышла победительницей из всех этих перипетий ...

Читатели, которые сочли стоящей предыдущую книгу автора, обнаружат те же достоинства и в новом романе, полном искренних откровений, взвешенных суждений и подлинной признательности за всю доброту, проявленную к автору её новыми соотечественниками". (Луисвилл Курьер Джорнал, 24/04/1932)

"Это действительно большая честь вновь встретиться с героиней произведения 'Мир может закончиться'. Я сказала 'героиней', поскольку таковой она, без сомнения, и является, хотя мадам Скарятина далека от того, чтобы претендовать на ореол мученичества, которого добиваются некоторые другие авторы, писавшие о лишении себя атрибутов ранга и привилегий по рождению.

Видит Бог, я не пытаюсь преуменьшить их трагедию. Они достойны того уважения, которое человеческое страдание заслуживает и всегда получает от любого разумного и порядочного существа. Но когда мы сталкиваемся с

неукротимой отвагой, которая не требует к себе жалости, наши сердца преисполняются ещё большего пиетета ...

Это грустная, но вдохновляющая история. Рассказ о скитаниях любого храброго духом человека вдохновляет. Однако тягостно читать о грубости и приземлённости некоторых наших соотечественников и соотечественниц, представляющих в неприглядном свете перед беспристрастным взором обездоленной странницы. Возникает вопрос: верно ли мы поступили, заменив традиционную аристократию по рождению аристократией лишь по богатству? Тем более что нынче представляется весьма вероятным, что аристократия нуворишей не сможет наслаждаться богатством настолько долго, чтобы приобрести должествующие сопутствовать ему эстетику и утончённость.

При прочтении этих мемуаров в голову приходит ещё одна тревожная мысль. Однажды мадам Скарятина была столь разгневана жестокостью своей работодательницы, что на мгновение прониклась большевистским мировоззрением. А до этого её встреча в поезде с советскими представителями показала ей, что существуют здравомыслящие и воспитанные люди, которые решили связать свою судьбу с новым режимом в России. Каким бы немислимым это ни казалось старой русской аристократии, но если бы революционные преобразования произошли спокойно, медленно и мирно, разве не смогли бы гуманитарии прежнего режима помочь новой власти и избежать случившихся вместо

этого кровавых беспорядков, хаоса и жестокости? Здесь есть чему поучиться американцам, если они надумают усвоить этот урок". (Люси Темплтон, Ноксвилл Ньюс Сентинел, 24/04/1932)

"Данный том является естественным продолжением, преподанным издателями как 'живой документ о надежде и возможностях, кои Америка всегда предлагала людям, бегущим от тирании'.

Нанятая богатой и донельзя чванливой американкой выдающейся непривлекательности обучать её и её детей французскому языку, Ирина Скарятина в течение первых двенадцати месяцев своего пребывания в этой свободной стране получила крайне мало возможностей из тех, на которые могла бы рассчитывать. Она бежала от одной тирании, порождённой общественным строем, чтобы оказаться жертвой другой – индивидуалистической, столь же удручающей, если не столь же губительной. Одиночество русской тюрьмы, где она и другие дворяне – её товарищи по несчастью – отсчитывали часы до того мига, когда их вызовут из камер на расстрел, было немногим хуже одиночества тех дней в Америке, где, подавленная пренебрежением своей работодательницы и чуждостью окружения, она находила отраду в рёве локомотива, под колёсами коего, как утешала она себя, всегда можно обрести освобождение.

Она рисует наглядную, не вызывающую особой симпа-

тии картину семейства, в котором впервые познакомилась с американской жизнью и обычаями, не претендуя на то, чтобы считать её характерной, но в гротескных нелепостях невольно видишь карикатуру на вполне определённый американский типаж ... Вся история, начиная с отъезда изгнанницы из России и заканчивая её браком с отставным офицером ВМФ США, подтверждает вывод о том, что, хотя может закончиться старый мир и начаться новый, боль и разочарование являются общими чертами обоих". (Ньюс энд Обсёрвер, 24/04/1932)

*"Это полная сплетен, до некоторой степени ехидная книга. Возможно, графиня была сама виновата в том, что её не везде принимали радушно, и потому она прибегла к такому способу расквитаться. Мы понимаем, что там, в Авроре (в своей книге она называет городок 'Рассветом'), хорошие люди будут невероятно злы из-за того, **что** она о них написала. Их выставили столь грубыми и скверными, будто это местечко просто кишит придурками, похожими на Шика Сейла² ...*

Если не обращать внимания на язвительность книги, то она занята как описание переживаний особы, уехавшей жить в чужую страну, её столкновений с обычаями

² Чарльз Партлоу "Шик" Сейл (25 августа 1885 – 7 ноября 1936) – американский комедийный и водевильный актёр. Хотя сегодня Сейл практически забыт, однако он был широко известен в 1930-е годы, часто становясь предметом насмешек.

и языком, а также формирования нового круга её друзей. Ирина Скарятина, графиня Келлер, нынче стала просто миссис Виктор Блейкли из Сент-Джонс, Пенсильвания, а это значит, что несмотря на несчастливые месяцы в Авроре, ей, похоже, вполне по душе Америка, чтобы остаться здесь, а не возвращаться в Европу". (Декейтер Дэйли Ревью, 03/07/1932)

Что ж, очень многогранный, местами – в части социальной сатиры / язвительности – необычайно созвучный как восхвалениям, так и порицаниям, которые мне посчастливилось в своё время прочитать в отношении произведений всё того же Зошенко, получился обзор, и сложно было бы добавить к нему что-то ещё. Остаётся передать слово самой Ирине.

Ирина Скарятина посвятила свой второй роман "A World Begins" ("Мир начинается"), опубликованный в США в 1932-ом году (на большей части которого основана эта книга), своему американскому мужу, отставному офицеру ВМС США, мистеру Виктору Франклину Блейкли, и я с удовольствием к ней присоединяюсь.

Фотография Ирины Скарятиной и Виктора Блейкли из статьи в газете *Питтсбург Пресс* от 09/10/1933.

Предисловие Ирины

(написано к первому роману в 1931-ом году)

Несмотря на то, что по рождению я русская и в моих венах не течёт никакой иной крови, не считая пары капель, унаследованных от далёкого татарского предка, по мужу я американка и живу в этой стране уже без малого восемь лет. Обе мои жизни так разительно отличаются друг от друга, что порой меня охватывает почти мистическое чувство, что я пришла на свет дважды: сперва в России – там я умерла, была предана земле и теперь покоюсь с миром на нашем тихом деревенском кладбище, – ныне же здесь, в Америке, где я, переродившись, живу вновь, наделённая сверхъестественным даром помнить всё, что произошло в моём прошлом воплощении. И хотя за минувшие годы я не так уж состарилась, из-за этой странной двойственности бытия я иногда чувствую себя древней старухой, слишком умудрённой житейским опытом. Когда мне случается сравнивать оба моих существования, пропасть различий между ними потрясает.

Богатство семьи, в которой я родилась, не было нажито трудом моих родителей или их родителей, так как принадлежало нашему роду веками и потому воспринималось нами как должное – разумеется, с должным пиететом – и нечто такое же прочное и незыблемое, как сама Семья, как старинная усадьба или та сокровищница семейных реликвий, которую

передают из поколения в поколение.

Все, кто в России принадлежал к определённомu кругу, знали примерные суммы доходов друг друга, и, за редким исключением, мало что могло повлиять на эти доходы коренным образом. Казалось очень естественным слышать, как люди вокруг говорили: "Когда такой-то женится, он будет иметь столько-то в год", – ведь всем было известно, сколько землевладений и усадеб принадлежит его родителям и какой образ жизни те ведут. Редко, очень редко мы могли стать свидетелями крушения огромного состояния в силу чрезвычайных обстоятельств, но то было событие столь необычайное, что производило эффект грома среди ясного неба, оставаясь главным предметом обсуждений ещё долгое время. В основном же мы чувствовали себя в полной безопасности, и выражение "Ах, он владеет целым состоянием!" можно было услышать на каждом шагу.

Ребёнком я часто гуляла с мамой в окрестностях нашего поместья, и та любила приговаривать: "Посмотри на этот дуб – ему две сотни лет, он помнит ещё Петра Великого", или "Видишь этот овраг? Он здесь со времён разбойника Кудеяра³", или "Эта аллея была высажена твоим прадедом, а вон то дерево – твоим отцом", – и так до тех пор, пока я мало-помалу не прониклась чувством, что всё, меня окружа-

³ Легендарный разбойник, персонаж русского фольклора. С его именем связано название множества мелких географических объектов (Кудеярова крепость, гора, лес, овраг, село и т. п.), где, по преданиям, были зарыты разбойничьи клады.

шее, такое же древнее, как сам Род. И это касалось всех аспектов нашей жизни. Церковь? "И врата ада не одолеют её!"⁴ Царь? "Боже, храни его, дабы он правил нами вечно!" Наши дома? Словно гнёзда могучих орлов, которые никому не под силу разорить! Так была воспитана я и почти все девочки моего поколения и сословия. Когда мы подросли, стало ясно, что грядут большие перемены, но в годы нашего детства мы знали лишь это чувство величия и защищённости. А затем пришла Революция, и всё, что нас приучили считать незыблемым, непоколебимым, было уничтожено в два счёта. Самодержавие, царь, усадьбы, дома, наше наследие – всё было сметено, и те из нас, кому посчастливилось уцелеть, были оставлены прозябать в нищете и беспомощности на обломках цивилизации, что некогда звалась Российской империей. Разбросанные по миру, мы делали всё возможное, дабы приспособиться к этой новой реальности, и тот, кто никогда не переживал подобного, будет не в силах понять, каково это – полностью изменить прежний уклад, забыть всё, чему тебя учили, и выучиться всему заново.

Мой первый год в Америке был очень тяжёлым, всё вокруг казалось таким странным и незнакомым, и я – взрослый человек – чувствовала себя ребёнком, который пытается брести на ощупь в темноте, совершенно не представляя, что ему делать, и зачастую совершая досадные ошибки. Вначале Америка мне совсем не понравилась. Я была сбита с

⁴ Евангелие от Матфея, глава 16, стих 18.

толку, несчастна, испугана ... но затем постепенно, совсем понемногу, я начала видеть и понимать, а вместе с пониманием возникло и первое чувство симпатии к Новому Свету. В каком-то смысле тот походил на восторженное дитя, и мне пришлось по душе его детская непосредственность, но в то же время он казался старым, хоть и несколько иначе, чем моя Родина, и это мне в нём тоже понравилось. В те дни я часто слышала крылатую фразу про "плавильный котёл"⁵, который вбирает в себя людей самых разных национальностей, приехавших со всех уголков мира, и, посредством одному ему ведомого таинственного процесса, превращает детей этих людей – то есть следующее поколение – в американцев, покуда их родители всё ещё остаются теми, кем они были: итальянцами, немцами, шведами. Внезапно я осознала, что сама угодила в этот тигель, но не как представительница нового поколения, а как новоприбывшая, и с его помощью, шаг за шагом пройдя через все этапы метаморфозы, научилась ощущать себя американкой, думать как американка, и вести себя как она. И в ту минуту, когда я поняла, что со мной происходит, чувство великого покоя снизошло на меня впервые с тех пор, как я покинула родные края. И тогда мне стало ясно – пусть я никогда не забуду прошлого, никогда до самой смерти, однако у меня, слава Богу, есть эта но-

⁵ Термин возник из названия пьесы британского журналиста и драматурга еврейского происхождения, сына эмигрантов из Царства Польского Российской империи, Израэла Зангвилла, часто приезжавшего в США и знавшего жизнь этой страны.

вая действительность в этой новой стране, которая всё больше привязывает меня к себе, заставляя снова жить. Медленно, очень медленно воспоминания тускнеют, смягчаются, и я приспособливаюсь к здешнему существованию. Этот процесс продолжается до сих пор, и думаю, в каком-то смысле он будет продолжаться всю мою жизнь, но его кульминация случилась в тот самый день, когда я, выйдя замуж за американца, внезапно осознала, что больше не изгнанница, не чужестранка, что наконец-то вернулась домой. Как Иову, однажды потерявшему всё, мне даровали всё новое взамен: мужа, дом, землю и даже машину вместо библейских волов и верблюдов. И когда я смотрю на мою новообретённую родину и нынешних соотечественников, мне, с моим опытом двух жизней, часто случается задаваться вопросом, осознают ли они, какая великая цивилизация им дана, или они считают это само собой разумеющимся, как и мы когда-то? В жизни среднестатистической американки такое множество всего: хороший дом, машина, безопасность, комфорт и потрясающий набор различных бытовых приспособлений, освобождающих ей время для того, чтобы заниматься собой, оставаясь молодой и привлекательной, тогда как в любой другой стране она бы уже преждевременно состарилась. У неё есть досуг, чтобы наслаждаться жизнью, читать, развивать свой ум, совершенствовать таланты, даже играть в игры, если она того пожелает. Все эти возможности предоставлены ей столь щедро и без каких-либо усилий с её стороны.

Восемь лет назад я прибыла в Америку, потеряв до копейки всё причитавшееся мне по праву, но как только я ступила на эту землю, Новый Свет приветствовал меня, дав мне работу и возможность пользоваться всеми благами американской жизни. Даже будучи первое время бедна, я зарабатывала достаточно, чтобы хорошо питаться, прилично одеваться и с комфортом разместиться в одной из тех удивительно оборудованных крошечных квартирок (где действительно всё, что нужно, умещалось в одной единственной комнате), какие можно найти только в США. Мини-кухня, спрятанная в шкафу, казалась игрушечной, служа мне непрерывным источником развлечения со всеми её электрическими приборами, начиная с белоснежной крошки-плиты и заканчивая тостерницей. А ещё там была так называемая "кровать Мёрфи", днём скрывавшаяся в гардеробе, а на ночь вынимавшаяся наружу, загромождающая собой всё пространство "квартирки", что крайне меня забавляло, хотя я всегда относилась к ней с огромным почтением, опасаясь, как бы однажды ночью та не вздумала захлопнуться, исчезнув вместе со мной в своей нише!

После ужасающей, безнадёжной, отчаянной бедности, которую мне довелось пережить в России и в Европе в после-революционные годы, та бедность в Америке оказалась сравнительно приятной. Не потому ли я, в отличие от моих новых земляков, так ценю всё обрётённое мной в Америке, что до сих пор сомневаюсь в реальности происходящего, особен-

но оглядываясь назад на те страшные дни и ночи Революции или ещё дальше – на годы моего детства и юности. Подобно волшебной сказке, позже обернувшейся ночным кошмаром, те воспоминания из прошлой жизни возвращаются ко мне, сидящей у своего американского очага в надежде, что никакие перемены более нас не коснутся и наше благополучие будет длиться вечно.

Часть Первая. В Европе

№ 10288

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПАСПОРТ.

PASSEPORT.

Proletaires de tous les pays, unissez-vous!

Первая страница заграничного паспорта Ирины.

Через Германию

Ирина Скарятина – от первого лица

Стоило мне в Ревеле войти в своё купе, как моим глазам было явлено очередное подтверждение того, сколь тесен мир, ведь там сидел мой старый знакомый – граф А. Мантейфель, с кем в юности я танцевала на балах и которого не видела уже много лет. Хотя мы никогда близко не общались, однако было приятно встретить кого-то из прошлой жизни, и мы проговорили до тех пор, пока ему не пришло время сходить с поезда. Позже в купе зашли двое мужчин, а затем молодая женщина, и все они тоже оказались весьма приятными попутчиками. Когда спустилась ночь, нами было принято решение устроиться лёжа на двух имевшихся сиденьях: мужчинам – на одном, а мне и моей спутнице – на другом, однако той удалось найти себе в соседнем купе место получше, и таким образом всё "ложе" оказалось в моём полном распоряжении – неслыханная роскошь, с которой я не сталкивалась с дореволюционных времён.

Прощаясь в Берлине со своими не собиравшимися ехать дальше попутчиками, я была поражена, услышав, что эти двое господ являлись важными большевиками, чьи имена были широко известны в России. Но что бы они ни совершали там, будучи воинствующими представителями новой власти, я должна признать, что в качестве товарищей по поезд-

ке, не афишировавших свою личность, они вели себя чрезвычайно галантно, обладая изысканнейшими манерами.

Тем не менее несколько месяцев спустя, когда я всё ещё пребывала в Англии, до моих ушей дошла удивительная сплетня, запущенная, очевидно, той нашей молодой спутницей. В ней утверждалось, что я, вне всяких сомнений, коммунистка, поскольку явно находилась в дружеских отношениях с двумя значимыми большевиками, ехавшими со мной в одном купе и даже целовавшими мне руку, прощаясь на перроне. А когда я запротестовала, попытавшись объяснить даме, столь охотно поведавшей мне эту историю, что я до самого момента расставания не имела ни малейшего представления, кем являлись те джентльмены, стало ясно, что она мне ничуть не поверила, хотя и вежливо произнесла: "Ну, разумеется, разумеется".

Так как в Берлине у меня было несколько часов до отправления в дальнейшее путешествие, я решила покинуть вокзал и погулять по улицам, чувствуя себя призраком, вернувшимся в знакомые места – на Фридрихштрассе, Унтер-ден-Линден и к тем магазинам, где в прежние времена я с таким удовольствием покупала подарки для всех, кто ждал меня дома. Стоя перед одним из них и разглядывая его витрину, я поймала себя на мысли, что вновь "делаю покупки", решая, понравятся ли моему маленькому сыну эти пушистые игрушечные зверушки, оценит ли мой отец такую корзинку для пикника и будет ли по вкусу моей маме этот дорожный

плед из зелёного вельвета. Машинально пробегая глазами по цифрам на ценниках, я вдруг, вздрогнув, очнулась от нахлынувших на меня грёз наяву, полусмеясь над своей глупостью, полуплача от боли пробуждения.

"Все они мертвы, и ты сама лишь фантом, да к тому же нищий, у которого за душой осталась всего горстка монет", – сурово отчитала я себя, отшатнувшись от витрины магазина.

Женщина, стоявшая неподалёку и также изучавшая содержимое за стеклом, бросила на меня пыливый взгляд, а затем, импульсивно протянув руку, тепло промолвила по-немецки: "Вы вдова военного, не так ли? Я тоже. Это просто ужасно, но мы должны держаться – такова жизнь". И, не дожидаясь моего ответа и резко развернувшись, исчезла в толпе.

Я продолжила бесцельно бродить, пока не очутилась перед отелем "Б.", где неизменно снимала номер в те давние годы. Влекомая порывом, я захотела вновь увидеть это место и, медленно войдя внутрь, присела в фойе. Нет, там совсем ничего не изменилось; вход, фойе, мебель – всё осталось прежним, и мне даже показались знакомыми некоторые лица. Внезапно я ощутила ужасную усталость, и в тот же миг меня захлестнула волна отчаяния. Какое право имела я, жалкая тень себя, находиться здесь, среди живых, и какой смысл был в том, чтобы будить старые воспоминания, причиняя себе ненужную боль? В конце концов, как недавно сказала та женщина, единственное, что нам оставалось, – это держать-

ся и продолжать жить, и этим мне стоит заняться, а не намеренно беречь затаившиеся были раны. Две крупные слезы, скатившись по моим щекам, упали на колени ...

"Проживает ли Мадам в нашем отеле?" – тихо спросил меня вежливый голос, и, подняв глаза, я увидела стоящего рядом мужчину – вероятно, одного из менеджеров.

"О, нет, нет, – смущённо ответила я, вскакивая и опрокидывая стул. – Нет, я не живу здесь. Однако останавливалась ранее", – добавила я, пытаясь улыбнуться, но безуспешно.

"Что ж, в таком случае, Мадам, я боюсь ..." – продолжил метрдотель, хотя и по-прежнему очень вежливо, однако потирая руки и несколько нервно кланяясь.

В мгновение ока я вспомнила свой потрёпанный вид, поняла, что он пытался сказать, и, прежде чем он успел завершить фразу, бросилась к двери. Мне казалось, что я слышала преследующие меня шаги, и, выскочив на улицу, бежала, и бежала, и бежала, пока, задыхаясь, не была вынуждена остановиться. Однако никто за мной не гнался, и тогда я с трясущимися коленями и учащённо бьющимся сердцем поплелась обратно на вокзал, который виделся мне безопасным прибежищем после выдавшейся столь жалкой прогулки по улицам Берлина. По счастью, скоро подошло время садиться в мой поезд, и я со вздохом облегчения опустилась на сиденье, отведённое мне для пересечения Германии.

Кроме меня, в купе было три человека: изящная, хорошо одетая, ухоженная молодая дама; типичная старомодная,

толстая и краснолицая домохозяйка и совсем юная девушка, которая сразу понравилась мне своими вьющимися светлыми волосами, голубыми глазами и широкой весёлой улыбкой. Все они тут же занялись тем, что стали устраиваться поудобнее. Утончённая особа достала из своего тщательно уложенного чемодана дорожную накидку из бледно-розового шёлка, подушку в тон, серебряный флакон духов и книжечку с необрезанными полями; бургерша распаковала пару просторных тапочек, на которые незамедлительно сменила свои практичные, но тяжёлые на вид ботинки, затем вынула собственноручно вязаную шапочку, дабы натянуть её вместо шляпки, и большой бутерброд с ветчиной вместе с каким-то напитком, который сразу стала потягивать прямо из тёмной бутылки; а юная дева, надев очки, делавшие её похожей на школьницу в бабушкиных окулярах, выудила изрядно замусолённую тетрадь, в которую тут же принялась что-то записывать, и коробку мятных леденцов, которые поглощала так же быстро, как и строчила. Видя, как все поглощены своими делами, я тоже решила чем-то заняться и сначала черкнула пару заметок в своём дневнике, потом намеревалась почитать, но у меня так сильно болели глаза и голова, что в конце концов я оставила потуги сделать хоть что-то полезное и стала просто смотреть в окно. Мимо пролетали города, фабрики, деревни, фермы и поля – бесконечные поля с богатым чернозёмом, вероятно, дававшим прекрасный урожай, но почему-то они не рождали в моём мозгу картинок мирной

сельскохозяйственной жизни или пасторальных и аркадских сцен. Напротив, они заставили меня думать о войне и о виденных мною ужасных полях сражений, усеянных и мёртвыми, и ранеными, и обречёнными на скорую смерть людьми. А когда солнце село и вечерние тени поползли по необъятным пространствам, сквозь которые мы неслись тем тошнотворным манером, что присущ раскачивающимся, петляющим и ужасно пахнущим немецким поездам, мне стало казаться, что за завесой пыли я снова вижу мрачные очертания тяжёлой артиллерии, бесконечных верениц марширующих мужчин, гремящих полевых кухонь и медико-санитарных отрядов, которые я наблюдала когда-то посреди таких же плодородных полей. Вскоре совсем стемнело, в поезде зажглись фонари, и я больше ничего не могла разглядеть за окном, кроме сплошной черноты, в которой время от времени мелькали огоньки жилищ.

Мои спутницы принялись за еду, но меня сразу затошнило от запаха их снеди, и я поспешила выйти в коридор, где и постояла некоторое время. Когда я вернулась, они уже закончили трапезу и тихонько беседовали, наклонив друг к другу головы. Стоило мне войти, как они тут же прекратили разговор, и это навело меня на мысль, что, вероятно, именно я являлась предметом обсуждения. Некоторое время мы все сидели молча, но внезапно ко мне с озорным блеском в глазах обратилась девчушка.

"Пожалуйста, извините меня, – произнесла она слегка

хрипловатым, но приятным голосом. – Не могли бы вы сообщить нам о своей национальности? Видите ли, наши мнения расходятся, и мы были бы признательны вам за разрешение нашего спора".

"Я русская", – тихо ответила я, задаваясь вопросом, как они отреагируют на такую информацию.

В тот же миг в них произошла перемена: на лице элегантной дамы отразился явный испуг, бюргерша поджала свои пухлые губы и отодвинулась, юное же создание стало разглядывать меня с нескрываемым интересом.

"А может, ещё и большевичка?" – встревоженно пробормотала модница, защёлкивая свой отделанный серебром дорожный чемодан и тоже поспешив отодвинуться.

"Большевичка она или нет – меня это не волнует, но она русская, а я потеряла двух сыновей на русском фронте", – заявила домохозяйка, глядя на меня с неприкрытой враждебностью, покуда её лицо нервно подёргивалось, а ладони то сжимались, то разжимались.

"Во время войны мне было всего пятнадцать, – задумчиво произнесла девушка, – и в моей семье никто не погиб, поскольку отец был слишком стар, чтоб сражаться, а брат, наоборот, слишком молод, но я так много слышала и читала о ней, что иногда мне кажется, будто я сама там побывала. Должно быть, это было ужасающе!"

Так как я не стала комментировать их высказывания и ничего не добавила к своему изначальному краткому заявлению,

нию, разговор прекратился и снова воцарилось молчание. Но вдруг бюргерша, которая не переставала смотреть на меня глазами, полными ненависти, решительно встала и, прихватив с собой свой тяжёлый старомодный саквояж, вышла в коридор. Вскоре после этого молодая дама позвонила в колокольчик и попросила проводника помочь ей с её чемоданом, а когда они удалились и закрыли за собой дверь, я услышала, как все трое совещаются в коридоре. И хотя они говорили вполголоса, я разобрала достаточно, чтобы понять, что обе женщины просили кондуктора предоставить им другие места, при этом одна всё время произносила слово "большевичка", тогда как другая повторяла и повторяла: "Русская, русская".

"*Явóль, явóль, ихь фериште́йе*"⁶, – услышала я успокаивающий голос проводника, и потом он, судя по всему, отвёл их в другое купе, поскольку всё стихло.

А девушка, очевидно, внимательно выслушавшая всё, о чём говорили женщины, повернулась ко мне с извиняющимся смешком.

"Глупые дуры! – возмущённо воскликнула она. – Одна боится вас, считая большевичкой, а другая ненавидит как русскую, но мне всё равно. Мне действительно всё равно", – серьёзно добавила она и, пересев ко мне, близоруко всмотрелась в моё лицо.

"Вы не должны обращать на них внимания, – продолжи-

⁶ Немецкое "Jawohl, jawohl, ich verstehe" – "Да, да, я понимаю".

ла она с глазами, полными симпатии. – Видите ли, пожилая женщина потеряла обоих своих сыновей на вашем фронте и, естественно, терпеть не может *всех* русских, однако вам следует понять её и простить. Касательно же другой, что ж, она всего лишь напуганная 'дүммкопф'⁷, считающая, вероятно, что 'большевик' означает 'вор' и что её отделанный серебром чемодан, и её шелка, и кружева, и оборки не могут быть в безопасности в одном купе с вами. Просто забудьте о ней, вот и всё! И, как вы видите, я-то не сбежала и по-настоящему рада знакомству. Пусть вы и русская, но наши страны больше не пребывают в состоянии войны, а это значит, что вы мне не враг. И вы точно не большевичка, так как большевичка не выглядела бы столь хилой и жалкой", – добавила она, густо покраснев.

И хотя после пережитого за последние дни моё состояние нельзя было назвать весёлым, я не могла не рассмеяться над последним замечанием, сделанным ею в мою защиту: "Слишком хилая и жалкая, чтобы выглядеть как большевичка!" Это был оригинальный комплимент, но, по крайней мере, хотя бы один человек попытался сказать мне что-то доброе. И тогда эти ставящие в тупик новые проблемы, которые стали возникать с того самого дня, как я покинула Россию, внезапно нашли в моём сознании своё разрешение, заключавшееся в том, что теперь русские совершенно определённо не были в чести за границей – во всяком случае, в этой части

⁷ Немецкое "dummkopf" – "тупица".

Европы. Мне стало интересно, будет ли так же и в Англии, но, впрочем, я уже начала осознавать, что, какие бы трудности ни ждали меня впереди, во время этого путешествия я, безусловно, проходила прекрасную школу, наиболее эффективно готовившую меня ко встрече с ними.

Остальная часть пути прошла без происшествий. Я благополучно пересекла границу, спокойно прошла таможню, изумившись вежливости бельгийцев, которые, казалось, не возражали против того, что я русская, и прибыла в Остенде ранним утром – как раз вовремя, чтобы успеть на пароход до Дувра. Так как море выглядело очень беспокойным, я осмотрительно ограничилась на причале чаем и сухими тостами, одновременно с тревогой наблюдая за тем, как многочисленная британская семья, сидевшая за соседним столом, поглощала один из самых обильных, которые я когда-либо видела, завтраков.

Отец решительно убеждал свой выводок набить в себя еды как можно больше и даже довольно резко осадил свою жену, робко попытавшуюся протестовать. Когда я встала из-за стола, они всё ещё флегматично жевали, и я не могла не задаться вопросом, как они будут чувствовать себя, когда выйдут в море. И на него очень скоро был получен ответ, поскольку сразу после отплытия из Остенде судно стало немилосердно качать, и первыми, кто почувствовал последствия этого, были члены той самой британской семьи, которая, к несчастью, расположилась вблизи от моего шезлонга. Чтобы

избавиться от них и от других страдающих морской болезнью пассажиров, я побрела прочь и поднялась на шлюпочную палубу. Там, цепляясь за маленькую железную лесенку и в течение всего перехода оставаясь недвижимой, будто кариадная роstra⁸ на носу древнего фрегата, я пела во весь голос, покуда ветер развевал мои юбки и дождь хлестал мне в лицо. Это время, проведённое там наверху, вдали от всех и наедине с дождём, ветром и морем, издававшими столько шума, что я не слышала собственного голоса, было просто волшебным. И даже насквозь промокнув, я не заметила этого, пока мы не высадились на сушу.

⁸ Резная деревянная женская фигура.

Прибытие в Лондон

В Дувре я дрожала, отряхивалась и сушилась, как могла, но самым поразительным стало то, что я не простудилась и даже ни разу не чихнула после эдакого плавания сквозь ноябрьский шторм.

В корабельном поезде⁹, идущем в Лондон, я безотрывно глядела в окно, дабы не упустить ни единой детали моей первой встречи с Англией. Проносившийся мимо сельский пейзаж казался мне до боли знакомым, будто я не единожды видела её прежде. И пока я смотрела и смотрела, мне чудилось, что я слышу голос старой Наны¹⁰, снова и снова описывающий мне её родину, в то время как я сидела рядом с ней на огромном диване в моей детской и умоляла: "Ох, ну, ещё чуточку, Нана, расскажи мне ещё что-нибудь", – всякий раз, когда она делала очередную паузу в своём повествовании. Да, всё-всё выглядело именно так, как она описывала много лет назад, и словесные картинки, которые она нарисовала тогда, оказались удивительно реалистичны.

⁹ Поезд, идущий в порт или из него с целью удобной и быстрой доставки пассажиров между городским вокзалом и кораблём, паромом или круизным лайнером. Стоимость проезда в таком поезде обычно включается в общую стоимость путешествия.

¹⁰ Для тех, кто не читал роман *"Миры Эры. Книга Первая. Старая Россия"*: Наной все в семье Скарятиных называли английскую няню Ирины, мисс Дженнингс.

"Когда-нибудь ты поедешь в Англию, Пташка, в страну, где растут голубые колокольчики, – мечтательно говорила она, – и тогда ты вспомнишь всё, что я тебе рассказала".

"Но мы же поедem вместе, Нана", – кричала я, обвивая руками её шею, а потом горько рыдая после её тихого ответа. "Нет, Пташка, ты поедешь одна, ведь к тому времени я уже буду лежать глубоко в земле".

Тягостные впечатления детства, ранящие, словно була-вочные уколы, даже по прошествии стольких лет.

Первое, что поразило меня, когда поезд прибыл в Лондон, – это запах, типичный английский запах, который Нана всегда привозила с собой обратно в своих кофрах. Стоило ей открыть их (первый был маленьким, коричневым и жестяным, другой же – гораздо больше размером, чёрным, с медными гвóздиками по краям и надписью "Харриет Изабелла Дженнингс", написанной сверху золотой краской), как я тут же улавливала лёгкую волну этого странного и чуждого аромата, заставлявшего моё сердце биться чаще по какой-то неведомой причине, которую я ни за что не смогла бы объяснить.

"Запах, лондонский запах приехал!" – кричала я, возбуждённо пританцовывая вокруг кофров, пока Нана доставала и аккуратно раскладывала свои вещи. Там были подарки для всех – никто и никогда не был забыт – и лакомства, настоящие английские вкусности, которые я так нежно люблю по сей день. Сливовые пудинги, деликатесы из рубленого мяса,

джемы и желе – одно за другим она извлекала их, а я стояла рядом, благоговейно затаив дыхание. Из своей последней поездки она привезла мне шёлковый пояс в шотландскую клетку и атласную белую с позолоченной каймой рамку для фотографий.

Эти кофры были самыми первыми предметами багажа, увиденными мною в жизни, и даже сейчас, лишь заслышав, как кто-то говорит "кофр", я сразу представляю себе маленький коричневый жестяной сундучок Наны и его более крупного чёрного собрата. И печаль, и радость приносили они в мою жизнь: печаль – пронзительную, трагическую, душевраздирающую, – когда Нана собирала их перед отъездом в отпуск, и неопишемую радость, когда она распаковывала их по возвращении. Немудрено, что на перроне в Лондоне мне почудилось, будто я вновь стою рядом с открытым багажом Наны, вдыхая глубоко и восторженно мой любимый с детства аромат.

Несмотря на то, что из Дувра я отправила своей сестре извещавшую о моём прибытии телеграмму, так вышло, что та была доставлена лишь после того, как я уже добралась по её адресу, и потому никто не встретил меня на вокзале. Итак, я, прождав некоторое время и ничего не зная о метро и иных дешёвых способах передвижения, доехала до Голдерс-Грин¹¹, где жили Ольга и её муж¹², взяв кэб в ущерб

¹¹ **Комментарий Ирины:** "Мой Парк" – так в шутку называл его доктор Голдер. **Комментарий Алексея:** Название района в Лондоне, дословно означаю-

своему скудному кошельку.

Мои первые впечатления были самыми ободряющими. Мне сразу понравился Голдерс-Грин, поскольку он напоминал картинки из книг Кейт Гринуэй¹³, и я была просто очарована внешним видом маленького коттеджа своей сестры. Но, увы, меня тут же ждало горькое разочарование. Не знаю почему, однако я представляла себе, что буду жить в комнатке, которая станет моим личным уголком, – некоей крошечной спальне с решётчатым окном, камином и парой-тройкой предметов старомодной английской мебели, включая один из тех причудливых умывальников с большой фарфоровой чашей и кувшином. Вместо этого меня отвели в единственную спальню, которая имелась в домике, и любезно объявили, что она будет моей до тех пор, пока я не найду подходящее жильё в каком-нибудь другом из коттеджей Голдерс-Грин. А тем временем Ольга и Георгий поночуют в доме своих друзей Миллингтонов. Это меня ужасно огорчило. Возможно, потому, что в течение нескольких месяцев, с того

щее "Парк Голдера". Для тех, кто не читал роман *"Миры Эры. Книга Вторая. Крах и Надежда"*: доктор Голдер был тем человеком, что спас Ирину от смерти, вытащив её, совершенно больную, из тюрьмы, обеспечив достойное лечение и позже организовав ей отъезд из России.

¹² Для тех, кто не читал роман *"Миры Эры. Книга Первая. Старая Россия"*: Ольга – вторая по старшинству из четырёх детей в семье Скарятиных (на 9 лет старше Ирины), которая вскоре после революции вместе с мужем, графом Георгием Павловичем Беннигсенем, и сыном Леонтием эмигрировала в Англию.

¹³ Одна из наиболее известных в XIX веке британских иллюстраторов детских книг.

момента как было принято решение, что я уеду из России и присоединюсь к своей сестре в Лондоне, я грезила о маленькой отдельной комнате, которая наконец-то стала бы моим постоянным пристанищем и местом покоя после долгих лет скитаний. Ведь с 1914-го года, когда я, уйдя из родительского дома, поселилась в госпитале, где работала и училась, у меня больше не было своего собственного угла. В последний же год мечта о нём буквально стала навязчивой идеей.

На следующий день я испытала новое разочарование, увидев, сколь бедны были Ольга и Георгий, и поняв, что стану для них лишь обузой, сопряжённой с лишними тратами. Пусть поначалу я и могла платить за себя сама, но было ясно, что те скромные деньги, которые у меня ещё оставались, очень скоро закончатся и что, не найди я срочно хоть какую-то работу, мне придётся сесть им на шею. Эта мысль была просто невыносима, однако в то же время я так устала, так безнадёжно устала после всего, что мне пришлось пережить за последние восемь лет войны и революции, что сама перспектива незамедлительного погружения с головой в трудовую деятельность приводила меня в ужас. Конечно же, я и подумать не могла о том, чтобы занять их спальню больше чем на одну ночь, и в тот же день пустилась на поиски жилья. К счастью, Миллингтоны предложили разместить меня в своём коттедже, предоставив мне крошечную мансарду за пятнадцать шиллингов в неделю, включая завтрак. Ужинать я должна была у сестры, и таким образом моя новая жизнь

в Англии была как-то налажена.

Вскоре я всё-таки начала искать работу, но в тот период, зимой 1922-23-го годов, это было чрезвычайно сложно сделать, поскольку, во-первых, была высокая безработица и среди самих англичан, да к тому же большое число русских эмигрантов, прибывших задолго до меня, имело право на приоритетное трудоустройство. Мало-помалу я впала в глубокую депрессию: в моей комнате было холодно и сыро, мои сбережения таяли, я не могла найти возможность их пополнить. И я не только рисковала в скором времени стать нахлебницей сестры, но даже и не могла надеяться скопить нужную сумму, чтобы поехать к своей маленькой дочурке, жившей тогда вместе с бабушкой (матерью моего бывшего мужа) на юге Франции, куда они бежали из России в 1917-ом году. В течение пяти лет я не знала, жива она или нет, а потом, добравшись до Англии и услышав, что с ней всё в порядке, не имела ни единого шанса к ней отправиться! Пребывая в полном отчаянии, вот что я записала в своём дневнике 22 ноября 1922-го года:

"Я снова пишу, потому что, когда я пишу, я не чувствую себя такой несчастной. А я очень несчастна, отчаянно и безысходно. Всё так безнадежно, и я постоянно спрашиваю себя: почему я всё ещё жива, и для чего мне вообще жить?"

Но, похоже, на эти вопросы нет ответов. Те, кого я любила больше всего, мертвы; я потеряла всех и вся, но зачем-то продолжаю тянуть свой век. Мои дни пусты, мозглы и тоск-

ливы, будто и моя жизнь тоже умерла. Так какой же смысл существовать подобным образом, и что ждёт меня в будущем? Одиночество, бедность, страдание, болезнь, богадельня? О, если б я только могла покончить со всем этим! Я так надеялась найти здесь покой как для тела, так и для души и сумею забыть прошлое. Но эта надежда обернулась всего лишь мечтой, которой никогда не суждено было сбыться, растаявшим в воздухе замком в Испании. Здесь, как и в России, ровно те же мелкие заботы о хлебе насущном и работе, которую так трудно найти. Все мои деньги истрачены, и придётся занять три фунта у Ольги, которая и сама на мели ... А что потом? Брать займы снова и снова *'ад инфинитум'*¹⁴? Нет, это не выход – лучше смерть. Я хочу научиться печатать на пишущей машинке, но найду ли я тогда, куда устроиться, коли тут миллионы безработных? А без денег как я могу поехать к Марии и привезти её сюда? Даже если б я наскребла достаточно средств на дорогу, то как я могу просить её разделить со мной такую бедность? Зачем я вообще уехала из России? Было бы намного лучше остаться – ведь, по крайней мере, там я смогла бы найти какую-то работу в своём госпитале, либо же АРА¹⁵, возможно, предложила бы мне место переводчицы или специалистки в составе её медицинского

¹⁴ Латинское "ad infinitum" – "до бесконечности".

¹⁵ "Американская администрация по оказанию помощи" (по-английски, АРА – American Relief Administration) – организация, наиболее известная своим участием в оказании помощи Советской России в ликвидации голода 1921-1923-го годов, в которой работал доктор Голдер.

персонала. И опять же, даже в той убогой комнате, которую я снимала, у меня была своя мебель, свои вещи ... во всяком случае, я спала в своей постели, а если бы заболела, то пошла бы в свой госпиталь, где знакомые врачи и медсёстры вылечили бы меня бесплатно, тогда как тут даже страшно представить, что будет, доведись мне захворать. Либо Ольге придётся оплачивать мои расходы, либо я получу лишь благотворительную помощь, что предоставляют нищим пациентам. Всё это похоже на ночной кошмар. Как бы я хотела никогда не уезжать из России!

Кто бы мог подумать, что здесь меня ждут те же проблемы, если не бóльшие, что и там? Мне так же зябко в этой узенькой конурке, частенько я так же голодна, а что касается моей одежды – что ж, надо ещё поискать того, кто выглядел бы более потрёпанным. Надо же, лишь совсем недавно я с нетерпением предвкушала, что облачусь в совершенно новые наряды, и злорадствовала при мысли, что тут же выброшу все эти убогие тряпки. Какая ирония судьбы и какое разочарование! Но жизнь, как видится, полна ими. Конечно, Ольга и Георгий весьма милы и добры ко мне, но мысль о том, что приходится быть для них обузой, страшит меня, и потом, как говорил Тургенев: 'Нет ничего печальнее, чем сидеть на краю чужого гнезда'. Когда я с ними, я всю стараюсь быть весёлой, а оставаясь одна, всё время плачу, хотя и понимаю, что слёзы делу не помогут".

"Я не могу прозреть своё будущее, – написала я через па-

ру дней. – Я слепа, слепа, и единственное, что помогает, – это запомненные с детства слова: 'Я поведу слепых дорогою, которой они не знают, неизвестными путями буду вести их; мрак сделаю светом пред ними, и кривые пути – прямыми: вот что Я сделаю для них и не оставлю их'¹⁶".

Исподволь мои чувства стали представлять собой странную смесь. Я любила Лондон и Голдерс-Грин, наслаждалась долгими прогулками, осмотром достопримечательностей, читала всё, что попадалось под руку, про Англию, дабы как можно больше проникнуться местной атмосферой, и была рада общению с сестрой после стольких лет в разлуке. С другой же стороны, тот факт, что у меня не имелось ни денег, ни работы, и это вынуждало занимать у Ольги, что я не могла навестить свою маленькую дочь, что я была скудно одетой и частенько замёрзшей и голодной, заставлял меня ужасно страдать. В общем, полная сумятица ощущений, когда в одну минуту я с восторгом наслаждалась чем-то типично английским, а в следующую затягивала потуже пояс, покупая булочку, дабы притупить чувства голода. После почти пятилетнего острого недоедания в России мой организм, видимо, внезапно стал нуждаться в большем количестве пищи, и завтраки Миллингтонов вкупе с ужинами Ольги, хотя и были бы для меня достаточными в обычных обстоятельствах, судя по всему, не были в состоянии удовлетворить эту возросшую потребность.

¹⁶ Книга пророка Исаии, глава 42, стих 16.

Фотография графа Георгия Павловича Беннигсена в форме рядового Англо-Карельского легиона и его жены Ольги Владимировны Скарятиной (Лондон, 1919-й год).

Русская диаспора

Вскоре после своего приезда я попала на аудиенцию к вдовствующей российской императрице Марии, жившей в ту пору со своей сестрой, королевой Александрой, в Мальборо-хаус¹⁷. Мои отец и мать были всю свою жизнь, со времён их юности, глубоко преданы императрице, прибывшей тогда в Россию в качестве царевны, и я знала, что они одобрили бы мой порыв немедленно поехать и повидаться с нею. Кроме того, как бывшая фрейлина, я считала своим долгом попросить о встрече и поэтому написала об этом её придворной даме – графине Менгден. В назначенный день я, не имея никаких обновок, как могла, почистила свою старую одежду и отправилась в Мальборо-хаус, попутно прихватив с собой авоську, поскольку намеревалась купить немного еды на обратном пути. Однако сразу по выходу из метро я наткнулась на киоск с весьма заманчиво выглядывшими овощами и яблоками по удивительно низкой цене и, не желая упускать такую возможность, купила всего понемногу, позже с пол-

¹⁷ Мария Фёдоровна (при рождении Мария София Фредерика Дагмар) – супруга российского императора Александра III и мать Николая II. Была дочерью Кристиана, принца Глюксбургского, впоследствии ставшего королём Дании. Её родная сестра Александра была супругой британского короля Эдуарда VII. Их сын Георг V имел портретное сходство с Николаем II. Мальборо-хаус – особняк на улице Пэлл-Мэлл в Лондоне, построенный с восточной стороны Сент-Джеймского дворца в первые годы XVIII века.

ной авоськой продолжив свой путь ко дворцу. Дойдя до ворот Мальборо-хаус, я была остановлена импозантного вида охранником, спросившим, кто я такая, куда направляюсь и кому именно намереваюсь нанести визит.

"Я графиня Ирина Владимировна Келлер, и мне назначен приём у Её Величества вдовствующей императрицы России", – ответила я со всем достоинством, на какое была способна, надеясь произвести на вопрошавшего должное впечатление. Тем не менее тот, всем своим видом выражая подозрение и надменно оглядев мой потёртый костюм и авоську, довольно резко велел подождать, пока он совершит звонок. Но буквально через минуту он вернулся и с улыбкой и поклонами попросил меня следовать за ним через двор. У входа в здание он передал меня другому статному слуге, который проводил к лифту в степенной и величавой манере, хотя тоже искоса кинул пару неодобрительных взглядов на мою обувь и сетку с овощами. Поначалу меня в своих покоях приняла графиня Менгден, а затем попросила оставить там мою знаменитую сумку и отвела к императрице. Я не видела её с зимы 1917-го года и была потрясена, сколь хрупкой та стала. Она продержала меня у себя больше часа и была очень добра, много расспрашивая о последних годах жизни моих родителей, о моих собственных злоключениях во время и после революции, об отъезде из России и рассмеявшись, когда я описала своё прибытие в Мальборо-хаус с сумкой овощей. Потом она поведала мне несколько коротеньких

историй о тех днях, когда они с моими родителями были молоды, рассказала мне, как сильно их любила, и даже немного всплакнула, когда я подарила ей старинную фотографию, где те были запечатлены в день своей помолвки.

"Как хорошо я помню их выглядевшими именно так, – сказала она, грустно улыбаясь. – Ваша мама была прелестна – одна из самых очаровательных женщин, которых я когда-либо знала, – и ваш отец был тоже красив. А как прекрасно он играл на фортепьяно! Вы знаете, раньше мы довольно часто музицировали в четыре руки, а потом бежали кататься на коньках или съезжать с ледяных гор. Это было ужасно давно, а кажется, будто только вчера".

Когда я прощалась с нею, низко присев в реверансе и целуя её руку, она тепло обняла меня и благословила, сказав: "Я делаю это в память о моих старых друзьях – ваших дорогих родителях. *Он сувенир ду во шер парён¹⁸*", – повторила она, когда с глазами, полными слёз, я, пятясь, покидала её гостиную.

Позже она прислала мне свою последнюю фотографию, подписав её теми же самыми словами. Эта карточка с тех пор всегда стоит на моём столе.

Вскоре после моей первой аудиенции у вдовствующей императрицы я нанесла визит её старшей дочери, великой княгине Ксении. Та тоже была добра ко мне, и на протяжении

¹⁸ Французское "En souvenir de vos chers parents" – "В память о ваших дорогих родителях".

всей зимы я довольно часто бывала у неё, искренне её полюбив.

Подаренная Ирине фотография вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны (Лондон, 1922-й год).

В её доме на Принцесс-Гейт я встретила немало старых друзей, коих не видела с давних лет, и оттого было вдвойне приятно вновь пообщаться со всеми ними. Тогда же я очень сошлась с её фрейлиной Софьей Дмитриевной Евреиновой – совершенно очаровательной женщиной. Так что в целом я провела много счастливых часов на Принцесс-Гейт.

Каждый субботний вечер и каждое воскресное утро я садилась в автобус, ехавший из Голдерс-Грин в центр Лондона, чтобы посетить русскую церковь. Стоило мне переступить порог, как сразу возникало ощущение, что я вновь в России, а всё остальное – революция, изгнание, Англия, Лондон – это части фантасмагорического сонма событий и мест, лишь привидевшегося мне в моём воображении. Справа от центрального прохода, чуть-чуть впереди всех, обычно стояли императрица Мария – стройная и прямая, несмотря на свой возраст, – и вдовствующая королева Греции Ольга в своих любимых, ниспадающих до земли драпировках, а также великая княгиня Ксения и другие члены императорской семьи. И куда бы я ни кинула взгляд, я видела лица друзей и знакомых – некоторые выглядели ужасно бедными и потрёпанными, тогда как другие всё ещё умудрялись поддерживать приличный вид. После окончания службы и ухода императрицы

вся русская диаспора разбивалась возле церкви на небольшие, близкие по духу кучки, беседуя, обмениваясь новостями и договариваясь о будущих встречах. Конечно же, все говорили по-русски, и потому ощущение пребывания в России сохранялось до тех пор, пока я вновь не оказывалась на улицах Лондона, идя в направлении автобуса, отвозившего меня обратно в Голдерс-Грин.

В первые дни после моего прибытия из России многие мои соотечественники, основная масса которых покинула страну вскоре после революции, с нетерпением расспрашивали обо всех новостях из Петрограда и выглядели очень разочарованными и не доверявшими тому, как я описывала политическую ситуацию, выражая своё твёрдое убеждение в крепнущей день ото дня силе советского правительства. У большинства эмигрантов тогда сложилось ошибочное мнение, что в ближайшем же будущем большевики будут свергнуты, а все они смогут вернуться в Россию, к своему прежнему образу жизни, нарушенному в 1917-ом году, однако подлежащему полному восстановлению, будто никогда и не было революционной интерлюдии. Некоторые из них и вовсе были крайне раздражены тем, что я отказывалась с ними соглашаться, даже обвиняя меня в пробольшевистских взглядах. Теперь, когда я пишу эти строки, время доказало, что я была права, и прошло уже целое десятилетие без какой-либо вменяемой попытки низвержения новой власти.

Мне также поступал ряд предложений прочитать лекции

или написать о моём послереволюционном опыте в России, но поскольку я дала слово доктору Голдеру, что не буду этого делать в течение семи лет (это было одним из условий, которые выдвинуло советское правительство, когда тот просил дать мне возможность выехать из страны), я, естественно, отказалась от всех подобных запросов, ни разу не выступив публично и не написав ни единой газетной статьи. Как ни странно, несколько лет спустя я получила через доктора Голдера послание от видного большевика – одного из тех, кто подписал разрешение на мой отъезд, – в котором он поздравлял меня с тем, что я сдержала обещание, доказав своё "благородство" в истинном смысле этого слова.

Не имея права читать лекции и писать, я, тем не менее, стремилась внести свой вклад в дело по оказанию помощи, ведь я знала так много людей в Петрограде, отчаянно нуждавшихся в еде и одежде. И тогда я связалась с рядом вспомогательных ассоциаций, снабдив их всеми именами и адресами тех петроградцев, кому, на мой взгляд, сильнее всего требовалась забота. Помимо АРА в России и Фонда Нансена, выдающуюся работу вела и замечательная английская организация по отправке в Россию продуктовых наборов и одежды для страждущих.

В те дни я частенько виделась со старой подругой моей матери, леди Карнок – в прошлом леди Николсон, супругой сэра Артура Николсона, бывшего посла Великобритании в России. После своего возвращения на родину сэр Артур был

провозглашён лордом Карноком – отсюда и изменение их имён. Они жили в очаровательном доме в Кадоган-Гарденс, и там я тоже провела много восхитительных часов, поскольку лорд Карнок обладал необычайно блестящим умом, а его жена была сама доброта. Разумеется, мы беседовали большей частью о старых временах в Петербурге, когда я была ещё совсем девчушкой и обычно встречалась с леди Карнок в гостиной своей матери. Именно тогда (в те давние дни), обычно во время вечернего чаепития, лакей подходил к двери моей классной комнаты и торжественно объявлял, что их сиятельство просят меня сей же час пожаловать в их будуар. Поспешно вскочив из-за письменного стола и извинившись перед учителем, я причёсывалась, мыла руки и неслась по длинному коридору, переходя на степенную походку, как только входила в гостиную. Здесь я заставляла свою мать восседающей в окружении гостей за маленьким чайным столиком. Сделав с серьёзным видом реверанс каждой даме в отдельности, подставив щёки для поцелуев, ответив на обычные вопросы, я затем, повторив все реверансы ещё раз, покидала комнату, двигаясь прямо, как стрела, и так скромно, как только могла, пока не выходила за дверь. Благополучно скрывшись из виду, я снова бежала по длинному тёмному коридору, громко топая ногами в экстазе свободы. У двери же своей классной комнаты притормаживала и входила в соответствии с утверждённым порядком. Однако туда я прибывала, уже задыхаясь, с раскрасневшимися щеками и рас-

трёпанными волосами, к полному неудовольствию моей гувернантки, неизменно говорившей: "Ты бегаешь как сумасшедшая! Когда же ты научишься вести себя, как подобает юной леди?"

Я кротко извинялась и, приведя в порядок волосы, снова принималась за свой урок. Обычно такой перерыв случался лишь единожды, но бывало, что моя мать посылала за мной снова, если приезжала какая-то из её подруг, которой она особенно хотела меня показать. Хотя дамы в гостиной моей матери в общении со мной раз за разом прибегали к клише, у меня всё равно были как свои любимчики, так и те, кто мне не нравился. Инстинктивно я понимала, кто из них искренен, а кто нет, и, соответственно, испытывала либо симпатию, либо неприязнь. Неподдельная доброта и чистосердечие леди Карнок безусловно привлекли меня с первой нашей встречи. После того, как состоялся мой первый выход в свет, она устроила в мою честь великолепный бал в британском посольстве, где я получила несказанное удовольствие, впервые в своей жизни вальсируя с таким количеством молодых английских джентльменов. Один из них – юноша примерно моих лет – даже в конце вечера сделал мне предложение и, казалось, был по-настоящему огорчён, когда, поблагодарив его за оказанную честь, я ответила решительным отказом. После этого он ещё долго писал мне, а когда я вышла замуж, прислал в качестве свадебного подарка компактный, отделанный золотом саквояж. Подобно старой деве, живу-

щей прошлым, я улыбаюсь при воспоминаниях об этом всякий раз, когда слышу его имя, и задаюсь вопросом, на ком же он в конце концов женился?

Помимо Карноков, той зимой в Лондоне я общалась и со многими другими интересными людьми: леди Мюриэл Пейджет, основавшей во время войны свой госпиталь в Петрограде и проделавшей там бесценную работу; сэром Бернардом Пэрсом, историком и журналистом; миссис Нестой Уэбстер, известной писательницей; отцом Беллом, секретарём архиепископа Кентерберийского; отцом Нейпиром Уиттингемом; представителями семейства Тюдор-Поул и прочими. Мне даже назначали встречу с министром иностранных дел Великобритании лордом Керзоном, желавшим узнать у меня о политической ситуации в России и о преследованиях Церкви, но из-за моего обещания хранить молчание в течение семи лет мне пришлось отказаться от приглашения. В каком-то смысле моя жизнь в те дни была чрезвычайно интересной, и лишь когда я оказывалась одна в своей крошечной спальне, муки возвращались.

"Мне так холодно сегодня ночью, так холодно, – снова писала я в своём дневнике. – Всё, к чему я прикасаюсь в этой комнате, похоже на лёд, и туман просачивается сквозь щели в окне. Как бы хотелось развести огонь, но я не могу! Во-первых, в камине больше нельзя жечь уголь, так как он переоборудован под использование газа; во-вторых, я бы даже не осмелилась беспокоить мисс Хоу, главную горничную, про-

ся его растопить, ведь у меня нет лишних денег, чтобы заплатить за это. Итак, *'ан нуан се ту'*¹⁹, как говаривала моя гувернантка, и именно по этим причинам я сейчас замерзаю. Раздеться в этой комнате – сущее мучение, но ещё мучительнее пытаться согреться в постели, потому что простыни холодные и влажные, и единственный возможный способ заснуть – это завернуться в одеяло, как мы привыкли делать в России во время революции. Я пробовала пользоваться грелкой, но всё закончилось обморожением, ведь однажды она протекла и моя постель промокла насквозь. По ночам я одеваюсь во всякие странные вещи: свитер, постельные чулки и даже свою старую оренбургскую шаль²⁰. Часто, как глупый ребёнок, я плачу и плачу от холода. Надо же было покинуть Россию, чтобы так же страдать и здесь!

И я голодна; прямо сейчас, в эту самую минуту я голодна, и мне нечего есть. Я очень рано поужинала в 'Дейри Экспресс', и, очевидно, мне недостаточно этого, чтобы продержаться всю ночь. И с каждым днём я выгляжу все потрёпаннее: моё единственное чёрное платье приобретает красновато-ржавый оттенок, как и моя шляпка, и мои каблуки стоптаны, и я потеряла зонтик, а потому, когда идёт дождь, я в своей старой меховой курточке похожа на мокрую курицу. Я плохо сплю и несколько раз просыпаюсь, недоумевая, что произошло. Сначала я не понимаю, где я, но потом вспоми-

¹⁹ Французское "un point ç'est tout" – "и на этом всё".

²⁰ **Комментарий Ирины:** Их прислал мне доктор Голдер.

наю, и начинается мучение. Возможно, этот шок от пробуждения, за которым следует поток болезненных воспоминаний и полное осознание того, куда меня занесло, является самой невыносимой частью всех двадцати четырёх часов".

3 декабря

"Скоро мне опять придётся брать займы у Ольги. За две недели я потратила все её три фунта. Это было слишком сумасбродно, и я должна сократить свои расходы".

10 декабря

"Мои волосы опадают, как осенние листья. Если так будет продолжаться и дальше, то скоро на моей голове не останется ни волоска. Не станет ли тогда ржавая шляпка наконец наилучшим дополнением к 'плешиной макушке'?"

14 декабря

"Я в последнее время неважно себя чувствовала и вот сегодня решила-таки обратиться к врачу. Тот сказал: 'Не волнуйтесь, побольше отдыхайте и хорошо питайтесь. И я рекомендую поездку в Италию!' Этими здравыми советами он довёл меня до истерики. Почему он не предложил отправиться в круиз на моей личной яхте?"

Базар, бал и прочее

В декабре в Чёшем-хаус, бывшем до революции посольством Российской империи, состоялся организованный эмигрантским сообществом "Русский базар". Великая княгиня Ксения любезно пригласила меня торговать за её столом, и я с радостью согласилась. Было весело собраться вместе с моими старыми друзьями и знакомыми в большой бальной зале бывшего посольства, оживлённо помогать расставлять столы, радостно вернуться в чисто русскую атмосферу. Главным смыслом базара было продать свои спасённые от революции собственные вещи, а затем отдать определённый процент от выручки в пользу российских благотворительных обществ по оказанию помощи. Ювелирные украшения, золото, серебро, кружева, миниатюры, эмаль, нагрудники и портсигары, усыпанные драгоценными камнями, веера, маленькие фигурки из нефрита и хрусталя, ножи для бумаги, пепельницы, рамочки, ручки для зонтиков (в основном из уральских самоцветов) – вот что выставлялось на столах. Лично я привезла с собой кое-что из вещей моей сестры и несколько мелких безделушек, которые доктор Голдер любезно доставил мне в своём багаже из России. Было трогательно видеть, какие надежды возлагались на ожидаемую продажу личных аксессуаров, замечать рвение торгующих, тревожный блеск в их глазах, произвольную дрожь их рук – ведь сбыт каждой

вещи в большинстве случаев означал пищу, одежду, тепло и всё самое необходимое для жизни, – а позже становиться свидетельницей восторга по поводу успешной распродажи или горького разочарования, когда всё заканчивалось и приходилось упаковать свой товар и отвезить домой до следующего базара. После нескольких таких мероприятий мы уже так хорошо знали о принадлежностях друг друга, что с волнением спрашивали: "О, а где же ваш золотой портсигар, он продан? Кто-нибудь купил ожерелье из сердолика? А что стало с хрустальным слоном?"

А чего стоит мучительное возбуждение с кульминацией радости или отчаяния, если потенциальный покупатель подходит к столу и осознанно начинает разглядывать разложенное!

"О, прошу тебя, Боже, пожалуйста, Боже, пожалуйста! Заставь его купить что-нибудь", – молилась я молча, но неистово, чуть не падая в обморок, когда принадлежавший мне предмет замечали, трогали, брали в руки и внимательно осматривали.

"Сколько это стоит?" – затем слышала я чей-то голос и в оцепенении неуверенно называла цену.

"Действительно, очень красиво. Я подумаю", – продолжал голос, постепенно удаляясь в небытие, пока его обладатель двигался к следующему столу, и тогда я думала, что больше не выдержу ни минуты и разрыдаюсь прямо здесь и сейчас. Но иногда, хотя и крайне редко – в моём случае все-

го дважды – голос говорил: "Действительно, очень красиво, и я думаю, что согласен это купить", – и тогда прилив радости, неистовой, первобытной, непередаваемой радости чуть не сбивал меня с ног от мысли о том, что наконец-то произошло хоть что-то хорошее!

Как-то в Чешем-хаус был дан русский бал, и мне пришлось столкнуться с проблемой выбора подходящей одежды. Поскольку на новый бальный наряд нельзя было потратить ни пенни, я позаимствовала простое чёрное шёлковое платье с туфлями и чулками в тон у своей подруги Елены Бобринской-Бутурлиной. Не посещав ни одного бала с зимы 1914-го года, я волновалась, словно перед своим первым выходом в свет, и едва могла усидеть на месте в вагоне метро, в котором ехала на этот раут. В своём нетерпении я бегом проделала весь путь от станции до Чешем-хаус, и когда добралась туда, мне всё это показалось сном: чудное убранство посольства, очаровательная великая княгиня Ксения, стоявшая на верхней площадке лестницы и встречавшая поднимавшихся гостей, мужчины и женщины в вечерних туалетах, музыка, цветы, духи и мой первый вальс с моим старым другом генералом Хартманом. А потом случилось нечто, вдребезги разбившее этот сон. Когда я блаженно плыла под звуки популярного старинного русского вальса мимо дверного проёма, где стояла группа людей, наблюдавших за танцующими, княгиня Мерика Голицына слегка коснулась моего плеча.

"Одну минуту, пожалуйста! – прошептала она. – Я должна вам кое-что сказать", – и когда я, прервав танец, присоединилась к ней, та любезно произнесла: "Вы, очевидно, забыли надеть под платье нижнее бельё, и когда поднимаете руки, с обеих сторон открывается вид до самого вашего живота".

В ужасном замешательстве я огляделась вокруг, чтоб узнать, заметил ли кто-нибудь ещё мой непристойный наряд, и увидела, что многие люди смотрят на меня, весело улыбаясь. Красная от стыда и ослеплённая слезами, я, подбежав к своему партнёру по танцу, прошептала: "Пожалуйста, извините, но мне нужно починить своё платье", – а затем бросилась вниз по лестнице в гардеробную, где, к счастью, никого не оказалось. Рухнув в кресло, я разрыдалась. Какой ужас, что самые первые мгновения отрады, выпавшие на мою долю за девять лет, закончились таким позорным образом! Однако вскоре мне пришлось успокоиться, так как вошли другие дамы, и тогда, украдкой вытирая слёзы, я оценила состояние своего наряда. Оно было действительно неприемлемым, поскольку, несомненно, это платье предполагалось носить поверх комбинации, ведь с обеих сторон у него были длинные разрезы, тянувшиеся от подмышек до талии. В их верхней части когда-то, очевидно, имелись застёжки, которые давным-давно оторвались, и потому единственным решением было зашить разрезы, что я и сделала, старательно работая иглой при свете лампы. Когда моя задача была выполнена и облачение готово, я надела его и вновь поднялась

наверх, однако покинувшей меня радости было не вернуть, и вскоре я, улизнув с бала, опять страдала в своей каморке в Голдерс-Грин.

Ещё одно ужасное происшествие случилось со мной парочку дней спустя, когда меня пригласили провести вечер у мадам Зиновьевой, урождённой Барановой. Одетая в старое коричневое бархатное платье, когда-то принадлежавшее моей матери и переделанное для меня Ольгой, я около восьми отправилась в направлении автобуса, который должен был довезти меня почти до Зиновьевских дверей. Тогда выдался дивный тёплый вечер, и я основательно насладились прогулкой по Голдерс-Грин до остановки даблдекера, а позже и поездкой на его открытой верхней палубе. Прибыв к месту назначения, я сбежала вниз по винтовой лестнице и как раз в тот миг, когда автобус был готов тронуться, спрыгнула с площадки. Не успев понять, что происходит, или предотвратить это, я приземлилась прямиком в середину гадкого вида лужи. В смятении я уставилась на свою обувь, гадая, что же мне делать, как вдруг заметила неподалёку клочок травы. Отчаянно бросившись к нему и сняв обе туфли, я снова и снова тщательно вытирала их о зелень. В конце концов, рассудив, что они достаточно хорошо почищены, и надев их, я подошла к дому Зиновьевых и позвонила в дверь. В гостиной, где уже собралось много людей, хозяйка дома, радушно поприветствовав меня, пригласила сесть рядом с ней на диван у камина. Но не успела я просидеть и пяти минут, как стала

замечать странный неприятный запах, исходивший, видимо, со стороны пола у моих ног. Внезапно, вздрогнув от ужаса, я поняла, что это пахнут мои туфли, постепенно высушиваемые жаром огня, и что с каждой секундой это отвратительное амбре становится всё сильнее и сильнее. Ошеломлённая, я повернулась к хозяйке с намерением объяснить ей, что случилось, и попросить отвести меня в гардеробную, где я могла бы как следует отмыть свою обувь и, возможно, на время надеть её пару, пока моя сохнет, когда, к своему смятению, увидела, что та, приложив к носу надушенный платок, корчит кому-то напротив неё страшные гримасы, как бы говоря: "Я не могу этого больше выносить – это слишком мерзко!"

По какой-то причине эта пантомима полностью парализовала меня, и несколько секунд я смотрела на хозяйку, не в силах вымолвить ни слова. Затем, даже не осознавая, что делаю, я вскочила с дивана и, выдохнув: "До свидания, и спасибо за такой приятный вечер", – выбежала из комнаты и из дома на улицу. Там, забыв и об автобусе, и о направлении, в котором мне нужно было идти, я некоторое время ковыляла вслепую, пока мне не пришлось остановиться от полного изнеможения. Придя наконец в себя, я обнаружила, что практически заблудилась, и мне пришлось протопать не одну милю, чтоб найти нужную остановку. Оказавшись в безопасности на верхней палубе, я заплакала, и крупные слёзы стыда и унижения текли и текли по моим щекам. И даже оказавшись дома, я проплакала всю ночь напролёт, ворочаясь и

всхлипывая в состоянии крайнего отчаяния. Я так потом и не объяснила мадам Зиновьевой, что приключилось, и она, вероятно, по сей день мучается догадками о причинах вони и странного поведения её кратковременной гостьи.

Незадолго до Рождества, желая купить несколько подарков, я решила продать одно из ювелирных изделий, ранее припрятанных по моей просьбе и привезённых мне из России, – аквамаринный кулон в бриллиантовой оправе на тонкой платиновой цепочке. По совету друзей однажды утром я понесла его к известному ювелиру и, пройдя несколько раз мимо его великолепного магазина и наконец решив довести до конца неприятное дело, робко вошла внутрь. У двери меня встретил обходительный менеджер, который, улыбнувшись, вежливо поклонился и спросил, чего я желаю. Преодолев свой страх, я ответила так храбро, как только смогла, что желаю оценить небольшое украшение, которое намереваюсь продать. Улыбка менеджера мгновенно исчезла, спина выпрямилась, и надменным взмахом руки он коротко указал мне следовать за ним. Я покорно повиновалась и с капельками холодного пота на лбу и драгоценностью, крепко зажатой в липкой руке, потрусилась за ним в небольшую внутреннюю комнатку в задней части заведения. Здесь мне было сказано подождать, пока не придёт оценщик. Через пару минут менеджер вернулся в сопровождении другого мужчины, и тот, даже не взглянув на меня, сразу бросил: "Ну, и где оно?"

"Вот, извольте", – ответила я голосом, который определённо не был похож на мой, и, стараясь – по всей видимости, безуспешно – казаться безразличной, протянула ему дрожащими пальцами кулон.

"Хм, – сказал мужчина, холодно глядя на него, – хм, сколько вы за него хотите? И, – продолжил он, переведя свой леденящий взгляд на моё лицо, а затем позволив ему скользнуть по моей поношенной одежде, – как он попал в ваше распоряжение? Знаете ли, вам придётся это объяснить".

"О, это отнюдь не сложно, – был мой ответ. – Я русская, меня зовут графиня Ирина Келлер, и я купила это изделие у великого придворного ювелира Фаберже в 1916-ом году".

Последовало недолгое молчание, во время которого мужчины многозначительно посмотрели друг на друга, а затем менеджер с полуулыбкой, которая вовсе не была приятной, сказал: "Докажите это, мадам, нам нужны доказательства".

На минуту я растерялась, гадая, с кем из друзей мне связаться, дабы тот подтвердил мою личность и что я действительно говорю правду. В конце концов я решила назвать имя леди Карнок.

"Позвоните ей, – сказала я предельно высоко-мерным тоном, на который была способна. – Она подтвердит вам, что я графиня Ирина Келлер и что драгоценность действительно принадлежит мне".

Менеджер снова исчез, однако вскоре вернулся, попросив меня – на этот раз довольно вежливо – пообщаться с уже

ожидавшей на другом конце провода леди Карнок.

"Это вы, моя дорогая? – раздался в трубке приятный знакомый голос. – После разговора с этим джентльменом я испугалась, что, возможно, кто-то в ювелирном магазине выдал себя за вас, вот почему я захотела сначала вас услышать. Я так рада, что вы додумались позвонить мне; скажите этому человеку, чтобы он немедленно опять со мной переговорил!"

Очевидно, то, что она потом ему сказала, оказалось крайне убедительным, так как после короткой беседы с ней менеджер вновь посмотрел на меня с подобострастной улыбкой.

"Всё в порядке, графиня, – произнёс он тем же учтивым голосом и с таким же лёгким поклоном, как в начале нашего общения, – и вы должны извинить нас за эту маленькую формальность, но вы знаете, что в наши дни происходит много странненьких вещей, и, естественно, мы должны себя обезопасить".

"Естественно", – согласилась я, всё ещё пытаюсь казаться спокойной и безразличной, но при том отчаянно желая промчаться сквозь этот кошмарный магазин и исчезнуть из него навсегда. Тем не менее мне предстояло до конца пройти через испытание, связанное с оценкой кулона, а затем с продажей или отказом от неё. Увы, несмотря на улыбки, поклоны и мурлыканье менеджера, мне в итоге предложили всего восемь фунтов, и, будучи уже слишком напуганной и расстроенной, чтобы спорить, я приняла деньги, оставив аквамарин в руках мужчины и навеки покинув это место.

Примерно в те же дни произошло изумительное событие. Миллингтоны, владельцы дома, где я снимала комнату, любезно предложили мне поехать с ними в их коттедж в "Хантсе"²¹ недалеко от Грейшота²² и провести там рождественские каникулы. Я была вне себя от счастья, так как всю свою жизнь мечтала увидеть настоящее английское Рождество, и сразу с энтузиазмом приняла приглашение. Было решено, что я поеду с ними в автомобиле, арендованном специально для этого случая, и останусь там на всё время до их возвращения. Моя сестра и её муж, приехав через несколько дней, проживали в соседней гостинице. От начала и до конца это было одним из самых приятных впечатлений, которые я получила в Англии, и я никогда его не забуду. Утром в день нашего отъезда автомобиль прибыл ни свет ни заря, и наши чемоданы крепко-накрепко привязали верёвками сверху и сзади него. Когда всё было готово, мы все взволнованно разместились внутри: мистер и миссис Миллингтон, мисс Хоу, Тимми (силихемский терьер) и я. Выехав через пригороды Лондона на шоссе, мы развили, как мне, не садившейся в автомобиль уже много лет, показалось, головокружительную скорость, но, вероятно, это был всего лишь наиболее комфортный и разумный темп движения. Я высунула голову в окно, твёрдо решив увидеть всё, что только возможно. Мы

²¹ Историческая аббревиатура названия графства Хэмпшир.

²² Деревня на границе графств Хэмпшир и Суррей в 46 милях (чуть более 74 километров) к юго-западу от центра Лондона.

проезжали через настолько типично английские деревушки и городки, что у меня буквально перехватило дух, и я была готова громко закричать от чистого восторга! Время пролетело слишком быстро, и я была поражена, когда автомобиль, внезапно сбавив скорость и свернув с шоссе в узенький проезд, остановился и Миллингтоны в один голос гостеприимно воскликнули: "Милости просим в наш коттедж, добро пожаловать!"

Это было прелестное маленькое местечко – из тех, о которых можно только мечтать. Очень древнее, построенное, вероятно, полтора века назад или даже больше, живописно расположенное на склоне холма и окружённое деревьями и кустарниками, – оно навело меня на мысль о днях настоящей старой "Доброй Англии".

Мне выделили уютную комнатку, в точности похожую на ту, о которой я грезил много-много лет, с побелёнными стенами и совсем простой старинной английской мебелью. Из своего окна я могла видеть ветви величавой старой сосны, и ночью, когда звёзды просвечивали сквозь эти ветви, пейзаж, который обрамляло это окно, был так прекрасен, что я, сидя на своей маленькой кровати, смотрела и смотрела на него, пока мои глаза не смыкались и я не засыпала. Всё в этом коттедже было полно очарования: спальни на верхнем этаже, гостиная внизу, где был большой камин, перед которым мы всегда готовили еду, кухня и каждый укромный уголок. Сразу за домом находился старомодный колодец, где я каж-

дый день помогала мистеру Миллингтону вручную накачивать воду, а также садовый сарай, где тот хранил свои инструменты и пропадал часами. Местность вокруг была живописна, и я часто совершала долгие прогулки, исследуя её во всех направлениях. Неподалёку располагалась знаменитая "Чаша для пунша дьявола" – огромная территория, где земля провалилась в форме гигантской чаши, – а ещё "Коттедж сквайра Брума"²³, названный так потому, что более двухсот лет его владельцы изготавливали мётлы. Да и сама деревня была причудливой и архаичной, и я часто заходила в её единственный магазин, покупая "бычьи глаза" и иные сладости. Рождество прошло истинно по-английски, и я живо помню, как красиво звучали церковные колокола, весело трезвонившие в полночь. Церковные мессы, рождественские гимны, рождественский ужин и "святочное полено"²⁴ – программа была всеобъемлющей, так что я видела, слышала, обоняла и пробовала на вкус всё предложенное с ощущением, что живу во времена мистера Пиквика и мистера Пекснифа²⁵. Но время пронеслось как один миг, и моё сердце было разбито, когда настал день возвращения в Лондон, в мою мансарду в Голдерс-Грин.

²³ По-английски "broom" означает "метла".

²⁴ Традиция сжигания в очаге особо подобранного чурбачка.

²⁵ Литературные персонажи, созданные известнейшим английским писателем Чарльзом Диккенсом в первой половине XIX века.

Дела налаживаются

В январе мне улыбнулась удача. Князю Сергею Долгорукову понадобился перевод некоторых важных документов, и он предложил мне возможность ему помочь. Поскольку бумаги были составлены на самых разных древних языках – славянском, греческом и иже с ними, – мне приходилось проводить много времени в читальном зале Британского музея, что мне необычайно нравилось, так как такая работа была близка мне по духу, а также я встретила там немало чрезвычайно интересных людей. Место, которое я обычно занимала, находилось между креслами пожилого японского профессора и юной студентки-индуски, и за время нашего общения я довольно хорошо узнала их обоих. Японец был настоящим философом, и после многочасовой работы мы выходили за пределы музея и долго беседовали на всевозможные абстрактные темы. Его идеи и точка зрения на жизнь, похоже, сильно помогали мне, и я с нетерпением ждала наших почти ежедневных диалогов. Индийская студентка оказалась чудеснейшей девушкой, смотревшей на мир широко открытыми, одухотворёнными глазами и неизменно носившей свой национальный костюм. Она тоже демонстрировала недюжинные философские способности, частенько присоединяясь к нам на портике музея и в спокойной и исполненной достоинства манере выражая свои суждения серьёз-

ными, взвешенными и гармоничными словами. Пару раз она приглашала меня в свои апартаменты и там, под аккомпанемент самобытного продолговатого струнного инструмента, называемого "ситар", весьма глубоким и красивым голосом исполняла много индусских напевов. В каком-то смысле их мотивы напоминали мне наши русские народные песни, и даже не только мотивы, но и то, как она их пела, что в конце концов вполне естественно, если принять во внимание соседство Индии и России. Я часто в прошлом, в нашем поместье в Троицком, слушала крестьян, певших в саду, певших в поле, певших всегда – будь то за работой или во время игр, и в основном заунывные, протяжные мелодии, хотя иногда перераставшие и во что-то удалое, – а потом записывала ноты этих песен и играла их на фортепьяно. Таким образом я собрала их довольно много, и, как ни странно, два из исполненных ею индусских напевов были как две капли воды похожи на два русских мотива, что я когда-то сохранила. Наряду с народными песнями имелась и ещё одна связующая нить – наша общая любовь к Рабиндранату Тагору. Она часто декламировала его стихи, и тогда я, прикрыв глаза и внимая ей, представляла, что чудесный, бросивший вызов времени и пространству ковёр-самолёт несёт меня на любимую скамейку моей матери в её розовом саду, где та всегда сидела, часами читая те же строфы. Всю свою жизнь, с того дня, как ей исполнилось шестнадцать, и до самого конца, она записывала в специальный блокнот те мысли, что ей больше

всего понравились в каждой прочитанной книге, и за два дня до своей смерти в Ревеле она вывела на одной из последних страниц такие слова Тагора²⁶: "Тише, моё сердце! Пусть будет сладостен час разлуки! Пусть не смерть это будет, а завершение".

Мне было жаль, когда эта работа была завершена и больше не оставалось причин ежедневно ходить в Британский музей. Но всё равно притяжение было слишком велико, и время от времени я вновь оказывалась в своём старом кресле или очень расстраивалась, если кто-то другой занимал его раньше меня. Сергей Долгоруков заплатил за мою работу весьма достойную цену – двадцать пять фунтов, и я снова смогла стать независимой, больше не беря займы у Ольги. Тогда же я нашла другое жильё в коттедже на Эдисон-Уэй – улице, где жила моя сестра. И вот что я записала в своём дневнике вскоре после переезда: "Я так счастлива – я обнаружила столь милую комнатку за семнадцать шиллингов в неделю в доме рядом с Ольгой. Стены выкрашены в ярко-розовый цвет, есть настоящий камин, в котором моя хозяйка каждый день разводит огонь, и большая блестящая латунная кровать с бело-розовым покрывалом да в придачу удобное плетёное кресло. Окно большое, но без щелей, и расположено на солнечной стороне дома. В комнате много света, и потому она

²⁶ Из сборника стихотворений в прозе под названием "Садовник", вышедшего в Англии в 1913-ом году (в собственном переводе Тагора с бенгальского на английский). В России книга была напечатана в следующем 1914-ом году в переводе с английского В. Спасской.

выглядит весёлой и яркой. Прямо под ней находится кухня, что делает пол приятным и тёплым. С тех пор как я переместилась сюда, я прекрасно сплю, так как мне совсем не холодно, и, кроме того, получив хорошие деньги за свою работу, я достойно питаюсь и больше никогда не голодна, что является важным подспорьем. Последние полмесяца выдались весьма тяжёлыми, ведь у меня было всего три шиллинга в неделю на обеды и дополнительные расходы в промежутках между завтраками Миллингтонов и ужинами Ольги, но теперь всё в полном порядке, и я чувствую себя действительно комфортно.

На моих стенах нет ничего, кроме одной фотографии, вырезанной из газеты и имеющей название 'Дух весны', – я разместила её над камином. Я обожаю её, ведь она полна движения, жизни и надежд на лучшее".

И хотя со своей четвертью сотни фунтов я стала "богатой", однако всё равно изо всех сил старалась найти новую возможность подзаработать, практически каждый день штудирю объявления и подавая заявки. Но куда бы я ни пошла, мне казалось, что я постоянно опаздываю, вероятно, потому, что я жила так далеко, в Голдерс-Грин, и лондонские девушки всегда меня опережали, раз за разом раздражающе оставляя позади. Помню, однажды я зашла к леди Карнок с объявлением, только что вырезанным из газеты. В нём говорилось, что пожилой слепой мужчина желает воспользоваться услугами дамы моложе тридцати пяти, обладающей прият-

ной внешностью и мягкими манерами, в качестве секретарши или что-то в этом роде. Я направлялась к нему в надежде пройти отбор и, с гордостью показав бумагу леди Карнок, объявила о своём намерении подать заявку на эту должность. И была крайне расстроена, когда та всплеснула руками в испуганном протесте.

"Но, моя дорогая, вам не следует туда идти, – вскричала она. – Тут что-то не так! Зачем слепому мужчине в качестве секретарши молодая женщина приятной наружности, если он не может видеть, как она выглядит? Нет, вы должны пообещать мне, что не пойдёте к нему". И, видя, как она взволнована, я пообещала.

Несколько раз благодаря лорду Карноку я посещала парламент, но однажды, не имея пропуска и всё же очень желая послушать речи о России, я отправилась туда в надежде, что мне посчастливится встретить кого-то из знакомых, кто проведёт меня внутрь. Тем не менее надежда эта осталась втуне, и я стояла внизу, думая безутешно, что единственное, что мне остаётся, – это поехать домой, как вдруг ко мне подошёл симпатичный джентльмен и вежливо спросил, может ли он чем-то помочь.

"Меня зовут Марди Джонс, и я член парламента от Понтипридда²⁷, – сказал он. – Видя, как вы стоите здесь с несколь-

²⁷ Томас Исаак Марди Джонс был шахтёром, сыном и внуком валлийских шахтёров, погибших при добыче угля. Поднялся в рядах Лейбористской партии, будучи включён туда от Федерации горняков Южного Уэльса, и стал членом парламента от Понтипридда – избирательного округа в Уэльсе – в 1922-ом году.

ко, если так можно выразиться, потерянным видом, я подумал, что, вероятно, мог бы оказаться полезным".

"О да, – восторженно воскликнула я, – если вы член парламента, вы, конечно, можете мне помочь! У меня нет пропуска, и всё-таки я жажду услышать, что будут говорить о России. Видите ли, я русская, и меня зовут Ирина Скаряткина-Келлер, – продолжила я, предъявляя в качестве доказательства свой английский паспорт, который неизменно носила с собой в сумочке. – Я неоднократно бывала в парламенте благодаря английским друзьям, но сегодня забыла попросить их достать для меня пропуск. Как вы думаете, вы могли бы устроить так, чтобы я туда попала?"

"Разумеется, – галантно ответил мистер Джонс. – Ну, разумеется, я могу вас провести". Через пару минут всё было улажено, и я очутилась на галерее, внимая одной из самых интересных речей о России, которые мне когда-либо приходилось слышать. К тому же мой "парламентский проводник" один раз даже пришёл посмотреть, всё ли со мной в порядке. И хотя я никогда больше его не видела, должна сказать, что он был одним из самых любезных людей, встреченных мною в жизни.

Иногда я ходила в Гайд-парк послушать тамошних ораторов, и тирады некоторых из них доставляли мне истинное удовольствие. Для меня это был интересный этап английской уличной политики (я редко слушала религиозных проповедников), да к тому же очень забавляла невозмути-

мость "бобби"²⁸, спокойно, не шелохнувшись, переносивших самые оголтелые бунтовские призывы. Только однажды я наблюдала, как один из них рывкнул: "Эй, эй, придержи язык!" – когда пришедший в экстаз коммунист-балабол перешёл все границы дозволенного.

Однажды я встретила у своей сестры известного писателя Стивена Грэма. Во время войны он бывал у Ольги в её орловской усадьбе и в целом знал Россию довольно неплохо. Он пригласил меня на обед в паб "Старый чеширский сыр", и мы долго сидели там, беседуя о России. Безусловно, тот день вошёл в число моих самых незабываемых в Лондоне.

Как уже было сказано выше, среди моих самых больших наслаждений было время наедине с собой, отданное осмотру достопримечательностей и погружению в английскую атмосферу. Когда наступила весна – типичная английская весна с её буйством колокольчиков и нарциссов, – я, покинув музеи и церкви, стала чаще выбираться за город. Ричмонд, Кью-Гарденс, Хэмптон-Корт, Виндзор, Мейденхед – я разъезжала повсюду, обычно на верхней палубе даблдекера, и, сойдя с него, часами ходила пешком во всех направлениях. Голдерс-Грин с его цветущими деревьями тоже тогда был особенно прекрасен, и даже метро стало чрезвычайно привлекательным благодаря большим плакатам, ярко изображавшим сезонные цветы.

Невзирая на волшебство того периода, было то, что пор-

²⁸ Прозвище английских полицейских.

тило всё удовольствие, – мои сбережения неумолимо таяли. И вот что девятнадцатого мая я записала в своём дневнике:

"Я напугана, очень напугана. Мои средства снова заканчиваются, и осталось всего три фунта, а я так и не нашла работу. Что же мне теперь делать?"

Две недели спустя, когда я медленно шла домой по Эдисон-Уэй, размышляя о своих финансовых проблемах, достигших той точки, когда все деньги, что у меня имелись, составляли шестипенсовик в кармане, я увидела мужчину с четырьмя малышами, сидевших на траве перед моим коттеджем. Подойдя ближе, я заметила, что все они были крайне бедно одеты – почти в лохмотья – и что на их лицах были безошибочные признаки голода. Когда я поравнялась с этой жалкой маленькой группкой, мужчина внезапно поднял на меня глаза и, с неприкрытым страданием в них, но не говоря ни слова, протянул ко мне ладонью вверх руку. За эту короткую секунду на его лице отразилась целая гамма эмоций: мольба, извинение, отчаяние и затаённый стыд.

"Это ваши дети?" – спросила я, и моё сердце сжалось от жалости, ведь я слишком хорошо понимала его чувства, поскольку часто испытывала их и сама.

"Да, мой", – ответил он низким благовоспитанным голосом.

"А ваша жена?"

"Мертва", – прошептал он и, отвернувшись от меня, опустил руку.

Этот жест, полный отчаяния, стал последней каплей, и в тот момент я внезапно почувствовала себя игроком. "Если есть над нами Сила, – подумала я, – то она позаботится обо мне прямо сегодня, в этот самый вечер, стоит лишь отдать этому человеку мои последние шесть пенсов". И, не говоря больше ни слова и бросив монетку на траву рядом с ним, я убежала в дом.

"Благослови вас Бог, леди!" – услышала я его крик и, выглянув в окно и увидев, как он улыбается доброй и честной улыбкой, поняла, что поступила правильно.

Весь тот вечер я просидела в своей комнате, лихорадочно ожидая чего-то. В десять часов, как раз когда мой эмоциональный подъём стал спадать и я собиралась ложиться спать, в дверь постучала моя хозяйка.

"Кто-то оставил это для вас сегодня, когда вас не было дома, – сказала она, – а потом я забыла его передать, когда вы вернулись", – и протянула мне запечатанный конверт. Вскрыв его дрожащими от волнения пальцами, я прочитала следующие слова, написанные миссис Стрейкер, моей американской подругой: "Ваш веер был продан вчера за десять фунтов, и я прилагаю чек".

Итак, я получила убедительное подтверждение, что чудеса случаются даже в наши дни.

Крутой оборот

В начале июня 1923-го года ход моей жизни изменился полностью и бесповоротно. Это произошло следующим образом. Однажды вечером я сидела в гостиной своей сестры и читала, как вдруг мой зять, оторвавшись от своей книги, ни с того ни с сего произнёс: "Сегодня ко мне в офис приходила американка" (он тогда работал в бывшем российском консульстве, где было организовано что-то вроде бюро по трудоустройству, пытавшегося искать места для безработных россиян), "и она спросила, знаю ли я какую-нибудь русскую женщину, молодую и из хорошей семьи, которая согласилась бы поехать с ней в Америку, чтобы учить её французскому языку".

"Где в Америке её дом? Как она выглядит? Как её зовут? В каком отеле она остановилась?" – спросила я обо всём, что успело промелькнуть в моей голове.

"Что ж, – расхохотавшись, промолвил он, – Как много вопросов, на которые нужно ответить! Дай-ка подумать: она живёт в маленьком городке на Среднем Западе; она довольно пожилая и некрасивая, но одевается весьма элегантно и помолодёжному; её зовут миссис Хиппер, и она остановилась в отеле "Савой". Но с чего вдруг такой внезапный интерес? Не желаешь ли ты рассмотреть эту вакансию?"

Но я так часто разочаровывалась в своих бесконечных по-

пытках найти работу, что решила промолчать, оставив свои мысли при себе. На следующий день я, облачившись в коричневое пальто и шляпку в форме капора (приобретённую на первые заработанные деньги), отправилась в отель "Савой". Там я спросила у портье, где мне найти миссис Хиппер, и тот сказал, что её только что видели в вестибюле, поэтому он пошлёт молодого консьержа с табличкой её отыскать. Пока мальчик шёл, громко выкрикивая её имя, я разглядывала дефилировавших по фойе многочисленных женщин, пытаюсь угадать, которая же из них миссис Хиппер.

"Господи, пусть это будет не она!" – молча взмолилась я, увидев ту, которая мне особенно не понравилась. Это была престарелая особа с рыжеватой копной волос, близорукими глазами в сильных очках, слегка пятнистым цветом кожи и крайне раздражённым выражением лица, будто она только что унюхала запах какой-то гадости и никак не могла от него избавиться. Она была одета очень модно, имея на себе много драгоценностей. И вот, когда мальчик проходил мимо неё, та повернулась к нему и что-то сказала. Моё сердце ухнуло в пятки. В следующую минуту мальчик вернулся и, попросив следовать за ним, подвёл меня именно к этой женщине.

"Ну, – бросила та, сморщив нос и оттого приняв ещё более обескураживающий вид, – кто вы такая и чего хотите?"

Я назвалась, объяснив, что я свояченица графа Б., с которым она разговаривала о том, чтобы найти русскую преподавательницу французского языка, и хотела бы подать заявку

на эту должность, обсудив с ней все детали.

"Очень хорошо, – сказала она хрипло и шмыгая носом, будто у неё была сильная простуда, – если вас прислал граф Б., я полагаю, с вами всё в порядке. Вы можете прийти ко мне в апартаменты завтра утром в десять. Нынче я занята, и у меня нет для вас свободного времени", – а затем, повернувшись ко мне спиной и даже не кивнув на прощание, двинулась восвояси.

С пылающими щеками и выскакивающим из груди сердцем я выбежала из "Савоя", твёрдо решив не возвращаться туда следующим утром. Но когда оно наступило и мой настрой был более философским, я, надев пальто и шляпку, снова отправилась в отель. Ровно в десять часов я была там, попросив доложить обо мне миссис Хиппер. Пришёл ответ, что я должна подождать, пока за мной не пришлют. Четверть одиннадцатого, половина одиннадцатого, без четверти одиннадцать, одиннадцать – вызова всё не было. Мои щёки снова горели, сердце билось столь громко, что я могла его слышать, руки были холодными и липкими, а в горле стоял ком. В конце концов в десять минут двенадцатого меня сопроводили наверх и ввели в гостиную миссис Хиппер. Та, одетая в ярко-розовое чайное платье, сплошь усыпанное блестящими камнями, читала чьё-то письмо, откинувшись на спинку дивана. И едва взглянула в мою сторону, когда я вошла.

"Минуточку", – сказала она так же сипло, как и накануне, не пригласив меня сесть и даже не поздоровавшись.

Я демонстративно огляделась в поисках стула, но каждый из них был завален разнообразными свёртками всех форм и размеров, и тогда я поняла, что мне решительно не на что сесть, кроме как на пол. Продолжая стоять у двери, я уже собралась высказать ей всё, что думаю о её манерах, а затем выйти из комнаты, как вдруг она ко мне повернулась.

"Ну, и что вы там стоите? – раздражённо спросила она. – Подойдите-ка сюда, к изножью дивана, чтобы я могла вас видеть. И прежде всего покажите мне свои рекомендации".

Я уставилась на неё в недоверчивом изумлении.

"Мои рекомендации?" – в ужасе ахнула я; затем, вспомнив, что это всё-таки обсуждение возможного найма на работу, взяла себя в руки и тоном, звучавшим, как я надеялась, бесстрастно и по-деловому, продолжила: "Ах, да: для начала это мой зять граф Б., с кем вы уже встречались, и генеральный консул России господин Ону, и лорд и леди Карнок, и великая княгиня Ксения, и вдовствующая императрица России, а также многие американцы, которых я знаю, – вы можете их всех обо мне расспросить".

"Хорошо, я расспрошу, – буркнула она, изучая свои розовые ногти, а затем, решив, вероятно, что я привираю или насмехаюсь, надменно добавила, – а мой поручитель – президент Хардинг! Надеюсь, это вас устроит. А теперь вы можете идти, но перед этим напишите список всех названных вами людей, и если их мнение о вас меня удовлетворит, я с вами свяжусь. Кстати, если я найму вас, то ваша зарплата

составит сто долларов в месяц, и вы не будете столоваться со слугами".

"Но я не собираюсь наниматься к вам, ни за что на свете!" – возмущённо воскликнула я, окончательно выведенная из себя её последней репликой, а затем с гордо поднятой головой покинула её номер. Весь тот день из-за такого со мной обращения я была на взводе и, желая успокоиться, отправилась в Кью-Гарденс, где очень долгое время просидела под огромным цветущим кустом.

Прошло несколько дней, и я уже стала забывать о том ужасном инциденте, когда однажды вечером получила записку следующего содержания:

"Дорогая Графиня, надеюсь, что вы перемените своё решение и вновь поговорите со мной. Я думаю, мы сможем предложить вам сто пятьдесят долларов в месяц.

Искренне ваша,
Белла Хиппер".

Это послание пришло в психологически важный момент, поскольку как раз тогда случилось нечто крайне болезненное, что заставило меня отчаянно желать сыскать источник пусть небольшого, но постоянного дохода. Посему, спрятав свою гордость в карман и голову под кáпор, я в третий раз за десять дней двинулась в направлении отеля "Савой". На этот раз меня приняли без каких-либо проволочек, и, зай-

дя в гостиную миссис Хиппер, я даже удостоилась хриплого: "Доброе утро". Однако, прежде чем мы успели сказать что-то ещё, к нам присоединился мистер Хиппер и с этого момента полностью взял на себя руководство процессом. Он сразу произвёл на меня благоприятное впечатление, понаравившись гораздо больше своей супруги. Для начала он предложил мне стул и сделал несколько уместных замечаний о погоде. Потом заговорил об Америке, объявив, что ни одна другая страна не может с ней сравниться, с энтузиазмом описал свой родной городок на Среднем Западе и наконец перешёл к сути дела.

"Мы имели беседы с несколькими другими претендентками, включая княжну Т., но Белла считает, что вы подходите лучше всех. Если вы согласитесь приехать, то мы будем платить вам сто двадцать пять долларов в месяц, покроем все ваши дорожные расходы и найдём вам приличное место для проживания неподалёку от нашего дома. Что же касается вашего питания, то вы определённо не будете есть вместе со слугами".

Моим первым порывом было расхохотаться, так как всё это выглядело весьма чудным и потешным, но потом, вспомнив про то, как трудно было найти какую-либо работу в Англии, и про мою ставшую навязчивой потребность ежемесячно зарабатывать достаточно денег, чтобы прилично себя содержать, не задумываясь всякий раз, где же взять следующую горсть пенни, я решила согласиться на его предложение.

ние. Как только я сказала об этом, он вскочил и пожал мне руку, тепло воскликнув: "Это прекрасно! Рад, что вы будете с нами!" – а потом даже слегка похлопал меня по спине, тогда как миссис Хиппер смотрела на это с холодным осуждением.

"Довольно, Хайрам, совершенно не обязательно приходиться в такое возбуждение и вести себя подобным образом, – раздражённо заметила она, вновь скорчив одну из своих фирменных гримас, которую дополнили ярко-алые пятна на обеих щеках. – А теперь оставь Мадам (поскольку дома мы, разумеется, будем называть вас 'Мадам', а не 'Графиней') наедине со мной. С тобой же мы увидимся позже". После чего мистер Хиппер ещё раз пожал мне руку, сказав довольно печально: "Ну, я думаю, мне пора. До свидания и удачи, Графиня – я хотел сказать, Мадам", – и с улыбкой и множеством дружеских кивков покинул комнату.

"Итак, Мадам, – начала свою речь миссис Хиппер, – Я хочу, чтобы вы чётко понимали своё положение. Прежде всего, я не желаю, чтобы там знали, что у вас есть титул, поэтому к вам всегда будут обращаться: 'Мадам'. И вы не будете жить в нашем доме, но, как сказал мистер Хиппер, мы найдём вам комнату в городе и место, где столоваться. Однако завтракать вы будете вместе с детьми. У нас есть две маленькие приёмные дочери, и я желаю, чтобы они тоже выучили язык, поэтому во время завтрака вы будете говорить с ними по-французски. Разумеется, их няня будет также присут-

ствовать за столом. Она милая девушка и составит вам хорошую компанию. Сразу после завтрака вы будете приходить ко мне в гостиную и уже там учить меня. И я буду брать вас с собой в поездки по городу и за покупками, чтобы непрерывно общаться на французском. В полдень у вас будет один час на обед, а затем вы продолжите выполнять свои обязанности до тех пор, пока я не сочту нужным отпустить вас домой. Ох, да, чуть не забыла – я не думаю, что потребуются какие-либо беседы с мистером Хиппером, кроме *'бонжюр, мёсье'* или *'бонсуар, мёсье'*²⁹. Ваши деловые отношения будут исключительно со мной. А теперь до свидания – я дам вам знать, когда потребуется ваше присутствие для окончательных приготовлений", – после чего она взяла в руки газету, а я в оцепенении вышла из номера.

Пару дней спустя я получила от неё очередную записку с просьбой на следующее утро прибыть в "Савой", чтобы вместе с ней и мистером Хиппером отправиться к генеральному консулу Соединённых Штатов. Войдя в вестибюль, я обнаружила, что они меня уже ждали, и без дальнейших проволочек мы направились в консульство. Там нас принял генеральный консул – чрезвычайно вежливый и обаятельный мужчина, которого я уже встречала ранее в домах своих американских друзей. Он, похоже, был немного удивлён, узнав о моём намерении поехать на год в родной городок Хипперов

²⁹ Французское "bonjour, monsieur" и "bonsoir, monsieur" – "добрый день, сэр" и "добрый вечер, сэр".

на Среднем Западе, и поведал нам, что, поскольку квота на русских учителей на данный момент уже выбрана, я, судя по всему, не смогу отплыть на следующей неделе на "Мавритании"³⁰ вместе со своими работодателями.

"Но, – предложила миссис Хиппер, – если она не может плыть в роли учительницы, вероятно, нам стоит выдать её за нашу горничную или кухарку".

Я, чуть не свалившись при этих словах со стула, принялась яростно протестовать, говоря, что даже яичницу толком пожарить не умею и потому не буду знать, что делать, если в иммиграционной службе, заподозрив меня, прикажут приготовить ужин прямо на острове Эллис³¹! Услышав это, консул расхохотался, а затем, быстро вернув лицу серьёзный вид, повернулся к Хипперам.

"Разумеется, об этом не может быть и речи! Как вы вообще могли предложить такое? Помимо того, что это незаконно, было бы несправедливо ставить графиню в такое положение. Нет, к сожалению, я должен повторить, что она не сможет отплыть до 23 июня, а когда это сделает, то отправится в Америку в качестве преподавательницы и никого другого".

³⁰ Британский океанский пассажирский лайнер, принадлежавший первой и одной из крупнейших трансатлантических компаний в мире "Кьюнард Лайн" и установивший в 1909-ом году при пересечении Атлантики рекорд скорости, который в течение последующих 20 лет оставался непревзойдённым.

³¹ Остров в устье реки Гудзон в бухте Нью-Йорка, который был самым крупным пунктом приёма иммигрантов в США, действовавшим с начала 1892-го года по конец 1954-го.

Поэтому было принято решение, что Хипперы уплывут, как и планировали, на "Мавритании", а я последую за ними через две недели на первом же отбывающем 23 июня корабле. Когда с этим было покончено, мне пришлось пройти ещё через кое-какие формальности, а затем я ушла, тепло пожав руку генеральному консулу и искренне поблагодарив его за вежливость и доброту по отношению ко мне.

Водный путь в Америку

Всем моим американским друзьям не терпелось узнать результаты моего соглашения с Хипперами, и миссис Стрейкер немедленно решила, что поедет повидаться с ними, предложив взять на себя все необходимые приготовления к моему отъезду. Через два дня она триумфально появилась в моей комнате и поведала, что мои работодатели выдали ей двести долларов, коими она должна оплатить моё путешествие, а также аванс в размере половины моего месячного жалования, чтобы я смогла обновить свой гардероб. После этого моя жизнь превратилась в сплошной водоворот.

Первым делом миссис Стрейкер сходила в кассы "Кьюнард Лайн", забронировав для меня каюту на "Франконию", отправлявшейся 23 июня в свой самый первый рейс. И когда я, широко раскрыв глаза, ахнула: "Что – целая каюта для меня одной, миссис Стрейкер? Но так ли это необходимо?" – она решительно ответила: "Безусловно, да. Ты же знаешь, как важно путешествовать правильно!" И тогда я в порыве чувств обняла её, крепко прижав к себе.

Следующим шагом стало приобретение нескольких нарядов, сшитых на заказ в ателье моей русской подруги мадам Волковой. Серый трикотажный дорожный костюм с серым же шёлковым джемпером в тон, дневное платье из белого муслина, расшитое золотисто-коричневыми цветами, и самое

простое, идеально сидевшее на мне вечернее платье из чёрного шёлка – вот те вещи, что я там купила. Позже, в других местах, я приглядела и серую шёлковую шляпку с голубыми лентами, и две пары туфель – серые замшевые и чёрные атласные, – и чулки, и кое-что необходимое из нижнего белья. Я не могла позволить себе купить новое дорожное пальто, так что пришлось довольствоваться уже имевшимся коричневым столь забавной формы, что я была похожа в нём на настольный колокольчик.

Затем мне пришлось обойти всех своих друзей, чтоб попрощаться, и всё это заняло довольно много времени, поскольку у каждого из них имелось что сказать об Америке, независимо от того, бывали они там или нет, и нашлось в запасе множество советов и инструкций. Наконец великий день настал, и когда мои краткие и лёгкие сборы были завершены, я в одиннадцать часов утра выдвинулась из Голдерс-Грин на Юстонский вокзал в сопровождении своей сестры, её мужа и их сына. На вокзале я встретила Софью Дмитриевну Евреинову, любезно пришедшую вместе с другими друзьями меня проводить. В одиннадцать пятьдесят мой поезд тронулся, положив начало моему новому великому приключению – путешествию в Америку, – и я опять махала на прощание небольшой группе на перроне, точно так же, как делала это восемь месяцев назад на Балтийском вокзале, покидая Петроград и Россию и становясь странствующей изгнанницей. И снова, как и в тот раз, почувствовав

себя одинокой и несчастной, я вскоре обратилась к своей панацее от всех бед – дневнику – и вот что там записала:

Суббота, 23 июня 1923-го года

"Благослови меня Господь! Только что началась новая глава моей жизни, и я на пути в Америку. Я одна в купе и поэтому комфортно, надлежащим образом поплакала, ни на что не прерываясь. Теперь я больше плакать не в состоянии и поэтому пишу. Я чувствую себя очень сонной – плач на меня всегда так действует, – однако ж не позволю себе заснуть, поскольку желаю смотреть в окно и видеть эту часть Англии. Пока что пейзаж одинаков: пологие холмы, узкие речушки, пастбища, поля и славные коттеджи из красного кирпича, вокруг которых много цветов. Я снова думаю о Нане и снова начинаю плакать. Что бы она сказала, если б прознала, что её Пташка едет учительницей в маленький американский городок, где не знакома ни с одной живой душой? По некоей причине вместо того, чтобы стекать по моим щекам обычным образом, слёзы скапливаются на кончике моего носа и оттуда, превратившись в одну большую каплю, самым унылым образом падают на бумагу ...

Вот мы и в Ливерпуле, и поезд крадётсЯ своим путём к причалу, где пришвартована 'Франкония'. 'КрастьсЯ своим путём' – это абсолютно верное описание продвижения поезда, поскольку он ползёт едва ли быстрее улитки, будто проверяя на ошупь скрипучие рельсы. В действительности пе-

ред паровозом идёт человек! Мы тащимся мимо огромных складов, где пахнет кожей, дёгтем и мышами. Потребовалось ровно пятнадцать минут, чтоб доползти до причала. В конце концов мы останавливаемся, и в купе тут же заскакивает носильщик, дабы схватить мои вещи и загадочным образом исчезнуть вместе с ними. Как же, Боже правый, теперь мне их найти?"

Через час на борту "Франконии"

"Что ж, сойдя с поезда, я направилась пешком к 'Франконии', но довольно долго не могла на неё попасть из-за толпы зевак, пришедших поглазеть на новый лайнер перед тем, как тот уйдёт в своё первое плавание. В конечном счёте с помощью служащего я поднялась на борт, и меня отвели в мою каюту – Б34. Она истинно, безоговорочно прекрасна! В ней два спальных места, и всё выглядит таким новым и блестящим, и так вкусно пахнет свежей краской. По соседству есть ванная комната – также лично для меня. Обнаружив в каюте свой багаж, я не мешкая достала оттуда святые иконы, фотографии и книги и разложила их на столиках, придав помещению домашний и уютный вид. Это самая красивая комната, которая была у меня за последние годы, и я от неё без ума. Я была так занята распаковыванием вещей, что даже не заметила, как корабль тронулся в путь, поняв это лишь тогда, когда, выйдя на палубу, узрела, что мы уже находились примерно в трёх милях от порта. Поначалу пейзаж был не

слишком симпатичным, но теперь стал по-настоящему красив, ведь мы идём вдоль сурового и изрезанного побережья Уэльса с его высоченными скалами. Прогулявшись по палубе, я с другой стороны смогла увидеть только бескрайнюю морскую гладь. Наступила ночь – ясная и сверкающая летняя ночь, – и луна играет в прятки среди облаков. Сейчас мне почему-то пришла на память 'Баллада о Кармильхане' Лонгфелло (сказка музыканта, услышанная в придорожной гостинице)³² – одно из любимых стихотворений моего детства, которое Ольга часто читала мне наизусть. В ту минуту, когда она начинала: 'В Штрáльзунде на Балтийском море ...' – я замолкала и в безмолвном ужасе слушала жуткую историю о 'Клабаутермане, морском кобольде'³³, пронзительно вскрикивая, когда она доходила до слов:

*'Отрадой ему было их терзать,
И днём, и ночью им досаждают,
И до синяков щипать',*

– и любезно иллюстрировала это парой красочных щип-

³² "Сказки придорожной гостиницы" – это сборник стихотворений американского поэта Генри Уодсворта Лонгфелло, изданный в 1863-ем году, где изображена группа собравшихся в одной гостинице людей, рассказывающих друг другу истории. Согласно легенде, "Кармильхан" – корабль, полный золота, который был проклят, затонул и стал призраком.

³³ Клабаутерман в поверьях балтийских моряков – корабельный дух (кобольд) в виде маленького, ростом с гнома, матроса с трубкой.

ков в разных частях моего детского тела. 'Возможно, мы тоже увидим корабль-призрак' – думаю я теперь, с тревогой взглядываясь в море, залитое таинственным лунным светом. И эта мысль внезапно заставляет меня дрожать, как когда-то давным-давно, а потому, чтобы отделаться от неё, я перестаю писать и убегаю обратно в свою радостную каюту".

Тем же вечером

"Сейчас я лежу на своей койке и с наслаждением пишу при свете обычной лампы для чтения. Какой комфорт! Вечер выдался необычайно приятным, и я до сих пор радостно похихикиваю. Было забавно готовиться к ужину, мыться в этой чудесной ванной, облачаться в подходящее платье и видеть в большом зеркале, как хорошо я выгляжу. Далее последовал и сам превосходный ужин за должным образом сервированным столом, с очень вкусными блюдами, музыкой и приятными на вид людьми, а после него – чудесный лунный вечер на палубе! Уже много лет я не испытывала ничего подобного и с трудом могу осознать, что всё это не сон. Моё спальное место мягко и удобно, как колыбель, а лёгкое покачивание корабля невероятно успокаивает. Всё это слишком хорошо, чтобы быть правдой!"

Воскресенье, 24 июня

"Прошлой ночью я спала, и спала, и спала ... так, как не спала уже целую вечность – чудесным, непрерывным сном без сновидений вплоть до девяти часов утра. В десять я по-

завтракала внизу, а сейчас сижу на палубе, любуясь Куинстауном, поскольку на самом деле мы уже в Ирландии и я пропустила множество прекрасных видов из-за своего блаженного забытья. Я слышала, как кто-то за завтраком уверял, что был момент, когда в поле зрения находились оба берега – Англии и Ирландии, – и мне интересно, может ли это быть правдой. На борт поднялось много новых пассажиров, и корабль вновь отправляется в путь. Какая-то женщина кричит, что хочет быть немедленно высаженной на берег, поскольку она не знала, что 'Франкония' совершает свой самый первый рейс, а потому наотрез отказывается продолжать столь рискованное путешествие. Её увещевает один из офицеров корабля, в то же время мягко уводя куда-то внутрь. За ними следует удивлённая толпа, однако я чувствую себя слишком комфортно и счастливо в своём шезлонге, чтоб пошевелиться".

Позже

"С тех пор как мы покинули бухту, мне кажется, что мы бесконечно идём вдоль берегов Ирландии. Раньше я никогда не осознавала, насколько она велика, поскольку всегда думала о ней как о 'просто острове'. Теперь же вижу, что в действительности она маленький континент, и глубоко впечатлена. И ещё одно – она, безусловно, заслуживает своё поэтическое имя 'Изумрудный остров', являясь такой же ярко-зелёной, как Центральная Россия весной.

Ещё я, слегка поисследовав лайнер, обнаружила большой плавательный бассейн и тренажёрный зал со всеми его хитроумными приспособлениями, как то: электрической лодкой, где учатся грести, электрическими лошадьми, велосипедами и прочим подобным. Всё это выглядит крайне забавно, хотя и чуть-чуть по-дурацки, поскольку ряды потрясающих устройств наводят на мысль о парке аттракционов. Снова поднявшись на палубу, я вижу, что мы теперь в открытом море и берег Ирландии едва различим на горизонте. Что ж, сяду в свой шезлонг и напишу об этом, а позже перечитаю".

Итак, часы первого дня текли легко и приятно.

Вскоре я познакомилась со своими соседями по шезлонгу: справа от меня сидели мистер и миссис Уильям Э. Кларк, слева – мистер и миссис Фредерик Т. Во – пожилые пары из Чикаго. Позже мы сошлись с молодой английской четой – Сирилом Мюрреем и его женой, – и их другом, холостяком по имени мистер Янг, и доктором Мейтландом, судовым хирургом, который был поразительно похож на актёра Милтона Силлса. Все они оказались очень милыми людьми, и мы быстро образовали довольно дружную маленькую группу. Тишина и покой моей жизни на борту, прекрасная погода, комфорт моей каюты, превосходная еда, приятное общение с новыми знакомыми – всё это способствовало тому, что мои дни были наполнены счастьем. Это походило на временный штиль в моём преимущественно штормовом существовании, и впервые за много лет я почувствовала себя от-

дохнувшей и в мире со всем миром. Я забыла, что была бездомной эмигранткой без гроша в кармане, измученной годами страданий и направлявшейся в неизвестность. Изодня за день я жила настоящим, абсолютно не думая о прошлом и будущем, ненасытно наслаждаясь каждой минутой удовольствия и комфорта наравне со всеми остальными. Моя каюта была моим домом, точно так же, как и для других пассажиров; я ела ту же еду, что и они; у меня был такой же шезлонг, как у них; я купалась в бассейне, играла в сквош, болтала, смеялась и танцевала. И хотя у меня было всего три платья, я всё равно была прилично одета и выглядела столь же ухоженной, как и все прочие дамы. Во всех отношениях моя жизнь ничем не отличалась от жизни попутчиков. За всё было заплачено, и в ту неделю у меня не возникало никаких забот, ни о чём на свете. Никто не знал, насколько я бедна и что направляюсь преподавать французский в маленькое городишко на Среднем Западе, где буду обитать в комнатке в пансионе и "не буду столоваться со слугами", – и потому никто не снисходил до меня, никто не жалел меня, никто не сокрушался о моём бедственном положении. Это было таким облегчением просто радоваться жизни, как и все остальные, так что я всегда буду помнить это затишье в моей бурной биографии с благодарностью и вздохом сожаления, что оно прошло так скоро. Я желала бы навсегда остаться на том корабле, как на волшебном острове, где ужасы прошлого забыты, а страдания будущего неизвестны.

В последний вечер на борту, когда мы встали на якорь в Нью-Йоркской гавани до следующего утра, я обошла всё судно, прощаясь с ним, как со старым другом.

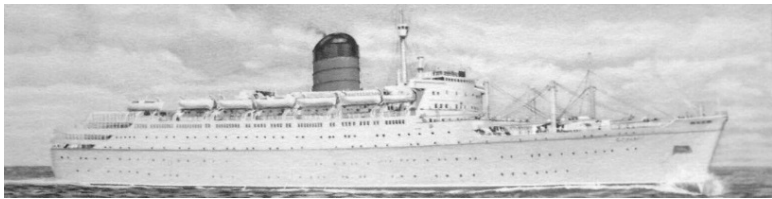
Впервые с тех пор, как мы отплыли, я не могла заснуть и допоздна просидела на палубе, полностью осознавая, что "штиль" позади и завтра мне вновь придётся столкнуться с мрачными реалиями бытия. Где-то вдалеке звучала популярная песня "Мистер Галлахер и мистер Шин", которую я впервые услышала тут, на борту, в самом-самом начале плавания, и она, таким образом, навсегда стала связана с моим первым пересечением Атлантики. Нелепые слова, которые меня ранее так забавляли, внезапно зазвучали печально и даже трагично, и с лёгким уколом боли я обнаружила, что присоединилась к далёкому хору, доносившемуся откуда-то с той стороны воды, и, слегка изменив припев, пела: "Всё закончилось, мистер Галлахер? Без сомнения, мистер Шин".

"Эй, что стряслось? – услышала я вопрос, заданный одновременно двумя встревоженными голосами, и, подняв глаза, увидела чету Мюрреев, обеспокоенно на меня взиравших. – До нас долетело ваше тихое пение, но голос звучал настолько грустно – даже несмотря на то, что вы пели эту дурацкую песню, – что мы были просто обязаны выйти и посмотреть, что с вами не так. Да и видок у вас тоже невесёлый", – продолжили они, садясь по обе стороны от меня и с тревогой вглядываясь в моё лицо.

"Так что стряслось?" – повторила миниатюрная женщина,

похлопывая меня по руке, в то время как её муж, очевидно желая подбодрить меня, со смехом крикнул: "Ну, что бы это ни было, это не очень серьёзно! Ведь трудно представить, что кто-то будет переживать за мистера Галлахера и мистера Шина, хотя, похоже, это вы и делали! Вот же потеха!"

И он был прав: это было именно то, что я делала, чуть ли не оплакивая мистера Галлахера и мистера Шина. Как ни странно, эта песня стала частью моей коллекции мелодий, каким-то образом связанных с различными периодами моей жизни, и всякий раз, как я её слышу, даже по сей день, она чуточку ранит, очень живо напоминая мне о том последнем вечере на борту "Франконии".

Изображение океанского лайнера "Франкония" на открытке трансатлантической компании "Кьюнард Лайн".

Часть Вторая. Уроки французского

Фотография Ирины, упомянутой как графиня Келлер, из статьи в газете *Чикаго Трибьюн* от 10/01/1926.

Встреча с Нью-Йорком

На следующее утро, 3 июля, я прошла все необходимые формальности, ожидающие прибывающих иностранцев, а затем, уложив свои вещи в два небольших чемоданчика, поднялась на палубу. Здесь, к своему изумлению, я была неожиданно окружена группой незнакомых молодых людей, которых раньше определённо не видела на борту, и те без каких-либо предисловий стали засыпать меня множеством удивительных вопросов:

"Каково ваше точное имя?"

"Как оно пишется?"

"Сколько вам лет?"

"Вы когда-нибудь были замужем?"

"Есть ли у вас дети?"

"Зачем вы прибыли в Соединённые Штаты?"

"Что вы думаете о нашей стране?"

"Как долго вы планируете здесь пробыть?"

"К кому вы едете?" – и так далее, одновременно доставая из карманов маленькие записные книжки и, очевидно, готовясь записывать мои ответы.

"А вы-то все кто?" – наконец удалось по-идиотски пролепетать мне, совершенно сбитой с толку и недоумевающей, что же это, чёрт возьми, за парни.

"Мы? О, мы – пресса, разве это не понятно? – ответили

они, во весь рот ухмыляясь моей глупости. – А что, разве у вас на той стороне океана нет репортёров?"

"Репортёры – ах, вот вы, оказывается, кто!" – обомлела я, теперь уж по-настоящему испугавшись, поскольку перед отплытием в Лондоне мне много поведали о жутких атаках американских газетчиков, предупредив, что те буквально заваливают человека вопросами, чтобы сделать из него "хорошую историю". Как же я вообще могла забыть эти дружеские предостережения и зачем вышла на палубу? Я дико огляделась по сторонам, надеясь убежать, но у меня не было ни малейшего шанса это сделать, так как я оказалась плотно окружена кольцом улыбающихся, однако очень решительных на вид молодых людей, явно не собиравшихся меня отпустить. В отчаянии я несколько секунд их рассматривала, и вдруг, к моему удивлению, ... они мне понравились! Выгляда необычайно весёлыми, они в то же время были сосредоточенно напряжены, будто их жизни зависели от того, получают ли они от меня хоть какой-то ответ. И несмотря на то, что они добродушно ухмылялись, выражение их глаз было испытующим, серьёзным и чрезвычайно настороженным.

"Что ж, – сказала я, тоже начиная ухмыляться, – хорошо, я расскажу вам, сколько мне лет, и как пишется моё имя, и всё прочее, но давайте пойдём туда, где никто не будет на нас пялиться и где мы спокойно сможем поболтать".

"Признаюсь, это весьма благородно с вашей стороны", – одобрительно воскликнул один из них, в то время как другой

стал спешно прокладывать нам путь в опустевший лаунж.

"Итак, – сказали они в один голос, стоило нам добрат-ся туда и сесть в круг, – вперёд!" – и так началось моё пер-вое американское интервью. Они действительно отнеслись к нему очень достойно, и, прочитав на следующий день о себе ряд приятных коротких заметок, я раз и навсегда решила, что мне определённо нравятся репортёры и я никогда боль-ше не буду их бояться.

Когда же наконец они меня оставили, дружески кивая и улыбаясь на прощание, я вновь вышла на палубу и, при-соединившись к небольшой компании знакомых, принялась наблюдать, как грандиозные небоскрёбы Нью-Йорка выри-совываются всё чётче и чётче по мере медленного прибли-жения нашего судна к причалу. И, глядя, как заворожённая, на эту огромную массу башен и зданий, и удивляясь тому ощущению, будто бы уже видела её прежде, я вдруг с содро-ганием вспомнила про таинственное происшествие, что слу-чилось со мной несколько недель назад в Лондоне, ещё до того, как началась вся эта история с моим отъездом в Аме-рику.

В тот день, договорившись в час пополудни отобедать у леди Карнок и идя от станции метро к её дому в Кадоган-Гар-денс, я, взглянув на свои наручные часы и осознав, что при-ду туда слишком рано, решила полчаса прогуляться. Мед-ленно шествуя по улице и, дабы скоротать время, изучая вит-рины магазинов, я добрела до ювелирной лавки и машиналь-

но остановилась полюбоваться на те предметы, что были выставлены за стеклом. Однако же, как ни странно, витрина оказалась практически пуста, если не считать хрустального шара приличных размеров на подставке из тонкой золотой проволоки, под которой струились складки большого куска белоснежного бархата. Это был один из тех кристаллов, в которые принято смотреть предсказателям, однако поразительно красивый, поскольку, ловя солнечные лучи, он сверкал, как огромный бриллиант или как ледяная глыба посреди заснеженного поля. Зачарованная, я не могла отвести от него взгляд, наблюдая, как тот вспыхивал словно разноцветными язычками пламени. Но вдруг солнце скрылось за облаком, и огонь в кристалле погас, сделав его вмиг тусклым и серым. Очень разочарованная тем обстоятельством, что волшебная игра света так скоро закончилась, я уже собиралась уйти, но, взглянув на шар ещё раз, в изумлении заметила, что тот уже не был тусклым и серым, а вновь изменился и, хотя не искрился и не сиял, как вначале, теперь был наполнен странными движущимися цветными полосами, которые, казалось, образовывали узоры, принимавшие определённые формы. Нетерпеливо наклоняясь и прижавшись лицом к витринному стеклу, я увидела, что смена этих цветных фигур прекратилась и в кристалле ожила достаточно отчётливая картина, чем-то напоминавшая мираж. Широкое синевато-серое пространство, похожее на воду, занимало передний план этого странного видения, в то время как за ним

явным образом вырисовывались очертания огромного могущественного города, выглядевшего в моих русских глазах фантастическим и нереальным. Едва осмеливаясь дышать из страха разрушить эти чары, я вглядывалась и вглядывалась в кристалл в течение недолгого промежутка времени, пока та оптическая иллюзия оставалась неподвижной и чёткой. Потом снова вспыхнуло солнце, и кристалл опять превратился в объятый пламенем шар. Дрожа от волнения, я помчалась обратно в Кадоган-Гарденс и, опоздав на обед на четверть часа, захлёбываясь, рассказала леди Карнок о своём диковинном приключении. Та добродушно рассмеялась, назвав меня неисправимой маленькой мечтательницей и сказав, что тоже бы очень хотела верить в существование волшебной магии. И хотя во время обеда мне пришлось вернуться к реальной жизни, говорить и вести себя так, будто ничего необычного не случилось, на протяжении всего того дня я не могла забыть хрустальный шар и причудливое видение, которое в нём разглядела. Затем, в суете подготовки к поездке в Америку, всё это постепенно стёрлось из памяти до этого самого утра, когда с палубы "Франконии" я узрела очертания странного на вид гигантского города и потрясённо поняла, что это были те же самые очертания, что предстали мне в волшебном кристалле.

"Вы очень бледны, вы хорошо себя чувствуете?" – спросила стоявшая рядом со мной миссис Кларк.

"Я уверен, что её заставляет бледнеть волнение от того,

что она впервые видит сей великий град, – весело сказал её муж. – И неудивительно – лично для моих глаз это, несомненно, потрясающее зрелище, самое прекрасное в мире!" – продолжил он, протягивая мне свой бинокль, чтобы я могла разглядеть в деталях медленно наплывавшие здания. Я ничего не ответила, в очередной раз за этот день пожалев, что не могу уйти ото всех и побыть одна, поскольку теперь была плотно зажата с трёх сторон толпами пассажиров, тоже вышедшими посмотреть на Нью-Йорк. Поэтому мне пришлось остаться стоять на занятом ранее месте у поручней.

Но, как частенько случалось в тот самый первый год после отъезда из России, когда я внезапно и по любому поводу начинала плакать, слёзы вдруг брызнули из моих глаз и стали течь по щекам быстрее, чем я успевала их вытирать.

"Не плачьте, Графиня, не плачьте, всё хорошо", – пробормотал стоявший рядом и уже достаточно долго внимательно за мной наблюдавший мужчина, в котором я неожиданно узнала одного из газетчиков, терзавших меня полчаса назад. "Не плачьте, – повторил он, а затем успокаивающе добавил. – Я знаю, что всё это ново и слегка непривычно для вас, и вы грустите по дому и всё подобное, но вам понравится, когда вы окажетесь там – всем нравится!"

Я и представить себе не могла, что на следующий день прочту в одной из газет такие слова, написанные, несомненно, тем сочувствовавшим мне репортёром:

"Потерявшая состояние фрейлина императрицы прибы-

вает в США как иммигрантка.

Одинокая молодая женщина, облачённая в серое, перегнулась через поручни парохода 'Франкония', когда судно из Ливерпуля прибыло сегодня в Нью-Йоркскую гавань. Стоило кораблю приблизиться к пирсу, как эта иностранка, закрыв лицо руками, разрыдалась. То была графиня Ирина В. Келлер, некогда фрейлина русской императрицы Александры. Оказавшись так далеко от дома, она по нему тосковала".

Наконец "Франкония" пришвартовалась, и, простившись со всеми своими новыми друзьями, я сошла на берег, где меня незамедлительно направили на таможенную проходку с буквой К. За мной по пятам следовали репортёры, весьма заинтересовавшиеся, видимо, моим багажом.

"И это всё, что у вас есть?" – удивился один из них, недоброжелательно указывая на два моих маленьких чемоданчика.

"Ну, да, это всё", – ответила я, очень жалея, что у меня не было ни одного объёмного кофра, который я могла бы хвастливо назвать своим.

"Так, так", – было единственным, что они промолвили, многозначительно переглянувшись, когда мои чемоданы были открыты и их содержимое было явлено на свет Божий. И очередное "так, так!" прозвучало, когда маленькое пёрышко скопы³⁴ выпорхнуло из складок одного из платьев. Это перо

³⁴ Хищная птица из отряда соколообразных, чей рацион на 99% состоит из рыбы, за что её ещё называют рыбаком. Её перья используют для изготовления дамских украшений – эгреток.

было подарено мне незадолго до того дня, как я покинула Лондон, и являлось дорогим сердцу предметом.

"Провоз скоп в Штаты запрещён", – строго произнёс инспектор, подобрав перо-нарушителя и сердито положив его обратно в чемодан, который затем с грохотом захлопнул.

"Ох, извините, я не знала", – нервно промямлила я, теребя свою дамскую сумочку и, поскольку беда не приходит одна, тут же порвав перчатку на кончике указательного пальца правой руки.

"Хм, – выдавил из себя инспектор, посмотрев на мою перчатку, потом на сумочку, потом вновь на чемоданы. – Хм" (... и вдруг) "всё, вы можете идти", – отворачиваясь от меня, прорычал он, в то время как кто-то из газетчиков выкрикнул нечто загадочное, прозвучавшее для меня как "эд-эбой"³⁵.

"Эдэбой – что это?" – спросила я, однако прежде чем успела получить ответ, ко мне подбежал низенький толстый краснолицый человечек, вытирая лоб и взволнованно размахивая письмом.

"Меня зовут мистер Мидстрим, а вы графиня Келлер? – воскликнул он, подбежав ко мне и сунув письмо под самый мой нос. – Потому что, если это вы, то вам нужно это прочесть!" И я прочла следующие строки, впрочем, так же как

³⁵ Американизм "attabooy" – популярное в США в начале XX века неформальное восклицание одобрения или восхищения по отношению к мужчине, юноше или мальчику, скорее всего, производное от "What a boy!" – "Что за парень!"

и мои друзья-репортёры, заглядывавшие мне через плечо:

"Дорогой Джон, – говорилось там, – не сочтите за труд оказать мне услугу, встретив в порту графиню К., прибывающую на 'Франконии' 3 июля. Сводите её на ланч, а после посадите на поезд до Метрополя. Скажите ей, чтобы там она пересела на другой, делающий остановку в Рассвете. Нет никакого смысла сажать её в скорый поезд из-за дополнительных трат на проезд, так что купите ей билет в обычный. За всё, что будет потрачено на неё, пришлите мне счёт с подробным описанием, и я вам всё немедленно возмещу.

Искренне ваш,
Хайрам Хиппер".

С ощущением, словно только что получила пощёчину, я в оцепенении вновь и вновь перечитывала слова: "Нет никакого смысла сажать её в скорый поезд из-за дополнительных трат на проезд", – тогда как газетчики за моей спиной тихо присвистнули.

"Скажите, а кто этот великодушный *мальй*, что написал сие шикарное письмо?" – спросил один из них тоном, показавшимся мне весьма ироничным.

*"Гай"*³⁶? – растерянно повторила я. – Гай? Нет, его зовут

³⁶ Американизм "guy" – "парень, мальй" – это с течением веков поменявшее своё значение имя английского дворянина Гая Фокса ("Guy Fawkes") – самого знаменитого участника "Порохового заговора" 1605-го года, имевшего целью взрыв парламента и убийство английского короля Якова I.

не так, его имя – Хайрам ...” – однако прежде чем я успела закончить, мистер Мидстрим прервал меня, сердито прокричав: “Не их собачье дело, леди! Пойдёмте, мы не можем терять ни минуты ... А что касается вас, – повернулся он к репортёрам, – отвалите, ясно вам? *Проваливайте!*”

“Ударить что?”³⁷ – встревоженно воскликнула я, теперь уже совершенно сбитая с толку и не понимающая, что имеет в виду этот человек. Однако он без дальнейших объяснений одной рукой схватил меня за локоть, а другой сердито замахал на репортёров, издавая при этом кудахчущие звуки, будто отгонял цыплят.

Там они и остались стоять – компания имевших дерзкий вид, ухмылявшихся молодых ребят в шляпах, сдвинутых на затылок, и с руками, засунутыми в карманы, – но они мне нравились, я доверяла им, и поэтому возникло ощущение, что, последовав за незнакомцем, я бросаю старых друзей.

“До свидания!” – напоследок оглянувшись через плечо, прокричала я, влекомая прочь мистером Мидстримом.

“Пока не прощаемся, увидимся на вокзале”, —прокричали они в ответ, и по какой-то причине эти слова меня сильно приободрили.

Выйдя на улицу и сразу же сев в такси, мы отправились в отель “Пенсильвания”, где, как любезно пояснил мне мистер Мидстрим, *“я куплю вам ланч”*. В отеле мы прямиком дви-

³⁷ Американизм “Beat it!” – “Отвали! Проваливай!” – дословно переводится как “Ударь это!”

нулись в ресторан, и там мой сопровождающий заказал самую странную трапезу, которую я когда-либо ела: для начала моллюски, затем фруктовый салат, а на десерт – тыквенный пирог. Я осторожно проглотила моллюска, но тот вызвал приступ тошноты; после испытала шок, обнаружив, что мой салат сладкий; и под конец чуть не подавилась куском странного на вкус пирога. И тут оркестр, до этого исполнявший весёлые мелодии, внезапно заиграл предсмертную песню мадам Баттерфляй, что, очевидно, стало для меня последней каплей, поскольку я не смогла сдержать слёз и, уткнувшись лицом в салфетку, горько заплакала.

"Ох, Графиня, что случилось? Вам не понравился ваш ланч? Или вам слишком жарко? В чём дело?" – вскричал мистер Мидстрим, вскочив, дико порхая вокруг меня и, дабы меня освежить, размахивая салфеткой над моей головой. Но я не могла вымолвить ни слова, и, вероятно, заметив, что все в ресторане на нас пялятся, он, быстро оплатив счёт, вывел меня из отеля обратно к такси.

"Поездка – это то, что вам сейчас нужно, чтоб взбодриться", – оптимистично сказал он, пока мы мчались по улице, но вдруг водитель резко дал по тормозам, из-за чего я больно ударилась головой, тем не менее рассмеявшись, поскольку вспомнила стихотворение, сочинённое моим братом и записанное им в мой альбом, когда я была маленькой:

"Дам совет тебе я в помощь:

*Постучись о стену лбом,
И тогда ты сразу вспомнишь —
Любят все тебя кругом".*

"Вот видите, – весело воскликнул мистер Мидстрим. – Разве я не говорил, что вы почувствуете себя лучше? А теперь взгляните в окно – это Пятая авеню, самая прекрасная улица в мире, девочка моя, никогда не забывайте об этом!"

Я посмотрела и была разочарована. Почему-то я ожидала, что Пятая авеню будет похожа на очертания Нью-Йорка, увиденные мною с борта корабля, то есть такой же фантастической и нереальной. Но это была всего лишь обычная улица – да, широкая и красивая, однако которая могла бы принадлежать любому крупному городу.

"О, а я-то думала, что все ваши здания полностью сделаны из полированной стали и сияющего белого кирпича", – протянула я со столь явной досадой в голосе, что мистер Мидстрим тут же ожёг меня укоризненным взглядом.

"Я впервые слышу, чтобы кто-то признался, что не считает Пятую авеню самой прекрасной улицей в мире", – заявил он, а затем, очевидно, пресытившись моим обществом, приказал таксисту везти нас на вокзал.

"Я предполагаю, что ваш поезд уже скоро", – сказал он с надеждой, и я кивнула.

На вокзале он купил мне на десять центов конфет и газету, а я, стоя рядом, гадала, внесёт ли он их в "счёт с подробным

описанием" для Хайрама. Чуть позже, как раз когда мы уже собирались идти к поезду, объявились мои друзья-репортёры, всё так же ухмыляясь и сдвинув шляпы на затылок.

"Ох, наконец-то вы здесь, – восторженно воскликнула я. – Я так боялась, что вы опоздаете!"

"Не бойтесь, мы никогда и никуда не опаздываем", – весело ответили те, а затем, повернувшись к мистеру Мидстриму, проорали: "Что ж, а вот и мы, ты, старая ..." Я точно не помню, произнесли ли они "горилла", "шимпанзе" или что-то в этом роде, но, во всяком случае, то, как они его обозвали, имело отношение к семейству обезьян.

"Да ну! Да ладно!" – вспльчиво бросил мистер Мидстрим, снова хватая меня за локоть и увлекая к поезду.

"До свидания, Графиня, удачи вам! – закричали газетчики. – И, о, послушайте, мистер, у нас есть полное имя вашего расточительного друга Хайрама, и мы его напечатаем, не сомневайтесь!"

Ворча про них всякие гадости, мистер Мидстрим наконец посадил меня в поезд, и через несколько минут тот понёс мою особу к месту назначения – маленькому городку Рассвет на Среднем Западе.

В пульмане

Поначалу я, смущённая и изнурённая, сидела в своём уголке с закрытыми глазами, потом, немного придя в себя, стала осматриваться. Моё первое впечатление о пульмане³⁸ сложилось давно, ещё в детстве, когда я разглядывала в стереоскоп любимую картинку, изображавшую интерьер американского спального вагона с пассажирами, одетыми в наряды по моде весёлых девяностых и мило улыбавшимися друг другу. Судя по тому снимку, сейчас я оказалась совсем в другом месте, ведь здесь не наблюдалось любезного усатого мужчины в соломенной шляпе и клетчатом костюме, снисходительно улыбавшегося и покровительственно наклонившегося в сторону прелестной молодой дамы с пышными руками и в огромном чепце, сидящей рядом с ним с застенчивым выражением лица; как не было и расположившихся напротив них двух серьёзного вида, делающих большие деньги джентльменов, читающих свои газеты и думающих только о своих миллионах, и задорно резвящихся в проходе маленьких детей. Да, реальная картина была совсем иной: рядом со мной сидела маленькая старушка с белоснежными воло-

³⁸ Пульман (пульмановский вагон) – большой пассажирский спальный железнодорожный вагон, названный по имени американского фабриканта Джорджа Пульмана, чья одноимённая компания начала выпуск таких вагонов в 1864-ом году.

сами и добрым, располагающим взглядом, напротив же при-
мостилась молодая пара, которая, естественно, не улыбалась
мило ни друг другу, ни кому-либо ещё, да и проход был пуст.
Безусловно предпочитая пультмановский вагон из стереоско-
па реальному, я, вновь закрыв глаза, окунулась в своё дет-
ство. Тот стереоскоп, размышляла я, должно быть, был аме-
риканского производства, так как, вспомнив о нём нынче,
я поняла, что все прилагавшиеся к нему фотографии были
связаны с жизнью в Америке. На одной из них, также мне
особенно нравившейся, была запечатлена высоченная гора
под названием Пайкс-Пик, на вершине которой, на самом
краю ужасающей пропасти, стоял на одной ноге очень храб-
рый, но явно безрассудный мужчина, так как другая его нога
была опасно вытянута над бездной. "Ещё один шаг, и он по-
летит навстречу своей смерти", – гласила подпись под этим
тревожным снимком, заставляя моё сердце трепетать и вы-
зывая на спине мурашки восторженного испуга. "Ещё один
шаг ..." – восхищённо шептала я, задаваясь вопросом, все
ли американцы столь же отважны, как этот человек.

Также там было изображение дяди Сэма, одетого в тём-
ный фрак, полосатые панталоны и высокий цилиндр, кото-
рые я считала американским национальным костюмом, твёр-
до веря, что все-все мужчины в Соединённых Штатах одева-
ются именно так. В сущности, всякий раз, лишь услышав
слово "американец", я мгновенно представляла себе дядю
Сэма с его козлиной бородкой, тёмно-полосатым нарядом и

забавным цилиндром; да и по сей день, стоит мне сказать: "Я замужем за американцем", – как в моём воображении молнией вспыхивает образ супруга с несуразной эспаньолкой (коей у него на самом деле нет) и облачённого в "свой национальный костюм".

Помимо того, что он был очень познавательным, этот стереоскоп являлся для меня источником постоянного удовольствия, и я его искренне любила. У него даже имелся свой собственный специфический запах – интригующая смесь ароматов дерева, клея и чего-то ещё, что я не могла определить, но именно оно больше всего радовало мой нюх. А ещё у него была бархатная отделка по краям, безумно мягкая и приятная, когда касалась моих щёк и лба. В целом это была совершенно восхитительная вещь и один из самых ценных артефактов в моей игровой комнате.

Поскольку наш поезд был медленным, что, вероятно, заслужило бы особенное одобрение мистера Хиппера, он часто останавливался, и я никак не могла взять в толк, почему на всех станциях неизменно слышались звуки стрельбы и треск. Наконец, не в силах больше скрывать своё любопытство, я повернулась к сидевшей рядом со мной старушке и спросила её, что означал весь этот грохот.

"О, разве вы не знаете, что сегодня канун четвёртого июля – Дня независимости, – и каждый – то есть, в основном, все наши мальчуганы – старается произвести как можно больше шума? – любезно ответила она, а затем с огоньком в гла-

зах добавила. – А вы, раз не знаете этого, должно быть, иностранка. Вероятно, англичанка либо шотландка, потому что произносите 'р' с лёгким грассированием, а может, и французенка". Когда же я сообщила ей, какой я национальности, она, похоже, очень заинтересовалась, и вскоре мы обсуждали все великие проблемы мира: войну, революцию, социализм и даже коммунизм. Она оказалась одной из тех очаровательных пожилых леди, которые всегда находятся в курсе событий, много читают и изучают, путешествуют и имеют довольно твёрдое мнение по всем вопросам. Очевидно, понимая, сколь несчастной и одинокой я себя чувствовала, она засиделась со мной допоздна, беседуя и стараясь подбодрить, как могла. Ранним утром следующего дня, когда пришло время ей сойти с поезда, а мне забраться на верхнюю полку, она, прощаясь и обняв меня за плечи, мягко произнесла:

"А теперь запомните, что я вам скажу: мир составляют самые разные люди, как в Америке, так и где бы то ни было ещё, и вы не должны судить обо всех нас по отдельным видам, с которыми вы, возможно, столкнётесь вначале. Будущее, вероятно, сейчас видится вам весьма смутным и даже пугающим, но не забывайте пророчество пожилой дамы, обладающей большим жизненным опытом, а именно: в конечном итоге всё будет хорошо. Меня зовут миссис Крамп, и я уверена, что мы свидимся снова, и тогда вы расскажете мне, какую сильную привязанность вы стали к нам испытывать и что, возможно, даже потеряли всякое желание нас по-

кидать".

С того дня я всегда считала её напутственные и пророческие слова настоящим приветствием, полученным от Америки, и очень надеюсь, что когда-нибудь увижу её снова и скажу ей, что она была права.

На излёте жаркой июльской ночи пребывание на моей верхней полке совершенно невозможно было назвать приятным, и пока я вертелась, извивалась и избивала все бока, сначала пытаюсь раздеться, а позже, всё-таки совершив этот дикий подвиг, изо всех сил стараясь устроиться поудобнее, я бурчала всевозможные гадости о неэффективности и недостатке комфорта американских спальных мест. Я всегда думала, что они были верхом практичности и удобства, но, когда истина открылась мне, поняла, что это было моим вторым разочарованием за прошедшие сутки после улиц Нью-Йорка, не оказавшихся сплошь застроенными сияющими небоскребами из сверкающей стали и белоснежных кирпичей. Всё жарче и жарче становилось на моей полке, всё громче и громче раздавался хор из различных оттенков храпа вокруг меня, и в то же время, где бы мы ни делали остановку, какофония стрельбы, хлопков и треска, несмотря на столь раннее утро, упрямо не прекращалась.

"Сей фейерверк – это тоже личное приветствие мне от Соединённых Штатов", – подумала я, тут же вспомнив другое приветствие, полученное десятью годами ранее, когда однажды утром мы с моей мамой осматривали достопримеча-

тельности славного города Ростов Великий. Мы только что прибыли туда поездом и разъезжали по его улицам в дрожках, когда моя мама вдруг немного ворчливо заметила:

"А знаешь ли ты, Вишенка, что в старину, когда в город приезжал ростовский князь или княгиня, все церковные колокола в его кремле" (а кремль Ростова Великого является одним из лучших в России) "зачинали заздравный перезвон. Но вот я здесь," (а она была урождённой княжной Лобановой-Ростовской), "проезжаю через город, где в средние века правили ростовские князья, – и ни один колокол меня не приветствует!"

Едва она договорила, как над городом внезапно разнёсся оглушительный звон церковного благовеста. Раскат за раскатом сотрясал вокруг нас воздух, словно волны океана восхитительных звуков, и я в экстазе восторга подняла высоко над головой руки с ощущением пловца, готового нырнуть в эти волны.

"Ох, Маззи³⁹!" – выдохнула я, поворачиваясь к маме, но тут же прервавшись и оставив свои слова невысказанными, поскольку увидела, как та сидит в потрёпанных старых дрожках прямая, как стрела, с высоко поднятой головой, сияющими глазами и выражением самозабвенного счастья на лице.

Затем, так же внезапно, как и начался, перезвон смолк, и

³⁹ Для тех, кто не читал роман *"Миры Эры. Книга Первая. Старая Россия"*: так Ирина с самого раннего детства называла свою мать Марию Михайловну, а та, в свою очередь, с тех пор, как Ирина подросла, неизменно называла её "Вишенкой".

мы благоговейно воззрились друг на друга. Но, принадлежа к более молодому, любознательному и непочтительному поколению, я была первой, кто нарушил молчание.

"Отчего так сейчас звонили церковные колокола?" – робко спросила я извозчика, всё ещё витая в своём волшебном мире.

"Отчего? – буркнул он хриплым голосом, повернувшись на козлах и обдав нас смрадом перегара, – ну-у ... оттого, вестимо, шо воскресенье нонче". Это разрушило чары, вызвав у нас приступ хохота. Однако вечером, когда мы, уже сидя на палубе парохода, что нёс нас вниз по Волге к Каспийскому морю, смотрели на луну и глубоко вдыхали приносимый лёгким ветерком с берега аромат свежескошенного сена, моя мама мечтательно произнесла: "Но всё же колокола *и вправду* зазвонили, так что я получила от Ростова желанное приветствие".

Это воспоминание вернулось ко мне так чётко, что я, не в силах больше лежать или даже сидеть на душной полке, спустилась вниз и вышла на открытую площадку в задней части вагона. Там я и стояла, когда мы подъехали к станции миссис Крамп, где я увидела её ещё раз вышедшей на платформу.

"Удачи и *оревуар!*⁴⁰" – крикнула она, махая рукой, когда поезд тронулся, и вскоре я уже с замиранием сердца наблюдала, как исчезает вдалеке её подтянутая низенькая фигурка, безнадёжно осознавая, что вновь потеряла дорогого друга.

⁴⁰ Французское "Au revoir!" – "До свидания!"

Мы ехали всё дальше и дальше в течение всего этого долгого, жаркого, пыльного дня, и я тоскливо смотрела в окно на бесконечные, выжженные солнцем равнины Среднего Запада. Время тянулось мучительно, и когда всё же мы добрались до великого города Метрополь, мне показалось, что я провела в этом поезде целую вечность. На вокзале меня никто не встретил, и, памятуя об инструкциях из письма Хайрама, я попросила носильщика проводить меня на поезд до Рассвета. Он спросил меня, хочу ли я сесть в пульман или в дилижанс⁴¹, на что я, зная по опыту последних двух дней, что такое пульман, и будучи совершенно несведущей в дилижансах, за исключением того, что, как я смутно помнила, они запрягаются лошадьми, быстро ответила с отстранённым видом путешественника-ветерана: "В пульман, пожалуйста". И невозможно описать моё смятение, когда, стоило мне устроиться поудобнее, вошёл кондуктор и, поглядев на мой билет, вежливо попросил доплатить за место в пульмановском вагоне. В ужасе я молча уставилась на него, слишком хорошо зная, что у меня в кошельке осталось всего три цента, в то время как он удивлённо тарасился на меня, очевидно, недоумевая, почему же я никак не выдам ему запрошенную сумму. Покраснев до корней волос, я пробормотала: "О, мне так жаль, я не знала, и у меня совсем нет денег", – и мучительные видения того, как меня ссаживают с поезда, пронеслись в

⁴¹ Американизм "coach" – пассажирский вагон, где есть только сидячие места – ранее имел значение "дилижанс, экипаж".

моей голове. Но мужчина, видимо, абсолютно не рассердившись и не расстроившись из-за эдакой информации, просто заметил, выбрасывая в окно свою жевательную резинку: "Тогда вам придётся пересесть в дилижанс, мэм", – чем вызвал у меня большое облегчение. С лошадьми или без оных, дилижанс вмиг представился мне безопасным убежищем, где мне будет дозволено продолжить своё путешествие до Рассвета, и я последовала за мужчиной, шедшим впереди с моими чемоданами, стараясь не замечать удивлённых взглядов других пассажиров.

Нерадушный приём

Когда наконец поезд остановился в Рассвете и я сошла с него с двумя своими чемоданчиками, обнаружилось, что я на перроне одна. И снова никто не пришёл меня встретить, и никакие другие пассажиры не собирались здесь выходить, да и носильщика поблизости не наблюдалось. Тщетно прождав, пока кто-нибудь появится или что-нибудь произойдёт, я, подняв свой багаж, поплелась по длинной платформе к вокзалу. Там тоже никого не оказалось, кроме продавщицы в газетном киоске. И я подошла к ней.

"Пожалуйста, не могли бы вы подсказать, как мне добратся до дома Хайрама Хиппера?" – спросила её я. Та с минуту пристально меня рассматривала, а после угрюмо произнесла: "Ну, существует три способа: либо дотопать пешком, либо сесть на трамвай, либо взять такси. Вы что, никогда не бывали здесь прежде?"

Я молча покачала головой и уже собиралась отойти, как вдруг она окликнула меня кардинально поменявшимся тоном.

"О, скажите, скажите, – взволнованно вскричала она, – вы та самая новая учительница, что должна была прибыть прямиком из Франции? Няня их детей Анна на днях поведала мне о вас, сказав, что они скоро вас ожидают".

"Да, я учительница французского", – выдавила я, так как

слова почему-то застряли у меня в горле, когда мне пришлось вновь поднять свою ношу, чтобы двинуться по направлению к выходу.

Снаружи я не увидела ни трамвая, ни такси, но пару мгновений спустя одно всё-таки примчалось, остановившись прямо передо мной, и его водитель сразу крикнул: "Это вы учительница французского, не так ли? Мисс Болл из газетного киоска позвонила и сказала, что вы ищете такси. Ну, и как поживает старый добрый Пари́?" – добавил он, когда я села в автомобиль и тот тронулся с места. "Видите ли, – продолжил он, – я бывал там, когда шла война, и довольно недурно наострился брехать по-французски. *Xինки Динки паливу*⁴² ... *коммонг са ва – венэй исси тут свит*⁴³ ... И ведь пока не забыл, не так ли? Как здорово вновь встретить французенку!" – добавил он, обернувшись и одобрительно глядя на меня.

Я не могла удержаться от смеха! Вот каким стало приветствие мне от Рассвета – достаточно оригинальным, однако искренним и добросердечным.

"И я вам вот что скажу, Мадмуазель, – тараторил он, когда

⁴² Упоминает на ломаном французском строчку из армейской песни "Мадемуазель из Арментьера", невероятно популярной во время Первой мировой войны: "Hinky Dinky parley voo", – в оригинале "Hinky-dinky parlez-vous" – "Хинки-динки говорите вы" (в начале – подражание звуку коечных пружин).

⁴³ Говорит на ломаном французском: "Commong sa va – venay eessee toot sweet", – в оригинале "Comment ça va? Venait ici tout suite" – "Как вы? Пришёл сюда сразу же".

мы, проехав по людной улице, свернули на тенистую аллею, по-видимому, в жилой части города, – вы счастливица, вы будете обитать в шикарном месте! Ведь у Хипперов самый большой дом в городе – я называю его дворцом".

Мы подъехали к внушительному, претенциозно выглядевшему квадратному зданию с совсем узкой территорией вокруг него, тогда как домики соседей по обе стороны казались слишком скромными, если не сказать карликовыми. И там таксист, свернув на частную подъездную дорожку, остановился и, крикнув: "Вот мы и на месте", – открыл мне дверь, после чего, схватив мои чемоданы, повёл к боковому крыльцу.

"Я подвёз вас к *служебному* входу; всё в порядке, не так ли?" – спросил он, глядя на меня немножко встревоженно.

"Да, в абсолютном, – неуверенно ответила я, а затем, прежде чем он успел позвонить в колокольчик, добавила. – Извините, у меня совсем нет денег, чтобы расплатиться, но я попрошу кого-нибудь здесь сделать это за меня, и большое спасибо вам за столь любезное ко мне отношение, я рада, что вам понравился Париж, до свидания!"

"Никаких проблем, не волнуйтесь! Я выставлю счёт старине Хипперу ... *бонгсуар, эдью, тут свит*⁴⁴", – воскликнул он, вежливо приподняв фуражку, а затем дверь открылась,

⁴⁴ Опять говорит на ломаном французском: "Bongsouar, adew, toot sweet", – в оригинале "Bon soir, adieu, tout suite" – "Доброго вечера, прощайте, прямо сейчас".

и я вошла в свой новый дом.

Там меня встретили несколько человек, и в течение следующей минуты мы пожимали друг другу руки. Затем высокая девушка с немного надменным выражением на простом, но умном лице принялась всех представлять.

"Это мистер Гудман, дворецкий, – перечисляла она, – а это мисс Мэри, личная служанка хозяйки, и мисс Кэтлин, горничная, и мисс Минни, шеф-повар, и мисс Хильда, её помощница, и мистер Браун, шофёр. А я мисс Анна, детская няня и по совместительству компаньонка хозяйки. А теперь можно, пожалуйста, узнать ваше имя?"

"О, миссис Хиппер сказала, что хотела бы, чтобы меня называли просто Мадам", – ответила я, снова пожав руку каждому своему новому коллеге по работе, после чего мисс Анна гостеприимно продолжила: "Видите ли, мистер и миссис Хиппер только что уехали играть в бридж и попросили меня о вас позаботиться. Я надеюсь, что ваше путешествие было приятным. Мы ежедневно читали газеты, чтобы узнать, не затонул ли ваш корабль, ведь в это время года, знаете ли, бывают айсберги".

"А как насчёт небольшого приятного ужина? – перебила её кухарка Минни, чьи глаза лучились радушием, светлые волосы были влажны, а широкое приятное лицо пылало от явно недавнего контакта с большим количеством мыла. – У меня не займёт и минуты приготовить вам что-нибудь вкусненькое. Вас устроили бы несколько ломтиков холодной вет-

чины, и немного чудесного картофельного салата, что мы и сами ели недавно, и кусочек моего восхитительного вишнёвого пирога?"

"Спасибо, это было бы чудесно", – ответила я, задаваясь вопросом, собираюсь ли я всё-таки есть на кухне. Миниа-тюрной горничной-ирландке Кэтлин, очевидно, пришла в голову та же мысль, потому что она сразу спросила с мягким акцентом: "А куда мне подавать еду?"

"Ох! – тут же воскликнула, как громом поражённая, Анна. – Мне и в голову не пришло спросить об этом миссис Хиппер! Дайте-ка подумать: вы не можете есть в большой столовой, поскольку мистер Гудман там только что убрал, и было бы неразумно снова пачкать стол. И вы не можете есть в *нашей* столовой по той же самой причине. И вы, скорее всего, не захотите есть на кухне, не так ли? – с сомнением спросила она. – А на веранде сейчас слишком жарко, да и к тому же там засилие мух ..."

"А может быть, в гостиной или библиотеке?" – предложила Мэри столь тихим голосом, будто в её излишне худом, но изящно выглядевшем теле осталось не так уж и много сил.

"О, нет, это невозможно, – запротестовала Анна. – Миссис Хиппер это вряд ли понравится! Однако детский уголок для завтрака был бы самым подходящим местом. Забавно, что мне сразу не пришло это в голову. Пойдёмте, Мадам, только сперва снимите верхнюю одежду, и я покажу вам, где это находится".

Пройдя через кухню, и кладовую, и столовую, мы оказались в огромном квадратном холле с широкой мраморной лестницей и множеством дверей.

"Сюда", – сказала Анна, вводя меня в крошечную тёмную комнату без окон, где умещались лишь маленький стол да четыре стула. "Пожалуйста, присаживайтесь", – продолжила она, включая лампу на потолке, из-за которой эта комнатушка стала выглядеть устрашающе по сравнению с холлом снаружи, залитым золотистым светом вечернего солнца. Мистер Браун и мистер Гудман следовали за нами.

"Присаживайтесь, парни, – приветливо пригласила Анна, занимая стул рядом со мной, – и Мадам расскажет нам всё-всё о своей поездке, не так ли, Мадам?"

"Ну, разумеется", – услышала я, как во сне, свой ответ, поскольку всё происходившее со мной казалось столь странным и столь нереальным – "прямо как с Алисой в Стране чудес", – подумала я и чуть было не сказала вслух: "Всё чудесатее и чудесатее".

"Можно узнать: у вас была отдельная каюта?" – непринуждённо спросил мистер Гудман, закуривая сигарету и передавая спички мистеру Брауну. Однако прежде чем я успела ответить, вошла Кэтлин с подносом, а за ней по пятам следовала Минни, весело выкрикивая: "Смотрите, Мадам, какой изысканный ужин я вам в два счёта приготовила! Теперь вы должны съесть всё до последней крошки".

"О, спасибо, спасибо!" – отчаянно воскликнула я, чув-

ствуя, что не смогу проглотить ни кусочка, и в то же время не желая ранить чувства этой доброй души. В этот момент мистер Гудман, очевидно, не в силах устоять перед годами выработанной привычкой исполнять свои обязанности всякий раз, когда приносят еду, встал и, отложив в сторону зажжённую сигарету, элегантно взял заботу обо мне на себя. К тому времени подошли и все остальные, и поскольку стульев для всех не хватало, остались стоять вдоль стены, с серьёзным видом глядя на то, как я лихорадочно пытаюсь жевать. В конце концов, не в состоянии терпеть далее эту муку, я в отчаянии обратила свой взор на Минни.

"О, ваш ужин такой вкусный – пальчики оближешь – воскликнула я, чуть не подавившись, – но, боюсь, что мне всё ещё нехорошо после укачивания в поезде и я не смогу всё доесть. Вы не обидитесь?"

"О, бедная Мадам, бедная маленькая Мадам! – с жалостью воскликнула Минни, подходя и обнимая меня своей пухленькой ручкой. – Немудрено, что у вас кружится голова после такого продолжительного путешествия. Конечно же, вам сейчас лучше подняться в свою комнату и прилечь".

"Подняться в комнату? – пронзительно вскрикнула Анна. – В какую комнату, а, Минни, о чём ты говоришь? Ты же знаешь, что у неё здесь не будет комнаты. Она проведёт эту ночь в городском отеле, а завтра миссис Хиппер отвезет её в пансион".

За этими словами последовала глубокая тишина, а потом

кто-то громко прошептал: "Какой позор! И это при том, что наверху столько пустых спален для гостей".

"Тс-с-с, – укоризненно среагировала Анна, – не стоит сразу вбивать ей в голову вздорные мысли. Все знают, что миссис Хиппер велела, чтобы мистер Браун после того, как она немного перекусит, отвёз её в отель. Так что, если вы действительно закончили с ужином, Мадам, и не хотите побыть с нами ещё, то я думаю, что вам лучше поехать прямо сейчас".

"Отель меня вполне устроит, – ответила я. – Я и вправду не совсем хорошо себя чувствую и хотела бы, если возможно, пораньше лечь спать".

"Я готов отвезти вас туда в любое удобное для вас время, – галантно заявил мистер Браун. – Давайте, Мадам, если вам так угодно, отправимся прямо сейчас, пожелав ребятам спокойной ночи".

"Спокойной ночи!" – хором воскликнули они все, и я, встав и тихо ответив им тем же, проследовала за мистером Брауном к автомобилю – огромному лимузину, напомнившему мне Ноев ковчег.

"Довольно крупная малышка, не так ли? – с гордостью заметил мистер Браун, когда мы отъезжали. – Легко вмещает восемь пассажиров. Кузов изготовили на заводе специально для мистера Хиппера, и я должен признать, что это была отличная работа. Стоила ему кучу денег".

Быстро миновав тенистую аллею, мы выехали на запру-

женную автомобилями центральную авеню и, проехав по ней некоторое время, свернули налево, на тихую улочку, в конце которой находился отель.

"Если вы не возражаете пройти пару шагов, тогда я *припаркуюсь* прямо тут", – внезапно выдал он, останавливая Лимузин и помогая мне выйти.

"Что вы сказали про *парк*⁴⁵? В каком смысле – парк?" – озадаченно спросила я, не понимая, что тот имел в виду. Моё невежество, судя по всему, его очень позабавило, поскольку, сначала недоверчиво уставившись на меня, он после непродолжительной паузы расхохотался и, хлопая себя по бёдрам, воскликнул: "Это и правда смешно, Мадам! Разве у вас там не паркуют автомобили?"

"Так ведь парк – это специальное пространство с кустами и деревьями", – попыталась разобраться я, но безуспешно, поскольку он хохотал всё громче.

"Дайте-ка подумать, как бы вам получше это объяснить, – сказал он, внезапно прекратив смеяться и глядя на меня со всей серьёзностью. – Ах, да, по-французски это будет: *паркэй ле аутомобиль*⁴⁶. Теперь вы поняли?"

Нет, я не поняла, но благоразумно кивнула, что его, оче-

⁴⁵ Американизм "park" – "парковаться, ставить автомобиль на стоянку" – тогда ещё не вошёл в обиход в Европе.

⁴⁶ Говорит на ломаном французском: "Parkay le automobile", – в оригинале было бы "Parquer la automobile", но первое слово тогда ещё не было заимствовано в языке, да и вообще французы в основном говорят эту фразу иначе: "Garer la voiture".

видно, удовлетворило, и, избежав дальнейших объяснений, мы двинулись в отель. Там мистер Браун подвёл меня к стойке и с невозмутимым видом светского человека представил служащему, сказав: "Мистер Бонер, я бы хотел познакомить вас с Мадам, нашей новой учительницей французского; она прибыла сегодня издалека. Мадам, познакомьтесь с мистером Бонером. Готов ли её номер? Ну, вы знаете, тот, что бронировала миссис Хиппер".

"Да, всё хорошо, он готов", – ответил служащий, выходя из-за стойки, а после, внимательно оглядев меня и протянув для пожатия руку, объявил: "Искренне рад с вами познакомиться". Затем он попросил меня заполнить анкету, и когда я занялась этим, они с мистером Брауном стали в волнении заглядывать мне через плечо, дабы узнать, что я там пишу.

Когда я закончила, они, посмотрев друг на друга, улыбнулись.

"Ах, какое необычное имя, – задумчиво отметил мистер Бонер. – Вам, похоже, придётся учить меня правильно его произносить – ни за что бы не смог сделать это сейчас, даже если бы на кону была моя жизнь. Однако я вижу, что оно определённо французское".

У меня не нашлось сил ему возражать, и, видимо, чрезвычайно удовлетворённый своими познаниями в части иностранных имён, он повёл нас – мистера Брауна, меня и консьержа с моим багажом – к лифту, а затем по длинному тёмному коридору к номеру, который, по его словам, был

для меня подготовлен. Когда же он традиционно величественным жестом, что свойственен всем гостиничным служащим во всём мире, распахнул дверь, я увидела, что это была скромная комнатка, хотя, по счастью, угловая и имевшая два окна, одно из которых выходило на изрядных размеров водный каскад, образованный местной рекой. И это меня порадовало.

"Здесь по-настоящему прохладно", – сказал он, в то время как мистер Браун, войдя на цыпочках и держа фуражку в руке, пробормотал: "Признаюсь, что тут очень даже недурно. Если вы будете держать все окна открытыми, то обеспечите себе достаточно свежего воздуха".

"Да, будет весьма комфортно, только если она не возражает против шума воды", – согласился с ним мистер Бонер, поднимая оконные рамы, включая свет и открывая шкафы с видом фокусника, демонстрирующего весь свой набор хитрых трюков. "Но, скажите, – продолжил он, обращаясь доверительным тоном к мистеру Брауну, – отчего же вы не поселили её в доме? Не знал, что у вас там сейчас гости".

"У нас их нет, – слегка смущённо ответил мистер Браун, а затем, сдержанно кашлянув и лукаво подмигнув в мою сторону, тактично промолвил. – Я расскажу вам об этом, когда мы спустимся вниз. В любом случае мне уже пора уходить. Спокойной ночи, Мадам! Надеюсь, вам будет тут удобно. Приятных снов!" И в следующую минуту они исчезли.

Поскольку у меня не было сна ни в одном глазу, я, пога-

сив свет, села у того окна, которое смотрело на водопад. Пенясь и сверкая в прозрачном закатном свечении летнего вечера, тот вскорости меня успокоил гипнотически действующим вечным движением и несмолкающим рёвом, и пока я сидела, не сводя с него глаз, мои мысли, как обычно, обратились к былому. Я думала о доме и о своём детстве, когда в Троицкое приезжали учителя и мои родители встречали их на пороге. Гостевые спальни, столь тщательно для них подготовленные, были неизменно уставлены цветами, которые моя мама всегда собирала сама, составляя прелестные букеты, гармонировавшие с цветовой гаммой комнат. Много раз перед их приездом она поднималась наверх, чтобы проверить, всё ли сделано слугами так, как она им велела. Кровати из кудрявого клёна с мягчайшими благоухавшими лавандой льняными простынями, и письменные столы с бумагой для заметок, имевшей на себе штамп "Троицкое", и умывальники с наборами кувшинов и тазов всевозможных размеров, помеченных вензелем Скарятиных, и мебель, обитая ситцем, и шторы, и коврики, и старые гравюры – всё это было тщательно подобрано моей матерью с целью придания помещениям красоты и комфорта.

"Что ж, теперь, – говорила она, склонив набок голову и критически осматривая результат тех усилий, – теперь я думаю, что всё в полном порядке". А потом, смахнув воображаемую пылинку, или расправив складки ситцевой шторы, или слегка переставив цветы в вазе, она наконец заявляла,

что пора спускаться вниз, чтобы там дожидаться их приезда.

"Беги и позови папу, – с тревогой говорила она. – Они уже скоро будут здесь, и он не должен забыть поприветствовать их у дверей".

Обычно гости объявлялись ближе к вечеру – незадолго до шести, так как поезд, который прибывал на нашу станцию в четыре, являлся самым удобным, а затем экипажам, запряжённым лошадьми, требовалось около двух часов, чтобы преодолеть тридцать вёрст от станции до дома. Мы всегда могли заранее услышать колокольчики на хомутах лошадей и стук их копыт, когда они въезжали на главную липовую аллею нашего приусадебного парка, или "Большую Аллею", как мы её называли, и тогда мы все, устремившись в колоннаду перед главным входом, внимали уже металлическому цокоту подков о булыжник подъездной дорожки, такой твёрдой и прочной, что летом она блестела, будто сделанная из полированной стали. Динь-динь, динь-динь – звенели бубенцы лошадей, и этот звук, такой типично русский, всегда заставлял замирать моё сердце. И с каждым приездом вновь и вновь разыгрывалась одна и та же сцена – я и сейчас так ясно её вижу.

"Едут, едут", – кричит смотрящий на дороге, и, размахивая руками, бежит к нам, а затем мои отец и мать с серьёзным видом занимают своё место в самом центре колоннады. Всё громче и громче звон подков и колокольчиков, и в следующий миг ландо, или фаэтон, или любой иной экипаж, от-

правленный на станцию, появившись в облаке пыли, ловко подкатывает к парадному входу.

"Тпррр", – кричит лошадям кучер, в то время как Яков, дворецкий, бросается вперёд, чтобы помочь гостю выйти. После этого мои родители идут к нему с распростёртыми руками, улыбаясь и произнося все те добрые приветственные слова, которые только могут прийти им в голову. Затем уже все мы, подходя один за другим, пожимаем ему руку, тогда как слуги позади нас низко кланяются.

"О, вы, должно быть, так устали, – сочувственно говорит моя мама. – Идите в свою комнату и перед ужином немного отдохните. Знаете, у вас в распоряжении есть целый час. И ваша ванна уже готова, а я вскоре прикажу подать вам чашечку горячего чая".

Внезапно те видения прошлого, что я узрела в белой пене водопада, исчезли, и я поняла, что нахожусь совсем одна и без гроша в кармане в гостиничном номере забытого Богом американского городка на Среднем Западе.

"О, Господи!" – простонала я в резком приступе отчаяния, бросаясь на кровать и утыкаясь лицом в подушку. "Я этого не вынесу, я этого не переживу", – закричала я в таком исступлении тоски, что даже слёзы не принесли бы мне облегчения, а затем, снова вскочив, метнулась обратно к окну, выходящему на водный каскад.

"Вот если бы только у меня хватило духу сделать это сейчас, прямо сейчас", – подумала я, глядя на поток, бурлящий

внизу. Потом безнадежно, словно неосознанно прощаясь с жизнью, я в последний раз оглядела комнату, и в этот миг мне вдруг бросилось в глаза то, чего я прежде почему-то не замечала: маленькая чёрная книжечка, лежащая на комодe.

"Что бы это могло быть?" – заинтересовалась я. И эта мысль, подобно молнии пронзившая окутавшую меня пелену безысходности, создала психологически отвлекающий момент, который, вне всяких сомнений, спас мне жизнь. Отвернувшись от окна и пройдя на подкашивающихся ногах через комнату, я, обуреваемая непреходящим любопытством Евы, пересилившим суицидальный порыв, потянулась за книгой. "Библия Гедеона", – гласили тиснённые на её обложке буквы и боле ничего, но направление моих мыслей тут же поменялось – стоя там, держа эту книгу и напрочь позабыв и об окне, и о водопаде, я размышляла, кем мог быть этот Гедеон – вероятно, издателем или новым толкователем Библии⁴⁷. Неожиданно я почувствовала страшную усталость и, положив книгу на место, доплелась до кровати, где, вытянувшись во весь рост, и пролежала потом всю ночь напролёт в состоянии полубоддрствования-полусна, не в силах пошевелить даже пальцем и с не затихающим ни на миг рёвом воды в ушах – "словно я тону", – тупо крутилось в моей голове.

⁴⁷ Распространением бесплатных экземпляров Библии более чем на 90 языках и почти по всему миру, в основном в отелях, занимается с 1899-го года христианская ассоциация "Гедеон".

Первый урок

Когда наконец наступило утро, я встала с болью во всём теле – будто меня избили, целиком покрыв его синяками. И мне потребовалась уйма времени, чтобы принять ванну и одеться. Только выпив несколько чашечек крепкого кофе, я почувствовала себя чуточку лучше. Вяло подтащившись к уже полюбившемуся окну над водопадом и присев на край стула, я стала ждать. Когда же часы вдалеке пробили девять, у меня зазвонил телефон.

"Это Мадам? – крикнул мне прямо в ухо знакомый надтреснутый голос миссис Хиппер. – Раз это вы, тогда будьте любезны, немедленно спускайтесь. Я в холле и не смогу ждать вас дольше пяти минут. И я послала консьержа за вашей поклажей, так что поторопитесь!"

Лихорадочно напялив шляпку и прихватив свои вещи, я выбежала из номера. Посреди холла с привычно недовольным видом стояла миссис Хиппер и смотрела на свои наручные часы с бриллиантами.

"*Бонгжур*⁴⁸", – буркнула она, когда я подошла.

"О, как поживаете, миссис Хиппер?" – запыхавшись, выдохнула я в ответ.

"*Бонгжур*, – буркнула она снова, укоризненно добавив, –

⁴⁸ Говорит на ломаном французском: "Bongjur", – в оригинале "Bonjour" – "Доброе утро".

Мадам, будьте добры говорить со мной исключительно по-французски! Помните, что сейчас уже девять часов и ваши обязанности начались".

С ощущением, будто меня только что окатили ледяной водой, я послушно ответила: "*Бонжёр, Мадам, комёнтале-вю?*"⁴⁹ Однако она посмотрела на меня так, словно я выдала нечто по-китайски, потом приказав впредь говорить медленней и чётче, а также сопровождать каждую сказанную фразу её переводом на английский.

К этому времени мы уже подошли к огромному авто, за рулём которого восседал мистер Браун, глядя прямо перед собой с бесстрастным лицом безукоризненно воспитанного шофёра. Но всё же, пока я, стоя на тротуаре, ожидала, когда миссис Хиппер погрузится внутрь, он вдруг подмигнул мне одним глазом, как бы говоря: "Всё в порядке, я знаю, кто вы такая, и хотел бы поздороваться, но, видите ли, в данный момент это невозможно!"

Когда мы обе оказались в салоне, миссис Хиппер повернулась ко мне с очень недовольным видом.

"Не соизволили бы вы продолжать разговор, Мадам? – строго сказала она. – Помните, мне нужно как можно больше практиковаться в языке, и чем непрерывнее вы будете говорить, тем лучше".

Я стала лихорадочно напрягать мозги в поисках какой-то

⁴⁹ Французское "Bonjour, Madame, comment allez vous?" — "Доброе утро, Мадам, как ваши дела?"

подходящей случаю, умной и занимательной темы для беседы, однако не смогла придумать ничего лучше, чем довольно бессмысленную фразу о размерах лимузина.

"А теперь переведите то, что вы сейчас сказали", – произнесла моя работодательница с выражением растущего интереса на лице. "Бедняжка, как же ей не терпится услышать мудрые слова своей учительницы французского", – думала я, неуклюже переводя свою дурацкую ремарку и определённо ожидая получить за неё выговор. Однако та удовлетворённо кивнула и самодовольно промолвила: "Ох, крошка, это очень хороший автомобиль, фактически лучший в городе, и он обошёлся мистеру Хипперу в кругленькую сумму", – затем снова потребовав сказать всё это на французском, что я и сделала, чувствуя себя глупее некуда.

Первую остановку мы совершили у продуктового магазина с загадочной вывеской "Пиггли-Виггли", и там миссис Хиппер, выйдя, жестом показала мне следовать за ней, в то время как мистер Браун шёл позади нас с большой корзиной. Попав в заведение и миновав маленькие деревянные распашные дверцы (удивительно, что поблизости не оказалось ни одного продавца), мы процессией обошли все ряды, и миссис Хиппер, выбирая всевозможные товары, просила меня называть каждый из них по-французски, а потом складывала в корзину мистера Брауна. Завершив данный тур, мы оказались у очередной невысокой деревянной калитки, и здесь женщина в синем халате, проверив всё набранное, предъяви-

ла счёт, который был оплачен нашей хозяйкой. После чего мы, вернувшись к лимузину, напрямую отправились в потрясающий особняк Хипперов. На этот раз автомобиль остановился у парадного входа, и я проследовала туда за миссис Хиппер. В холле резвились две маленькие девочки, гоняясь друг за другом вокруг длинного стола в центре помещения, в то время как их няня Анна, сидя рядом, наблюдала за происходящим. Стоило нам войти, как те, тут же перестав бегать и открыв рты, уставились на меня округлившимися глазами.

"Ну-ка, пожмите руку Мадам, нашей новой учительнице французского", – ободряюще сказала им миссис Хиппер, но они, будто и не услышав, продолжали стоять, таращась на меня, словно две мелкие совы. Тогда уж пришлось Анне подойти к ним и легонько встряхнуть каждую, что оказалось более действенным, чем устная просьба миссис Хиппер. Первой пришла в себя старшая из них, Дженни – малышка лет семи с жидкими рыжеватыми волосами, бледным заострённым личиком и необычными глазами, всем своим видом сразу напомнившая мне лису.

"*Бонжур, Мадам*", – сказала она, подходя ко мне, вымученно улыбаясь и протягивая вялую, анемичную ручонку. Как только все приличия были соблюдены, она, резко повернувшись к своей приёмной матери и скорчив на лице убедительную гримаску, заискивающе произнесла: "Ох, дорогая мамочка, я так рада вас видеть! Что вы принесли мне сегодня?" И миссис Хиппер, восторженно воскликнув: "Ну раз-

ве она не ангел?" – прижала её к своей усыпанной драгоценностями груди. Затем Анна подвела ко мне вторую крошку, которая, всё ещё глядя на меня широко открытыми глазами, пробормотала что-то невнятное – должно быть, также "*бонгжур*". И этот ребёнок, Белла, мне сразу понравился. Лет четырёх-пяти, пухленькая, розовощёкая, с огромными фиалково-голубыми очами, золотистыми локонами и неподдельно детским выражением на личике, она напомнила мне одного из херувимов Рафаэля, того, что, высовываясь с небес, своими задумчивыми глазами с таким интересом смотрит на лежащую внизу грешную землю.

"Это ты, славная толстушка, ты здесь ангел", – хотела сказать я, обняв её, однако, вспомнив о своём положении, сочла более разумным вообще не выказывать никаких чувств. Наконец пришёл черёд Анны поприветствовать меня неизменным "*бонгжур*", и та сделала это чопорно и сухо, будто никогда прежде и не играла по отношению ко мне роль приветливой хозяйки.

Я задумчиво стояла посреди холла, гадая, что же случится дальше, и одновременно изучая все детали удивительного убранства его интерьера. Странные картины в тяжёлых позолоченных рамах, сложные псевдоантичные предметы мебели, серебряные каравеллы с парусами, раздуваемыми воображаемым ветром, канарейка в яркой клетке – всё это создавало впечатление демонстрационного зала в очень дорогом декораторском магазине. И по мере того, как миссис Хиппер

гордо вела меня сквозь анфиладу комнат, это впечатление становилось всё острее, пока я не стала ожидать, что вот-вот появится обходительный продавец, указывающий на маникюрным пальчиком на любой из заинтересовавших меня товаров. Впрочем, кульминацией всего этого стала картинная галерея с её коллекцией шедевров. Я обошла её в изумлении, тогда как миссис Хиппер выразительно называла каждое творение и заоблачную цену, которая была за него заплачена. Я с трудом могла поверить, что вижу и слышу подобное. Наконец мы подошли к маленькой яркой картине в аляповатой позолоченной раме.

"А это Рембрандт", – хвастливо заметила миссис Хиппер, я же была потрясена. "Мистер Хиппер заплатил за него целое состояние, – продолжила она, – но не думаю, что мне следует говорить вам, сколько это стоило – ему может не понравиться. А теперь переведите всё это на французский".

Я покорно подчинилась, и затем мы продолжили обход дома. Пройдя через столовую, мы оказались в библиотеке, которая с её белыми книжными шкафами, необъятным камином и кожаными креслами была, на мой вкус, лучшей комнатой из всех.

"Тут мы и будем заниматься бóльшую часть времени", – объявила миссис Хиппер, и я молча, но от всего сердца поблагодарила за это Высшие силы.

Наверху было множество спален, и пока она меня по ним водила, я снова задавалась вопросом, почему меня не сочли

достойной проживания в какой-то из них. Но это осталось тайной, которую мне так и не суждено было разгадать. Закончив экскурсию, миссис Хиппер заявила, что настало время со всем усердием приступить к учебному процессу, и мы вернулись в библиотеку, где она, усевшись передо мной, серьёзно промолвила: "Начинайте!"

"С чего начинать?" – хотелось спросить мне, но тут глупейшие слова: "Начни с начала и закончи в конце", – промелькнули в моей голове. Поэтому я, сумев напустить на себя мудрый вид, серьёзно ответила: "Очень хорошо, давайте приступим".

В течение всего следующего часа я указывала на различные окружавшие нас предметы, озвучивая их французские названия и заставляя её повторять за мной каждое слово, что она, стоит признать, делала весьма старательно. Тем не менее ближе к концу сего упражнения я заметила, что она устала и клюёт носом, а по истечении ещё пары минут она, закрыв глаза и открыв рот, откровенно заснула, как это бывает с людьми в поездах. И пока я бубнила: "Кресло – *ан фотей*, ковёр – *ан тапи*", – и так далее, она спала, но как только я замолкла, она сонно крикнула: "Продолжайте, я вас слышу! Не останавливайтесь, я учусь!", – отчего в моей голове родился вопрос, не запоминает ли она слова так же, как это делают попугаи, то есть во сне.

Внезапно воздух прорезал пронзительный свист, затем к нему присоединился ещё один, и ещё, пока комнату не на-

полнил настоящий хор демонических звуков. Я встревоженно посмотрела на миссис Хиппер, ожидая, что она сейчас в панике вскочит, но та лишь слегка пошевелилась, медленно открыв глаза с рыбьим видом спящего, который только начинает просыпаться, и невнятно пробормотав, будто её рот был набит кукурузными хлопьями: "Вот и полдень. Вам лучше пойти и позаботиться о своём обеде в пансионе. Сегодня днём Браун отвезёт вас и покажет дорогу. Тогда вечером вы сможете дойти туда сами и поужинать. А теперь позвоните в колокольчик и скажите Кэтлин, что я желаю, чтобы он подал автомобиль, а сами ступайте и наденьте шляпку".

С трясущимися пальцами я вышла исполнять всё сказанное, ошеломлённая мыслью, что очень скоро ещё один опыт добавится к уже у меня имевшимся.

Первый обед

Когда я забралась в авто и мы резво покатали в то таинственное место, где мне суждено было есть, мистер Браун, обернувшись, ободряюще произнёс: "Послушайте, Мадам, вам не стоит так унывать. У вас сейчас такие круглые и испуганные глаза, что мне и самому становится не по себе. Честно говоря, так оно и есть. Я понимаю, что всё это для вас довольно ново и непросто, но вы быстро привыкнете. Не вижу причин, почему хозяйка не разрешает вам питаться в доме, где остаётся так много еды, но вы не должны переживать, ведь, в конце концов, пансион не такое уж и плохое место".

И, сказав эти слова утешения, он остановил лимузин перед двухэтажной грязно-жёлтой каркасной постройкой, точно над входной дверью которой красовалась надпись "Белла Виста", выполненная потускневшими золотыми буквами на чёрном фоне.

"Мы на месте, Мадам, всё хорошо, взбодритесь, – прошептал он, помогая мне выйти. – И, о, послушайте, – воскликнул он, когда я уже собиралась войти внутрь, – я заеду за вами через час. Даже не буду никого спрашивать, можно мне это сделать или нет", – добавил он, многозначительно тыча большим пальцем в предполагаемом направлении резиденции Хипперов. Я благодарно кивнула с тем, что, как я надеялась, можно было бы назвать лучезарной улыбкой,

но, скорее всего, она таковой не являлась. Затем с замиранием сердца вступила в пансион. В крошечном вестибюле, у подножия лестницы из золотистого дуба, в плетёных креслах-качалках, яростно раскачиваясь, сидели несколько человек, с волнением поглядывавших в сторону закрытой двери, из-за которой явственно доносился грохот не слишком осторожно расставляемой посуды. Никто не обратил на моё появление ни малейшего внимания, и, видя, что мне не на что сесть, я, подойдя, прислонилась к стене. Пару минут царило молчание, а затем: "Где наши *еды*?" – вдруг проорал какой-то старик в рубашке без рукавов. Его серые брюки держались на алых подтяжках, а очки в золотой оправе опасно съехали на самый кончик носа.

"Да, *еды где*?" – раздался другой голос, на этот раз женский, и, оглядевшись, я увидела, что он принадлежал высокой и худой, необычайно невзрачной женщине лет тридцати пяти, с лошадиным, сильно напудренным и грубоватым лицом, увенчанным завитым париком, столь откровенно, столь вопиюще выглядевшим именно как парик – без малейшего намёка на натуральные волосы, – что это вызывало неловкость.

"Почему же она, бедняжка, не придаст этим локонам естественности?" – удивилась я, но, судя по самодовольной ухмылке на её лице, она, очевидно, так нравилась себе, что моя жалость была ей явно ни к чему.

"'Еда' во множественном числе, – с интересом подумала

я, – ведь они оба сказали 'еды', а я ни разу в жизни не слышала, чтобы это слово так употребляли", – и решила постараться не забыть занести это в свою маленькую записную книжку, куда я методично записывала все выражения и старые слова с новым смыслом, такие как: "эдэбой, гай – малый, парковаться" и прочие подобные, которые я теперь слышала каждый день, тщательно проговаривая и заучивая с невероятной быстротой. В этот момент в дом ввалилась группа молодых людей в засаленных комбинезонах, громко распевая песню "Вон там"⁵⁰:

*"Подходят янки⁵¹, подходят янки,
Барабанным боем грохоча".*

В мгновение ока к песне присоединились и все остальные, и в течение следующих пяти минут шум стоял невероятный. Затем дверь, за которой все с таким волнением наблюдали, распахнулась, и на пороге возникла огромная женщина в мешковидном платье в синюю полоску и со скудными

⁵⁰ Американская вдохновляющая песня 1917-го года, написанная известным певцом, композитором, поэтом, актёром, драматургом и продюсером Джорджем М. Коэном, которая была очень популярна в Вооружённых силах США и у публики во время Первой и Второй мировых войн и в 1940-ом году удостоена Золотой медали Конгресса США.

⁵¹ Изначально прозвище уроженцев и жителей Новой Англии (северо-восточных американских штатов, где появились первые поселения пилигримов из Англии), позднее распространившееся на жителей США в целом.

ми волосами, стянутыми в узел на макушке, и громовым голосом объявила: "Заходите, ребята, угощение на столе!"

После чего в столовую начался массовый наплыв, при котором каждый явно стремился поскорее занять определённое для него место. И пока я стояла, размышляя, где бы прийтись мне, толстуха меня заметила.

"Привет, незнакомка, – воскликнула она, подходя ко мне и оглядывая с ног до головы. – Ты та француженка от Хипперов? Да? Что ж, меня зовут миссис Пэнс, и я леди, что управляет этим заведением. Ужасно рада с тобой познакомиться. А теперь дай-ка решить, куда мне тебя посадить. Думаю, тебе самое место между мистером Холлом" (она указала на того пожилого джентльмена в алых подтяжках) "и мистером Дьюти – они не станут шибко приставать, если ты им не позволишь, но они будут стараться, ох, как стараться, особенно мистер Холл. Он горячая штучка".

"О чём ты?" – спросил старик, поворачиваясь на стуле и глядя на нас поверх очков. Но она жестом велела ему замолчать.

"Итак, а как *твоё* имя? – спросила она. – Мне нужно представить тебя ребятам. Скажи погромче, девочка".

"Меня зовут Мадам де Келлер", – ответила я тихим голосом, после чего она повернулась к своим деловито жевавшим гостям и рявкнула так, что, вероятно, и на улице было слышно: "Ребята, я хочу представить вам миссис Дюкенни, француженку, что приехала работать к Хипперам. А теперь

давайте-ка все вместе её поприветствуем!" И они скопом покорно заорали: "Привет, миссис Дюкенни, рады с тобой познакомиться!"

Смущённая и не знающая, что сказать, я тихонько выдохнула: "Как поживаете?" – и упала на стул между мистером Холлом и мистером Дьюти. В течение нескольких секунд все внимательно глядели в мою сторону, а потом снова набросились на еду, совершенно про меня забыв.

Первое блюдо состояло из кусочка холодного жилистого мяса с картофельным салатом, солёными огурцами и свёклой, выложенными горкой на одной тарелке. Чувствуя себя очень голодной, я решила не обращать внимания на жёсткость мяса, изо всех сил пытаюсь его нарезать, как вдруг услышала сбоку от себя странные звуки и, скосив глаза, увидела, что мистер Холл, сильно покраснев и засунув пальцы в рот, отчаянно давится.

"Ой, – испуганно вскрикнула я, – смотрите, он задыхается!" Но никто не обратил на это ни малейшего внимания, и в следующую же минуту он снова был в порядке, торжественно держа в одной руке свою вставную челюсть, пока другой тянулся за стаканом с водой.

"Вот, – воскликнул он, осторожно опуская зубы в стакан, – так-то лучше. Забавно, – продолжил он, поворачиваясь ко мне, – всякий раз, когда я забываю вынуть этот чёртов протез, я начинаю вот так давиться. В следующий раз будь хорошей девочкой и напомни мне, ладно? Мисс Биггс, которая

обычно сидела рядом со мной – на этом самом стуле, где теперь сидишь ты, – всегда кричала мне 'зубы', прежде чем мы приступали к еде, и тогда я сразу их вынимал. Видишь ли, мои дёсны крепче и жуют лучше, чем эта дурацкая старая челюсть".

Он выглядел добрым и безобидным стариком, но после этого эпизода мне совсем расхотелось есть, и я отложила нож и вилку.

"В чём дело? – спросил другой мой сосед, мистер Дьюти, – вам не нравится мясо? Сегодня оно удалось", – одобряюще констатировал он и снова погрузился в жевательное молчание. Позже, утолив свой зверский аппетит, он снова повернулся ко мне: "Послушайте, миссис, извините, забыл ваше имя – никогда не мог запомнить французские имена, даже когда бывал там, – я знаю, что с вами: вы тоскуете по дому и грустите! Как насчёт того, чтобы пойти со мной на *фильмы* сегодня вечером, что скажете?"

И снова я была озадачена.

"*Движухи*⁵², что это – движухи?" – спросила я, чувствуя себя страшно невежественной и надеясь, что никто больше не услышал мой вопрос.

Мистер Дьюти удивлённо взглянул на меня, но не рассмеялся. "Разве вы не знаете? – спросил он вполголоса, очевидно, желая избавить меня от публичного унижения. – Ну, это

⁵² Американизм "movie" – "фильм", образованный от глагола "move" – "двигаться", тогда ещё не вошёл в обиход в Европе.

такое представление, показ фотографий, вот так движущихся на экране", – и он услужливо помахал вверх-вниз ладонью перед моим лицом.

"А-а-а, кинематограф. Вот что вы имели в виду", – воскликнула я в восторге, в то время как мистер Дьюти, явно испытывавший облегчение от того, что столь успешно объяснил загадочное слово, удовлетворённо кивнул головой.

"Да, кинематограф! Совершенно верно, вы там так это называете – я забыл. Но разве я не сказал вам, что всегда забываю французские названия? И вот, пожалуйста, я сделал это снова. Ну, как насчёт пойти туда со мной сегодня вечером?"

"Нет, спасибо, мистер Дьюти", – ответила я так вежливо, как только смогла, потому что он тоже, как и старый мистер Холл, казался мне добрым и безобидным. "Видите ли, – продолжила я, – мне придётся работать целый день, и я буду слишком уставшей, чтобы уделять кому-то вечера".

"Ну, может быть, как-нибудь деньком в субботу?" – предложил он, и я неопределённо пробормотала: "Возможно".

Тем временем за столом становилось всё шумнее. Разговоры перемежались громкими криками, и молодые люди в комбинезонах опять начали петь, в то же время изо всех сил пытаясь ущипнуть за зад пухленькую юную дочь семейства Пэнс, невероятно красивую девушку со вздёрнутым носиком и сверкающими зубами, которая, прислуживая им, уворачивалась, хихикала и шлёпала своих кавалеров каждый раз, когда тем удавалось добиться желаемого.

"Ну что ты, Мэриголд-Роуз, я тебе удивляюсь!" – несколько раз укоризненно воскликнула её мать, хотя, очевидно, не могла скрыть своей материнской гордости за неоспоримый успех дочери.

Под прикрытием всего этого шума я повернулась к мистру Дьюти и попросила его рассказать о каждом человеке за столом. Он, казалось, был весьма доволен моей просьбой и, воскликнув: "Всегда рад услужить даме!" – принялся описывать.

"Слева от вас – мистер Холл, – начал он, и я глубокомысленно кивнула, – он художник, можно сказать, настоящий художник, живописец".

"О, правда? – заинтересованно воскликнула я. – А на чём он пишет?"

"На стенах, – серьёзно ответил мистер Дьюти, – он делает лучшую работу в городе, красит стены. Просто кладёт краску, как масло: нигде ни развода, ни пятнышка – я называю это изысканным! Рядом с ним мистер Ровер, коммивояжёр, умён как чёрт. Он объездил всю страну вдоль и поперёк и Мексику тоже. Вон тот молодой человек с красным лицом – водитель бензовоза, а дама возле него – его жена" (и тут он тайком указал на женщину в парике). "Та пожилая пара на другой стороне стола – мистер и миссис Кабб; он ранее занимался лесозаготовками, а нынче на пенсии. Молодой человек прямо напротив вас – продавец табака, а маленькая блондинка – его жена. Они недавно обвенчались и находят-

ся здесь всего неделю, проводя медовый месяц. А эти парни, – продолжил он, обводя жестом кучку молодых людей в комбинезонах, – работают в железнодорожных мастерских. Очень славные ребята. Ну, теперь я рассказал вам обо всех, не так ли?"

"А что насчёт вас? – спросила я. – Про себя-то вы и забыли".

Мистер Дьюти вспыхнул, и его блестящее лунообразное лицо с носом картошкой, круглыми чёрными глазами, широким ртом и торчащими дыбом смоляными волосами внезапно стало очень юным.

"Обо мне-то и сказать особо нечего", – скромно произнёс он, оглядываясь, не подслушивает ли кто. А затем продолжил доверительным тоном: "По профессии я гончар, хотя также занимаюсь производством фейерверков. О, скажите, – вдруг выдал он, позабыв о своей застенчивости и разволновавшись, так как его осенила внезапная мысль, – скажите, вы придёте посмотреть, когда я буду запускать фейерверк на окружной ярмарке? Это будет изысканно, мэм, изысканно! В этом никакая другая ярмарка не сравнится с нашей. Я слышал, как это утверждали люди, объехавшие всю страну, как, например, мистер Ровер. Вы ведь придёте, правда? Я устрою вам лучшее место прямо в первом ряду, и вы сможете в деталях рассмотреть, как я буду запускать все эти чёртовы штуkenции: ракеты, вертушки и прочее. Это зрелище, которое вы не должны пропустить, мадмуазель. 'Бах!' – взрываются

ракеты, и 'пшшш!' – шипят вертушки, а затем появляется пылающее солнце, и всевозможные изображения, и в конце – американский флаг. И я тот человек, который всё это устраивает ... я имею в виду, главный человек. Конечно же, у меня уйма помощников. О, это великолепно!" И мальчуган восторженно вздохнул ...

Десерт, довольно вкусный вишнёвый пирог, буквально смели. Супруга водителя бензовоза встала из-за стола, с наслаждением потягиваясь и зевая, в то время как пожилая жена лесоруба громко икнула, а после, повернувшись к миссис Пэнс, удовлетворённо заметила: "Матерь Божья, как же я наелась!"

Выходя из столовой, я услышала, как один из железнодорожников крикнул тоненьким фальцетом: "До встречи, француженочка, будь хорошей девочкой и не делай ничего такого, чего бы не сделал я!" – и остальные разразились громким хохотом. Выбежав на улицу, я увидела мистера Брауна, который ждал меня, сидя на крыльце и читая газету.

"Снова здравствуйте, Мадам, – сказал он, вставая и дружелюбно улыбаясь. – Я уже здесь и готов отвезти вас обратно. И хорошо, что я приехал – знаете ли, вы слегка опаздываете".

"Обед уж слишком затянулся", – объяснила я, с тревогой думая, не отругает ли меня за это миссис Хиппер.

Вечер трудного дня

Когда я вернулась, она ждала меня, лёжа на диване с влажным полотенцем, обёрнутым вокруг головы, и стаканом ледяного лимонада в руке.

"Вы опоздали на двенадцать минут – переведите это на французский, – заметила она, стоило мне, извиняясь, войти в библиотеку. – И переведите на английский то, что вы мне ответите. А затем *дэй нэй шэй-ву*⁵³ – я нашла это, пока ожидала вас, в учебнике грамматики, – и продолжайте урок".

Всю жаркую вторую половину дня я бубнила себе под нос, а она слушала и дремала. У меня отчаянно болела голова и не проходили сухость во рту и першение в горле. Стрелки на вычурных мраморных часах, стоявших в центре каминной полки, казались в этот знойный день такими же вялыми, как и всё остальное, и несколько раз мне пришлось до боли сжимать пальцы, чтобы тоже не заснуть. Я в невыразимой тоске смотрела на циферблат, а потом говорила себе: "В следующие полчаса не буду на него пялиться". Но когда решала, что полчаса истекли, и с надеждой поднимала глаза, то в отчаянии видела, что прошло всего пять минут.

"Если так и будет продолжаться, то я закричу", – подумала я, затем спросив себя, что произойдёт, дай я действительно-

⁵³ Говорит на ломаном французском: "Day pay shay-woo", – в оригинале "Daigne peigner cheveux" – "Соблаговолите расчесать волосы".

но волю пронзительному воплю. "Каким бы это было облегчением", – продолжала я приятно размышлять и неожиданно расхохоталась, представив себе, как удивилась бы миссис Хиппер, если бы такое и вправду случилось.

"В чём дело? – спросила реальная миссис Хиппер, проснувшись, приведя своё тело в сидячее положение и сурово глядя на меня, в то время как её выющиеся крашенные волосы имели растрёпанный вид, а лицо слегка припухло с той стороны, которой она прижималась к подушке. – Почему вы смеётесь, Мадам? Я не вижу для смеха никаких причин!"

"Всего лишь забавная история, которую я вдруг вспомнила", – ответила я, пытаясь закончить хихикать, но, к своему ужасу, безуспешно.

"Ну, если она так забавна, то поведайте её мне. Я люблю смешные истории", – промолвила она, снова устраиваясь поудобнее на подушках и вылупившись на меня, будто выжидающая сова. "Вы можете сначала рассказать её по-английски, а затем перевести на французский", – заботливо добавила она.

Я стала отчаянно ломать голову в надежде вспомнить хоть что-то забавное и не смогла отыскать ни одного анекдота, что спас бы мне жизнь.

"Она смешна только на французском, поскольку игра слов при переводе потеряет весь свой шарм", – запинаясь, пробормотала я. Но это её не убедило. Она желала услышать смешную историю, и по решительному выражению её лица,

ставшему мне уже хорошо знакомым, я поняла, что мне ни за что не отвертеться.

"Итак, вот она", – начала я, не зная, что скажу дальше, и всё ещё лихорадочно пытаюсь нащупать в памяти хоть что-нибудь смешное. "На самом деле это вовсе не французская история, а древнегреческая", – продолжила я, вдруг с радостью вспомнив ужасную бессмыслицу, которую слышала от своей сестры, когда была ещё совсем крошкой: "Однажды Фемистокл отправился на прогулку и неожиданно столкнулся лицом к лицу со своим врагом. 'Ага! – громко воскликнул благоразумный Фемистокл. – Ага! Ты хочешь убить меня, не так ли?' И с этими мудрыми словами он быстро скрылся за углом".

"И это всё?" – спросила миссис Хиппер, всё так же выжидающе уставившись на меня, словно была уверена, что непременно последует продолжение.

"Да, всё", – ответила я, чувствуя себя немного смущённой, так как было предельно ясно, что моя история отнюдь не являлась чем-то таким, над чем можно было бы ухохотаться.

"Ну, тогда я о ней невысокого мнения, – осуждающе заявила миссис Хиппер, – и более того, я не могу признать, что у вас хорошее чувство юмора".

"О, но, миссис Хиппер, – запротестовала я, – она действительно ужасно смешна, если рассказать её по-гречески, но я же предупреждала вас, что при переводе она растеряет все свои достоинства".

"Что ж, вы были правы, – сказала она, – и я в вас разочарована. Я ожидала, что вы поведаете мне кучу забавных французских историй. Это была одна из причин, по которой я вас наняла. Но если все они такие же 'смешные', как эта, то можете оставить их при себе. А теперь перед ужином Браун отвезёт вас в то место, где вы будете ночевать".

"В ещё одно место?! – испуганно ахнула я, и моё сердце вновь ушло в пятки. – Ох, и куда же на этот раз?"

"Вам покажут комнату, которую я сняла для вас в доме миссис Дейзи Уоппл. Это очень хорошая комната, и она обойдётся вам всего в тридцать долларов в месяц".

"Обойдётся *мне*? – вскричала я. – Я что же, должна буду оплачивать постой и питание из своего кармана?"

"Естественно! – решительно ответила миссис Хиппер. – Мы будем платить вам сто двадцать пять долларов в месяц, так что вы легко сможете сэкономить довольно много денег: если вычтёшь тридцать за комнату и тридцать за кормёжку, то у вас остаётся шестьдесят пять долларов чистыми – я бы сказала, весьма достойная сумма. Если вы меня устроите, то я, возможно, помогу вам с питанием, но я пока не приняла по этому поводу окончательного решения – это полностью зависит от качества вашей работы. Теперь же отправляйтесь вместе с Брауном в дом миссис Уоппл, а оттуда можете прогуляться, чтобы поужинать, до "Белла Виста". После этого вы вернётесь сюда. И если мы всё ещё будем за столом, то вам разрешается подождать в библиотеке".

"Ах ты, ужасная, мерзкая, бездушная, порочная, хладнокровная старая тварь! – в бешенстве думала я, садясь в лимузин. – Ты была груба со мной весь день! Ты даже не поприветствовала меня должным образом и не спросила, хорошо ли прошло моё путешествие и не устала ли я! Никакого такта и ни одного доброго слова. И теперь я должна ночевать в одном месте, потому что ты считаешь, что я не достойна жить в твоём доме, а столоваться в другом, да ещё платить за всё это из того убогого жалования, что ты мне положила! И вдобавок ко всему у тебя хватило жестокости показать мне все свои картины и сказать: 'Эта стоила пятнадцать тысяч долларов, а та – двадцать пять'. Ох, как же я ненавижу тебя, ненавижу тебя, ненавижу!"

Хотя эта мысленная вспышка притушила мои еле сдерживаемые эмоции, я всё равно вся дрожала, когда мы добрались до дома миссис Уопл. Мистер Браун, бросив лишь один встревоженный взгляд на моё лицо, видимо, понял, что слова бесполезны, и молча открыл дверь авто. Однако, когда я выходила, он мягко шепнул: "Я подожду вас, Мадам, и отвезу потом к миссис Пэнс. Не торопитесь – у меня ещё уйма времени".

Чувствуя себя и социалисткой, и большевичкой, и анархисткой до мозга костей, я медленно шла к дому, думая: "Лишь бедные, трудящиеся люди были добры ко мне. Что же касается этой миллионерши Хиппер, то как бы я хотела увидеть её в эпицентре старой доброй революции, что сожгла бы

её картины, разрушила дом, конфисковала драгоценности и деньги и заставила бы её саму работать! Да, это то, что ей нужно – работать, чтобы стать человеком".

На крыльце я едва избежала столкновения с высоким плотным парнем лет пятнадцати, который не отступил в сторону, чтобы дать мне пройти, хотя и стоял прямо на пути к двери, уставившись на меня необычным, отсутствующим взглядом.

"Дома ли миссис Уоппл?" – спросила я, думая над его странным видом, но тот не ответил, а взгляд стал ещё пристальнее.

"Так она дома?" – повторила я громче, гадая, не глухой ли он, но ничего не изменилось. Внезапно он разразился визгливым смехом и, указывая на меня пальцем, быстро произнёс: "Кто, кто, кто, кто? ..." – громким гортанным голосом, одновременно размахивая вверх-вниз руками и прыгая на одной ноге в состоянии сильного возбуждения.

"Ох, бедный мальчуган!" – подумала я и, сжавшись как можно сильнее, чтоб не толкнуть его, проскользнула мимо него в дом. Поначалу я ничего не могла разглядеть, поскольку после яркого света снаружи помещение, казалось, было погружено в кромешную тьму, но постепенно мои глаза привыкли к перемене, и я увидела, что стою в очень маленьком холле у подножия очередной лестницы из золотистого дуба, похожей на ту, что была в доме миссис Пэнс. Не зная, что делать дальше, я лишь крикнула: "Миссис Уоппл, вы до-

ма?" – несколько дрожащим голосом, не похожим на мой. К моему облегчению, кто-то немедленно крикнул в ответ: "Я здесь", – очень бодрым голосом, и тут же в дверях показалась его обладательница, снова крупная женщина, тоже одетая в сине-полосатое платье.

"Лестницы из золотистого дуба, тучные хозяйки, платья в синюю полоску – видимо, тут всё такое", – размышляла я, пока она шла ко мне, улыбаясь. А затем я услышала: "Добрый вечер! Миссис Хиппер только что позвонила мне, сказав, что вы уже в пути. Ваша комната готова, пойдёмте".

И, поднявшись по узкой лестнице, мы оказались на крошечной площадке, которая вела в недлинный тёмный коридор с дверями по обе стороны.

"А вот и ваша комната", – сказала она, распахивая первую дверь налево и пропуская меня внутрь.

Та была маленькой и квадратной, с выцветшими серыми обоями, просто необъятной металлической кроватью, занимавшей больше двух третей её пространства, комодом, тумбочкой, столом и стулом – всё это когда-то было выкрашено в белый цвет. У изножья кровати размещалось одно-единственное окно, которое смотрело прямо на другое окно, принадлежавшее соседнему дому, в котором я сразу же узрела солидных размеров виктролу⁵⁴.

⁵⁴ Вид граммофона, который выпускался в первой половине XX века флагманским американским производителем патефонов и грампластинок "Victor". Помимо проигрывающего устройства и усилителя звука, роль которого играл сам корпус в виде предмета мебели (громкость регулировалась открыванием его две-

"Если я сползу с кровати наполовину, то смогу просунуть ноги в своё окно, а затем, если продвинусь ещё чуть дальше и упрусь задом в подоконник, то, возможно, смогу попасть ногами в окно другого дома", – думала я, пока миссис Уоппл тщательно объясняла мне, сколь комфортно я буду здесь жить.

"Ванная комната находится прямо по коридору слева, – сказала она, – и поскольку у нас с моими детьми есть своя, то вы будете делить эту только с другим нашим постояльцем, мистером Пондом. Это очень приятный молодой человек, и я уверена, что вы с ним прекрасно поладите. А теперь есть ли что-нибудь ещё, что вы хотели бы знать?"

"Нет, благодарю, – ответила я, – но если вы не возражаете, я, пожалуй, приму ванну и переоденусь к ужину".

"О, но горячей воды ещё нет, слишком рано!" – воскликнула она, удивлённо посмотрев на меня и, похоже, испытав большое облегчение, когда я объяснила, что меня устроит и холодная.

"О, всё в порядке, всё в порядке, поступайте, как знаете", – воскликнула она, опять гостеприимно улыбаясь и услужливо выходя за дверь.

Удручённо опустившись на край кровати, я огляделась. Из розетки на стене уныло свисала лампочка, выполнявшая роль бра, в комнате стоял неприятный, тошнотворный запах

рок), в виктроле были отделения для хранения пластинок. Корпуса виктрол производились под разные стили интерьера.

газа, а виктрола, видневшаяся в окне соседнего дома, внезапно заиграла первые аккорды песни "Да, у нас нет бананов"⁵⁵, да так громко, что можно было подумать, будто она стоит в моей комнате.

"Не только бананов, но и вообще ничего у нас нет сегодня, решительно ничего", – подумала я, захлопывая окно, опуская штору и начиная раздеваться. И всё время, пока я мылась и наряжалась в свежую одежду, виктрола продолжала свою сводящую с ума банановую песню, пока мне не захотелось, прыгнув в соседское окно, повалить её и разбить вдребезги.

Закончив сборы, я сбежала вниз, и мистер Браун снова любезно отвёз меня в "Белла Виста". Когда я появилась, ужин был в самом разгаре, а потому миссис Пэнс не преминула громогласно провозгласить: "Так, так, миссис Дюкенни, ты опоздала, но больше так не делай! Мэриголд-Роуз не может позволить себе ждать каждого по отдельности. Ужин в шесть, и в шесть ты обязана здесь быть. Это понятно?"

"Да, миссис Пэнс", – кротко ответила я, занимая своё место между мистером Холлом и мистером Дьюти, тогда как Мэриголд-Роуз с презрительным видом принесла мне тарелку супа.

"Не стоит так поступать, – встревоженно прошептал мистер Дьюти, – она всегда злится, когда кто-нибудь опаздывает. Ужасно злится", – добавил он, торжественно покачав го-

⁵⁵ Американский шлягер Фрэнка Сильвера и Ирвинга Кона. Был записан в марте 1923-го и стал главным хитом того года.

ловой. Затем ко мне повернулся мистер Холл.

"Где ты была, девочка? – спросил он с упрёком. – Я снова чуть не подавился своими зубами, а всё потому, что тебя не было рядом, чтобы напомнить". Однако потом, увидев, как мне жаль, он смягчился и рассказал длинную историю о своей молодости.

Покончив с ужином, я отправилась к Хипперам, застав их обоих сидящими в библиотеке и пьющими кофе.

"Здравствуйте, Мадам, – сказал мистер Хиппер, вставая при моём появлении и пожимая мне руку. – Как ваши дела? Не видел вас после того, как вы прибыли. Была ли ваша поездка приятной? Вчера я собирался встретить вас в Метрополе, но банально опоздал на поезд. Надеюсь, вы комфортно переночевали?"

"С ней всё в порядке, Хайрам", – перебила его миссис Хиппер, прежде чем я успела вымолвить хоть словечко. Она с тревогой наблюдала за нами и, судя по всему, была очень раздосадована сердечным отношением ко мне своего супруга.

"Я думаю, Мадам, – продолжила она с нервно подёргивающимся лицом и красными пятнами, появившимися на обеих щеках, – что вы мне больше этим вечером не понадобится. Вы можете идти к себе прямо сейчас и соблаговолите быть здесь вовремя завтра утром, ровно в восемь часов. Спокойной ночи".

"Спокойной ночи", – ответила я, собираясь уходить, но

мистер Хиппер с упрямым выражением на лице протянул руку, останавливая меня.

"Одну минуту, – безапелляционно произнёс он, – я желаю, чтобы мне тоже давали уроки французского. Полчаса каждое утро, начиная с девяти, меня вполне устроят. А как насчёт вас?"

"Что ж, меня это тоже устроит, если только у миссис Хиппер нет на мой счёт иных планов", – вопросительно глядя на неё, ответила я. Запунцовев ещё сильнее, та пробормотала: "Хорошо, в девять так в девять", – и махнула мне тыльной стороной ладони, словно говоря: "А теперь ступайте, ступайте!"

"Я никак не могу взять в толк, Белла, почему ты не выделила ей спальню в нашем доме?" – услышала я его слова, проходя через холл и направляясь к выходу, но её ответ так и не достиг моих ушей.

Я медленно шла по улице к дому миссис Уоппл с неприятным чувством, будто прожила в этом городе всю свою жизнь.

"А ведь прошёл только первый день, – думала я. – Как же мне выносить этот ужас целый год? Триста шестьдесят пять дней, подобных этому, – и что со мной будет?"

Подойдя к дому, который должен был стать моим на год вперёд, я услышала, как соседская виолончель опять заиграла на полную громкость, и с ужасом поняла, что это всё та же банановая песня. В отчаянии я посмотрела на окно, откуда с такой мощью лились опостылевшие звуки, и мгновенно ре-

шила, что нет никакого смысла подниматься к себе, где, как я знала, грохот будет только усиливаться, как в оркестровой раковине на открытой эстраде.

"Пойду-ка я лучше прогуляюсь", – подумала я и двинулась дальше по улице.

"Ты, ты, ты! – завопил несчастный мальчик, махая мне руками с крыльца, когда я проходила мимо. – Ты, ты ..." Очевидно, он был страшно расстроен из-за того, что я не свернула к входной двери, и, вероятно, решил, что я забыла, где живу, изо всех сил стараясь показать мне, что это тот самый дом.

"Всё хорошо, я скоро вернусь, я всего лишь собираюсь пройтись", – крикнула я ему, и он вмиг успокоился, хотя продолжал, вытягивая шею, следить за мной встревоженным взглядом. Я пока не знала, кто он такой, но предположила, что, должно быть, сын миссис Уоппл. Очевидно, он жил в этом доме, а она ведь упоминала в нашей беседе о своих детях.

"Очень надеюсь, что они не все так же необычны", – сочувственно вздохнула я, продолжая идти дальше.

Широкая улица под названием Джексон-авеню, будучи обсаженной высокими тенистыми деревьями и с приятными на вид домами, расположенными на порядочном отдалении от дороги, была довольно привлекательной. Между тротуаром и постройками раскинулись симпатичные маленькие лужайки, а за ними я могла различить сады с множеством

цветов. Горячий воздух начинал потихоньку остывать; поднялся ветерок, и листья мягко-мягко зашелестели над головой. Всё дальше и дальше я шла мимо этих жилищ с зажжёнными лампами и поднятыми шторами на окнах, так что я могла прекрасно видеть их интерьеры. Было забавно заглядывать внутрь и отмечать более-менее единообразное убранство всех жилых комнат. Камин, большое кресло со столиком и лампой рядом с ним и мужчиной в нём, читающим газету, домашнее пианино, виолончель, радио, диван-кровать, большой стол с лампой посередине и ещё одно кресло, в котором женщина читала или шила. Почти везде звучала музыка – либо дамы играли на пианино и пели джаз, либо виолончели или радио орали на всю катушку. Четыре раза, услышав песню про бананы, я быстро пробежала мимо. Но я нигде не видела детей и решила, что все они в кроватях, поскольку время от времени из затемнённых окон верхних этажей доносились детские визги, и тогда женщины, вскочив со своих кресел, бежали наверх. И по мере того, как я брела и брела, я постепенно стала чувствовать себя призраком, таинственно летящим вдоль улицы и наблюдающим сквозь окна за бытом живых людей. В итоге я дотопала до конца авеню, до поля, которое в темноте казалось бескрайним, так как простиралось до горизонта и сливалось с освещённым сияющими звёздами куполом неба. Мириады светлячков танцевали над этим полем, а ночной воздух благоухал невидимыми цветами. Измученная, я уже собиралась опуститься на траву, как

вдруг заметила большое бревно рядом с тем местом, где стояла.

"Вот мой приют, моё пристанище, – подумала я, усаживаясь на него, – единственный дом, который у меня теперь есть во всём белом свете", – а потом, поскольку у меня выдался такой трудный день и я устала и на сердце было тяжело, я вдруг заплакала, и проплакала очень долго. Вдоволь наревевшись, я сидела, вперив взгляд в беспредельные пространства надо мной и предо мной, залитые светом звёзд и светлячков. Мне чудилось, будто я достигла края земли, остановившись на самой его кромке, чтобы взглянуть в неизведанное за этим краем, наполненное лучистыми сферами, одни из которых были огромными, как Юпитер, а другие совсем маленькими, как крошечное пятнышко светлячка.

"Стоит мне подпрыгнуть, и я, покинув землю, исчезну в космическом эфире, в вечности", – думала я, и от этой мысли у меня закружилась голова, будто я действительно стояла на краю земли. Время шло, всплыла убывающая луна, и, одеревеневшая и испытывающая боль во всех конечностях, я поднялась со своего бревна.

"До свидания, мой Дом Слез, – сказала я вслух, поворачиваясь, чтобы уйти. – Прощай на сегодня. Но я буду возвращаться к тебе каждый вечер, пока остаюсь в этом городе".

На обратном пути я шла очень быстро, поскольку было поздно, свет почти во всех окнах уже не горел, и на улице было темно и безлюдно. Подходя к перекрёстку недалеко от до-

ма миссис Уоппл, я внезапно услышала громкий колокольный звон, за которым последовал яркий, едва меня не ослепивший сноп света. Инстинктивно я остановилась, и в следующую минуту прямо передо мной на тротуаре возник огромный железнодорожный локомотив, медленно пересекавший улицу, скрипя, постанывая и дребезжа, а за ним длинной вереницей тянулись тёмные товарные вагоны. Никогда прежде не видевшая поездов, идущих напрямую сквозь обычные уличные перекрёстки, я, как только состав исчез, опомнившись, решила, что стала жертвой галлюцинации, и, похолодев из-за таких мыслей от страха, бросилась бежать, ни разу не остановившись и не оглянувшись назад, пока не добралась до цели. Кое-как вставив трясущимися пальцами ключ в замок, открыв входную дверь и опрометью взлетев по лестнице, я бросилась на кровать, дрожа всем телом. Мне казалось, что вдалеке всё ещё слышен зловеющий звон этого призрачного колокола, и я, скованная ужасом, долго лежала, натянув одеяло на голову и заткнув пальцами уши. В голове крутился один и тот же вопрос: было ли это видение предсказанием судьбы и стоит ли уже на пороге, словно у Анны Карениной, моя смерть? И только ближе к утру, когда бледный свет зари начал проникать в мою комнату, я, совершенно разбитая душой и телом, заснула.

Скандал и свадьба

Разбуженная будильником в семь утра, я сначала едва могла пошевелиться, а потом, как и накануне в городском отеле, с мучительным трудом умылась и оделась. Без четверти восемь я направилась к дому Хипперов и пять минут спустя уже входила в дверь. В холле я встретила Анну с обеими девочками, которые выглядели свежо и прелестно после, по-видимому, здорового ночного сна. Взглянув же мельком в зеркало на себя саму, я с горечью отметила, что мой внешний вид больше всего напоминал пугало.

"Доброе утро, Мадам, – весело поприветствовала меня Анна. – Знаете ли, вы теперь всегда будете завтракать с нами. Миссис Хиппер сказала мне вчера вечером, что забыла предупредить вас об этом перед вашим уходом, и потому попросила меня вас встретить. Кроме того, она сказала, что хочет, чтобы вы за завтраком беседовали с нами по-французски, дабы мы с детьми смогли тоже выучить язык".

"Хорошо", – уныло согласилась я, проследовав за ней в тот же маленький закуток без окон, где я пыталась ужинать в день своего приезда. Поначалу дети были застенчивы и мне не отвечали, но вскоре новые слова стали их забавлять, и они повторяли за мной, щебеча и болтая без умолку, как две мелкие сороки. Анна же отнеслась к своему первому уроку крайне серьезно и, внимательно наблюдая за моими губами,

всеми силами старалась добиться правильного произношения.

После завтрака миссис Хиппер позвала меня в библиотеку, и там я пребывала до девяти часов, пока не вошла Анна и не сказала, что мистер Хиппер уже меня ждёт. К тому моменту я снова чувствовала себя ужасно расстроенной и взъерошенной, так как миссис Хиппер успела отчитать меня за всю ту газетную шумиху, что поднялась вокруг меня в Нью-Йорке.

"Разве я не говорила вам, Мадам, что не хотела бы, чтобы кто-либо знал про ваш титул? – ворчала она. – А вы при этом идёте и рассказываете всё о себе репортёрам, после чего ваше имя красуется на первых полосах всех газет!"

И хотя я пыталась объяснить ей, как это произошло и что они узнали, кто я такая, от корабельного казначея, она не желала меня слушать и с каждой минутой становилась лишь сварливее и злее.

"У одного из этих писак даже хватило наглости сюда явиться, – возмущённо клокотала она, – и, кроме всего прочего, хотеть заполучить вашу фотографию! Однако я отправила его куда подальше, и, поверьте, вряд ли он поторопится возвращаться".

Итак, после подобного разговора я находилась не в том состоянии, чтобы быть по отношению к кому-либо любезной, и на сказанное мистером Хиппером сердечное: "Здравствуйте, Мадам! Как ваши дела в этот дивный день?" – ответила

коротким "бонжюр" и кивком. Мы старательно проштудировали первую главу школьного учебника Берлица, будучи однако пару раз прерванными таинственным появлением миссис Хиппер, столь бесшумно ступавшей в своих тапочках и с подозрением заглядывавшей в дверь, что в конце концов её муж, выйдя из себя, сердито закричал: "Что с тобой такое и чего тебе нужно?" Вскочив, он с грохотом захлопнул книгу и бросился за ней в холл. Потом оттуда долго доносился его голос, говоривший что-то яростно и громко, хотя что именно, я не поняла, да и не желала этого знать. Но я была рада слышать, как её бранят, и от всего сердца желала, чтобы он её вдобавок отшлёпал.

Вскоре с треском захлопнулась и входная дверь, а Анна, очевидно, до этого их подслушивавшая, прошмыгнула в кабинет, где я так и оставалась сидеть, многозначительно прошептав: "Сейчас он ушёл, но, Боже мой, какую же трёпку он ей задал! Она рыдает. Не ходите к ней, пока она сама не позовёт, и не принимайте близко к сердцу, когда она так гневается. Она часто такая – ревнует, знаете ли".

"Ревнует к кому? Ко мне?" – вскричала я в изумлении и чуть было не расхохоталась, но она, замахав на меня руками и воскликнув: "Тс-с-с, замолчите, а то и у вас, и у меня будут проблемы", – на цыпочках выбежала вон.

Потом я просидела там, видимо, ещё около часа, если не больше, пока не появился мистер Гудман, объявив с официальным поклоном, но неофициальным шёпотом: "Идите,

Мадам, представление окончено, и теперь с ней всё в порядке. Она вас ждёт в библиотеке". И я застала миссис Хиппер полулежащей на диване с опухшими глазами и заплаканным лицом.

"Так тебе и надо", – мстительно подумала я, но, узрев, сколь растрёпанной, и старой, и несчастной она выглядела, вдруг пожалела её и решила приободрить.

"У меня идея, – воскликнула я так радостно, как только смогла. – Вместо того, чтобы говорить вам просто отдельные слова, что вас утомляет до смерти, я почитаю вам вслух из какой-нибудь забавной французской книги. Сначала предложение за предложением, каждое из которых буду тут же переводить, а вы – записывать все новые слова, после чего прочту их опять по-французски. Как вам такое?"

Похоже, моя идея пришлась ей по вкусу, и, найдя старый томик Дюма, она попросила сразу же начать с него. Вскоре я заметила, что моя система успешно работала и что она, удивительно хорошо запоминая слова для дамы её возраста, судя по всему, страшно увлеклась и сюжетом самой книги. Тогда я решила продолжать в том же духе, что и делала до самого конца пребывания в их доме. Результаты были весьма отрадными, поскольку, когда истёк мой год в Рассвете, она уже довольно сносно говорила, читала и писала по-французски, а также явных успехов добились и девчушки с Анной. Но с мистером Хиппером у нас больше не случилось ни одного урока.

Итак, мои дни превратились в скучную рутину. Подъём в семь утра под яростный звон будильника, завтрак с Анной и детьми, а затем неразбавленное ничем, кроме всего двух перерывов на обед и ужин в пансионе, общение до ночи с миссис Хиппер. Изредка она отпускала меня домой перед ужином, и тогда я была свободна весь вечер, но чаще всего она заставляла меня, поев, возвращаться и удерживала до тех пор, пока не приходило время идти спать. В таком обычном режиме я находилась с ней с восьми часов утра до десяти или одиннадцати, а подчас и до двенадцати часов ночи, читая вслух книги Дюма и только их, так как другие её не интересовали. Никогда прежде я не испытывала такой интеллектуальной скуки! Потом наступило время, когда мои глаза ослабли и понадобились очки, а также стало болеть горло и охрип голос. И вот однажды, когда я читала, вдруг лопнул какой-то кровеносный сосуд, и у меня пошла горлом кровь, так что пришлось обратиться в больницу. Но это случилось позже.

Вскоре после приезда я стала получать письма от людей из Метрополя, которые были знакомы с моими друзьями в Англии и, узнав от тех, что я нахожусь в Рассвете, приглашали меня к себе в гости на выходные. Но миссис Хиппер никогда никуда меня не отпускала, и, за одним или двумя исключениями, я прозябала в Рассвете безвылазно. Как ни странно, у миссис Хиппер бывало очень мало посетителей, хотя бóльшую часть своей жизни она прожила именно в этом

городке, и я часто задавалась вопросом, в чём причина. Стыдилась ли она своих старых приятелей теперь, когда стала так богата и жила в столь роскошном доме, и потому намеренно держалась от них подальше (как Мэгги в комиксе "Воспитание отца"⁵⁶) либо же просто не была любима земляками?

Но однажды, примерно спустя месяц после моего приезда, одна из соседок миссис Хиппер, некая миссис Милтон, пришла пригласить её на свадьбу своей дочери и, так как я, разумеется, присутствовала в комнате, любезно пригласила и меня.

"Спасибо, я бы очень хотела прийти, – с готовностью ответила я. – Вы знаете, я никогда раньше не бывала на американской свадьбе, и мне было бы крайне интересно посмотреть".

"Что ж, тогда решено, и мы будем рады видеть вас в церкви, – вежливо произнесла миссис Милтон. – А потом вы просто обязаны прийти на приём в нашем доме, включающий ужин и танцы".

"О, у Мадам не получится побывать и там, и там, – перебила её с очень раздражённым видом миссис Хиппер. – Она сможет посетить церковь, и этого будет вполне достаточно. Нет абсолютно никакой необходимости звать её к вам в дом".

Миссис Милтон, покраснев и довольно быстро попрощав-

⁵⁶ Американский комикс, созданный карикатуристом Джорджем Макманусом, первый выпуск которого был опубликован в 1913-ом году. Его главными героями были чудом разбогатевший ирландец-иммигрант Джиггс и его жена-стерва Мэгги.

шись, встала, чтобы уйти, тогда как я вскочила, буквально потеряв дар речи от гнева. Стоило миссис Милтон покинуть нас, как я повернулась к миссис Хиппер.

"Мне жаль, что я не смогу сегодня продолжить чтение, – сказала я, сдерживаясь изо всех сил, хотя она, вероятно, видела, как я расстроена. – У меня просто раскалывается голова, и я должна прилечь".

"Хорошо, – нахмурившись, ответила та, – хорошо, сейчас вы можете идти и немного отдохнуть, но непременно возвращайтесь через час, я буду вас ждать". И она вышла из комнаты, хлопнув за собой дверь, дабы продемонстрировать, как недовольна мной из-за моей головной боли.

Однако в день свадьбы она вдруг стала более любезной и даже сказала мне, что я могу поехать с ней в церковь на их автомобиле.

"И у меня есть старая накидка, которую я могу вам одолжить", – довольно благосклонно промолвила она, увидев, что у меня нет своей.

Когда мы подошли к церкви, она что-то шепнула двинувшемуся нам навстречу высокому молодому человеку.

"О, разумеется, миссис Хиппер", – ответил тот, зыркнув на меня, а затем подзвав к себе другого молодого человека с таким же цветком на лацкане. "Найдите ей место", – сказал он тихим голосом, но достаточно громко, чтобы я могла слышать, а после, избавившись от меня, повёл миссис Хиппер по проходу. Юноша, которому было приказано куда-ли-

бо меня усадить, похоже, решил долго не возиться и, надменно махнув рукой в белой перчатке, указал на место в заднем ряду, рядом с которым я и стояла. Я тихо села, радуясь, что наконец-то нашлось куда, и сразу огляделась по сторонам. Церковь была изумительно украшена цветами, а лёгкие летние платья дам придавали тёмным скамьям весёлый оттенок. Тихо играл орган, и приглушённый шум голосов наполнял благоухающий воздух. Я могла видеть мистера и миссис Хиппер, величественно сидевших в первом ряду, но глядя дальше на море незнакомых лиц вокруг себя, я думала, как странно находиться в городке, где я не знала ни единой живой души, за исключением Хипперов, Уопплов и своих сотоварищей по трапезам в пансионе. И пока мой взгляд бессознательно блуждал по всем этим чужим и не особо интересным профилям, я вдруг с удивлением заметила лик молодой женщины, который привлёк моё внимание и, более того, обернулся ко мне в тот самый миг, когда я его узрела. Миниатюрный, прелестный, с большими сверкающими и полными ума карими очами, тот выделялся в этой толпе, словно окружённый сорняками чудесный цветок. Девушка смотрела на меня с полуулыбкой, которая, казалось, застенчиво говорила: "А вы кто такая? Я никогда вас раньше не видела. Но вы мне нравитесь. А я вам?"

И я инстинктивно улыбнулась в ответ. Это было всё равно, что встретить старого друга в скопище чужаков, и впервые со дня своего приезда я почувствовала, что теперь не одна

в этой унылой дыре. И так мы продолжали смотреть друг на друга и улыбаться, совсем как две маленькие девочки, которые жаждут познакомиться поближе.

"Давай узнаваться!" – вот как, по словам моей мамы, я любила говорить, когда была крохой и особенно хотела познакомиться с понравившимся мне ребёнком. Поэтому "давай узнаваться" и стало тем немым посылом, что был в моём взгляде, обращённом на очаровательную незнакомку.

Внезапно снаружи послышался шум, прихожане замолкли, орган заиграл подобающий случаю марш, и свадебная процессия вступила в церковь. Всё это было очень мило, за исключением того, как они шли по проходу, – "словно медлительные гуси", – подумала я, и на меня столь неприятно подействовала такая неестественность и абсурдность, что я тут же отвела взгляд. Не знаю почему, но подобные вещи всегда вызывали на моей спине мурашки, и по сей день я спешу закрыть глаза, стоит им наткнуться на нелепый гусиный шаг свадебной процессии.

Когда короткая церемония завершилась и я стала спрашивать себя, что же мне делать дальше, вдруг появилась миссис Хиппер и, вложив мне в руку пятидесятицентовую монету, прошептала: "Возьмите такси, поезжайте к нам и ждите меня. Я не смогу отвезти вас обратно, так как еду на приём". А затем исчезла, оставив меня стоять у церковной скамьи, крепко сжимая пятьдесят центов. Стоило мне шагнуть в проход, как толкающаяся толпа резво понесла меня к выходу, и

вскоре я очутилась на тротуаре, а потом и в такси, слегка задыхаясь, однако радуясь, что выбралась из этой жуткой суматохи. Я тщетно прождала миссис Хиппер в их доме, увидев её лишь мельком перед ужином, когда она явилась, чтобы переодеться к свадебной вечеринке.

"Мадам, сегодня вечером вы свободны", – крикнула та, поднимаясь по лестнице, и я, испугавшись, что она поменяет вместе с платьем и своё решение, убежала так быстро, как только позволили мне мои ноги.

Отправившись после ужина на долгую прогулку, я, прежде чем оказаться в Доме Слёз, как регулярно старалась делать, решила взглянуть на танцы Милтонов, которые, как я знала, происходили в их саду. Музыка гремела на всю улицу, и, когда я осторожно приблизилась к их изгороди, моему взору предстала лужайка, весело украшенная японскими фонариками, и огромный деревянный помост, возведённый, похоже, специально для этого случая и служивший танцполом. То было невероятно красивое зрелище, и пока я стояла там, любуясь им и напевая мелодию, которую играл оркестр, я внезапно узнала молодую прелестницу из церкви. Она была одета в белое с серебром и выглядела, как миниатюрная, изящная и легконогая фея, пока танцевала с дородным пожилым мужчиной, который, казалось, необычайно ею гордился. А чуть позже, когда они оказались совсем близко от места, где я стояла, я почувствовала, как кто-то меня ущипнул, и, обернувшись, увидела сияющее лицо нашей малень-

кой горничной Кэтлин.

"Здравствуйте, Мадам, – прошептала она, – так вы тоже здесь! Разве не шикарная вечеринка? Господи, как бы я хотела сама там оказаться".

Меня осенила внезапная мысль.

"А вы всех тут знаете?" – спросила её я.

Она кивнула и гордо ответила: "Конечно, знаю, просто укажите на любого, и я скажу вам, кто это".

"Ну, например, вон та леди?" – спросила я, указывая на мою маленькую фею, когда та проплывала мимо в своём бело-серебристом наряде.

"Та-то? О, это миссис Барр. Ну, разве она не красавица? Да к тому же прекрасно воспитана. Всегда скажет: 'Доброе утро, Кэтлин', и 'До свидания, Кэтлин', – когда заходит к нам и я открываю ей дверь".

Эта информация меня необычайно порадовала, и, преисполнившись тёплых чувств к миниатюрной миссис Барр, проявлявшей столь благородное отношение к бедным незаметным ирландским открывателям дверей, я вылезла из кустов изгороди и, приняв беспечный вид, будто никогда из них не подглядывала, продолжила свою прогулку, закончив, как водится, у Дома Слез. В ту ночь я просидела там непривычно долго, не следя за временем и наслаждаясь каждой минуткой своей драгоценной свободы. Звёзды, светлячки, бескрайние просторы и сладкий аромат полевых цветов – всё это, как обычно, было на месте, чтобы поприветствовать ме-

ня и составить компанию, пока я сидела на своём бревне. Каким-то таинственным образом именно в этой точке ночь за ночью я черпала необходимые силы, чтобы потом пережить долгие и тоскливые дни. Я была как бы часами на ножках, которые добредали туда каждый вечер, еле-еле тикая и остро нуждаясь в том, чтобы их завели, поскольку на самом деле уже находились на грани остановки. И как раз в тот момент, когда я чувствовала, что силы мои почти иссякли, невиди-мая, мощная, дарующая жизнь рука опять успешно заводила меня, так что по возвращении в свою комнату я чувствовала себя полной жизненных сил и энергии и готовой выдержать очередной изнурительный день.

Ку-клукс-клан и кино

Однажды ночью у меня случилось особенно интересное приключение – я стала свидетельницей собрания Ку-клукс-клана. Это произошло следующим образом.

Как-то за ужином в пансионе зашёл разговор в общем о Ку-клукс-клане и в особенности о тайной встрече, которую тот вскоре должен был провести где-то поблизости, хотя никто точно не знал, когда и где. К моему удивлению, водитель бензовоза, который до того дня был неизменно молчалив, уделяя всё своё внимание еде, вдруг стал страшно болтлив и, похоже, весьма много знал о данной организации, так как стал делать таинственные намёки, напустив на себя вид затора событий секретной важности. Очень заинтересованная и жаждущая услышать побольше по этой теме, я, подойдя к нему после ужина, тихонько задала ряд вопросов, на которые тот с готовностью ответил. Затем, когда все стали громко спорить о клане, он вдруг пробормотал: "Слушайте сюда, мэм, если вы действительно хотите увидеть то собрание, то приходите завтра ночью около одиннадцати на поле Райдера. И если кто-нибудь заметит вас и спросит, кто вы такая, то скажите, что вас прислал водитель Чарли. Если же вам не позволят оставаться рядом с кругом, попросите их позвать меня, и я прослежу, чтобы никто вас не прогнал".

Поражённая таким доверием ко мне – абсолютно незна-

комому ему человеку, – я произнесла слова благодарности и тут же, прежде чем он успел передумать, поспешно заверила, что непременно буду там завтрашней ночью.

Весь следующий день я провела в лихорадочном возбуждении, боясь, что миссис Хиппер задержит меня до полуночи и я пропущу событие. Но удача была на моей стороне, и как раз перед ужином миссис Хиппер объявила мне, что дальнейшее моё присутствие не требуется, поскольку они собираются поиграть в бридж. Со вздохом облегчения я помчалась в пансион, мгновенно проглотила свой ужин и тотчас отправилась в пешую экспедицию, поскольку предстояло преодолеть довольно приличное расстояние. Но я топала так быстро, что в десять часов уже добралась до указанного поля, где, несмотря на темень, разглядела внушительную группу странных и бесформенных белых фигур. Подобравшись ближе, я различила, что они были одеты, словно призраки, в свободные белые мантии с белыми капюшонами, полностью закрывавшими их головы и лица, оставляя лишь узкие прорезы для глаз. Помимо того, что они были ужасно похожи на призраков, они также напомнили мне таинственных Братьев милосердия, которых я видела на улицах Италии либо несущими гроб кого-то слишком бедного, чтобы быть похороненным традиционным способом, либо спешащими по какому-то тайному поручению своего ордена. И я была сильно удивлена, когда один итальянец однажды рассказал мне, что большинство этих мужчин принадлежат к величайшим

семьям Италии и что секретность их ордена такова, что два друга, играющие в карты в одном клубе и за одним столом, даже не подозревают, что оба являются Братьями милосердия, когда же их вызывают в самый разгар игры для выполнения какого-нибудь долга – к примеру, хоронить мёртвых или помогать больным, – они никогда не представляют, кто их напарники, так как правила ордена запрещают раскрывать словом или знаком свою личность. И вот, глядя на белые силуэты членов клана, я размышляла, а случайно ли эта организация так похожа на итальянский орден и по духу секретности, и по виду облачения?

Поначалу, кроме этой белой толпы, снующей по тёмному полю, смотреть было особо не на что; затем внезапно кое-что стало происходить. Прежде всего, появился эскадрон всадников с горящими факелами в руках и верхом на конях, казавшихся неестественными и измождёнными, поскольку они также были закутаны в белое. Доскакав до окраины поля, всадники остановились, после чего, нарушив строй, распределились гуськом, образовав большой круг, который стал медленно двигаться в одном направлении. При этом отовсюду непрерывно подтягивались новые пешие члены клана, пока мне не стало казаться, что внутри таинственного круга собрались уже многие тысячи участников. Дальше появились автомобили с электрическими крестами, стоявшими вертикально на их капотах, а также аэропланы, невидимые в ночном небе, не считая таких же конструкций на их фюзеля-

жах. Создавалось сверхъестественное ощущение, что сияющие кресты летают туда-сюда над полем сами по себе. При свете факелов мне стало видно, что внутри магического круга воздвигнуты восемь трибун, а в самом его центре ровно в полночь внезапно вспыхнули, подобно огненной Голгофе, три гигантских деревянных распятия.

"Вперёд, христианские воины", – пело множество белых фигур, и началось таинство их обрядов. Хотя никто меня не заметил, я не осмеливалась подойти к кругу слишком близко и, затаив дыхание, издали следила за каждым движением. Судя по всему, это была церемония посвящения, поскольку в круг ввели большое число облачённых в обычную одежду мужчин, позже проведя их между двумя шеренгами членов клана с одной трибуны на другую, где явно важный представитель руководства общества, похоже, задавал вопросы по очереди каждому из них. Это продолжалось довольно долго, а затем, после того, как все они были подведены к каждой из трибун, им выдали такие же белые балахоны, как у всех остальных, вкуче с деревянными носильными крестами. После ещё ряда шествий и песнопений церемония завершилась. Аэропланы и автомобили исчезли, всадники, погасив свои факелы, ускакали прочь, а огромное полчище адептов Ку-клукс-клана, быстро сбросив ритуальные одеяния, превратилось в тёмную толпу обычных людей. Я же побежала, задыхаясь, обратно домой и попала в свою комнату в три часа ночи, слишком взволнованная, чтобы спать или даже раз-

деться.

Единственной истинной отрадой, испытываемой мною в те нелёгкие дни, было получение посланий из-за границы, из Лондона и Парижа. Все мои друзья, по-видимому, понимая, как отчаянно одинока я была в Рассвете, писали мне довольно-таки часто. Великая княгиня Ксения, леди Карнок, архиепископ Парижский Евлогий и многие другие отправляли мне длинные эпистолы, информируя обо всех новостях, которые, по их мнению, могли бы меня заинтересовать, и всеми силами стараясь меня подбодрить. Ковылявший дважды в день по Джексон-авеню почтальон – коренастый, приятный паренёк – почти всегда приносил в своей сумке что-то и для меня. Он настолько привык к количеству писем, поступавших мне практически ежедневно, что, когда случались перерывы, очень огорчался, крича встревоженным голосом: "Только представьте, Графиня, сегодня для вас ничего нет!"

Изредка, когда миссис Хиппер уходила вечером в гости, я посещала кинотеатр "Вулф", пытаюсь там забыть о своей утомительной жизни за просмотром какой-нибудь захватывающей киноленты. Касаемо серьёзных картин, с ними у меня всё шло хорошо, но когда дело доходило до водевилей, я чувствовала себя совершенно потерянной, поскольку не могла понять быструю речь комиков и потому пропускала каждую шутку. И неважно, насколько внимательной я была и как сильно напрягала слух и мозг, – мне приходилось сидеть в мрачном замешательстве, в то время как зал сотрясался от

хохота. Даже титры в комедиях приводили меня в ступор, и я с тревогой пыталась понять, в чём юмор, часто с треском проваливаясь в этих попытках. И вот однажды, когда на экране мелькала "реклама" и мне показалось, что я увидела нечто забавное, я прыснула от смеха, чтобы показать аудитории, что я поняла суть раньше, чем кто-либо другой. Всё, что там было написано, – это "Осуйго", большими буквами под изображением каких-то довольно невзрачных зданий, которые могли бы принадлежать любому городку Среднего Запада. Но я решила, что "Осуйго" – это юмористическое искажение слов *"эз уи гоу"*⁵⁷, и громко расхохоталась, не столько над шуткой, которая показалась мне не такой уж и смешной, сколько от радости, что я наконец-то уловила соль чистого американского юмора. Однако, оглядевшись вокруг, как это делают в театре, когда все вместе наслаждаются одним и тем же зрелищем, я с удивлением заметила, что никто даже не улыбнулся; напротив, фермер, сидевший справа, буквально прожигал меня сердитым взглядом. Почувствовав, что где-то допущена грубая ошибка, я, взяв себя в руки, перестала смеяться и с серьёзным видом стала внимательно наблюдать, как "Осуйго" исчезает с экрана. В тот же вечер, идя домой с детской няней Анной, которая тоже была на просмотре, я спросила её, что значит "Осуйго", и почувствовала себя донельзя жалкой и глупой, когда та ответила: "Да ведь это просто название города, Мадам! ... Разве вы не видели сегодня

⁵⁷ Английское "as we go" – "пока мы идём" или "по ходу дела".

его рекламу?"

Ночной поезд и сигарета

Жара в то лето стояла ужасная, и в моей спальне было нечем дышать. Но я ничего не могла с этим поделать, так как мой сосед, мистер Брукс, обычно сидел в своей комнате напротив, широко распахнув дверь, и на нём не было ни клочка одежды (хотя он всегда носил очки), поэтому мне приходилось держать свою дверь закрытой, да к тому же набившие оскомину звуки вечной банановой песни вынуждали меня закупоривать окно. Единственное, что мне оставалось, – это гулять по улицам, и всякий раз, когда выдавалась возможность, я шла в Дом Слез и сидела там допоздна.

После моего первого ужасающего опыта с ночным товарным поездом меня странным образом стало к нему тянуть, и я каждую ночь бежала к тому же перекрёстку, чтобы посмотреть, как он проезжает. Независимо от того, где я была: у миссис Хиппер, или в Доме Слез, или на улицах городка, бесцельно прогуливаясь, чтобы устать, – я приходила в сильнейшее беспокойство незадолго до полуночи, когда наступало время появления моего поезда-призрака, и, если опаздывала, то неслась, сбивая дыхание, чтобы успеть встретить его на углу. Но обычно я приходила туда заранее и, прислонившись к определённом дереву, всегда одному и тому же, терпеливо ждала появления отдалённых звуков, возвещавших о его приближении. Ржавые рельсы, не использовавшиеся ни

для чего, кроме этого единственного полуночного состава, тянулись прямой линией через широкое поле, позволяя мне издали увидеть первый слабый проблеск фары локомотива и услышать зловещий звон его колокола задолго до того, как он подъезжал к перекрёстку. И, бывало, придя слишком рано, я с колотящимся сердцем и липкими руками, напрягая зрение и слух, всё вглядывалась и вслушивалась во мрак, чтобы уловить первый лучик света – не больше блуждающего огонька – и еле слышный динь-динь-динь. По мере того как поезд подходил всё ближе и ближе, его необъяснимая, завораживающая власть надо мной становилась столь велика, что холодный пот выступал по всему моему телу, и я начинала дрожать с головы до ног. Всякий раз, когда локомотив проезжал мимо дерева, к которому я прижималась, обхватив руками и впиваясь пальцами в кору, я крепко зажмуривала глаза, дабы не видеть, как рядом медленно крутятся огромные колёса. Они пугали меня и одновременно привлекали, как друг, на которого я могла безоговорочно положиться. Я знала, что найду их там в любую ночь, я знала, что они могут уничтожить меня, когда бы я ни захотела, и всё же я чувствовала, что окончательное решение всегда будет за мной, что делало меня его хозяйкой.

В какие-то дни я приходила в полное отчаяние и вот что записала в своём дневнике 5 сентября:

"Я просто машина, которая существует чисто механически, вот и всё. И я дышу только потому, что не осмеливаюсь

положить конец такому существованию.

Я не читаю никаких серьёзных книг, потому что не могу заставить себя учиться. Учиться, концентрироваться, работать умственно – значит жить, а я не должна жить, я не смею жить, потому что тогда я буду размышлять, а мысли слишком болезненны.

Я не читаю никаких любовных романов и бульварных брошюр, так как они мне теперь не интересны. Стоит пролистать лишь несколько страниц, и я знаю, чем всё закончится, и от этого я чувствую себя такой старой, такой безнадежно древней.

Я не могу шить, поскольку и тогда мои мысли и воспоминания – неотъемлемые спутники процесса, а я не должна думать и не должна вспоминать.

Я не хочу гулять, так как мне некуда идти, кроме Дома Слез, и я иду только потому, что человеческая машина должна ходить, мои ноги требуют этого, всё моё тело толкает меня вперёд ... поэтому я бесцельно бреду, возвращаясь только тогда, когда чувствую, что для движения нет больше сил.

Я не желаю ни на чём ездить – куда мне ехать? Здесь не на что смотреть, кроме полей, бескрайних полей.

Я почти не пишу по той же причине, по которой не читаю: ведь когда пишешь – кладёшь на бумагу свои мысли, а это опять заставляет страдать.

Я ем, я сплю, я двигаюсь, я учу – потому что я существую и обязана совершать все эти действия. Но, ох, как я устала! Так

ужасно не иметь никого в целом свете – быть одной, одной, одной. И нечего ждать в будущем, не иметь никаких мыслей, кроме дум о прошлом, образующих цепь печалей, которые я пытаюсь забыть, не ценить ничего в настоящем – ничего, ничего, ничего. Лишь Дом Слёз и Полуночный Поезд поддерживают во мне огонёчек жизни, являясь единственным, чего я жду с нетерпением весь день напролёт.

Ох, неужели же никогда-никогда больше со мной не случится ничего хорошего?"

Примерно в то же время меня с позором изгнали из пансиона миссис Пэнс. Однажды после ужина, когда я стояла на крыльце её дома и беседовала со старым мистером Холлом, подошёл один из железнодорожников и предложил мне сигарету, сказав: "Я знаю, француженочка, что ты не прочь всласть покурить, а это отличная марка – я вчера выиграл коробку".

Поблагодарив его и взяв штучку, я лишь успела разок затянуться, как вдруг услышала вопль за своей спиной и, обернувшись, увидела миссис Пэнс с пунцовыми щеками и выпученными глазами, в ужасе уставившуюся на мою сигарету. С пяток секунд она стояла, потеряв дар речи и являя собой воплощение праведного гнева ... Затем, издав ещё один вопль, она бросилась ко мне и, потрясая кулаком перед самым моим носом, закричала: "Выброси это, ты, порочная, грешная женщина! Выброси это немедленно, и не смей делать этого

снова, слышишь?"

Поражённая, я уставилась на неё, а мистер Холл успокаивающе пробормотал: "Ну, ну, миссис Пэнс, не расстраивайтесь так, всё хорошо – она не знала, что вам не нравится, когда дамы здесь курят".

Однако миссис Пэнс не унималась и продолжала угрожающе надвигаться, пока буквально не нависла надо мной. На мгновение мне показалось, что она собирается меня ударить, и, похоже, у всех остальных на крыльце мелькнула та же мысль, поскольку наступила мёртвая тишина и ни один из них не шевельнулся. "И что нужно делать в подобном случае, наносить ответный удар?" – успела удивиться я. Но как раз в тот момент, когда ситуация накалилась до предела, мистер Дьюти громко чихнул, и напряжение спало. Кто-то засмеялся, люди на крыльце пришли в естественное движение, мистер Холл встал между мной и миссис Пэнс и, мягко прихватив её за полную руку, тихо увёл внутрь. Что же касается меня, то, дрожа от негодования и гнева, я сбежала по ступенькам, промчалась по улице и ворвалась в дом Хипперов, попав в библиотеку в состоянии кипящей ярости. Миссис Хиппер, лёжа на своём диване, спала, однако мне было на это наплевать.

"Эта гарпия оскорбила меня, и я никогда больше туда не вернусь!" – проорала я, хватая её за плечо и заставляя сесть, в то время как она непонимающе моргала спросонья.

"Кто, что и где сделал?" – наконец спросила она, выглядя

так забавно, что я бы рассмеялась, если бы не была так зла.

"Старуха Пэнс оскорбительно накричала на меня и чуть не ударила за то, что я выкурила сигарету у неё на крыльце после ужина", – объяснила я чуть более связно, но она лишь пожалала плечами и в своей гнусной манере заметила, что это моё личное дело и её не касается.

"Ну уж нет, это ваше дело, – возразила я, вновь начиная закипать. – Я здесь совершенно чужая, я приехала работать на вас, вы заставили меня питаться в этом ужасном пансионе, и теперь я говорю вам, что никогда больше туда не вернусь – никогда! Я предпочту умереть с голоду ..."

И тут миссис Хиппер осознала ситуацию.

"О, детка, – сказала она, вставая с дивана, надевая очки и расправляя складки своего платья. – О, детка, теперь я понимаю, понимаю. Она возражала против того, чтобы ты курила сигареты, не так ли? Ответь мне по-французски".

"Не важно, против чего; и я буду говорить по-английски, – крикнула я довольно грубо. – Говорю вам, она накричала на меня, грозила кулаком и чуть не ударила, и я не вернусь, даже если вы скажете, что я должна, – в этом случае я уйду от вас прямо сейчас – мне плевать на контракт – и буду искать защиты в британском посольстве!"

Эта речь произвела желаемый эффект. Миссис Хиппер, выглядя встревоженной, пялилась на меня так, словно видела в первый раз, и после минутного молчания заявила: "Хорошо, вам не нужно туда возвращаться, и вы можете столо-

ваться здесь, с Анной и детьми. Я предупрежу повара".

"Мне всё равно, где я буду есть, – ответила я, – главное – больше никогда не видеть эту Пэнс".

И таким образом в моей жизни произошли перемены к лучшему. Я так и не вернулась в пансион, а питалась с Анной и детьми, в то время как миссис Хиппер в одиночестве и великолепии трапезничала в столовой.

Свадебный генерал

Однажды в октябре миссис Хиппер несказанно поразила меня, прислав выгравированное приглашение, содержащее просьбу "Графине" посетить ужин в резиденции Хипперов в указанный далее день. Поскольку она ничего не сказала мне об этом лично, хотя я, как обычно, видела её в течение всего того дня с восьми часов утра до полуночи, я с трудом поверила своим глазам и, прихватив на следующее утро красивую открытку с собой, спросила её, что всё это значит.

"Только то, что здесь написано, – ответила она, одарив меня ледяным взглядом. – И, кроме того, разве внизу не указано R.S.V.P.⁵⁸? Вы, разумеется, должны знать, что это за акроним!"

"Ну да, – с сомнением пробормотала я, всё ещё глядя на карточку неверящим взором, – я знаю и, конечно же, приду, если вы того желаете".

"Разве так принято принимать официальное приглашение? – теперь уже совсем раздражённо спросила она. – Вам не кажется, что отвечать должно подобающим образом в соответствии с этикетом?"

"Хорошо, я так и сделаю", – согласилась я, подавляя дикое

⁵⁸ Запрос подтверждения от приглашённого человека – сокращённо от французской фразы "Répondez s'il vous plaît", что буквально переводится как "Будьте добры ответить".

желание расхохотаться, и тут же, по какой-то необъяснимой причине, снова вспомнив "Алису в стране чудес" и конкретно тот отрывок, где Додо после забега торжественно вручает Алисе её собственный напёрсток. "Это такая же бессмыслица", – подумала я, но, научившись контролировать выражение своего лица после печального случая с историей о Фемистокле, чинно поклонилась и заверила, что буду рада отправить тем же вечером официальное подтверждение своего присутствия. Так и случилось.

Когда настал день званого ужина, мне велели облачиться в моё чёрное шёлковое вечернее платье и явиться ровно в половине восьмого. И невозможно передать моё удивление, когда, войдя через парадную дверь (что мне также было велено сделать, а не юркнуть, как обычно, через кухню), миссис Хиппер внезапно направилась ко мне с протянутыми руками, восторженно воскликнув: "О, Графиня, как я рада вас видеть!" – а затем представила всем своим гостям. Все называли меня графиней, все мне улыбались и в качестве кульминации, в которую раньше трудно было бы поверить, меня усадили справа от мистера Хиппера. Именно тогда у нас с ним состоялся первый настоящий разговор, и я нашла его довольно интересным. Но в течение всего ужина я не могла понять, что произошло и почему меня допустили к столу, как вдруг одно неосторожное слово мистера Хиппера раскрыло загадку: все гости были "не отсюда", а из Нью-Йорка и Вашингтона, и я со своим титулом, получается, играла

роль чеховского "свадебного генерала", которого обычно нанимали для торжественных мероприятий, дабы произвести своим высоким званием и наградами впечатление на новичков. Это открытие просто меня "добило", и я расхохоталась и хохотала весь вечер напролёт. К счастью, мистер Хиппер не переставая рассказывал всякие анекдоты, так что я могла смеяться, не позоря себя, а миссис Хиппер буквально сияла от счастья, и я даже удостоилась её замечания, обращённого к одному из гостей, что "милая маленькая графиня – сама душа веселья!"

Насколько я могла судить, всё прошло превосходно, и после этого всякий раз, когда приезжали гости из других городов, меня официально приглашали на ужин и бурно встречали у входной двери с приветственными криками и протянутыми руками. Я прекрасно выучила свою роль и сожалела лишь о том, что не было рядом Чехова, чтоб оценить то, как я её играю.

Зимой же, при каждой поездке Хипперов в оперу в Метрополь, я обычно их сопровождала, и на следующий день газеты писали обо мне, как об их очаровательной почётной гостье.

На Рождество я испытала шок. Покупая подарки, согласно русской традиции, для всех домочадцев в резиденции Хипперов, я растерялась, когда дело дошло до выбора подношения для миссис Хиппер, поскольку подумала, что вряд ли могу ограничиться чем-то вроде флакончика духов или па-

ры шёлковых чулок. В конце концов я решила подарить ей одну из моих любимых вещей, что привёз мне из России доктор Голдер. После долгих раздумий мой выбор пал на старинный французский веер восемнадцатого века, красиво расписанный вручную и дополненный перламутровой подставкой, богато украшенной резьбой и золотым тиснением. Веер был подписан именем расписавшего его знаменитого художника, принадлежал ещё моей прабабушке и считался знатоками очень изящным и ценным предметом. Итак, рождественским утром я, тщательно завернув его, со многими предосторожностями, так как тротуары были ужасно скользкими, отнесла в дом работодателя. Усмехаясь при мысли о её будущем восторге, я сидела в холле и ждала, когда она спустится и включит электрические лампочки на рождественской ёлке, прежде чем позвать к ней детей. Я была столь взволнована предвкушением того, как подарю ей нечто действительно прекрасное, что едва могла усидеть на месте и, мельком взглянув на себя в зеркало, увидела, что мои щёки пылают румянцем и сияют глаза. Впервые с тех пор, как я приехала в Рассвет, я почувствовала себя счастливой, находясь в этом непередаваемом "рождественском" состоянии духа. Окружённая подарками, купленными для детей и прислуги, я сидела, держа веер на коленях и нетерпеливо поглядывая на часы. Наконец, когда пробило восемь, я услышала, как наверху открылась дверь, за чем последовало появление миссис Хиппер, имевшей очень сонный и растрёпан-

ный вид, пока она спускалась по ступеням в развевающемся ночном шлафроке. Заметив, что я обложена кучей свёртков, она остановилась и уставилась на меня.

"Боже правый, что это там у вас?" – спросила она, а я радостно ответила: "Подарки для всех".

"Подарки? Но вам не следовало этого делать, – неодобрительно воскликнула она. – Ведь я никогда никому ничего не даю, кроме денег. Только мистер Хиппер и дети получают от меня подарки".

С лёгким холодком в сердце и дурным предчувствием я встала и, собрав свои всевозможные свёртки, последовала за ней в картинную галерею, где в углу стояла ёлка. Вокруг неё не оказалось маленьких столиков, уставленных подарками, как это было всегда у нас в России, и, если бы не детские игрушки, разбросанные под нижними ветвями, комната выглядела бы в тусклом свете зимнего утра голой и унылой. Бросив свои свёртки на кресло, я помогла миссис Хиппер включить разноцветные электрические лампочки, а затем, по её просьбе, поднялась наверх сказать Анне, что та может привести детей. В следующую же минуту они вбежали в комнату и, после первых криков восторга при виде сверкающей ёлки, бросились, повизгивая, изучать игрушки и подарки. После этого миссис Хиппер велела Анне позвать слуг и, когда та ушла, повернулась ко мне со следующими словами: "Когда они придут, я желаю, чтобы вы вышли в коридор и ввели их сюда. В конце концов, как вы знаете, вам следует идти пер-

вой".

Я механически повиновалась и на свинцовых ногах направилась в холл, где уже собрались слуги, выстраиваясь в очередь. Я вновь мельком увидела своё отражение в том же зеркале, моментально осознав, что стала мертвенно-бледной и мои глаза тусклы и печальны. Тем временем Анна деловито выстроила всех по ранжиру и, закончив, запустила на виктроле праздничный марш, после чего, трижды хлопнув в ладоши, воскликнула: "А теперь, Мадам, ведите их в галерею!"

"И вновь на сцене бедный свадебный генерал со всеми своими регалиями", – подумала я, двигаясь как во сне и первой получив из рук миссис Хиппер большую картонную шляпную коробку весёленьких расцветок. На столике рядом с ней было сложено множество подобных шляпных коробок, предназначавшихся, очевидно, для выдачи тем, кто следовал за мной. Шагнув в сторону, чтобы дать остальным подойти, я вскрыла коробку и, найдя в ней большой свёрток в папиросной бумаге, принялась его разворачивать. Снимая слой за слоем, я никак не могла добраться до сердцевины. В конце концов, собрав на полу у своих ног гору бесполезной макулатуры, я наткнулась на крошечный конверт, перевязанный алой лентой, и, вскрыв его, обнаружила там золотую монету достоинством в десять долларов. С минуту я пялилась на неё, не веря своим глазам, а после, не сказав ни слова, вручила миссис Хиппер изящную коробочку со своим драгоценным веером и с дрожащими коленями покинула поме-

щение, оставив все свои остальные подарки, купленные для прислуги, на том же кресле, куда я их положила. Проковыляв на ватных ногах по Джексон-авеню, я добралась до дома, где обитала, и поднялась по лестнице в свою комнату. Там, заперев дверь, я бросилась на пол и, не в силах плакать, била по нему кулаками до тех пор, пока острая физическая боль в ладонях не пересилила жуткую обиду. После этого, слишком отчаявшаяся и больная, чтобы быть в состоянии взять себя в руки, я опустила шторы и, рухнув в постель, оставалась там в течение всего дня.

Когда в мою дверь постучалась миссис Уоппл и спросила, что случилось, я, ответив, что у меня безбожно болит голова, попросила её позвонить миссис Хиппер и сказать, что сегодня я не смогу ей читать. Вечером я встала и, как обычно, отправилась в Дом Слез, где пробыла до самого рассвета. В полночь я услышала вдалеке звуки проезжавшего по ржавым рельсам поезда-призрака, который на этот раз, казалось, визжал, словно в агонии, а его колокол звенел как никогда зловеще. Хотя, лишь заслышав первые динь-динь-динь, я знала, что стоит мне побежать, и я успею встретить его на перекрёстке, но возникло чёткое осознание, что сегодня мне перед его колёсами не устоять, поэтому, отчаянно вцепившись в своё бревно, я и оставалась там всю ночь напролёт.

Парочку дней спустя миссис Хиппер позвонили из благотворительной организации, попросив о денежном взносе. Конечно, когда представительница пришла в дом, я была

там, читая, как водится, Дюма, и потому осталась тихо сидеть, слушая, что та говорила. Когда она закончила и миссис Хиппер приготовилась выписать чек, я, прервав молчание, заявила, что тоже хочу внести свою лепту. И, несмотря на все протесты миссис Хиппер, высказанные на том чудном языке, который она называла французским и который понимала лишь я одна в целом свете, я побежала "домой" и, отыскав пресловутую рождественскую десятидолларовую золотую монету, причинившую мне столько страданий, вернулась в дом Хипперов и вручила её даме из благотворительного фонда. Миссис Хиппер, удивлённо воззрившись на меня, после ухода дамы укоризненно заметила: "Да ведь это была ваша рождественская золотая монета! Вы не должны раздавать столь крупные деньги на филантропию".

Именно тогда я осознала, что она не желала причинить мне боль, даря десять долларов, как и всем другим слугам, и что её мнение было и всегда будет точкой зрения человека, которому не дано свыкнуться с тем, что он резко разбогател. После этого моё отношение к ней заметно улучшилось, и вместо того, чтобы злиться или обижаться на её слова и поступки, я испытывала лишь удивление и жалость.

Та зима выдалась необычайно тоскливой и долгой, и дни тянулись, словно налитые свинцом. Дюма с утра до ночи начинал дурно на мне сказываться, и я решительно изголодалась по книгам другого рода. Так как подолгу сидеть в Доме Слез стало слишком холодно, да и смотреть там было осо-

бо не на что, поскольку светлячки давно исчезли, а звёзды при почти постоянной облачности были видны нечасто, я, вернувшись после вечерней прогулки, часами читала в постели. Первой хорошей книгой, попавшей мне в руки, стала *"Главная улица"* Синклера Льюиса, и я вряд ли смогу в достаточной мере передать своё изумление, вызванное прочтением столь точного и правдивого описания города, необычайно похожего на Рассвет. То, как там изображены улицы, дома, люди и обычаи, было настолько ярким и убедительным, что подчас казалось мне сверхъестественным. Получалось, что я читала книгу, на самом деле повествовавшую о жизни, которой жила теперь сама, в некотором смысле постепенно становясь одним из её персонажей. Совпадение было столь поразительным, что, по мере того как я проворно глотала страницы, мои глаза становились всё круглее и круглее. Это было одно из тех странных ощущений, которые не подвластны объяснению, как, например, думать о конкретном человеке, который, как тебе кажется, находится далеко, а затем неожиданно столкнуться с ним на улице; или же, когда определённое слово или мелодия звучат у тебя в голове, услышать рядом кого-то, произносящего это слово или напевающего эту мелодию. Со мной, как, вероятно, и с кучей других людей, много раз случалось такое, что во время паузы в беседе я ловила себя на мысли: "Вот сейчас она (или он) произнесёт именно эту фразу". И тогда я смотрела на неё (или на него) с тревогой, даже со страхом, будто моя жизнь зависела от то-

го, услышу я возникшие в моём сознании слова или нет, и, к моему огромному облегчению, я их слышала! Непостижимы потусторонние силы – загадочные, завораживающие и озадачивающие, – что заставляют человека чувствовать себя беспомощным ребёнком, принужденным вести себя определённым образом, высказываться определённым образом и двигаться по определённому жизненному пути.

И то совпадение, что я прочитала данную книгу именно тогда, когда, будучи иностранкой, ежедневно видела "Главную улицу" воочию и жила её жизнью, произвело на меня столь сильное впечатление, что я сразу же классифицировала это произведение как одно из величайших среди когда-либо прочитанных мною и с тех пор никогда не меняла этого мнения.

Однако я была достаточно глупа, чтобы высказать своё суждение миссис Хиппер, которая, ужасно рассердившись, сказала, что Синклер Льюис не знает, о чём пишет, точно так же, как я не имею ни малейшего понятия, о чём говорю. Поскольку спорить с ней было бесполезно, я оставила эту тему, хотя та, часто возвращаясь к её обсуждению, вновь и вновь пыталась указать мне, как сильно я ошибаюсь.

Большинство обитателей Рассвета тоже были ко мне не слишком дружелюбны, относясь с явным подозрением.

"Ну, может, она и была там у себя графиней, хотя я в этом сильно сомневаюсь, но сейчас она точно на неё не похожа", – услышала я однажды слова миссис Уоппл, сказанные

кому-то из её подруг как раз в тот миг, когда я входила в дом.

И, похоже, таковым было общее ко мне отношение. Куда бы я ни пошла – гуляла ли по улицам, заходила ли в магазин или встречала кого-то в доме миссис Хиппер или миссис Уоппл, на меня очень внимательно смотрели глаза, в которых выражалось больше любопытства и враждебности, чем чего-то ещё, а полуудивлённые-полупрезрительные улыбки, казалось, говорили: "Ты не сможешь навязать нам уважение к твоему титулу, ведь мы точно знаем, что ты всего лишь самозванка!"

Миссис Хиппер было бы весьма легко развеять все эти подозрения, поскольку она прекрасно знала, кто я такая, имея в своём распоряжении множество лондонских рекомендаций. Но по какой-то причине она ни разу не выступила в мою защиту, и недружелюбное отношение сохранялось в течение всего года моей жизни в Рассвете. Дошло до того, что я возненавидела ходить по улицам днём, потому что знала, что за мной тайно наблюдают из многих окон, замечая и комментируя каждый мой шаг. Думали ли они, что я воинствующий анархист с бомбой в кармане, или боялись, что я могу вломиться в их дома и украсть всё, что попадётся мне под руку, – я не знаю и по сей день. Но эта атмосфера постоянной враждебности и подозрительности заставляла меня, наполняя страхом, чувствовать себя загнанным зверем. Да к тому же детская няня Анна, не скупясь, рассказывала мне отборные сплетни – в основном то, что говорили обо мне люди, а

так как они никогда не говорили ничего доброго, это только усугубляло ситуацию.

"О, Мадам, – начинала она обычно во время трапезы, – вы точно лопнете от смеха, когда я передам вам то, что миссис Джонс ляпнула про вас миссис Браун. Я случайно подслушала их в аптеке, покупая эти новые румяна (да, кстати, вам обязательно стоит их попробовать – они ужасно хороши, и небольшое нанесение на ваши щёки сотворит чудеса; на самом деле, если бы вы только позволили мне слегка вас подкрасить, то стали бы выглядеть совершенно другим человеком). Ну, в общем, как я уже упомянула, я слышала, как миссис Джонс сказала миссис Браун: 'Эта графиня' (и тут они обе залились смехом, будто вы вовсе и не графиня!) 'эта графиня каждый вечер проходит мимо моего дома, медленно бредя с опущенной головой, будто не видит ничего, кроме тротуара. И вы знаете, куда она ковыляет? До конца Джексон-авеню, где потом часами просиживает на том старом грязном бревне. Мы несколько раз ходили за ней следом и наблюдали, как она сидит там, ссутулившись, в своём поношенном, старом, сбившемся набок пальто. Мы так сильно смеялись, подсматривая за ней, что боялись, как бы она нас не услышала. И вот она сидит и сидит. Мы думали, что, возможно, она ждёт какого-то мужчину, но нет, ни один мужчина там не объявлялся ... Что ж, как говорится в пословице – *э кáунт из оф нóу эккáунт*⁵⁹ – и никому не ведомо, что

⁵⁹ Английская игра слов "A count is of no account" может означать как "Подсчёт

ещё сотворит эта графиня'. И тут, Мадам, они снова рассмеялись, а потом вдруг заметили меня и замолчали, но я решила, что всё-таки расскажу вам, чтобы вас тоже позабавить".

не имеет значения" или "Итог ничтожен", так и "Граф не пользуется авторитетом".

Судьбоносные встречи

Вот так и тянулись те зимние месяцы – бесконечные, враждебные и тоскливые. Однако в марте произошли два события, которые внесли некоторые приятные изменения в моё существование.

Как-то вечером, возвратившись после прогулки в дом миссис Уоппл, я встретила в коридоре незнакомца – молодого человека, который одарил меня оценивающим взглядом, слегка поклонился, а затем зашёл в комнату напротив моей. Поскольку осенью нас покинул мистер Брукс и я была осведомлена, что миссис Уоппл дала объявление о поиске нового жильца, то сделала вывод, что это он и есть, затем сразу же о нём позабыв. Поднимаясь в семь утра и приходя назад поздно вечером, я почти никогда не сталкивалась ни с кем из семейства Уопплов, кроме время от времени старшей дочери Мэй, уходившей куда-нибудь со своим кавалером. И я узнала от неё, что у меня появился новый сосед, что он служил на флоте, был выпускником Военно-морской академии в Аннаполисе, очень симпатичным (это я заметила в краткий миг нашей встречи) и весьма приятным в общении парнем, хотя и "несколько заносчивым и беспечным, что обычно свойственно морякам". Так она охарактеризовала его, затем спросив, не желаю ли я с ним познакомиться. Я сказала, что у меня нет времени на мужчин, какими бы симпатичными и

обаятельными те ни были, и вновь забыла об этом.

Должно быть, с его приезда прошло две или три недели, и однажды вечером я, сидя в холле Уопплов и играя на пианино (миссис Хиппер уехала в Метрополь), услышала, как кто-то вошёл, и, повернувшись на крутящемся стуле, увидела, что это был тот моряк. Он выглядел таким милым и свежим, будто только что неведомым образом искупался в море, и настолько сильно отличался от всех остальных, кого я встречала в Рассвете, что я сразу почувствовала к нему симпатию, ответив на его приветствия столь же дружелюбной улыбкой, как была у него самого. Весь вечер мы сидели и беседовали. Он рассказал мне, что его семья жила в Кембридже, штат Массачусетс; что он любил восточную часть США, отчаянно тоскуя по ней и желая вернуться туда как можно скорее; что он лишь недавно уволился по состоянию здоровья из военно-морского флота и был буквально убит горем, поскольку не имел возможности вернуться на военную службу.

"Это нормально – с честью уйти на пенсию, когда становишься старым, – сказал он, – но в моём возрасте это просто ужасно, и я не представляю, что когда-нибудь смогу привыкнуть к тому факту, что я 'вне игры', навсегда став гражданским".

Он прибыл в Рассвет, дабы изучать условия ведения бизнеса на Среднем Западе, намеренно выбрав именно этот регион, чтобы как можно дальше уехать от моря и оказаться в обстановке, максимально отличавшейся от его прежней. Он

также рассказал мне о своём старшем брате Эдварде, который был капитаном ВМФ, помощником адмирала Симса, и получил медаль "За выдающиеся заслуги", обеспечивая всестороннее взаимодействие между США и их союзниками во время Первой мировой войны. "Где-то там" он погиб, и после смерти его имя было занесено в список "Золотых звёзд Массачусетса" и присвоено улице в Кембридже.

И чем дольше мы разговаривали, тем больше он мне нравился, а когда пришло время пожелать друг другу спокойной ночи, я осознала, что наконец-то встретила кого-то, кто "говорил на моём языке", во многом смотрел на жизнь так же, как я, и, судя по всему, был родственным мне по духу. Вскоре мы стали большими друзьями и старались проводить как можно больше времени вместе. Если холл Уопплов пустовал, то мы общались там, иначе отправлялись на прогулку, хотя в те дни он ещё не мог долго ходить из-за недавней болезни, либо же просто шли в кино. Именно там мы однажды столкнулись с мистером Дьюти, который, укоризненно посмотрев на меня, печально промолвил: "Значит, у вас всё-таки есть друг!.."

Алексей Белов-Скарятин

Перед тем как передать слово самому Виктору Блейкли, дабы узнать его взгляд на обстоятельства их с Ириной знакомства (проиллюстрировав тем самым присущую мужчинам и женщинам "некоторую разность" в восприятии одних

и тех же связывающих их событий с учётом юмористической составляющей и возможного художественного домысла), мне хочется привести несколько дополнительных фактов из биографии этого молодого отставника.

Стоит начать с того, что, родившись 9 июля 1898-го года, он был без малого на 10 лет младше Ирины, отпраздновав четвертьвековой юбилей в те дни, когда она делала первые шаги на американской земле.

Окончив Военно-морскую академию в Аннаполисе в 1920-ом году, он успел прослужить лишь пару лет до выхода в отставку по болезни, а затем на период 1922-1923-го годов вернулся в родное учебное заведение, чтобы поработать там главным тренером по бейсболу (в течение всего обучения он был игроком команд академии по американскому футболу и бейсболу, став капитаном последней за год до выпуска).

The 1920
LUCKY
BAG

THE ANNUAL of THE REG
IMENT of MIDSHIPMEN
UNITED STATES NAVAL
ACADEMY

Титульный лист выпускного альбома Военно-морской академии США (Аннаполис, 1920-й год).

Baseball N Men.

Blakeslee, V. F.
Spaul, W. M.
Cloughley, S. T.
Milner, C. J.
Bolton, R.

Whelchel, J. E.
Stubbs,
Pino, H. M.
Doyle, A. K.
Baker, R. D.

VICTOR FRANKLIN BLAKESLEE

CAMBRIDGE, MASS.

"Vic" "Blake"

JUDGING from his striking features "Vic" ought to register well on the screen, but fortunately no one realized this before he was safely registered as a Midshipman instead. With us his genial smile attracted attention; his character held it.

¶ As a swimmer "Blake" makes a good magician—at least he passed the swimming test finally and that means that he fooled somebody!

¶ "Vic's" line is characterized by the phrase "vivid and effervescent." But it usually takes the form of a monologue on baseball, and that's safe navigating for him. For three years he covered center field—as well as large areas on both sides—and when a little pop on the bases was needed or a clean single would come in handy he had a consistent habit of being there. The exclamation came to him First Class year as a well-rated reward.

¶ Three stripes adorn his sleeve as a testimonial to his ability, and it seemed that his ambition—for him and his older brother in the service to have a destroyer between them—would be fulfilled until the brother gave his life to the service.

Honors: Three Stripes;
Baseball Squad, 4, 5, 1;
Baseball N;
Captain Baseball Team;
Athletic Executive Committee;
Football Squad, 4, 5;
Hop Committee, 1;
Director Y. M. C. A. 1

Лист о Викторе Блейкли из выпускного альбома Военно-морской академии США (Аннаполис, 1920-й год).

Вот что написано о нём в выпускном альбоме:

"Судя по его выдающимся чертам лица, 'Вик' должен был великолепно выглядеть на экране, но, к счастью, никто не понял этого до того, как он успел благополучно стать гардемарином. Приветливая улыбка, присущая его характеру, привлекла в первую очередь наше внимание.

Как пловец, 'Блейк' показал себя истинным фокусником – тот факт, что ему в итоге удалось сдать экзамен по плаванию, означает, что кого-то он явно одурачил!

Линию поведения 'Вика' характеризует фраза 'яркая и искромётная'. Обычно она имеет форму монолога о бейсболе, что для него является навигацией в безопасных водах. Все три года он защищал центр поля – впрочем, как и большие области по бокам – и когда требовалось слегка взбодрить игроков на базах или сделать чистый сингл, у него всегда получалось быть в нужном месте. Так что звание капитана команды стало ему заслуженной наградой.

Три нашивки украшают его рукав как свидетельство его способностей, и казалось, что его амбиции – служить вместе со старшим братом на одном эсминце – обязательно будут реализованы, однако тот уже отдал за родину свою жизнь".

Виктор Блейкли – от первого лица

Версии о нашей первой встрече множественны и разнообразны, однако самая неординарная – это легенда милой старушки, с блеском в глазах поведенная ею в нашем присутствии полной гостиной людей. "Это было так романтично! – щебетала она. – Он, юный морской офицер, провёл свой корабль сквозь льды из Нью-Йорка прямиком в Петроград и, вырвав истинную графиню из лап этих ужасных большевиков, привёз её обратно в Америку, где, как вы все можете убедиться," (она красноречиво махнула в нашу сторону) "тут же на ней и женился".

И в который уж раз я, поклонившись и улыбнувшись, испортил весь эффект, произведённый волнующим рассказом, выдав слушателям правдивую версию взамен фантастической байки.

Моя будущая жена Ирина Скарятинна зарабатывала себе на хлеб насущный в маленьком городке на Среднем Западе под названием Рассвет, и там абсолютно случайно пересеклись наши пути. Однажды холодным дождливым утром я спустился там с подножки ходившей два раза в день из великого города Метрополь закопчённой "кукушки", дабы начать то, что должно было стать моим новым образом жизни. Я лишь на днях уволился из военно-морского флота, но не в преклонном возрасте адмирала, а, как я себя представлял, блестящим и лихим лейтенантом, чья недавняя потеря в ка-

честве боевого морехода могла означать для дяди Сэма только катастрофу. Со столь приятным автопортретом в голове я и отправился в путешествие, которое должно было привести меня в могущественный мир коммерции, где я вскоре хотел сколотить целое состояние. Другими словами, я впервые в жизни ехал устраиваться на работу. Да, я должен был начать с самого низа, но так поступали до меня все великие люди. А что может быть более захватывающим, чем вступить в ряды бизнесменов Америки, которые, подобно крестоносцам, доблестно сражаются за свои идеалы и отдают свои жизни зарабатыванию огромных сумм денег? Однако же, несмотря на такой энтузиазм, всю дорогу из Нью-Йорка я задавался вопросом, почему я вообще согласился на эту работу на заводе сельскохозяйственной техники за тысячу миль от моря и всех своих друзей, когда я мог бы, по крайней мере, продавать облигации на Парк-авеню или, возможно, повести себя ещё дальновиднее, став обозревателем.

На вокзале не оказалось ни носильщика, ни такси, чтобы от души порадоваться моему прибытию. Единственный автомобиль с табличкой "свободен" поспешно снял её, прежде чем я успел до него добежать, и, оскорбив меня видом задних огней, вылетел на грязную улицу, унося пассажира, оказавшегося проворнее, чем я. Мне ничего не оставалось, как мрачно ознакомиться с присланным мне тщательно подготовленным письмом от компании, куда я направлялся, так же наполненным инструкциями, как туристический буклет для

чужестранцев, которым предстояло впервые столкнуться с хитросплетениями улиц Нью-Йорка. Согласно восхитительно нарисованному плану, что изобиловал маленькими стрелочками, услужливо указывавшими на пункт назначения, я, протопав пару кварталов на восток, должен был оказаться на углу Главной и Весенней улиц. И там, говорилось в многословном эссе, мне следовало дожидаться трамвая, "чётко обозначенного цифрой 3", который, подобрав меня, довезёт прямо до входа в "особняк миссис Уоппл, знаменитый своими клумбами и лужайками", где заранее предупреждённая этой осмотровой компанией хозяйка уже, вне всяких сомнений, подготовила для меня достойную комнату. Эта миссис Уоппл, продолжал болтливый документ, "из-за преждевременной кончины её супруга, оставившей её в затруднительном положении", принимала в своём доме нескольких "избранных" персон за весьма заманчивую плату в семь долларов в неделю. И, очевидно, я имел право присоединиться к этой "небольшой, но элитарной группе" благодаря своей выдающейся биографии, согласно которой я "по решению Конгресса США получил звание офицера и джентльмена".

Следуя инструкциям, я с поднятым воротником пальто и промокшими насквозь ботинками шлёпал строго на восток по слякоти Рассвета, пошатываясь под тяжестью двух своих старых тёмно-синих чемоданов, так неуместно выглядевших в этом унылом окружении с их весёленькими наклейками отелей многих солнечных портов. Я с грустью покосил-

ся на милые сердцу изображения сияющей лунной ночи на пляже Вайкики и красновато-коричневых парусов сампана в гавани Иокогамы. Оба они уже становились влажными и тусклыми из-за дождя, лившего теперь как из ведра. Гавайи, Япония, Панама – какими же далёкими они все казались, когда у меня не оставалось ничего, кроме трамвая № 3 и палатки Уоплов, к которому я так стремился.

Добравшись до угла Главной и Весенней улиц, промокший до нитки и матерящийся, как попугай пирата, я прислонился к такому же отсыревшему телефонному столбу и смирился с долгим и тоскливым ожиданием.

Трамвай под номером 3 упорно отказывался появляться, однако другие, "чётко обозначенные" 1, 2 и 4, и даже снова 1, возникали и исчезали на моём меланхоличном горизонте. Прежде мне не приходилось видеть столь изящных, как эти, маленьких бестий, рискованно висящих на одиночных колёсных тележках, расположенных строго под центром их корпусов, и мчащихся вперёд, будто крошечные эсминцы, идущие в лобовую атаку. Когда же долгожданная трёшка вынырнула наконец из тумана, она, несмотря на мои крики и дикое размахивание руками, невозмутимо проследовала мимо, потом резко остановившись в полуквартале от меня. Судорожно схватив свой мокрый багаж и поднимая вокруг себя фонтаны воды, я дико понёсся по середине похожей на реку дороги, вопя: "Подождите, чёрт вас возьми, подождите", – тогда как двери этого хитроумного устройства

открылись, опустилась вниз подножка, и наружу высунулась любопытствующая старая физиономия, украшенная острой козлиной бородкой и парой критических глаз, следивших за тем, удастся ли мне выполнить свою часть этой милой и забавной игры в "поймай, сколько сможешь".

"Ладно, вы победили", – выдохнул я, швыряя внутрь свои чемоданы и вваливаясь следом на борт.

"Куда торопишься? Должно быть, приезжий", – заметил пожилой джентльмен, с комфортом избавляясь от струи табачной слюны, прежде чем захлопнуть двери. "Чего ловил-то не на том углу? Разве не знаешь, что я всегда встаю у белого столба? Откуда ты вообще?" – продолжил он, и когда я прорычал: "Нью-Йорк", – притормозил, подозрительно оглянувшись и, очевидно, получив не самое благоприятное впечатление, решил оставить меня в покое, снова прибавив скорость.

Но вскоре он смягчился и, резко остановившись, хотя никакого белого столба поблизости не наблюдалось и я был его единственным пассажиром, строго спросил, куда я направляюсь. Когда я ответил: "К миссис Уоппл", – он с сомнением покачал головой, пробормотав: "Довольно шикарное заведение, лучшее в городе, но она очень разборчива в том, кого принимает". Подъехав же к месту назначения, он вылез следом за мной и, заметив: "Вот ты и тут", – постоял, недоверчиво наблюдая, пока я не скрылся за входной дверью.

В тёмном холле монументальная дама с пышным бюстом,

окинув меня оценивающим взором и спросив имя, сказала, что ждала. Сама она представилась как миссис Уоппл собственной персоной и, величественно взяв меня за руку, повела в комнату наверху, в задней части дома, с панелями из золотистого дуба, миссионерской мебелью и кроватью с оборками будуарного типа. Две маленькие розовые лампы украшали туалетный столик, а на телефоне сидела голубая шёлковая кукла.

"Если вы курите, то не подпалите дом, – предупредила она, – это правило номер один. Ванная комната находится в конце коридора, и за купание не требуется платить. Большинство местных хозяев разрешают своим постояльцам пользоваться ванной бесплатно только один раз в неделю по субботам, а в остальные дни взимают мзду в размере 25 центов. Никакого шума после одиннадцати, никаких собак, никаких дам в спальнях джентльменов и наоборот. И это всё, что касается правил. Соответствуйте им, и вы окажетесь в одной большой счастливой семье. А теперь, когда приведёте себя в порядок, спускайтесь, и я налью вам чашечку чая".

С этими словами она и оставила меня отжимать свою промокшую насквозь одежду и переодеваться.

Когда я спустился вниз, из пианино лилась запоминающаяся мягкая мелодия знакомой славянской народной песни.

"Это играет графиня", – тихо прошептала миссис Уоппл, встречая меня у лестницы.

"Что за графиня?" – спросил я.

Но та, лишь издав: "Тс-с-с", – поманила меня за собой и на цыпочках вошла в холл. Там мы стояли и слушали, пока маленькая женская фигурка, одетая в строгое чёрное, сидя к нам спиной, сосредоточенно склонялась над клавишами.

Внезапно и к моему глубокому изумлению миссис Уоппл, поступая вразрез со своим предыдущим цыканьем и хождением на цыпочках, выкрикнула: "Мадам", – а вслед за тем и моё имя в не слишком тактичной попытке представить меня миниатюрной пианистке, которая всё ещё была далека от окончания своей мелодичной пьесы. Вздвогнув, "Мадам" развернулась на старомодном вращающемся стуле, прервавшись на середине ноты и вылупившись на нас, а затем столь же резко повернулась обратно, чтобы довести до громоподобной коды тот шедевр, что поначалу показался мне весьма успокаивающим.

Закончив, она сразу же перешла к колыбельной, слегка покачиваясь в такт музыке с закрытыми глазами. Стало понятно, что обо мне уже забыли. Такое бесцеремонное обращение в довершение всех прочих несчастий этого отвратительного дня было для меня уже слишком. Итак, поддавшись внезапному мстительному порыву, я цапнул со стола сложенную газету и ловко шлёпнул виртуозку по голове, заметив: "Ты умница, сестрёнка, но стоит ли так задирать нос?"

Быстрая, будто молния, маленькая фигурка вскочила на ноги и, прежде чем я успел принять боксёрскую стойку, отнесла мне две звонкие пощёчины, после чего, подобно чёр-

ной кошке, перебежавшей мне дорогу, проворно шмыгнула из комнаты.

На протяжении долгих шести недель после этого Ирина Скарятина, русская графиня и последний потомок длинного рода богатых и могущественных землевладельцев с непрониосимыми именами, отказывалась разговаривать со мной или даже позволить мне объясниться. На самом деле, всякий раз, когда мы имели несчастье столкнуться в коридоре, она делала вид, будто нюхает что-то мерзкое, тогда как я, опасаясь её хука справа, осторожно выставлял локоть перед лицом в качестве жеста самозащиты.

В доме миссис Уопл обитала довольно приличная компания обычных трудяг, каждое утро в одно и то же время выбегавших оттуда и рассеивавшихся в разные стороны в погоне по горячим следам за какой угодно возможностью получить субботним вечером вождеденный зарплатный чек.

Первой была уже далеко не юная мисс Глоум, в обязанности которой входило вести колонку для таких же, как она, старых дев в "Ежедневнике Рассвета" и которая из сурового чувства долга неуклонно держала нас в курсе новостей дня ещё долгое время после того, как те появлялись в её газете.

За ней шёл Джефф Тробрайдж, эксперт по рекламе благородной и многоцветной сантехники для ваннх комнат, воплощённой вдохновенными мастерами могущественной фирмы "Боулер и Боулер". Однажды вечером он попытался

порадовать нас особым угощением, представлявшим из себя щедрую, методично расставленную по всему холлу Уопплов экспозицию ярко раскрашенных плакатов, считавшихся последним писком дизайна от "Б и Б". Но это обернулось ужасным фиаско, так как графиня, бросив лишь один взгляд на экспонаты, фыркнула: "Почему я должна смотреть на ваши унитазы?" – и, как водится, покинула комнату. Это охладило пыл Джеффа приобщить нас к прекрасному, несмотря на тактичную попытку мисс Глоум как-то сгладить ситуацию, проявив к розовому комплекту для душа девичий интерес, и он, в возмущении собрав свою коллекцию, больше никогда её не демонстрировал.

Чарли Брейн, коммивояжёр от фабрики зубных протезов, был наименее популярным членом нашей компании из-за крайне неприятной привычки пялиться любому в рот, будто молча, но красноречиво отстаивая неоспоримое преимущество первоклассного протеза перед рядом данных природой зубов, которые, к сожалению, подвержены износу. К счастью для всех нас, большую часть времени он являлся, как он сам говорил, "просто торговцем в пути", и никто из нас не проявлял особой радости, когда миссис Уоппл объявляла: "Чарли должен вернуться завтра вечером".

Последней, но не менее важной персоной в этой группе "избранных" была "доктор" Милдред Миллисент Берландо, костоправ, у которой, к несчастью для всех нас, было очень мало практики. Вследствие этого она постоянно находилась

в поиске жертвы, готовой подвергнуться какому-нибудь новому экспериментальному лечению, о коем было только что вычитано в последнем номере журнала "Американская костяная голова"⁶⁰, и Милдред жаждала проверить его, не дожидаясь появления добровольного пациента. Однако после того, как, набросившись на услужливого беднягу, его трясли, катали по полу и в конце концов доводили до ужасающей кульминации в виде страшного треска в насильно поворачиваемой шее, тот редко потом поддавался на уговоры вернуться за добавкой. Да и жаловаться в её присутствии на головную боль или любое иное недомогание было смертельно опасно. По её убеждению, все беды происходили либо от смещения хряща, либо от закупорки канала, и, исходя из этого, когда страдальцу строго указывали на мат из конского волоса, однозначно предполагалось, что тот должен лечь и безропотно подчиниться любой новой пытке, которую она придумала для этого конкретного случая. Позже можно было смело рассчитывать на то, что недуг будет лишь неуклонно усиливаться.

Мне почти нечего было делать в Рассвете, кроме как тяжело склоняться над чертёжной доской, рисуя дурацкие схемы плугов, и тележечных шпунтов, и необычных деталей для разных агрегатов, уместно называемых "мужскими и женскими" муфтами, – всё это меня ни в малой степени не увле-

⁶⁰ Английская игра слов "bone head", дословно переводящаяся как "костяная голова", имеет также значения "упрямец, болван, тупица".

кало, – а также три раза в день переваривать очень плохие блюда в кафетерии за углом с печальной, однако восхитительно оформленной вывеской "Еды". Мои коллеги по работе в инженерном отделе не могли понять так же, как и я сам, с какой стати я проделал весь путь из Нью-Йорка, дабы зарабатывать здесь на жизнь. Я был аутсайдером. Несмотря на то, что каждый полдень я участвовал в их соревнованиях по набрасыванию колец на колышки, вечерами играл пятым в команде компании по боулингу и пытался тусоваться всеми другими способами, как того требовали от меня заочные курсы по продажам, я так и оставался незванным гостем в корпорации, чьи заслуженные награды доставались только законным сынам Рассвета. И я не только был незванным гостем – обо мне стали плести небылицы, большинство из которых имели шокирующий характер.

Однажды мой коллега за соседним рабочим столом, видимо, больше остальных заинтересованный в моём благополучии, прямо спросил меня, правда ли, что я уехал в Рассвет, чтоб сбежать от девушки из Нью-Йорка, которая вот-вот должна была родить от меня ребёнка. Взяв с него клятву хранить тайну, я затащил его в угол и осторожно объяснил так доступно, как только смог, что большинство молодых женщин, которых я знал в Нью-Йорке, охотились за мной, поголовно желая, как я предполагал, заиметь от меня детей – если не прямо сейчас, то уж точно в недалёком будущем.

Но моё извращённое чувство юмора, похоже, не было по-

нято, потому что парочку дней спустя мой босс, переходя всё больше и больше на личности в ходе нашей дискуссии из-за испорченных мною по неопытности чертежей, сказал, что, возможно, моя проблема в женщинах, и не в одной, а в нескольких. А вскоре и телефонистки, и аккуратная секретарша директора, и юные леди, клеившие на заводе этикетки, то есть все, с кем я хотел бы познакомиться поближе, стали избегать меня как чумы, хотя, судя по всему, следили за каждым моим шагом во время моих прогулок по цехам. Парни же все как один в открытую пялились с подозрением, и в целом я стал чувствовать себя бесстыдным Донжуаном на охоте.

Однажды вечером, жалея себя и особенно испытывая одиночество, я раньше обычного вернулся в наши меблированные комнаты. Стояла весна, распускались цветы миссис Уоппл, а её драгоценные впервые стриженные газоны приятно пахли свежескошенной травой. Все собрались в холле, взволнованно сгрудившись вокруг "Мадам", поглощённой предсказанием судьбы каждому из членов нашей "одной большой счастливой семьи". Никто не обратил на меня ни малейшего внимания, и, плюхнувшись в знававшее лучшие времена кресло фирмы "Моррис", я изредка наблюдал за происходившим поверх своей вечерней газеты, прислушиваясь к любопытному сочетанию слегка тягучего и певучего акцента с яростным грассированием на буквах "р" и необычайно грамотного составления предложений из иде-

ально произнесённых английских слов. Без сомнения, она могла быть милой с людьми.

Когда она наконец предсказала: кому – неисчислимые богатства, кому – светловолосых женщин или темноволосых мужчин, кому – увлекательные путешествия в неизведанные страны, – осчастливив всех присутствовавших, кроме меня, я решил, что теперь должна быть моя очередь. Поэтому из глубины своего кресла спросил: "Как насчёт этого, Мадам: что вы видите в картах для меня?"

Несколько секунд ответа не было, и в холле повисла зловещая тишина. Затем мягкий акцент стал столь резким, что всем стало не по себе.

"Ничего, – ответила она, не поднимая глаз от туза пик в своей руке, – я ничего не вижу в картах для вас".

"Ох, бедняга! Неужели у него нет никакого будущего?" – сочувственно спросила мисс Глоум.

Но меня оказалось не так-то просто отбрить. Я был полон решимости узнать как можно больше об этой чудной леди из далёкой страны, не боясь при этом подвергнуться её бомбардировке. "Вы хотите сказать, что сегодня ночью я умру?" – настаивал я.

Она промолчала, однако выглядела так, словно я каким-то образом добрался до самых сокровенных уголков её души и обрёл надежду получить ответ из самого сердца. И тут она быстро встала и, не сказав больше никому ни слова, выскользнула из комнаты в своей обычной кошачьей манере.

Однако на этот раз я последовал за ней. Вместо того чтобы бежать наверх, она направилась на улицу. Я не отставал.

"Плевать на судьбу, – сказал я, поравнявшись с ней, – но я хотел бы узнать, куда вам так интересно ходить в это время каждый вечер".

Затем чуть-чуть отстав в целях самозащиты, готовый получить очередную пощёчину за залезание в дела молодой женщины, которые меня не касались, я был страшно удивлён, когда она резко ответила: "В Дом Слез".

"Я не знаю, где это находится и что это такое, – заявил я, – но название определённо соответствует моему настрою, так что, ради Бога, возьмите меня с собой. Судя по всему, там мне самое место".

Поскольку она не произнесла ни звука, я продолжил следовать за ней, и в течение получаса мы молча шли по улице. На окраине города, где кончались дома и начинались пшеничные поля, она, повернувшись ко мне, печально промолвила: "Это здесь".

"Где? Что вы имеете в виду? – не понял я. – Я не вижу никакого дома".

"Вот он", – и она указала на древнее трухлявое бревно.

Дом Слез оказался не чем иным, как гнилушкой. С минуту задумчиво посмотрев на него, она перелезла через сломанную оградку из колючей проволоки, зацепившись по пути своим поношенным коричневым пальто, и села строго посередине этого дома. Я тоже пробрался туда и аккуратно

примостился рядом.

Было очень тихо, и сияли звезды. Где-то вдалеке залаяла собака.

"И вы проводите здесь каждый вечер?" – спросил я после некоторого молчания, становившегося однообразным. Она кивнула.

Всё ещё не уверенный, будут ли меня обвинять в незаконном проникновении в дом из одного бревна, я осторожно начал то, что, как я надеялся, должно было перерасти в беседу, задав стандартный глупый вопрос: нравилась ли ей Америка? Нет, она ей не нравилась. А мне?

Что ж, это был прогресс. Я пробудил аристократический интерес в объёме двух простейших фраз. Я сказал ей, что вряд ли *"без ума"* от этой её части, но потом всё может измениться, ведь в Америке заранее не угадаешь. Она спросила: что я подразумевал под словом *"орехи"*⁶¹ и не была ли Америка вся такой? "Разумеется, нет", – ответил я и пустился в то, что считал мастерским описанием Бостона и Филадельфии, Аннаполиса, Глубокого Юга, Дальнего Запада и всех других мест, которые мне нравились. Она никогда о них не слышала, но вдруг её впервые прорвало многословным рассказом о том, как она пересекала океан, а после прибытия её промчали через весь Нью-Йорк к первому же поезду до Метрополя, и уже пару суток спустя после того, как её ко-

⁶¹ Английское "nuts" может означать как "без ума (от кого-либо или чего-либо)", так и множественное число от "nut", что переводится как "орех".

рабль пришвартовался, она преподавала французский местным нуворишам и их чадам. Ей здесь не нравилось, она чувствовала себя изгнанницей.

Я предположил, что это же касается и меня, хотя в моей собственной стране. Ведь вдали от военно-морского флота и моего привычного окружения я тоже был изгнанником.

"Получается, мы оба таковы", – сказала она, и это стало первым, что нас объединило.

На обратном пути к миссис Уоппл я предложил зайти в "Марч Гриль" и отведать тушёных устриц. Она согласилась зайти, но, поскольку устрицы ей не нравились, заказала тарелку сырой моркови и лука, которые, по её словам, были единственной приемлемой заменой её любимым "щам", то есть капустному супу с чёрным хлебом и козьим сыром. Я посочувствовал, хотя и ощутил лёгкую тошноту от перечисления на одном дыхании всех этих "варварских лакомств".

Вернувшись после её восхитительного ужина в "особняк клумб и лужаек", мы увидели, что "счастливая семья" растелила все коврики и танцует под скрипучие звуки старой виктролы. Заезженная пластинка наигрывала песню про бананы. Я поинтересовался у своей странной спутницы, не желает ли она потанцевать фокстрот. Та сказала, что не прочь. И это был провал с самого начала, потому что мы вступили не с того такта.

"Вы никогда раньше не танцевали, да?" – спросила она, сбиваясь с ритма.

"Нет, я танцевал, но вы научитесь", – поспешил утешить её я.

"Я могу исполнять гораздо более сложные вещи: польку, мазурку, венский вальс, краковяк ..."

"Однако не фокстрот", – вздохнул я, в третий уж раз наступив на её маленькую шаркающую ножку.

Возмущённая, она оставила меня стоять в одиночестве посреди танцпола, в то время как счастливые люди вокруг прыгали и скандировали: "Сегодня у нас есть абрикосы, грейпфруты и апельсины".

Ирина Скарятина – от первого лица

Приблизительно в те же мартовские дни ко мне неожиданно наведальась Лита Барр, та самая фея со свадьбы. Однажды вечером она навестила меня с большим букетом белых цветов, пригласив назавтра к себе на ужин. Умная, добрая, понимающая, она оценила трудную ситуацию, в которой я оказалась, и с того памятного вечера делала всё, что было в её силах, чтобы как-то скрасить мне жизнь. Например, она звала меня покататься, когда мне выпадал свободный денёк, что, конечно же, случалось довольно редко, однако было тем, чего я каждый раз ждала с нетерпением. Ещё присылала мне книги и цветы и часто приглашала к себе в дом, где, как говорят в России, "я отдыхала душой".

Таким образом, с появлением двух новых друзей моя жизнь стала намного проще. Но когда мой год в Рассвете по-

дошёл к завершению и миссис Хиппер как-то завела разговор о продлении контракта ещё на двенадцать месяцев, моё сердце сжалось от отчаяния. Продлить этот ужасный контракт и сознательно провести второй год в чтении Дюма и унынии – это было больше, чем я могла вынести! В ту ночь я много часов просидела в Доме Слез, взвешивая все "за" и "против", и единственным аргументом за то, чтобы остаться у Хипперов, было ясное понимание, что, уйдя от них, я окажусь в чужой стране без работы, а вскоре и без денег, если не успею найти новую возможность заработка. Конечно, я знала, что всегда могу написать своим старым американским друзьям, попросив о помощи с трудоустройством, но ненавидела саму мысль о таких просьбах, предпочитая пробивать себе дорогу самостоятельно.

Я медленно побрела в свою нынешнюю комнату в доме миссис Тинпет (миссис Уоппл продала свой, который был слишком велик для её семьи, переехав в строение поменьше, где для постояльцев не было места). Прыгнув в постель, я лежала, уставившись в темноту и пытаюсь найти решение своей проблемы. Шёл час за часом, а я не могла уснуть, ворочаясь с боку на бок, пока видения ещё одного мрачного года в Рассвете проплывали в моём сознании. Потеряв всякую надежду на сон, я уже было собралась встать и одеться, как вдруг припомнила, что пару месяцев назад, когда у меня были проблемы с горлом из-за слишком большой нагрузки при чтении вслух, врач дал мне маленькую коробочку снотворных

таблеток, которую я тогда так и не открыла. Включив свет и найдя упаковку в своём чемодане, куда я её прежде небрежно засунула, я вскрыла её и взяла с собой в постель, где достала одну из таблеток и тут же приняла. Но та не вызвала у меня сонливости, поэтому вскоре я выпила ещё одну, и, опять не почувствовав никакого эффекта, минут через пять потянулась за третьей. И эта, должно быть, одурманила меня до такой степени, что дальше я уже не осознавала, что делаю, поскольку (как мне сказали позже) проглотила все таблетки до единой, в результате чего на следующее утро меня нашли в постели без сознания и умирающей. Доставленная в больницу в карете скорой помощи, я без малого неделю находилась на пороге смерти. А затем постепенно начала выздоравливать, к огромному удивлению врачей, которые даже не ожидали, что я выживу, так как это невинно выглядящее снотворное средство оказались не чем иным, как вероналом⁶²! Почему тот врач дал мне его без какого-то предупреждения и почему принятая лошадиная доза меня не убила – навечно останется загадкой. Но тут стоит вновь процитировать старую русскую пословицу: "Нет худа без добра", – и в данном конкретном случае "добром" оказались тишина и покой больничной палаты, где у меня было время подумать и без всякой спешки принять окончательное решение – ни

⁶² Под этой торговой маркой с 1903-го и вплоть до середины 1950-х продавалось лекарственное вещество барбитал, которое даже при лёгкой передозировке обладает психотропным действием и имеет массу побочных эффектов.

за что не возвращаться к Хипперам, о чём я и написала им письмо и больше никогда их не видела. Сделав это, я почувствовала огромное облегчение, и хотя неизвестность и бедность опять смотрели мне в лицо, я была счастлива оттого, что свободна. Согласно контракту, Хипперы должны были выдать мне определённую сумму, которая могла бы покрыть расходы на обратный путь в Англию, но я рассудила, что лучше использовать эти деньги в Америке, где они помогли бы мне протянуть подольше, не имея стабильного дохода.

Итак, даже не представляя, что делать и куда идти после выписки из больницы, я сняла крошечную квартирку в Рассвете и, используя её в роли своей штаб-квартиры, начала поиски работы. Улица, где я обосновалась, называлась Акациевой⁶³, но, получив как-то письмо от одного русского, которое, что удивительно, будучи адресованным на "Кузнечиковую улицу", достигло цели, я так и стала её именовать, и Кузнечиковой ей суждено навечно остаться в моей памяти. Моя квартирка (на самом деле, лишь одна комнатка, умещавшая и ванну, и мини-кухню) была столь милым и уютным местечком, что я к ней сильно привязалась – до такой степени, что, уже найдя работу в Метрополе, продолжала жить в Рассвете и каждый день ездила туда-обратно. В течение тех месяцев я часто виделась со своими двумя друзьями, в основном вечером, и наше трёхстороннее общение стало одним из самых прекрасных, которые у меня когда-либо были. И только ко-

⁶³ Английское слово "locust" означает и "акация", и "саранча".

гда они оба уехали из Рассвета – она на зиму на юг, а он домой на восток – и когда я до смерти устала ежедневно трястись в поездах, я наконец-то решила проститься со своим гнёздышком и переехать в Метрополь, в отель "У воды".

Изображение на открытке чикагского отеля "Эджуотер Бич", который Ирина в книге именует отелем "У воды".

Часть Третья. Плавильный котёл

**Фотография Ирины из статьи в газете *Ноксвилл
Ньюс Сентинел* от 12/01/1936.**

Продажа недвижимости

Моя первая серьёзная работа в Метрополе была связана с продажей недвижимости. Один знакомый моих старых английских друзей как-то за обедом небрежно предложил мне попробовать себя в этом бизнесе, и я сразу же решила согласиться, хотя не имела ни малейшего представления, в чём будет заключаться моя деятельность. Больше всего меня озадачивала сама фраза "настоящее имущество"⁶⁴. И почему оно "настоящее", я так никогда и не смогла до конца понять.

Я стала с утра пораньше ездить на верхнем этаже даблдекера из отеля "У воды" в офис, дабы успевать на лекцию, которую ежедневно читал менеджер по продажам – невероятно энергичный человек, весьма убедительно и красноречиво рассказывавший о самых отвратительных районах города.

"Отвезите своего потенциального покупателя к новостройке в Вест-Сайде и расскажите ему, каким красивым будет район через десять лет", – орал он, стуча кулаками по столу, вытирая лоб и расстёгивая воротник в неистовом энтузиазме коммерсанта, а я слушала и удивлялась: как же, чёрт возьми, у меня вообще получится описывать в восторженных выражениях будущие прелести места, казавшегося

⁶⁴ Английское выражение "real estate", которое в русском языке имеет аналог "недвижимость, недвижимая собственность", дословно переводится как "настоящее имущество".

мне самой Богом забытой дырой на свете. Тем не менее я старалась изо всех сил и даже свозила туда одного "потенциального покупателя", принявшись дрожащим голосом под проливным дождём расхваливать чудесные возможности этого унылого болотистого участка. Всё, чем я могла похвастать, – это необъятной, ровной, покрытой грязью территорией с цементными тротуарами, выложенными на удивление симметричными полосами по всему периметру, и висящими повсюду мелкими красными флажками, которые уныло хлопали по своим древкам под непрекращающимся ливнем, тогда как порывы ветра доносили со скотных дворов невыносимую вонь.

"Вот здесь будет ваш дом – образец удобства и роскоши", – продолжала я, выбрав профессиональную речь продавца недвижимости под номером 4, которая, по моему мнению, являлась наиболее подходящей в данном конкретном случае, и стараясь улыбаться ярко и убедительно, хотя больше всего на свете мне хотелось, вытащив платок, поднести его к своему носу. Мой "покупатель", должно быть, чувствовал то же самое, поскольку, несколько раз неодобрительно принявшись, он в какой-то момент холодно заметил: "А как насчёт этого неприятного запаха? Всегда ли он здесь будет, и если да, то что ваша компания предлагает делать по этому поводу?"

"О, этот маленький недостаток полностью зависит от того, откуда дует ветер, и вы вряд ли когда-нибудь его заметите", –

убедительно ответила я. Однако в этот миг свежий порыв ветра донёс до нас столь сильную струю скотного зловония, что мы оба поперхнулись, закашлялись, а затем, не произнося больше ни слова, вернулись к машине и молча поехали обратно в центр города.

"Ну, и как у вас вышло?" – спросил менеджер по продажам, когда я, промокая и удручённая, ввалилась в офис. Выслушав мою мрачную историю, он прочитал исключительно для меня отдельную лекцию, точно объяснив, почему я потерпела неудачу. "Вам следовало отвлечь его внимание, – вскричал он. – Вам нужно было воспользоваться своими дамскими уловками и заставить его напрочь забыть о вонии! Вот почему мы стараемся посылать красивых молодых женщин для работы с трудными клиентами-мужчинами, ведь таким образом можно добиться очень многого". В этот момент он мило улыбнулся, подмигнул и, изогнувшись всем телом в необычной позе, повысил голос до тонкого, высокого фальцета: "О, мистер Джонс ..." (следовало произнести вам) "О, вы просто слишком милы, чтобы выразить это словами ... Посмотрите, какой у вас здесь будет шикарный домик, любовное гнёздышко ... О, это будет так мило" (тут менеджер по продажам восторженно вздохнул и, извиваясь, как гуттаперчевый акробат, посмотрел на меня с тем, что должно было означать необычайно чарующую женскую улыбку). "Так-то! – заметил он своим обычным голосом. – Вот как вы должны это делать ... А не речью продавца номер 4 – та-

ким образом вы никогда ничего не добьётесь. Поэтому же мы неизменно посылаем симпатичных молодых парней из нашей компании для общения с дамами, и, Боже мой, как они работают! Вы знаете Симпсона, не так ли? Что ж, теперь он богат, и всё благодаря тому, что продаёт женщинам. Спросите его, как он это делает!" И, усмехнувшись, менеджер ушёл восвояси.

"Не беда, не волнуйтесь, когда-нибудь у вас всё получится", – прошептал мне на ухо чей-то голос, и в следующую минуту высокий грузный мужчина с добрым лицом представился: "Моя фамилия Макурэн, и я очень рад с вами познакомиться". Он поклонился, вежливо протянув свою большую мягкую руку.

"Польщена", – пробормотала я, пожимая её, а затем устало опустилась на стул, который тот мне подставил. Я ведь действительно усердно старалась в тот день, и моя неудача заставила чувствовать себя несчастной.

"Давайте-ка я вас подбодрю, – приветливо промолвил мистер Макурэн. – Я уже некоторое время наблюдаю за вами и искренне считаю, что вы прекрасны во всех отношениях. Что вы думаете насчёт того, чтобы вместе просмотреть ваши списки продаж? Видите ли, я хорошо разбираюсь в этой игре и могу дать вам парочку советов, которые должны вам помочь. Ну же, улыбнитесь и расскажите-ка своему дяде Макурэну всё-всё о своих проблемах с недвижимостью (об остальных вы расскажете мне позже, когда мы с вами побли-

же познакомимся). Так *что*, покажете мне свои списки?"

"Хорошо, давайте завтра утром, так как сегодня я ужасно устала", – твёрдо ответила я, поскольку мне не очень понравился его шуточный тон, а потому "дядя Макурен" оказался последней каплей в и так переполненной чаше.

Возвратившись в свой дом-отель, я долго из окна наблюдала, как день клонился к закату и солнце садилось в буйстве красного и золотого, игравшего на глади воды. Позже кармин и золото поблекли, вода стала серой, наступила темнота, и всё, что я могла видеть, – это огромный чёрный купол, усыпанный звёздами.

На следующее утро я, сдержав обещание, показала мистру Макурену свои списки, но это оказалось неразумным шагом, поскольку вскоре после того он сделал мне предложение, уверив что, если я соглашусь выйти за него замуж, он даже готов сменить свою несколько нескладную фамилию Макурен на более лёгкую – Макбрайд⁶⁵.

Где-то через месяц после моего прихода в сферу недвижимости в отделе продаж закатили грандиозную вечеринку. После обильного и шумного ужина в отеле "Утка" мы отпра-

⁶⁵ У многих американцев, чьи предки являлись выходцами из Ирландии и Шотландии, в фамилиях присутствует приставка "Мак" (по-английски "Mc" или "Mac"). Соответственно, при описании этого персонажа с реальной фамилией, заменённой на псевдоним MacUren, а затем MacBride (по-русски фамилии с "Мак" принято писать слитно со всеми маленькими буквами, кроме первой), Ирина использует игру слов: искусственное "ugen" произносится очень похоже на "urine" – "моча", в то время как "bride" переводится как "невеста, новобрачная".

вились бродить по главной улице – по столько людей в ряд рука об руку, сколько могла уместить ширина тротуара (меня держали так крепко, что не было возможности вырваться) – с гирляндами цветов на шеях и громко распевая на мотив песни "Старое доброе время"⁶⁶: "Мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь, потому что мы здесь ..." Затем песня внезапно обрывалась, и наш заводила, который также нёс большой синий плакат с названием фирмы, выведенным золотыми буквами, громко кричал: "Что случилось с тем-то?" После чего весь отдел продаж хором вопил в ответ:

"Он в полном порядке!"

"Кто в полном порядке?"

"Тот-то в полном порядке!"

Наконец под предлогом сильной головной боли мне удалось-таки высвободиться и вновь помчаться так быстро, как только мог доставить меня автобус, в тишину и покой моего отельного номера.

Моя комната была поистине восхитительной, и вечера, которые я проводила, сидя на подоконнике широкого эркера с видом на воду, были абсолютно счастливыми. И хотя у меня не было телескопа, я могла часами любоваться ночным небом, наблюдая за различными созвездиями и пытаюсь вспомнить всё, чему научилась в детстве во время своих лю-

⁶⁶ Шотландская песня на стихи Роберта Бёрнса, написанная в 1788-ом году. Известна во многих странах, особенно англоязычных, и чаще всего поётся при встрече Нового года сразу после полуночи.

бительских занятий астрономией. И пока я сидела в тёмной комнате, слыша снизу тихий плеск воды, я невольно опять переносилась в прошлое, в те дни, когда в своём любимом Троицком проводила вечер за вечером с большим бронзовым телескопом.

После долгих дней, посвящённых "настоящему имуществу", эти видения целиком окутывали меня, и я так ясно видела свою старую ночную детскую с тремя окнами, обрамлёнными мягкими ситцевыми шторами, свою маленькую кроватку из красного дерева, где, вероятно, спали многие поколения детей рода Скарятиных, свой умывальник с сине-золотыми тазиками и кувшинчиками всех размеров, свои игрушки, свои книги, свой телескоп и саму себя – фигурку стоящего на коленях у подоконника ребёнка, заморожённо глядящего на звёзды и поглощённого чуждыми мечтами. Мне даже казалось, что я обоняю сильный аромат цветов под окнами детской и слышу тихую песню соловья или отдалённый лай собаки ... Позже видения улетучивались, и я обнаруживала, что между мною теперешней и мною той лежит пугающе много лет, однако я всё так же люблю смотреть на вечное звёздное небо.

Однажды посреди глубокой ночи меня разбудили непонятные звуки, доносившиеся из соседнего номера (там остановилась пожилая пара весьма respectable вида, которую я иногда встречала в коридоре): бурный смех, пение, брань, шум борьбы и даже шлепки. Да, я определённо слы-

шала тяжёлые шлепки ладоней по голой плоти, сопровождаемые взрывами смеха и страшными ругательствами. От этих неестественных звуков мне стало дурно. С минуту я в ужасе прислушивалась, а потом, не имея сил больше этого выносить, торопливо оделась и побежала вниз к ночному портье.

"Идите скорее, в соседнем номере происходит нечто ужасное", – выдохнула я, и тот услужливо последовал за мной наверх в сопровождении штатного детектива. Там мы втроём молча встали перед дверью моих соседей, из-за которой всё отчётливее долетали звуки зловещего хохота, визгов, шлепков, бьющегося стекла и крушащейся мебели.

"Ох, что же это?" – в панике прошептала я, но портье лишь пожал плечами и улыбнулся.

"Всё хорошо, не бойтесь. Старики просто напились и резвятся, – успокаивающе прошептал он в ответ. – Однако я позабочусь, чтобы это больше никогда не повторялось ... И, возможно, вам лучше перебраться в другой номер на остаток этой ночи".

Я с благодарностью приняла предложение и с помощью обоих джентльменов перенесла свои вещи в комнату дальше по коридору. На следующее утро я встретила пожилую пару в лифте. Та выглядела как обычно – чрезвычайно серьёзной и исполненной достоинства, и трудно было представить, что только несколько часов назад она вела себя столь постыдно, производя массу неподобающего шума.

"Шлёпальщики, – думала я, наблюдая за ними краем гла-

за. – Мерзкие старые хлыщи – вот кто вы на самом деле! Напыщенные старые лицемеры!" С того дня они стали для меня "шлёпальщиками". И пока я жива, я никогда не забуду гадкую песню, которую они орали в ту ночь.

Моя же авантюра с недвижимостью продлилась недолго. После нескольких месяцев бесплодных попыток распродать несчастные участки я в отчаянии бросила это занятие и начала искать какую-нибудь другую работу.

Хостес

В конце концов, спустя месяц, потраченный на лихорадочное "оглядывание по сторонам" в поисках чего-то подходящего, я получила предложение занять должность хостес в одном из самых модных и эксклюзивных ателье Метрополя по пошиву одежды. Расположенный на главной улице, в отдельном трёхэтажном здании с высокими стеклянными витринами, в которых был благоразумно выставлен ряд избранных предметов туалета, как то: платье на болезненно перекошенном позолоченном манекене; вечерняя пелерина, небрежно накинутая на кресло в стиле Людовика XVI, без сомнения, являющееся новоделом; веер и ещё пара-тройка безделушек, – сей "Дом от кутюр" должен был представлять верхом элегантности, где всем миллионершам от мала до велика стоило приобретать себе одежду и головные уборы. Швейцар в униформе охранял вход, а также провожал высоких гостей вверх по короткой лестнице, ведущей в длинный выставочный зал. Именно здесь, практически на верхней из этих ступеней, являясь как бы вторым прославленным швейцаром, я в своей новой роли хостес должна была, встретив пришедших дам, "с приветливой улыбкой и парочкой приятных слов" (согласно данным мне инструкциям) заботливо доводить тех до их продавщиц. Я обязана была знать, и это считалось крайне важным, какая из продавщиц была лю-

бимицей каждой конкретной клиентки, и горе мне, если я ошибалась. Это являлось абсолютно непростительным в глазах как посетительниц, так и обслуживавших их работниц, и мои поначалу частые промашки встречались сердитыми взглядами и ворчанием с обеих сторон. Одна дама (о, как бы мне хотелось назвать её имя!) неизменно совершала особенный ритуал, отодвигая меня в сторону, когда я встречала её наверху своей профессиональной "приветливой улыбкой", а после бормоча одну и ту же фразу, когда я, повинувшись инструкциям и пытаюсь придумать, что же ей сказать приятно-го, сопровождала её по выставочному залу к примерочным: "Перестань идти за мной – я знаю, куда мне нужно, ты, ..." – и я должна признать, что последнее слово, произнесённое ею едва слышно, всегда звучало для меня очень похоже на "дура".

Какое-то время моё положение было весьма шатким, ведь роль хостес являлась новшеством, не принимавшимся большинством завсегдатаек. Некоторые из них даже жаловались владелице, что их обижает, когда их встречают у дверей, как незнакомок, – они же, входя в "Заведение", прекрасно знают, кого хотят видеть и что хотят приобрести, а потому хостес им только мешает. Всё это создало для меня гадкую ситуацию. Если я не встречала прекрасных дам, то управляющий, мистер Тимсон, ругал меня и угрожал уволить. Если же всё-таки встречала, то те ворчали и жаловались. В итоге я нашла компромисс: приветствовала постоянных клиенток

поклоном посреди зала, а затем молча шла за ними на отдалении. Но и это заставляло чувствовать себя не слишком комфортно, поскольку я понимала, что не отрабатываю своё жалование.

В доме моды меня окружало множество коллег, и они были самых разных типов. Первым шёл управляющий, мистер Гарольд Тимсон, высокий долговязый англичанин, чья странно сложенная фигура, казалось, самым пугающим образом разваливалась на части при каждом его движении. В основном он проводил свои дни, сидя за столом в узком кабинете позади примерочных, с необычайно важным видом и властным тоном говоря что-то в диктофон. Так как большинство французских платьев от "Дельфины" были в реальности сшиты в Омахе по смехотворно низкой стоимости, а затем искусно помечены этикеткой "Париж" и проданы по непомерным ценам доверчивым миллионершам Метрополя, послания мистера Тимсона были главным образом продиктованы в адрес несчастных рабочих Омахи, усиленно вкалывавших во славу Франции. Иногда он покидал свой кабинет, и тогда его сверхъестественный трюк с выбрасыванием своих длинных тонких ног далеко вперёд туловища завораживал меня до такой степени, что я ловила себя на мысли, что с тревогой ожидаю каждый следующий шаг. Его перемещения по выставочному залу были из разряда представлений, которые нелегко забыть, особенно когда огромные плоские ступни выбрасывались им так далеко, что цеплялись за предме-

ты мебели или, того хуже, за складки изысканнейшего одеяния "Омаха-Париж", невинно висящего на одной из вешалок для одежды. Тогда он принимался бушевать, размахивая своими необычного вида ручищами и обвиняя испуганных продавщиц и наглых манекенщиц в том, что те "неаккуратно, намеренно и злостно" препятствуют его достойному продвижению. Однажды в разгар такой сцены он, заметив, что я давлюсь непочтительным смехом, направил весь свой гнев в мою сторону. Его обличительные слова должны были "обратить меня в пепел", однако вместо этого я лишь окончательно взорвалась неуместным приступом хохота и исчезла в раздевалке. После этого он очень долго со мной не разговаривал.

Мисс Миллисент Уинтергрин, владелица "Дельфины", томная, экзотичная и авторитетная светская львица Метрополя, обычно появлялась каждое утро около десяти часов, закутавшись в чудесные меха, изрядно благоухая дорогим парфюмом и одаривая улыбкой весь персонал, бросавшийся ей навстречу, дабы поприветствовать, когда она входила. То была прекрасная, страдальческая и терпеливая улыбка, которая всегда заставляла меня задуматься, была ли её "страдальческая" составляющая вызвана общей неэффективностью подчинённых, из которых я являлась наихудшей. Проплыв мимо нашей подобострастно кланяющейся группы, она поднималась по лестнице в свой личный, роскошный и комфортабельный кабинет и пребывала там весь день, невиди-

мая и неслышимая. Около пяти часов вечера она спускалась в своей неподражаемой плавной манере и снова ласково улыбалась нам той же прекрасной, страдальческой и терпеливой улыбкой. Швейцар, которого клиенты называли Фредериком, а коллеги – Фредом, провожал её до сдержанно элегантного лимузина, а затем возвращался на свой пост, щёлкая пальцами, весело насвистывая впервые за день и обычно бросая громким и непочтительным тоном: "Вот и всё!"

Именно он неизменно оповещал нас об утреннем приходе мисс Уинтергрин, просунув голову в дверь и громко крича: "Эй, все, она здесь!" Сделав это, он подбегал к её авто, помогал ей выйти и почтительно поддерживал, пока та поднималась по ступенькам в выставочный зал. Иногда она вообще не приходила, и тогда Фред прекрасно проводил время, тихонько насвистывая весь день в перерывах между появлением клиенток, листая жёлтую скандальную прессу и жуя арахис или жевательную резинку. Каким-то образом длинные ноги мистера Тимсона ни разу не доносили его тело до владений Фреда, и потому тот никогда не получал выговоров. Всем продавщицам, манекенщицам и прочим сотрудницам Фред нравился так же сильно, как и мне, ведь он всегда был милым и услужливым и, когда мог, охотно выполнял все наши поручения. Не раз он, открыв свою дверь у подножия лестницы, громким шёпотом предлагал принести мне то сэндвич, то плитку шоколада, так как, по его мнению, я выглядела "типа уставшей и измождённой от дурацкого сто-

нения там весь день".

Продавщицы поначалу относились ко мне слегка непри­ветливо, а подчас и враждебно, но вскоре это прошло, и мы хорошо поладили. Миссис Диксон – моя любимица – была стройной, темноволосой, довольно привлекательной женщи­ной лет под сорок. Будучи умной, уравновешенной, всегда доброжелательной и любезной, она обладала как прекрас­ным чувством юмора, так и умением развлечь собеседника. Я ей нравилась, она называла меня "Тиш", утешала, когда видела, что я несчастна, и, так же как Фред, постоянно пред­лагала мне что-нибудь съесть или уговаривала посидеть, ес­ли замечала, что мои лодыжки сильно распухли от долгого стояния.

Вторая продавщица, миссис Нильсон, во всех отношени­ях принадлежала к другой категории людей. Миниатюрная, изящная, хорошенькая, с пушистыми седыми волосами – очень седыми, хотя ей было слегка за сорок, – она люби­ла болтовню, сплетни и пикантные истории. У неё случа­лось много неприятностей с мужем, продавцом автомоби­лей, и каждое утро она радовала нас свежими подробностя­ми своих семейных неурядиц. Она носила прелестную одеж­ду, необычайно гордилась своими аккуратными, со вкусом обутыми ножками, обожала веселье и шумные рауты и очень напоминала мне маленькую щебечущую птичку, которая по­стоянно чистит свои блестящие пёрышки.

Третья продавщица, мисс Браун, со своими блестящими

глазами-бусинками, мягкими каштановыми волосами, мелкими острыми зубками и общим видом непритязательной скромности, хитрой запасливости и лукавой скрытности походила на мышку. Она работала размеренно, молча, со спокойными и точными движениями, была вежлива со всеми, не выделяя кого-то в отдельности, и быстро пряталась всякий раз, лишь заслышав, как мистер Тимсон повышает голос от гнева, при этом тихо улыбалась про себя, пока другие с ним объяснялись. Я изначально думала, что она "святоша-недоτροга", однако как-то вечером по случайности наткнулась на неё в тёмном маленьком ресторанчике, где обычно скромно ужинала, обнаружив, что та нежно держит за руку крупного, тучного, благодушного джентльмена, вне всяких сомнений, из тех, кого обычно называют "сладкими папиками". "Ох", – испуганно воскликнула она, увидев, как я прохожу мимо их столика, а затем, подбежав ко мне, умоляла никому не рассказывать, потому что, как она восторженно призналась мне на ухо, он и правда являлся её "покровителем"!

Две продавщицы в отделе шляпок были пожилыми, деловитыми и по-матерински заботливыми, а их помощница – симпатичная и энергичная девушка – вскоре покинула гранд-ателье "Дельфина", дабы выйти замуж за богатого юношу из другого города.

Наверху, в двух совершенно особенных демонстрационных помещениях рядом с кабинетом мисс Уинтергрин, трудились ещё две почтенные и пожилые продавщицы, которые

были с мисс Уинтергрин с того самого дня, когда "Дельфина" открыла свои впечатляющие двери для не менее впечатляющей публики. Эти дамы, будучи весьма высокопоставленными и могущественными, обслуживали только "сливки общества" Метрополя, не обращая на нас, "нижних", никакого внимания.

После продавщиц шли манекенщицы, все, разумеется, юные и красивые, с точёными фигурами и идеальными руками и ногами. Марéса, получавшая самую высокую зарплату и потому считавшаяся наиважнейшей из всех, была высокой, до умопомрачения стройной девушкой с большими сверкающими смоляными очами, волосами цвета воронова крыла, маленьким носиком, крошечным ротиком, абсолютно безупречными зубками и самой красивой кожей кремового цвета, которую я когда-либо видела. Я прозвала её "кошечкой" из-за её гибких, кошачьих движений и странной манеры тихо смеяться откуда-то из глубины её горла, что звучало точь-в-точь как кошачье урчание. Было презабавно видеть её рядом с мисс Браун и наблюдать, как те переговариваются друг с другом. Тогда я размышляла: действительно ли в предыдущих воплощениях они были кошкой и мышкой. Но хотя внешность Марéсы была чрезвычайно привлекательной и утончённой, её речь оказалась так же проста и примитивна, как и её разум, а из её губ цвета вишни я почерпнула большой запас удивительнейших слов, обычно не употребляемых в приличном обществе. Она была настолько

уверена в своём превосходстве над остальными манекенщицами, что в её уме ребёнка никогда не возникало и мысли ревновать или раздражаться из-за чего-либо, что те делали. Любое платье смотрелось на ней идеально, и было забавно видеть, как какая-то толстая старуха приобрела одеяние, демонстрировавшееся Марёсой, наивно решив, что тоже будет хорошо в нём выглядеть.

Второй была Хильда Стёфенсон, шведка, обладавшая настолько чисто древнегреческими лицом и фигурой, совершенно небесными в своей безупречной красоте, наводившей на мысль об олимпийской богине, что было захватывающим дух восхищением наблюдать, как она дефилирует взад-вперёд по подиуму в белых и серебряных драпировках, которые ей так мудро подбирали для показа. Будучи умной, хорошо образованной девушкой, она устроилась манекенщицей лишь потому, что хотела заработать достаточно денег, чтобы иметь возможность окончить свой последний курс в колледже. Мы много с ней разговаривали, и однажды я была безмерно тронута, когда год спустя, уже после того как мы обе ушли из "Дельфины", получила от неё абсолютно волшебное письмо, в котором она благодарила меня за то, что я вдохновила её своим "благородным примером терпения и стойкости". Всегда приятно думать, что ты вдохновила кого-то, пусть даже в своей роли супер-швейцара, и её добрые слова легли как бальзам на болезненные раны-воспоминания о моём "дельфиньем" прошлом.

Интересны были и различные типы покупательниц, проходивших мимо меня, как в калейдоскопе, с утра до вечера. Пожилые дамы, преисполненные чувства собственной огромной значимости, – одни невероятно тучные, другие же болезненно худые – всегда носили необычно выглядевшие старомодные шляпы, принадлежавшие временам их юности, – гигантские аксессуары с высокими тульями, богато украшенные лентами и плюмажами, которые их обладательницы обычно наклоняли книзу в направлении своих благородных носов. После визита одной из таких досточтимых клиенток шляпный отдел хором стонал и горько жаловался, что ею вновь было заказано "викторианское чудовище" с пожеланием сделать его как можно более похожим на прежнее и что никакие тактичные уговоры не заставили старую леди позволить "Дельфине" чуточку осовременить свой головной убор. Также туда наведывались и дамы среднего возраста, в основном требовавшие чего-нибудь "молодёжного" и сердито отвергавшие те изделия, из-за которых они выглядели "чересчур старыми", и молодые женщины, которые беспечно покупали любую шляпку, которая им шла. То же самое происходило и с платьями. Пожилым, которые являлись покупательницами в течение многих лет, постоянно угождали две высокопоставленные особы наверху, и в результате те из года в год заказывали одни и те же наряды; женщины среднего возраста выбирали самую молодящую одежду, в то время как молодые замужние женщины и девушки буквально

расхватывали "то, что просто хорошо смотрится".

Некоторые клиентки в общении со старательными продавщицами были более вежливы и приятны, чем другие; отдельные из них даже обладали изысканными манерами и человечностью; однако в большинстве своём посетительницы, как правило, были нетерпеливы, надменны и очень часто капризны. Я никогда не забуду тот день, когда миссис Нильсон пришлось уйти домой из-за сильной головной боли и мне поручили занять её место и продавать платья. Вскоре я выяснила, что труднее всего угодить покупательнице, которая привела с собой свою подругу, "чтоб помочь выбрать пару шмоток". Обычно подруга была крайне критична и, сидя на стуле рядом с высоким зеркалом в примерочной, "разбирала на части" одно принесённое платье за другим. Быстро выкуривая одну за одной сигареты, она, не обращая внимания на продавщицу, говорила вполголоса, но совершенно отчётливо, как бы всё равно обращаясь к той в третьем лице: "Просто ужасно, моя дорогая! Скажи ей, что ты не привыкла к такому уродству и она должна принести что-то попримличнее ... Скажи ей, что ты предпочитаешь красное ... Скажи ей, что если больше нечего показать, то мы пойдём в другое место ... Да ведь в этом нельзя идти на собачьи бои! Некоторые вообще не врубаются – тупые, знаешь ли!" – и так далее в том же духе практически без пауз. Когда я впервые услышала это грубое "скажи ей", я была так возмущена, что чуть не плача побежала к миссис Диксон, но та только рассмеялась

и сказала: "Не бери в голову, Тиш, это случается со всеми нами по двадцать раз на дню, если не чаще. Просто притворись, что не слышишь, не обращай внимания, не отвечай и не показывай им, что тебе больно". И с этой новой философией, основанной на множестве "не", мне и пришлось жить дальше.

Некоторые клиентки применяли к нам мелкие, но подлые хитрости, и те были ужасно неприятны! Например, одна очень известная, безмерно богатая женщина выбрала изысканную дорогую диадему со стразами, которую она намеревалась надеть в тот же вечер в оперу. "Запишите на мой счёт, заверните и сразу отдайте мне – как раз сегодня я её надену", – повелительно бросила она "заботившейся" о ней миссис Нильсон, и та, естественно, проделала всё сказанное. Ранним утром следующего дня, ещё до приезда мисс Уинтергрин, просматривая в газетах раздел светской фотохроники, мы все увидели несколько фотографий миссис Х в той самой диадеме, которую она вчера купила в "Дельфине". Какое же было наше удивление, когда час спустя упомянутая дама явилась с украшением, в котором она, согласно газетам, присутствовала накануне вечером в опере, а теперь преспокойно вручила миссис Нильсон со словами: "В конце концов, я и подумать не могла о том, чтобы надеть в свет столь дешёвого вида вещь. Примерив её вчера вечером дома перед зеркалом, я поняла, что это так, поэтому и возвращаю обратно. Потрудитесь вычеркнуть её из моего счёта". Я в ужасе

посмотрела на миссис Диксон, но та лишь пожала плечами, а позже заметила: "И подобное тоже случается нередко".

Однажды мистеру Тимсону пришла в голову бредовая идея: заставить меня просмотреть все адреса и телефонные номера наших клиенток в телефонном справочнике, сверяя их с карточками в нашей картотеке, – прескверная задача, на выполнение которой у меня ушло много дней. Поскольку у него для такой работы имелось много офисных девушек, он, вероятно, поручил её мне, дабы отомстить за те моменты, когда я смеялась над ним на глазах у всех остальных, и худшей мести он не мог бы придумать. После нескольких часов корпения над этой бесконечной книгой я начинала так нервничать, что едва могла усидеть на месте, тогда как фамилии и цифры плясали перед моими усталыми глазами. Когда же миссис Диксон, не в силах более терпеть мои муки, рассказала обо всём мисс Уинтергрин, та передала, чтобы я немедленно прекратила, поскольку поиск адресов не имеет абсолютно никакого отношения к моим обязанностям хостес. А в качестве кульминации Мари, миниатюрная кладовщица, подбежав ко мне, радостно прошептала на ухо, что мисс Уинтергрин сделала мистеру Тимсону за эту его выходку жуткий разнос. Забавная маленькая Мари, с пятнистым лицом, похожим на камю, низенькой плотной фигурой и привычкой постоянно тихонько напевать себе под нос одну и ту же песню: "Может, позвонит он, может, пригласит он, может, передаст привет по ра-ди-о-о-о". Я часто размышля-

ла, сделал ли "он" в итоге хоть что-то из перечисленного, и надеялась, что "он" был добр к ней, поскольку Мари являлась очень милой девчушкой.

После нескольких идиотских месяцев работы хостес, то есть швейцаром меньшей значимости, чем Фред, который, в конце концов, открывал и закрывал двери, провожал дам от и до их авто и помогал им преодолевать ступеньки, мне была предложена должность помощницы дизайнера интерьеров, которую я с радостью приняла. Мне было очень жаль прощаться с продавщицами и манекенщицами, к которым я успела привязаться, но одновременно я чувствовала большое облегчение от осознания, что моим "приветливым улыбкам и приятным фразам" действительно пришёл конец и что я наконец могу рассчитывать на настоящую, осмысленную работу.

Пятеро ухажёров

Моей новой нанимательницей была миссис Бёртон – низенькая, ужасно энергичная женщина лет пятидесяти, с седыми волосами, розовыми щеками и пенсне, которое у неё постоянно сползало с носа. Она была нервной и взвинченной, но почти всегда жизнерадостной и очень трудолюбивой. Её скромная квартирка в одном из новых домов, расположенном всего в паре кварталов от фешенебельного района, где обитали сплошь миллионеры, состояла из крошечной прихожей, узенькой гостиной, комнаты побольше, служившей одновременно и спальней, и столовой, а также маленького кабинета, втиснутого между санузлом и кухней. Именно в этом кабинете я и просиживала весь день, отвечая на телефонные звонки, кропотливо набирая одним пальцем письма и приводя в порядок рабочие папки. Так как миссис Бёртон была из хорошей семьи и с хорошими связями, она почти всегда имела дело с очень богатыми людьми и, пока я работала у неё, создала интерьеры довольно многих изысканных квартир и частных домов. Дав мне ранним утром поручения на день, она обычно исчезала до пяти часов вечера, разъезжая по всему городу на своём старом форде "Лиззи", снуя туда-сюда в неистовой активности, делая сотню дел за час, никогда не отдыхая, даже не расслабляясь, то есть всегда "крутясь как белка в колесе". Иногда она всё-таки заскаки-

вала в полдень, чтобы дать мне новые указания или же взять с собой на ланч, но это случалось нечасто, и в основном я проводила свои дни в полном одиночестве в её компактном офисе. За исключением тех случаев, когда звонил телефон, я часами не слышала ни звука, а поскольку работы у меня было не так уж много (и я не могла позволить себе в рабочее время читать или писать в дневник), время тянулось ужасно медленно, и я приходила в сильное беспокойство, с нетерпением поглядывая на часы. Но однажды произошло странное событие, от воспоминаний о котором мне до сих пор делается нехорошо. Вот как это было.

Я сидела за своим столом и печатала одно из тех бесконечных писем, которые дизайнеры интерьеров отправляют фирмам, поставляющим им товары ("Джонсон и Фолкнер", "Чейни" и так далее), когда внезапно зазвонил телефон и мужской голос спросил миссис Бёртон. Я ответила, что её сейчас нет, а его, похоже, сильно позабавил мой русский акцент, и, сообщив мне об этом, он потом довольно долго поддерживал со мной разговор. После этого он стал звонить мне каждый день, обычно в районе обеда, а поскольку мне было ужасно скучно сидеть много часов напролёт в душном кабинетике, наши забавные беседы оказывались весьма желанным перерывом, и я постепенно начала с нетерпением их ожидать. Миссис Бёртон сказала мне, что с ним "всё в полном порядке", что он джентльмен средних лет и её старый друг, так что я не видела никаких причин препятствовать

его ежедневным звонкам, тем более что он никогда не предпринимал попыток со мной увидеться. Как-то раз он пожаловался, что сильно простудился, и, когда я порекомендовала ему аспирин, долго смеялся, объяснив потом, что моя манера произносить слово "аспиррин"⁶⁷ "слишком потешна, чтобы передать это словами". "Скажите 'аспирин'", – умолял он снова и снова, пока я не разозлилась и не повесила трубку.

Эти ежедневные беседы, должно быть, длились около трёх или четырёх месяцев. Наконец однажды утром он спросил меня, не соглашусь ли я отобедать с ним на следующей неделе, и назвал определённую дату. Поскольку он мне начал нравиться и мне было любопытно посмотреть, как он выглядит, я приняла приглашение и была крайне удивлена его совсем по-детски восторженными воплями в трубке. Но когда наступил тот день, миссис Бёртон, заболев и лёжа в постели, попросила меня выполнить для неё одно важное дело, а так как это требовалось сделать немедленно, я позвонила мистери Х и, не застав его дома, предупредила его слугу, что не смогу прийти на встречу, как было условлено. Мне и в голову не пришло, что мой визави будет как-то по-особенному готовиться к этому обеду; на самом деле, я думала, что мы, вероятно, отправимся в моё обычное место – маленькую закусочную за углом. Каков же был мой ужас, когда, вернувшись после выполнения поручения около трёх часов дня, я

⁶⁷ Американцы произносят это слово как "эсприн", практически проглатывая "р" и делая ударение на первом "э".

получила звонок от мистера Х и он совершенно убитым голосом сказал, что я испортила то единственное невыразимое удовольствие, которого он ждал с таким восторгом.

"Я планировал привести вас в свой дом", – буквально рыдал он. – На столе были розы, мой лучший фарфор, бокалы, серебро, шампанское, икра ... О, как вы могли быть такой жестокой?! Что же вы наделали?! Вы никогда не узнаете, что вы со мной сотворили".

Потрясённая и растерянная, я извинялась, как могла, хотя, с другой стороны, меня слегка разозлила мысль о том, что он спланировал столь изысканный приём, никак не предупредив меня об этом. Наконец с неподобающими мужчине словами: "Я плачу и хотел бы, чтоб вы видели слёзы, что текут по моему лицу! Прощайте!" – брошенными в моё изумлённое ухо, он повесил трубку, и, необычайно удручённая и чуть-чуть раздражённая, я вскоре отправилась домой. Всё это казалось какой-то суетой из-за пустяка. И что из того, что я не смогла прийти на обед именно в тот день, ведь были и другие! "Он определённо ребячлив и смешон", – подумала я и попыталась выбросить из головы этот эпизод.

Тем не менее на следующий день я была удивлена, не получив от него звонка, как было заведено. А следом прошли и второй день, и третий, и четвёртый, неделя, две! Наконец я набрала его номер.

"Могу я поговорить с мистером Х?" – спросила я, когда незнакомый голос ответил на мой звонок.

"С мистером X? – медленно произнёс тот, будто был сильно удивлён. – Ну, он очень болен, умирает – разве вы не знали?"

Озадаченная, я в тот же вечер спросила миссис Бёртон, знает ли она, что мистер X совсем плох.

"Ах, да, – ответила та. – Всё началось самым загадочным образом около двух недель назад. Тогда он сказал мне, что испытал горькое разочарование и начал пить. Он непрерывно пил в течение десяти дней, и в результате это закончилось ужасно: у него открылась язва желудка, случился перитонит, и вот он умирает. Спасибо, что напомнили мне, – сейчас позвоню и узнаю, как его состояние".

Она подняла трубку, попросив с ним соединить, а я с тревогой ждала, что будет дальше.

"Как себя сегодня чувствует мистер X? – услышала я её вопрос, за чем после паузы последовало. – О, нет! Правда? Когда? О, Боже, Боже!"

"Он умер?" – дрожащим голосом спросила я.

"Да", – ответила та сквозь слёзы.

Пока она плакала, я на цыпочках вышла из комнаты и, так как было почти шесть часов, отправилась домой. Всю ту ночь я не могла уснуть. Мне казалось, я слышу его голос, смеющийся, поддразнивающий, умоляющий, рассказывающий смешные анекдоты, "дабы подбодрить вас, Золушка моя, в вашем одиночестве", – говорил он. Затем, к своему удивлению, я тоже зарыдала, оплакивая смерть человека, которого

никогда в жизни не видела и никогда уже не увижу живым. Я не смогла пойти на его похороны, поскольку туда пошла миссис Бёртон, а у меня не было предложения к ней присоединиться, но несколько дней спустя, субботним полднем, я купила четыре розы, с грустью думая о тех цветах, что купил он, дабы украсить свой обеденный стол, и отнесла их к нему на могилу.

Там сидел мужчина – почти старик, одетый в поношенное пальто, с красными глазами, которые с любопытством взглянули на меня, когда я подошла и положила свой букет на свежесделанный холмик. После нескольких минут молчания он неожиданно заговорил.

"Вы та самая леди, что должна была обедать с ним две недели назад? – глухо осведомился он странно безличным, мёртвым голосом, указав на могилу, когда произносил "с ним", и, после того как я кивнула, продолжил в той же бесцветной манере. – Ну, тогда вам следует знать, что это его и убило – я имею в виду разочарование. Он так и не смог от него отойти. Ведь он был так счастлив, так взволнован вашим предстоящим приходом, совсем как мальчишка ... Заставил меня дюжину раз менять всё на столе ... 'Джеймс, – говорил он, – мне кажется, так будет выглядеть лучше', – и я начинал всё сызнова. Розы – да, мэм, две дюжины 'Американских красавиц' ... и шампанское, и всё-всё самое лучшее. Он даже поручил мне забрать из банка серебряную столешницу. Мне пришлось везти её домой на такси – так она была

тяжела. И всё впустую! Вы решили не приходите ..."

"Не 'решила', а 'не смогла'", – мягко поправила его я.

Так мы и стояли там бок о бок – верный слуга человека, которого я никогда не знала, и я, которая стала косвенной, невольной причиной необъяснимого горя этого человека, приведшего к его безвременной кончине.

Той зимой со мной произошло ещё несколько странных событий. Поскольку к этому времени я знала в Метрополе уже очень многих людей и была вольна делать по вечерам всё, что мне заблагорассудится, я частенько выходила в свет, хотя никогда не задерживалась там надолго.

Именно тогда у меня установился ряд приятных дружеских отношений, удачно уравновешивавших определённо неприглядные эпизоды, которых в том году случилось приличное множество. Первый эпизод, видимо, положивший начало серии кошмаров (уже после печальной истории со смертью мистера Х), имел место на званом обеде, где, к несчастью, я привлекла внимание некоего мистера Ривза Трёя, знаменитого вдовца и "сардинного короля" второго ряда. Высокорослый и исключительно некрасивый, с малюсенькими голубыми глазками и здоровенным алым носом, он весь вечер просидел рядом, одобрительно пялясь на меня и нашёптывая то, что он сам называл "милыми пустяками".

Вскоре после этой первой встречи он повадился писать мне короткие записки, нередко присылая их вместе с цве-

тами. И наконец однажды утром я получила от него официальное приглашение на ужин, которое мне довелось показать двум очень добрым пожилым леди, проникшимся ко мне большой симпатией.

"О, непременно соглашайтесь, – воскликнули те в один голос. – Он устраивает самые шикарные званые ужины, о которых потом говорит весь город. Какая-нибудь очаровательная дама будет выступать в роли хозяйки. Будет звучать живая музыка – вот в прошлом году он приглашал ряд замечательных итальянских гитаристов. Так что вы, без сомнения, прекрасно проведёте время". Что ж, я согласилась.

Так как приём должен был состояться в небольшом эксклюзивном клубе, находившемся несколько в стороне от маршрутов моего обычного вида транспорта – автобуса, я приняла решение в кои-то веки "безрассудно потратиться", взяв такси. Подъехав к клубу ровно в половине восьмого, я была удивлена, не увидев длинной вереницы автомобилей перед центральным входом, – в действительности, если бы не моё такси с яркими фарами, то улица была бы тёмной и абсолютно пустынной. Подумав, что, возможно, я ошиблась с датой мероприятия, я поспешно сверилась с приглашением, лежавшим у меня в парадной сумочке. Но нет, ошибки не было: и дата, и адрес были верными, поэтому я покинула такси и не без дурных предчувствий вошла в клуб. У двери меня встретил толстый старый слуга и, благожелательно улыбаясь, отеческим тоном направил меня в дамскую комнату,

где я должна была оставить свою накидку. Когда же это было сделано с помощью скромной на вид горничной, другой слуга, взяв на себя заботу обо мне, провёл через длинную тускло освещённый бальную залу в компактную столовую, самым неприятным образом напоминавшую приватный кабинет. Здесь я застала своего сардинного короля в уединённом величии, облачённого в свой лучший костюм с белой гарденией на лацкане фрака и радостно засиявшего, когда он устремился мне навстречу с протянутыми руками. Позади него виднелся маленький столик, накрытый явно на двоих.

"Милости прошу, моя дорогая маленькая графиня, добро пожаловать!" – восторженно воскликнул он, целуя мою руку, а вернее, вытирая о неё свой гигантский красный нос. Сразу объявили об ужине, и он церемонно подвёл меня к внушительного вида золочённому креслу, в которое я несколько робко и села. Последовало то, что устроитель суаре назвал "небольшим уютным ужином", в реальности оказавшееся долгой и сложной трапезой с вином, шампанским и несезонными деликатесами. И покуда одно сытное блюдо сменяло другое, я невольно думала о своих тридцатицентовых обедах в сэндвич-лавке за углом и о скромных завтраках и ужинах, которые я нынче готовила сама на маленькой электроплитке в своей комнате.

"О чём вы думаете, милая графиня?" – спросила принимающая сторона, доверительно наклонясь ко мне с довольно тревожным блеском в своих "поросячьих" глазках.

"О симпатичном маленьком местечке, где я могу пообедать за тридцать центов", – честно ответила я и была рада увидеть, что он остался явно несколько смущён таким непоэтичным ответом. Снова и снова он пытался отыскать тему для разговора, достойную его ужина и той сдержанно-интимной обстановки, в которую он с большими надеждами меня поместил, и снова и снова мои будничные, прозаичные ответы вносили неверную ноту, сводя на нет все его благородные усилия. Когда же ужин подошёл к концу, он мрачно спросил, что бы я предпочла: "побыть тут и поболтать или пойти в театр и лично встретиться с мистером Галлахером и мистером Шином".

"О, театр, разумеется", – воскликнула я с такой готовностью, что он уставился на меня с болезненным удивлением, а затем громко и, как мне показалось, даже грубо, приказал немедленно подать его автомобиль. Однако, когда мы уже ехали по тускло освещённой улице, он лихо разыграл в этой милой галантной игре, которую так тщательно спланировал, свой последний козырь, взяв мою ладонь в свою – большую, мягкую и потную – и чрезвычайно неприятно её сжав.

"О, пожалуйста, не надо, мне больно, и ваша рука ужасно горяча и влажна!" – вскричала я, вырвавшись с необычайной силой. И это положило конец всему – раз и навсегда. С достоинством забившись в дальний угол салона, он погрузился в мёртвое молчание, продолжавшееся до конца вечера. В то время как уже в театре я радостно следила за выходами ми-

стера Галлахера и мистера Шина, полностью погрузившись в происходившее на сцене, он колом торчал в своём кресле, безмолвно негодуя, строго осуждая и с выражением "я оскорблён до глубины души", чётко написанным на его лице. Только один раз он разомкнул губы и лишь для того, чтоб попрощаться, когда сажал в такси, уносившее меня домой.

Тем не менее несколько недель спустя, желая отплатить за щедрое угощение, я послала ему письмо с просьбой отобедать со мной и мужчиной, за которого я вскоре, возможно, выйду замуж. Его ответ, выражавший отказ и сожаления, был сформулирован в наиболее кратких и жёстких словах, которые стали последними, когда-либо полученными от него мною.

Лишь много позже я узнала, что мои закадычные подружки, две пожилые дамы, отчаянно занимались сводничеством и изо всех сил старались уговорить сардинного короля "сделать мне честное предложение своей щедрой руки и сердца". Однако, как несколько пристыжённо они признались, тот никогда не рассматривал ситуацию под таким углом зрения, имея намерения, которые от начала до конца были "исключительно бесчестными".

Вслед за этим случился безрадостный эпизод с джентльменом, занимавшим высокое положение в бизнесе скотобоен, с которым я впервые встретилась одним рабочим полднем, когда он появился в моём маленьком офисе, скорбно объявив, что у него для меня "ужасные новости" и не могла

бы я, пожалуйста, присесть. Онемев от испуга, с трясущимися коленями, я жестом попросила его продолжать, а сама опустила в кресло миссис Бёртон, судорожно гадая, кто из оставшихся членов моей семьи внезапно скончался. После нескольких раздражающих попыток из разряда "даже не знаю, как начать", которые чуть не свели меня с ума, он в конце концов добрался до сути предназначенного мне потрясающего известия, оказавшегося не более чем кем-то пересказанным ему слухом (как позже выяснилось, далёким от истины) о том, что вторая жена моего бывшего супруга умерла от аппендицита.

"И это всё?" – почти взвизгнула я, вскакивая с кресла и всем сердцем желая свернуть ему шею, поскольку, хотя я и не испытывала никаких недобрых чувств ко второй жене моего бывшего супруга (графа Келлера), та всё же мало меня интересовала, чтобы испытывать радость от того факта, что меня выбрали адресатом этой информации, подвергнув в первые минуты столь страшному испугу.

"Ну, да! – ответил джентльмен, несколько озадаченный моей реакцией. – Это всё. Надеюсь, я вас не шокировал?"

"Конечно же, шокировали, – ответила я достаточно резко, потому что к этому моменту мой испуг уже полностью сменился раздражением или даже настоящей злостью на этого человека, ни с того ни с сего причинившего мне переживания. – Именно это вы и сделали! Я подумала, что случилось что-то ужасное. Но с какой стати вы решили, что меня

будет как-то по-особенному волновать судьба новоявленной избранницы моего бывшего мужа?" – продолжила я, чувствуя себя всё более и более уязвлённой, он же, глядя на меня с добродушной улыбкой, пробормотал: "О, да бросьте, не сердитесь, я просто подумал, что вам будет не безразлично, вот и всё. И, кстати, меня зовут Гилбертсон Филé, и я знаю многих русских иммигрантов – в Лондоне, Париже и Вене, – так как постоянно путешествую и уделяю особое внимание общению с вашими соотечественниками. На мой взгляд, это самые приятные люди в мире".

"Так вот почему вы нанесли мне визит?" – спросила я, начиная прозревать и несколько не удивившись, когда тот преспокойно ответил "да" и тут же пригласил меня на обед. Я чуть не расхохоталась – это было так абсурдно! Сначала бедный мистер Х, за ним продавец сардин, а теперь и этот – все начинают одинаково, предлагая мне немного поесть.

"Должно быть, они все думают, что путь к сердцу русской, не имеющей ни гроша за душой, лежит через её желудок", – решила я, задумчиво глядя на своего пухлого, краснощёкого, седовласого нового знакомца и гадая, станет ли тот тоже потчевать меня несезонными деликатесами и редкими винами.

"Просто небольшой ланч в пабе", – услышала я его убедительное дополнение, однако решительно отказалась, пояснив, что у меня слишком много работы. И хотя после этого он со множеством извинений, что причинил столько беспо-

койства, величаво удалился, это ни в коем случае не послу-
жило концом нашего знакомства.

Мне стали часто доставлять цветы, конфеты и неизбеж-
ные краткие записки, и почти везде, куда бы я ни пошла ве-
чером, на моём пути возникал он, блистающий необычайно
крупными бриллиантами, или рубинами, или изумрудами,
красующимися на его фрачной манишке. Не могу сказать,
что он был мне противен, хотя во многих отношениях и вёл
себя достаточно вульгарно: например, однажды он посадил
меня в такси, вручив десятидолларовую купюру со следую-
щими словами: "Заплатите шофёру, а сдачу оставьте себе", –
а в другой раз публично и очень грубо накричал на ресто-
ранного метрдотеля за то, что ему не сразу принесли желае-
мое, ревя во весь голос, что он не кто-нибудь, а Гилбертсон
Филé собственной персоной (будучи всего лишь гостем, а не
устроителем той вечеринки), и позже настоял на том, чтобы,
многозначительно подмигивая, продемонстрировать всем и
каждому фотографию известной светской дамы, которую он
носил в нагрудном кармане. Но, с другой стороны, я знала,
что он был очень добр к нескольким моим несчастным со-
отечественникам, и пыталась убедить себя, что это не его ви-
на – иметь столь прискорбные манеры. Как бы то ни было,
наше знакомство закончилось после ужина, на который он
так же, как и король сардин, пригласил меня самым офици-
альным образом.

"А кто ещё придёт?" – с подозрением спросила я по те-

лефону, прочитав его открытку, и с облегчением услышала фамилии двух очень достойных пар.

Предполагалось, что суаре состоится в главной столовой фешенебельного отеля, в котором он остановился, ведь, много путешествуя, он не жил в доме или квартире, а предпочитал снимать номера. Когда я вошла в вестибюль, меня встретил его секретарь, который, вежливо поклонившись, пригласил меня проследовать с ним в лифт, поскольку: "Коктейли на аперитив будут поданы в собственной гостиной мистера Филé", – сказал он. На пороге апартаментов своего работодателя секретарь снова поклонился и оставил меня наедине с хозяином.

"А где же остальные ваши гости? Не слишком ли рано я пришла?" – резко спросила его я, задаваясь вопросом, не угодила ли по глупости в очередную галантную ловушку.

"О, дорогая графиня, мне ужасно жаль, но они в последнюю минуту узнали, что не смогут прийти, – печально ответил мистер Филé. – Однако я решил, что мы с вами можем устроить приятный маленький ужин наедине, поэтому отменил заказ столика внизу и распорядился подать блюда сюда. Вы не возражаете, не так ли?" – продолжил он, подводя меня к небольшому столику, до смешного похожему на тот, за которым я проводила время с мистером Ривзом Треем, поскольку даже цветочное убранство было точь-в-точь таким же.

"Идиотка! – сердито сказала я про себя. – Полнейшая иди-

отка! Как ты можешь быть такой адской дурой, чтобы два раза подряд попадать в подобную ситуацию, словно наивная девчушка, а не обладательница тридцати с лишним 'умудрённых' лет?" – продолжила я молча удивляться собственной тупости.

Пока длился ужин, всё было в порядке, потому что мистер Филé любил поесть и уделял гораздо больше внимания своей тарелке, чем любому гостю. Но когда трапеза завершилась, он стал просто несносен. Сначала он хотел, чтобы я прилегла на его диван, поскольку, по его словам, выглядела усталой, затем, когда я наотрез отказалась это сделать, внезапно пошёл в спальню, бросился там на кровать и стал стонать самым тревожным образом.

"В чём дело?" – спросила я из гостиной, но тот, застонав ещё громче, еле-еле выдавил: "О, мне так плохо, так плохо!"

Наконец, придя в ужас от мысли, что, возможно, он действительно умирает и я буду последней, кто видел его живым, я вошла туда и с подозрением над ним склонилась.

"Что, чёрт возьми, с вами случилось? Несварение желудка? – потребовала я ответа. – Я медик, и если вы немедленно не прекратите стонать, то я пошлю за вашим секретарём, врачом и портье", —максимально убедительно выдала я. И это сработало как по волшебству. Вмиг вскочив с кровати и, как я и предполагала, пыша здоровьем, он вперил в меня горящий бешенством взгляд.

"Ах, ты, чертовка, – заорал он, – ты прекрасно знаешь, что

со мной случилось, и спокойно стоишь там, насмехаясь. У тебя довольно женственный вид, но, видит Бог, внутри тебя нет ни капли женственного. Я сходил с ума от дикого желания тебя поцеловать, но теперь я б скорее облобызал своего лакея". После эдаких слов я, убедившись, что срок годности мистера Гилбертсона Филе ещё не истёк, и схватив шляпку и перчатки, радостно выбежала вон.

Вслед за тем произошла ещё пара пренеприятнейших инцидентов того же рода. В первом случае выдающийся юрист и политик мистер Хорнблауэр Трамп (в кабинет которого я пришла по предварительной записи, дабы получить документы, продлевающие моё пребывание в Соединённых Штатах), заперев дверь изнутри, протянул свои паучьи лапки и плаксивым голосом спросил, не соизволила бы я вдохновить великого человека, чья жена его не понимает. Я же, оттолкнув великого человека ударом в его цветастый жилет, подлетела к двери, отперла её и вновь выскользнула из силков, расставленных ещё одним нелепым стариком. Несколько дней спустя я встретила его в доме общих друзей, где, ухитрившись загнать меня в угол, пока никого не было рядом, он сердито прошипел, что добьётся моей депортации, так как у него есть на то все возможности.

"О, нет, вы этого не сделаете, – возразила я. – Только не после того, что вы себе позволили. Вы же не думаете, что я умолчу о домогательствах, если вы попытаетесь причинить мне вред?" И с этими словами я раз и навсегда триумфально

распрошались с великим Хóрнблауэром Трампом.

Финальным же эпизодом в однотипной цепочке событий стал случай, когда весьма уважаемый дедушка лет семидесяти спокойно сообщил мне на званом ужине (и в тот момент, когда он это говорил, у него был набит едой рот), что он не прочь оказать мне честь, избрав своей "дамой сердца". Я, в изумлении оглядев его, не смогла не расхохотался.

"Конечно, вы бы так и сделали! – воскликнул я. – Я всё ещё молода, здорова, не самая уродливая женщина в мире, из хорошей семьи, но без гроша за душой, и в моём текущем окружении нет никого, кто мог бы вас сейчас побить. Идеальное сочетание для той восхитительной роли, которую вы мне уготовили!" И, слегка озадаченный моей откровенной вспышкой гнева, которую, как он, очевидно, боялся, услышат другие, он, успокаивающе похлопав меня по руке, сказал, что совершенно не расстроится из-за того, что я не желаю принимать его предложение.

Получив весь этот мерзкий опыт, я стала намного серьезнее подумывать о том, чтобы выйти замуж за моего славного моряка. Он был так непохож на всех прочих мужчин, которых я встречала. Регулярно, каждые шесть недель, он проделывал долгий путь с востока, чтобы повидаться со мной и обсудить вероятность нашего брака. Но лишь потому, что я очень любила его, я никак не могла на это решиться. Мне казалось неправильным, что он свяжет свою судьбу с той, кто уже побывала замужем и пережила столь невыразимые тра-

гедии. Вдобавок ко всему я была на несколько лет старше ... Нет, нам определённо не стоило быть вместе!

"Это было бы несправедливо по отношению к тебе; ты должен жениться на красивой американской девушке на пять лет моложе", – спорила я, а потом провожала его на поезд, плача навзрыд, когда оставалась стоять одна на перроне.

Меховой отдел

В конце той зимы я вновь потеряла работу, так как бедная миссис Бёртон, обладая скорее художественным вкусом, чем деловой хваткой, столкнулась с финансовыми трудностями и потому не могла позволить себе далее платить моё жалование. Именно тогда я подала заявление о приёме на работу в крупный универмаг – один из крупнейших в Америке.

Хотя у меня были рекомендательные письма, адресованные руководителю отдела кадров магазина, мне пришлось долго ждать у его кабинета, поскольку в тот день, когда я явилась на собеседование, он, как выяснилось, участвовал в конференции. Поэтому я, терпеливо сидя на стуле напротив его двери в узком, продуваемом сквозняками коридоре, наблюдала, как все иные соискатели, пройдя мимо меня, исчезали в кабинетах поменьше, находившихся слева и справа от того, откуда заправлял человек, с которым мне предстояло встретиться. Один за другим мои соратники по трудоустройству опять возникали в коридоре: некоторые – довольными и покрасневшими, тогда как большинство – бледными и подавленными. Триумф или неудача читались на их лицах так же явно, как в немом кино, и, пока я "следила за сюжетом", ожидание пролетело незаметно. На исходе двух часов, показавшихся мне двадцатью минутами благодаря "приватному просмотру киноленты", конференция закончилась

и я была допущена к главе отдела кадров мистеру Фрйману, высокому худощавому мужчине с чрезвычайно тонким, умным, приятным лицом, который встретил меня в дверях и, вежливо предложив мне сесть, извинился за долгую задержку. Очень внимательно прочитав мои рекомендации, он после пары минут задумчивого молчания и оценивающего осматривания спросил, где бы я предпочла работать.

"Лучше всего вам бы подошёл отдел искусств, – любезно промолвил он, – но, к сожалению, в настоящее время у нас там свободных вакансий нет. Возможно, позже ... Теперь давайте-ка подумаем: ювелирные изделия, антиквариат, картины, фарфор ... нет – там тоже всё занято. Так что есть две секции, где я могу предложить вам должность прямо сейчас: отдел одежды или отдел мехов. Что вам больше по душе?" Вспомнив перипетии с платьями моих бедных продавщиц в "Дельфине", я быстро ответила: "Меховой отдел, пожалуйста". Вот так моё собеседование и закончилось!

В течение следующих пяти минут мистер Фрйман деловито писал, звонил по телефону и показывал мне, как заполнять и где подписывать нужные бумаги, которые должны были сделать меня официальной сотрудницей великого универмага. Затем он вызвал начальника отдела мехов мистера Мэйкписа, симпатичного мужчину лет сорока с резкими и довольно строгими манерами, который после краткой беседы с мистером Фрйманом лишь сказал мне, что я должна явиться на следующее утро в восемь.

Поскольку мои первые впечатления были хорошими и оба джентльмена мне понравились, я ушла вполне удовлетворённая тем, как прошло знакомство с новым местом приложения моего труда.

На следующее утро я встала на полчаса раньше, чем обычно, наскоро позавтракала и, чувствуя себя очень взволнованной перспективами этого свежего начинания, забралась на верх даблдекера, который отныне должен был отвозить меня в центр города, на оживлённый угол, где возвышался мой внушительного вида магазин. Долгая поездка на свежем утреннем воздухе заставила меня ощутить прилив энергии, и с румянцем на моих желтоватых щеках и чувством радостного возбуждения я, покинув автобус, присоединилась к плотному, непрерывному потоку работников, вливавшемуся в здание. Будучи безбожно стиснутой, затолканной и даже унесённой поначалу в неправильном направлении, я всё-таки достигла раздевалки, и там мне предоставили что-то вроде узкой длинной кабинки с полочками, где я могла оставить свою шляпку, пальто и любые другие вещи, которые оказались у меня с собой. Поднявшись на шестой этаж, где услужливый юноша указал мне дорогу в меховой отдел, я предстала взору мистера Мэйкписа, незамедлительно сопроводившего меня наверх в учебный класс, дабы в течение трёх дней мне там преподали все правила заведения, как оформлять чеки и как обращаться с покупателями.

"Напишите 'шиншилла'", – попросили меня в первый

день, а также: "Если ярд кролика стоит доллар пятнадцать центов, сколько будут стоить восемь ярдов?" и ещё "Как бы вы успокоили разгневанного покупателя, который мнит себя оскорблённым?" ...

Полностью удовлетворившись тем, что я умею правильно читать, и писать, и считать, и справляться с клиентами различных темпераментов, в тот же вечер мне разрешили окончить учёбу с отличием – необычайная честь, которой, как мне торжественно сказали, удостаивались лишь очень немногие. Итак, вооружившись достаточным багажом знаний, приобретённым за единственный удивительный день, я, вернувшись на следующее утро в меховой отдел, скромно объявила мистеру Мэйкпису, что готова к работе. Облачённую в чёрное трикотажное платье (в рабочее время дозволяли носить только чёрный и тёмно-синий цвета) с белым льняным воротничком и манжетами, с волосами, зачёсанными назад настолько чопорно, насколько это было возможно, меня провели по всему отделу мехов и представили моим новым коллегам. Их оказалось весьма много.

Первой была миссис Олрайт – старейшая сотрудница всего мехового подразделения, проворная седовласая дробная старушка, говорившая резким и трескучим голосом и двигавшаяся быстрее, чем любая из её более молодых коллег.

За ней шла миссис Хэвэбилл, также достаточно пожилая, однако высокая и статная и столь же молчаливая, сколь сло-

воохотлива была миссис Оллрайт. На обеих смотрели как на звёзд мехового отдела, и, подобно двум эксклюзивным продавщицам в "Дельфине", они обслуживали только клиентов с высоким положением и большим достатком.

В группу дам средних лет входили: миссис Хамфи, невысокая, неразговорчивая и трудолюбивая; и миссис Феллоу, породная и красивая, с волосами, искусно уложенными на макушке, всегда прекрасно одетая, всегда общительная и часто довольно язвительная и забавная; и мисс Бой, добрая и сердечная, неизменно очень отзывчивая к бедам других людей; и миссис Слипмор, кареглазая шатенка, беспокойная и рассеянная; да ещё две или три, которые не являлись постоянными сотрудницами отдела мехов, а постоянно перемещались между подразделениями, когда требовалась дополнительная помощь.

Когорту молодёжи возглавляла мисс Фудман – помощница покупательниц, довольно симпатичная особа лет двадцати восьми, однако же её приятную внешность обычно омрачало выражение недружелюбия или недовольства. Под её началом трудилась стайка привлекательных девушек, большинство из которых имели высшее образование, но по какой-то неведомой причине (возможно, потому, что хорошо знали арифметику) собрались вместе за огромным стеклянным прилавком, продавая меха ярдами.

Завершала женский ряд манекенщица Марша, высокая и красивая, однако с жёстким выражением в глазах и уголках

рта, портившим всю её прелесть.

Мужчин в меховом подразделении тоже хватало. Вторым после мистера Мэйкписа шёл его помощник мистер Кэнон, который выглядел кем-то вроде "сладкого папика", хотя был ли он таковым или нет – я не знаю, поскольку за всё время работы там не обменялась с ним и десятком слов. Ещё были: мистер Маунт, восхитительный, седовласый, хрупкий пожилой джентльмен с очаровательными, добрыми манерами; и месье Лубэ, француз, чьё утончённое, чувствительное, измученное заботами лицо, похожее на прекрасную гравюру в обрамлении волнистых тёмно-серых волос, всегда навело меня на мысль о каком-нибудь средневековом рыцаре "без страха и упрёка". Его манеры соответствовали его внешности – он был учтив и галантен до мельчайших деталей своей неромантической работы. Каким-то таинственным образом ему удавалось пронести самую нескладную шубу через весь зал с такой естественной грацией, что наблюдать за ним было одно удовольствие, и часто я восхищалась его терпением и вежливостью с клиентами самого худшего сорта. Мне нравилось с ним разговаривать, и я частенько следовала его советам, потому что он был истинным джентльменом, идеалистом и тонко понимал жизнь с присущим его нации сверхъестественным умом. Кавалер ордена Почётного легиона, он происходил из хорошей семьи и знал лучшие времена до того, как война лишила его почти всех мирских благ. И тогда ради своей жены и детей, которых он обожал, ему пришлось

эмигрировать в Америку, дабы стать звёздным продавцом в знаменитом меховом отделе гигантского магазина Метрополя.

А также там были: мистер Кóффи, по-отечески доброжелательный старик; и мистер Энери, молодой, худощавый, смуглый брюнет, всегда дерзкий на вид; и кучка складских парней, среди которых в моей памяти остались лишь двое: Джон, серьёзно настроенный юноша, не думавший ни о чём, кроме своей работы, и помнивший каждую шубу и каждый дюйм меха, продававшегося ярдами; и Билли, угрюмый студент-библеист, который никогда не думал о работе и действовал как в трансе, мечтая о славном загробном мире, где не будет ни магазинов, ни шуб, и ничего подобного, а лишь крылья, арфы и гимны. Он любил проповедовать, и часто мы заставляли его стоящим в одном из закутков позади длинного ряда меховых пальто и дико размахивающим руками, пока он обращался к воображаемой пастве.

Моя работа в меховом отделе сильно отличалась от любого другого вида деятельности, которыми я занималась ранее. От меня ожидали, что я буду показывать и продавать шубы, и именно это я и делала с момента открытия магазина до половины шестого, когда он закрывался. Кроме того, нам обычно приходилось задерживаться подольше, чтобы подвести итоги рабочей смены, и я редко садилась в свой автобус раньше шести. А затем мне требовался почти час, чтобы доехать до отеля "У воды", и, добравшись туда, я была настолько

измотана, что после быстрого ужина, который я едва могла проглотить, заползала в постель, вытягивая ноющие, опухшие ноги. О, как же в те дни они у меня болели! Раньше, во время моего "дельфиньего" периода, было довольно тяжело стоять весь день напролёт, но в меховом отделе мне к тому же приходилось таскать дюжины тяжёлых шуб и пальто, и от их веса у меня неизменно болела спина и подгибались колени, будто у старой ломовой лошади, тянущей слишком большой груз. Утром, после хорошего ночного отдыха, я опять чувствовала себя неплохо и с удовольствием предвкушала долгую поездку на верхней палубе автобуса. Стояла ли прекрасная погода или плохая, я постоянно ездила этим способом, наполняя свои лёгкие запасом свежего воздуха, которого мне должно было хватить до вечера, когда я вновь забиралась на верх даблдекера, задыхаясь, подобно полудохлой рыбе, жаждущей новой порции кислорода.

В те дни моя жизнь состояла скорее из ощущений, чем из каких-либо мыслей. Было приятно просыпаться в своей милой комнатушке с кремовыми стенами и бледно-зелёной мебелью, обтянутой весёленьким ситцем в цветочек, наблюдая сквозь широкое окно напротив кровати, как "рассвет, подобно грому, вырывается из тумана над заливом". И было славно пробежаться босиком по мягкому, бархатистому ковру, покрывавшему весь пол, и насладиться роскошью принятия душа, а позже, уже надев своё рабочее платье из чёрного трикотажа с белым льняным воротничком и манжета-

ми, позавтракать и тронуться в путь. И было радостно сидеть на верхней палубе даблдекера на переднем сиденье и практически целый час наслаждаться порывами ветра. Вся эта часть утра, несомненно, была чудесной. Однако по наступлении восьми часов ощущения понемногу менялись. Забегание в здание, толкотня сотрудников, суета в раздевалке, отмечание времени прихода, поездка в лифте на шестой этаж, где в высоких стеклянных витринах одни и те же маленькие плюшевые белые медведи первыми приветствовали меня в остром смешанном ранне-утреннем свете магазина – свете, полустественном-полуэлектрическом, резавшем глаза и заставлявшем их болеть, – неистовая беготня продавцов по этажу, расчехляющих пальто и шубы, вытряхивающих их и развешивающих в тех местах, где они позже точно должны привлечь внимание покупателей, – все эти первые впечатления были подобны смешению различных мелких тем в прелюдии, которые в конечном итоге объединялись в одну мощную тему – равномерного биения пульса монстра по имени "Тяжёлая работа". Я слышала это приглушённое биение, напоминавшее мне африканский тамтам в пустыне, и, спотыкаясь под своей неподъёмной ношей, машинально попадала в такт этому непрекращающемуся, безжалостному звуку.

"Разве вы не слышите его, месье Лубэ? Разве вы не слышите этот ужасный 'бум-бум, бум-бум'?" – в отчаянии спрашивала я француза. И тот серьёзно отвечал: "Слышу". Но потом, быстро поменяв свой настрой, пожимая плечами и

смеясь, советовал мне его не замечать.

"Не слушайте его, ловите другие звуки – забавные, которые также нас окружают", – восклицал он и обращал моё внимание на нечто абсурдное, что заставляло меня смеяться.

Пальто и шубы с утра до вечера, и думы только о них! Вскоре я познакомилась со всеми их видами. В одних огромных отсеках были те, что подешевле, то есть выделанные из: ондатр, енотов, тюленей Гудзона и забавных на вид шкур, именуемых "Коровá" (подразумевая обычных коров, только с ударением на последнем слоге); тогда как в других – те, что подороже, представлявшие, на мой взгляд, великий средний класс в мире шуб: беличьи, каракулевые, котиковые, леопардовые и бобровые; а в отдельной комнате за тяжёлой железной дверью, возле которой беспрестанно скрывался наш личный Шерлок Холмс – детектив Джонни, – жили аристократы: норки, горностаи и прославленные русские соболя. Последних чаще всего показывали миссис Оллрайт и миссис Хэвэбилл, ведь только их клиенты могли позволить себе купить нечто столь дорогое. Однако два или три раза даже я заходила туда, хотя каждый такой казус заканчивался горьким разочарованием. Худшим из них был тот, когда дама, вся увешанная драгоценностями, возжелала посмотреть на самую лучшую соболиную накидку, которая имелась у нас в наличии, и, долго продержав меня в мучительном напряжении, пока внимательно изучала её, в конце концов купила три ярда кроличьего меха для отделки платья.

А ещё была посетительница, вынудившая меня показать ей многие дюжины шуб, пока я наконец не почувствовала, что мои коленки вот-вот подогнутся от изнеможения. Помещение мехового отдела было огромным, и в тот день я, должно быть, преодолела не один десяток миль, бегая взад-вперёд по разным отсекам, вытаскивая все шубы, которые попадались мне под руку, и волоча их своей потенциальной покупательнице, пока та восседала в удобном кресле. Даже кладовщики устали уносить обратно ту грудку вещей, что были отвергнуты ею и неуклонно накапливались на стульях вокруг нас, и ворчали на меня за то, что я никак наконец не заставляю её хоть что-то купить. Возможно, я демонстрировала уже девяносто девятое изделие, добросовестно превознося его достоинства измученным голосом, который, как мне казалось, к этому времени не очень-то был похож на мой, когда внезапно услышала позади себя сдавленное рыдание и, обернувшись, в изумлении увидела свою подругу Литу Барр, которая, сидя на другом стуле, была по грудь скрыта двумя горами из шуб и на самом деле лила слёзы.

"Эй, Лита, – встревоженно позвала я, – что с тобой случилось?"

Но та только махнула рукой, прошептав: "Не обращай на меня внимания – у меня куча времени, и я подожду, – просто продолжай свою чёртову работу". И мне ничего не оставалось, как послушаться.

Наконец посетительница удалилась, не купив ни дюйма

меха, хотя отняла у меня несколько часов и просмотрела больше шуб, чем я обычно показывала за неделю. Как только она ушла, Лита, обняв меня, воскликнула: "Ах, ты бедняжка! Я не могу этого выносить, просто не могу! Это ужасно! Знаешь ли ты, что я больше часа наблюдала, как ты вытаскиваешь эти дурацкие шубы из каждого отсека в магазине, и от этого зрелища мне стало дурно. Если бы ты только могла видеть себя сейчас: твои плечи согнуты, ноги опухли, а лицо определённо выглядит измождённым и старым. О, ты не должна так раболепствовать перед подобной душой, это ей в пору тебе прислуживать!"

После её слов я так живо представила печальное зрелище, которое собой являла, что мне стало ужасно себя жаль, и я, сев рядом с Литой за последней не унесённой горой ондатр, тоже разрыдалась.

Но, честно говоря, моя работа не всегда была такой тяжёлой. Иногда, наоборот, случались дни, когда мне не приходилось показывать ни одного предмета верхней одежды, и тогда я чувствовала себя ничуть не лучше, поскольку унижение от того, что я, открыв вечером свою книгу учёта, писала внизу страницы фразу "продаж нет", было таким же мучительным, как и усталость от трудного рабочего дня.

Обеденный час был всегда желанным и помогал разделить день на две чётко определённые части. Вымыв руки и причесавшись в маленьком туалете на шестом этаже с надписью "Только для сотрудников", я поднималась в кафетерий, рас-

положенный на самом верху здания, где мы, работники магазина, могли получить довольно приличный обед за весьма небольшую сумму. Но гомон голосов и звон посуды производили столь ужасный шум, что нам приходилось кричать во весь голос, дабы быть друг другом услышанными, а процесс бегания туда-сюда для собирания воедино подноса, бумажных салфеток, столовых приборов, тарелок и самой пищи настолько сбивал меня с толку, что я никогда не получала того, чего действительно желала, а в спешке хваталась за первое, что попадалось на глаза. Фруктовый салат, кофе и булочки – вот к чему я обычно стремилась, но когда тарелка с тушёной фасолью, стакан молока и кусок пирога (то есть всё то, что я терпеть не могла) волшебным образом оказывались на моём подносе, я нисколько не удивлялась.

"Двигайтесь дальше, ну же, двигайтесь дальше!" – кричал человек позади меня, если я делала паузу, дабы подумать, что же мне хочется съесть, и тогда я так волновалась, что, кроме хватания всего чего ни попадя, позволяла этому соскользнуть с подноса и рассыпаться по всему полу.

Временами я выбиралась на ланч в какой-нибудь уютный ресторанчик или закусочную по соседству с магазином, но обычно там было так многолюдно, что едва ли имело преимущества перед кафетерием.

В тот период случались и любопытные эпизоды: известная актриса предложила мне пойти на сцену; безумно богатая пожилая дама, с которой я пересеклась всего один раз,

зайдя в наш отдел, предложила отдать мне всю свою ношенную одежду, которую, по её словам, она надевала лишь единожды или максимум дважды, – добрый жест, от коего я отказалась, заметив, что предпочитаю носить то, что заработала сама, каким бы скромным это ни выглядело; достаточно приятный мужчина лет сорока, оказавшийся отпрыском одной из самых известных семей "с золотой каймой" в Метрополе, купив у меня пальто, вдруг начал самым неприличным образом навещать меня в рабочее время и каждый день присылал гардении, которые разносчики доставляли, понимающе подмигивая и широко ухмыляясь. После месяца такого рыцарского поведения наследник, перехватив меня за стойкой пальто из кенгуру, с должной серьёзностью сделал мне предложение, и, когда я вежливо отказалась от этой чести, старательно указал на преимущества, которые союз с ним принесёт мне в моём бедственном положении. Однако и его красноречие не смогло меня убедить.

Испытала я и волнение от погони за магазинным вором, не особо осторожно прикарманившим пару ярдов дешёвого меха и, когда я загнала его в угол, оказавшимся столь потрепанным и грустным, что я, отобрав краденое и проявив минутную слабость, его отпустила.

И был случай с нахальным мужчиной с толстыми румяными щеками и завитыми смоляными усами, что, надев новенькую енотовую шубу, за которую он ещё не заплатил, преспокойно вышел в ней из отдела, в то время как его ничего не

подозревавшая продавщица искала ещё несколько изделий, кои злодей изъявил желание оценить. Какой же это произвело фурор и как же доблестно поступил наш маленький детектив Джонни, выследив этого человека и с триумфом вернув шубу обратно. Его единственным сожалением стало то, что вор, выпрыгнув из окна, сбежал в тот самый миг, когда его почти арестовали. Бедный Джонни! Это, похоже, был самый важный момент в его довольно небогатой событиями жизни, поскольку обычно он проводил дни, бесцельно слоняясь по отделу мехов со шляпой на голове, твёрдо убеждённый, что, приодевшись таким образом, он обманет визитёров со склонностью к ограблениям, заставив тех думать, что сам он является обычным покупателем. Он наворачивал и наворачивал круги по этажу, подозрительно поглядывая на честных посетителей и отчаянно зевая, пока в итоге не засыпал в одном из уголков, к облегчению продавщиц.

Однако самое большое волнение охватило меня однажды, когда мой моряк неожиданно появился в меховом отделе и чётко поставленным голосом – его услышал практически весь персонал, празднично столпившийся в одном месте (так как это случилось утром, когда покупателей ещё не было), – спросил меня, не хотела бы я сегодня выйти за него замуж. А мистер Мэйкпис, до которого также долетел этот ошеломляющий вопрос, самым любезным образом разрешил мне уйти после обеда, что я и сделала под аккомпанемент хора поздравлений от моих коллег.

На следующее утро, увидев меня входящей в магазин, они были весьма разочарованы, решив накануне, что я определённо должна была выйти замуж и потому им больше со мной не работать. Юные же девушки, даже выпорхнув из-за прилавка, где продавался мех ярдами, окружили меня, возбуждённо требуя ответа: "Ох, Ирина, почему же вы не вышли за своего зайчонка? ... своего бельчонка? ... своего кенгурёнка? ..." – конечно, имея в виду моего моряка, ведь, целыми днями не думая ни о чём, кроме кож и мехов, мы дошли до того, что самым естественным образом стали называть людей именами различных животных.

В целом отдел мехов мне нравился больше, чем любое другое место, где пришлось поработать, и для меня стало настоящим шоком, когда одним утром мистер Мэйкпис с серьёзнейшим видом объявил собравшимся продавцам, что, поскольку сезон спроса на наш товар практически прошёл, ему придётся сократить свой штат, оставив лишь тех, кто трудился с ним долгое время, и переведя нас, новичков, в другие отделы. И с искренним сожалением распрощавшись неделю спустя со своими меховыми сослуживцами, я спустилась этажом ниже – в своё новое пристанище, коим стали картинные галереи.

Начало нового мира

Состоя из трёх маленьких помещений и одного побольше, эти картинные галереи не имели окон и, следовательно, всегда освещались электрическими лампами, так что на протяжении трёх последующих месяцев я никогда не видела дневного света, кроме как по дороге на работу ранним утром. Эти неестественные условия вскоре сказались на моих глазах, заставив меня порядком страдать, пока я не начала носить очки всякий раз, когда читала. Кроме того, из-за отсутствия окон вентиляция в галереях была ужасной, и от спёртого воздуха и пыли у меня открылся неприятный сухой кашель, не проходивший в течение всего времени, пока я там трудилась.

Мой новый босс, женоподобный мужчина лет сорока пяти с неестественно широкими и округлыми бёдрами, которыми он многозначительно покачивал при каждом движении, был ворчливым, капризным и истеричным человеком, с которым я совсем не ладила. Но двое других моих коллег были определённо милы: миссис Люк, спокойная, умудрённая житейским опытом и тактичная, да мягкий несчастный старик, мистер Дикси, изъеденный молью, жалкий и твёрдо веривший, что дрожжевые таблетки способны остановить прогрессирующую страшную болезнь, медленно, но верно сводившей его в могилу.

Помимо продажи картин, висевших на стенах и расставленных по углам на полу, в наших галереях проводились специальные выставки, привлекавшие толпы людей и не дававшие нам скучать. Именно во время одной из таких распродаж мужчина румяного вида купил у меня громадную картину (некий ужас, который мне было стыдно ему продавать) и, похоже, был столь доволен своим приобретением, что великодушно оставил мне пятьдесят центов чаевых.

Однажды днём, когда у меня случился сильный приступ кашля, молодая женщина по имени миссис Джэдсон – одна из принцесс элиты Метрополя – вошла в поисках меня в галерею. Мой босс подобострастно семенил за ней, качая бёдрами так сильно, как никогда прежде, и будучи в восторге от визита столь богатой клиентки, и пронзительным голосом, сопровождаемым множеством элегантных жестов и многозначительным поднятием бровей, велел мне непременно обслужить её самым лучшим образом. Я до этого пересекалась с ней, но лишь единожды, и была чрезвычайно удивлена, когда та, вместо того, чтобы попросить показать ей картины, пригласила меня на завтра вечером на ужин.

"Я много слышала о вас и хотела бы узнать вас лучше", – сказала она в ответ на мой удивлённый взгляд, и, поскольку она мне нравилась, я приняла приглашение.

Но на следующее утро я проснулась с высокой температурой и таким мучительным кашлем, что, к сожалению, пришлось позвонить миссис Джэдсон и сказать ей, вернее, вы-

давить сильным шёпотом, что я никак не смогу с ней сегодня поужинать. А затем Лена, горничная отеля, миниатюрная немка с розовыми щёчками, голубыми глазками, льняными кудряшками и самым милым нравом на свете, которая прониклась ко мне особой симпатией с тех пор, как я заехала в отель "У воды", суетливо появившись в своём накрахмаленном синем платье и белоснежном чепчике и узрев меня в столь плачевном состоянии, всплеснула руками, воскликнула: *"Ах, ду либэ Гот!"*⁶⁸ – и принялась делать всё возможное, чтобы мне как-то помочь. Тёплая ванна, свежее постельное бельё, дополнительное одеяло и чашка горячего чая – вот то, что ей тут же пришло в голову, однако, услышав моё перханье, она неожиданно вспомнила о превосходном средстве, что принимала от кашля её подруга – другая горничная с того же этажа, – и, выбежав из комнаты, вернулась через несколько минут с какой-то гадостью, которую заставила меня проглотить. Но, по мере того как проходили утренние часы, мне становилось всё хуже и хуже и я едва могла поднять голову или что-то прошептать. Около полудня ко мне вдруг вошла миссис Джэдсон, неся букет жёлтых роз и блистая в прелестной норковой шубке, которую я не могла не оценить, несмотря на то, что мой профессиональный "меховой" глаз был несколько "замылен".

"Одна норковая шубка, – с одобрением думала я, – две норковые шубки, три норковые шубки, четыре и пять..." – а

⁶⁸ Немецкое "Ach, du lieber Gott!" – "Ах ты, Боже мой!"

потом увидела сотни и тысячи их, танцевавших вокруг меня с настоящими руками и ногами на своих законных местах, но без голов.

"Вы что же, плохо себя чувствуете?" – спросила миссис Джэдсон, склоняясь надо мной, пока я пыталась оттолкнуть все эти безголовые шубки, которые уже начинали меня душиТЬ, сжимая со всех сторон всё теснее и теснее. Я с трудом открыла глаза.

"Ну, нет, – ответила я, изо всех сил стараясь не кашлять и не задыхаться от усилий. – Со мной всё в порядке, только сильная простуда – вот и всё, но, боюсь, мне не удастся попасть на вашу вечеринку".

"Я сейчас же вызову доктора", – энергично заявила она, усаживаясь за телефон и начиная искать номер в справочнике.

"О, нет, нет, пожалуйста, не надо", – воскликнула я, сильно встревоженная этим предложением, так как запас моих финансов был тогда мучительно мал – всего 122 доллара на банковском счёте. Но она, не обратив никакого внимания на мой протест, решительным голосом потребовала соединить её с номером, который уже нашла. Затем всё вновь стало тусклым и размытым, и это состояние, должно быть, продолжалось долгое время, поскольку следующим, что я помню, когда открыла свои горящие, ноющие глаза, было присутствие врача в белом халате и квалифицированной медсестры, стоявших по обе стороны, а также миссис Джэдсон, Литы

Барр и Лены, собравшихся вместе у изножья моей кровати. В те несколько минут просветления я услышала следующие слова: "пневмония, кризис, ночная медсестра", – произнесённые кем-то очень-очень тихо, а затем пронзительный голос Лены, звенящий тревогой и восклицающий: "*Хермонія? Ах ви шрёклих! О, вит ис дат – хермонія?*"⁶⁹ – за чем последовал одёргивающий шёпот Литы Барр: "Тише, Лена, не хермония, а пневмония, неужели ты не понимаешь?"

А потом опять случились беспамятство и странные таинственные блуждания в сумерках великой долины смерти. Когда же наконец кризис миновал и было объявлено, что опасности больше нет, я чувствовала себя столь слабой и совершенно измученной, что могла лишь тихо лежать, не произнося ни слова в течение долгих часов. Я думаю, что именно тогда поняла, как ужасно устала, причём усталость эта мало-помалу нарастала во мне с того самого дня, когда поезд, увозивший меня в эмиграцию, отошёл от перрона Балтийского вокзала Петрограда. Сначала война, потом революция, а позже изгнание – что это были за годы! Период тревог, горя, голода, нищеты, болезней и тяжёлой работы – почти без отдыха в промежутках. О, как же я устала, как же я отчаянно устала!

Но, так как я всё ещё была молода и полна колоссальной жизненной силы, которую, казалось, ничто не могло истре-

⁶⁹ Немецкое " Hermonia? Ach wie schrecklich! Oh, vit iss dat – hermonia?" – "Гермония? Ах, как ужасно! О, что это такое – гермония?"

бить, новая жизнь стала наполнять мои вены, пока я большей частью пребывала во сне. Постепенно я стала приходить в себя. Когда я уже была способна садиться в постели и осматриваться вокруг, я поняла, что миссис Джэ́дсон сделала всё, чтобы помочь мне выкарабкаться и чувствовать себя комфортно. Врач, медсёстры, лекарства, здоровая пища, вино, красивейшие жёлтые розы в высоких стеклянных вазах на всех моих столах и тумбочках, шёлковые ночные рубашки, тёплый стёганный ночной жакет, кружевной чепчик, белое бархатное одеяло, шёлковый халат золотистого цвета, подбитый розовым атласом, тапочки из золотой парчи, пре-красные старинные фарфоровые чашки и блюда, тонкие хрустальные бокалы, из которых я пила свои снадобья, — многие сотни долларов были потрачены на меня человеком, который едва меня знал, человеком, который, вне всяких сомнений, из чистого милосердия спас мне жизнь и привнёс в неё красоту и уют.

А затем, как кульминация всего этого, наступил день, когда она, уже и так много сделавшая, предложила купить у меня единственную по-настоящему ценную вещь, которой я обладала и которую доктор Голдер привёз для меня из России: моё кружевное придворное платье, когда-то принадлежавшее ещё моей прабабушке Елизавете Паскевич, светлейшей княгине Варшавской и супруге наместника Царства Польского. Мне же оно перешло перед венчанием с графом Александром Келлером от моей матери, которая, вручая его

вместе с бриллиантовым колье, сказала, чтобы я никогда не забывала, что это платье так же ценно, как и бриллианты. Я часто вспоминала её слова, надевая его на придворные приёмы, последним из которых было грандиозное торжество в Зимнем дворце в честь трёхсотлетия царствования династии Романовых, когда императрицу очень позабавило, что мой головной убор с жемчугами и бриллиантами – "кокошник" – не особо хорошо держался на недавно постриженных волосах.

Затем на протяжении всей революции это платье провисело нетронутым в моём шкафу в госпитальной келье вместе с сестринским нарядом и передниками, и никто из солдат и их помощниц, которые снова и снова обыскивали наши комнаты, так и не обратил на него ни малейшего внимания, не осознавая реальной ценности кружев. А когда я уехала из России, оно осталось на хранении у моей верной старой служанки, позже переславшей его мне с доктором Голдером. И я не могу описать своего изумления, когда, открыв маленький чемодан, который он доставил мне в Лондон, я увидела поверх всего остального своё знаменитое кружевное придворное платье. Казалось таким странным, таким неуместным узреть его в моей скромной клетушке, вспомнив сказанное мамой о том, что оно не менее ценно, чем бриллиантовое колье. Я пыталась продать его в Лондоне, но безуспешно, поскольку времена тогда были тяжёлые и ни Кри́стис⁷⁰,

⁷⁰ Аукционный дом, лидер мирового арт-рынка.

ни Дювйн⁷¹ не смогли найти покупателя на ту цену, которую считали справедливой. Тогда я привезла его в Америку в одном из двух чемоданчиков, которые пересекли со мной океан и вмещали все мои пожитки. Так платье стало висеть в шкафах и обшарпанных пансионатов Рассвета, и моей крошечной квартирке на "Кузнечиковой улице", и отеля "У воды" до тех самых пор, пока миссис Джэдсон не заметила его и не предложила немедленно у меня купить.

"Это одна из самых красивых вещей, которые я когда-либо видела, и я попрошу музей её оценить", – сказала она, забрав платье с собой и вернув через два дня со словами, что оно было оценено в семь тысяч долларов и она принесла мне чек на эту сумму, так как обожала редкие старинные кружева, собирала их и страстно желала бы добавить это изделие в свою коллекцию.

"Семь тысяч долларов для меня мало что значат, так как на самом деле у меня отвратительно много денег", – воскликнула она со смехом, когда я робко спросила её, действительно ли она может позволить себе расстаться с такой огромной суммой. "Однако вам они могли бы пригодиться", – продолжила она, а я смотрела на неё, затаив дыхание и со столь сильно бьющимся сердцем, что становилось больно.

"Пригодиться? – прошептала я, чуть не плача от волнения. – Да ведь это означает отдых, комфорт, покой, благополучие ... И даже более того ..." – добавила я про себя. Да,

⁷¹ Джозеф Дювин, известнейший британский арт-дилер.

много более, поскольку с принадлежавшими мне семью тысячами долларов я уже не являлась нищей изгнанницей, не осмеливавшейся выйти замуж за желанного мужчину, потому что было стыдно за свою нищету, за то, что не могла купить себе даже самое скромное приданое, за мысли, что пришлось бы зависеть от него вплоть до каждого требовавшегося мне цента. Теперь же я могла чувствовать себя независимой, защищённой, состоятельной и, хотя и не имела возможности устранить иные препятствия, из которых худшим было столь трагическое прошлое, всё-таки поняла, что если он хотел меня "такой, какая я есть", избитой, в синяках и ранах, то имел на это право, ведь, в конце концов, был не мальчиком, а зрелым и опытным мужчиной.

И вот однажды вечером, сидя у открытого окна и любуясь сверкавшей внизу водой, я написала моему моряку длинное письмо, попросив его немедленно приехать. Через несколько дней он прибыл, и, расхаживая взад-вперёд по моей любимой аллее в тихом саду отеля на берегу озера, мы пришли к окончательному решению, что очень скоро поженимся.

"Почему не сегодня?" – резко осведомился он, однако я, упрямо покачав головой, ответила, что всё должно быть сделано правильно, что я никак не могу выходить замуж в своём старом трикотажном рабочем платье и что мне потребуется приобрести хоть какое-то приданое.

"Не говори глупостей, ты могла бы купить новое платье за десять минут", – возразил он. Однако я не сдавалась.

"Это касается не только платья, но и множества других вещей, о которых мужчины даже не подозревают", – твёрдо бросила я, и в итоге он согласился.

Я была расстроена, осознав, что он не разделял моего восторга по поводу новоприобретённого благосостояния, а даже напротив, казалось, сожалел о том, что я не досталась ему в поношенной рабочей одежде и без гроша в кармане.

"Всё в порядке. Ты можешь, получив эти деньги, творить с ними всё, что пожелаешь, но больше не упоминай о них – они твои и мне совершенно нет до них дела", – довольно грубо, как мне показалось, отрезал он, и поэтому я решила тактично сменить тему беседы.

Мы договорились, что он приедет вновь спустя две недели и вот тогда мы и поженимся. Но, пойдя тем же вечером провожать его на вокзал, я внезапно разрыдалась. Я же всё ещё не оправилась до конца от болезни, и мне не хотелось с ним расставаться.

"Значит, вот как ты себя чувствуешь?" – ахнул он, задумчиво глядя на меня и тихонько присвистнув. "Ладно, пошли, найдём судью и священника", – вдруг крикнул он, крепко схватив меня за руку и заставив бежать с перрона и через вокзал к такси.

"Но не в этом же платье!" – пыталась слабо сопротивляться я.

"О, да, именно в этом ..."

И через три часа мы поженились!

"Поздравляю, русская малышка, теперь ты американка! – сказал он после того, как нас объявили мужем и женой. – И помни, что ты принадлежишь настоящему и будущему, ибо твоему старому миру пришёл конец, как и интерлюдии изгнанницы, и теперь начинается твоя жизнь в новом мире".

Виктор Блейкли – от первого лица

Мы поженились 13 июня в час ночи по летнему времени, поэтому сложно сказать, нужно ли считать это ещё 13-ым или уже 14-ым числом месяца. И мы заключили наш брак в Чикаго, что вызывает у меня некоторые сомнения относительно его законности. Всё началось на Юнион-Стейшн⁷². Я проживал тогда в Питтсбурге, и мне это не нравилось, поэтому раз в месяц ездил повидаться с НЕЙ в Чикаго, в целом зная, что буду рад вернуться в Питтсбург. Обычно так и было, но однажды воскресным вечером, купив билет на обратный рейс в 20:35 поездом "Питтсбургер" (либо "Стальной экспресс", либо "Айрон Сити Лимитед" – я запомнил, каким именно), я взял быка за рога (в переносном смысле, а не имея в виду мою будущую супругу).

"Давай поженимся", – храбро сказал я.

"Давай не станем этого делать", – было её ободряющим ответом.

"Но зачем идти по жизни, видясь лишь изредка? Ты говоришь, что любишь меня, и я тебя люблю".

⁷² Главный вокзал Чикаго.

"Ах! Я недостаточно хороша для тебя, я русская изгнанница, и мне нечего надеть. Ты должен найти себе американскую жену".

"Разумеется, ты вряд ли достаточно хороша для меня и ты русская, но на тебе много одежды и нет такого закона, который мог бы заставить меня жениться на американке".

Среднестатистические русские чертовски любят поспорить. И, зная, что подобные пререкания могут продолжаться до глубокой ночи без каких бы то ни было действий, мне ничего не оставалось, как, взяв её за шиворот, потащить рысцой через длиннючий вокзал (к большому удивлению путешественников, даже прервавших свои вояжи, чтобы бесцеремонно на нас уставиться) и упасть в ожидавшее приезд такси. Нашим пунктом назначения стал мой друг. Теперь можно было спокойно продолжать дискуссию, поскольку мы, по крайней мере, хоть куда-то двигались.

"Мы не можем жениться в воскресенье. Как мы получим свидетельство? Да и моя церковь не будет открыта. Кроме этого, мы не венчаемся в великий пост", – начала она.

Я хотел объявить, что не понимаю, как великий пост может наступить в июне, но, так как никогда не мог разобраться в русском календаре, был убеждён, что мне не победить. Пошёл дождь. Нас занесло на обочину, и мы вышли.

"Джек, мы хотим пожениться", – начал я, когда мой друг на звонок открыл дверь.

"Зачем?" – шутливо спросил он, принадлежа к той ко-

горте долготерпцев, к коей я собрался присоединиться. Он являлся сыном бывшего известного судьи и, следовательно, мог вполне квалифицированно ответить на все вопросы моей будущей жены.

К счастью, с ними вместе ужинала помолвленная пара, таким образом судьба уготовила нам четырёх свидетелей, дабы сделать предстоящую церемонию вдвойне подтверждённой. Ужин был на полпути забыт, и все бросились звонить и строить планы, а моя суженая, вцепившись в моё пальто, случайно надорвала карман.

Офис городского клерка был закрыт, и нам сообщили, что только один из главных помощников Аль Капоне⁷³ мог разбудить сего чиновника в такое время. Найти его было нетрудно, но оказалось чрезвычайно трудно убедить в том, что мы действительно желаем заключить наш союз навсегда. Он слышал о "24-часовых русских браках", но когда я уведомил его, что моя избранница уже была замужем ранее, он стал осознавать, что я не стремлюсь причинить крошке никакого вреда, поэтому обещал позвонить городскому клерку домой, представившись и сказав тому, чего от него ждут. Через несколько минут он перезвонил, объяснив, что городской клерк выдаст нам свидетельство прямо на дому и что нам нужно сей же час отправиться туда и получить его, бу-

⁷³ Альфонсе Габриэль "Великий Аль" Капоне – американский гангстер итальянского происхождения, управлявший в 1920-1930-х годах на территории Чикаго.

дучи уверенными, что придётся заплатить всего десять долларов, поскольку мой собеседник представляет лишь легальный рэкет по одинаковой цене для всех. Он хотел бы видеть её свидетельство о рождении и другие бумаги, удостоверявшие её личность, но я объяснил, что те исчезли так же, как и все хорошие русские документы, – на революционной свалке (при этих словах моя суженая опять зарыдала).

"Не плачь, дорогая", – увещевал её я. Позже я узнал, что это была всего лишь реакция понимания того, на что я способен пойти ради нашего брака.

Добравшись до дома чиновника, мы застали того в нарукавниках и с уже ожидавшим нас свидетельством. Он отказывался брать десятку, однако, когда я возвращал её в карман, моя рука застыла, потому что выражение в его глазах вынудило представить себя мишенью. Нашей следующей точкой на маршруте стал видный судья. Назвав мою невесту по-всякому, кроме её настоящего имени, тот объявил нас мужем и женой. Наши свидетели умиленно прослезились, мы же оба рассмеялись, зная о правильном произношении и найдя сей пустячок презабавным.

После свадебного завтрака в оживлённой забегаловке (единственном заведении, открытом в 2 часа ночи, которое моя новобрачная сравнила с русской революцией) мы добрались до стойки регистрации отеля "Эджуотер Бич". Моя спутница жизни уже целый год там обитала.

"Это мой муж, – торжествующе выпалила она, – и я хочу

отвести его в свой номер". Это походило на получение разрешения взять с собой домашнего питомца. Детектив отеля подошёл ко мне и поздравил, заверив в достойном поведении моей избранницы в течение всего года, пока та находилась под его неусыпным присмотром. Он наверняка подглядывал в замочную скважину и подслушивал у двери в лучших традициях своей профессии. Я всегда относился к гостиничным детективам с подозрением. Это был первый раз, когда кто-то из них с чем-либо поздравил меня, несмотря на то, что прежде я был неофициально представлен нескольким.

Супружество

Виктор Блейкли – от первого лица (из цикла рассказов "Моя русская жена")

Вопреки современным традициям я хочу начать свою историю с объяснения названия. Я делаю это потому, что в последнее время прочитал слишком много книг, заглавия которых столь же удачно соотносились с их содержанием, как кошки с собаками.

Прежде всего, "МОЯ" связано с кем-то или чем-то женского рода, являющимся моим, то есть с обладанием кем-то или чем-то мной единолично.

"РУССКАЯ" – это не так-то просто. Как же мы можем описать русских? Странный народ, населяющий 1/7 поверхности Земли; славянского, татарского, монгольского происхождения; восточных обычаев; иногда их называют святыми, иногда красными – в целом, по чуть-чуть и того, и другого; диапазон температур от 40 градусов до 35 ниже нуля, но временами и 21; экзотичные, хаотичные, динамичные, полные энтузиазма; взрывающиеся, неукротимые и героические; деспотичные и нелаконичные; музыкальные, артистичные и неэкономные.

"ЖЕНА" тоже выражает очень многое – женатому мужчине объяснения не требуются, тогда как неженатый не склонен верить даже самому чёткому определению, – но, вообще

говоря, это женщина, состоящая с мужчиной в священном браке, которая живёт с ним, любит и ненавидит его, кормит его, штопает его одежду и проклинает его, а в крайних случаях даже защищает в трудную минуту. Теперь вы точно знаете, о чём я собираюсь поведать.

После недели, проведённой в "Эджуотер Бич", мы прибыли в мой любимый Питтсбург. Надумав остановиться в самом знаменитом отеле, я был проинформирован, что мы *сможем* снять номер, однако без ванной комнаты. Полагаю, что бейсбольные команды "Кабс" и "Лафайет", заехав туда в одно и то же время, решили, как ни странно, задействовать все ванны для себя.

Именно здесь я обнаружил, что сварливость не относится к числу женских добродетелей. В номере также не оказалось двух односпальных кроватей, но, чтоб вам было ясно, мы заранее договорились с ней, что нам нужен как раз такой вариант, а не с одной двуспальной. Фейерверк разгорелся примерно так: "Почему ты не снял номер с ванной? Где находится ванна? Нужно ли мне одеваться, чтобы туда пойти? Я просто не буду мыться, вот и всё, а ты можешь спать на полу. Здесь душно. Номер рядом с лифтом. Он что, будет ездить всю ночь? Почему ты меня не предупредил?" – и так далее.

Ответив на этот комплексный вопрос, я затем с лёгкостью разделался и со следующими тридцатью восемью. Но мне стало не по себе, поскольку она намекнула, что может вернуться в Чикаго. А потом делалось всё хуже и хуже, так как она сказала, что однозначно решила вернуться в Чикаго. Она начала одеваться (я только что разделся), а затем собирать вещи (я только что их разложил).

"Я ухожу", – вскричала она.

"До свидания", – был мой ответ.

Разумеется, я был расстроен, не представляя, как справиться с ситуацией, а ещё неопытен – я забыл запереть дверь, когда она вышла.

Похоже, когда она со своим чемоданом спустилась в лобби, за ней последовал отелльный детектив, заподозривший её в том, что она убегает, не выписавшись. И она к нему повернулась.

"Зачем вы меня преследуете?"

"Это не так, Мадам".

"Конечно, это так. Я живу в 518-ом номере, и у меня есть право ходить по этому лобби с чемоданом, если я захочу".

"Без сомнения, Мадам".

"Ну, тогда уходите, вы мне неприятны".

Примерно через час меня разбудили тихие шаги в комнате. Свет был включен. Кто-то раздевался и распаковывал вещи, кто-то забирался в кровать рядом со мной, кто-то придвигался чуть ближе.

"Почему бы тебе не сказать что-нибудь?" – раздался едва слышный вопрос.

Но я уже крепко спал.

На следующий день мой работодатель отправил меня в шестинедельную поездку по Югу – вероятно, в назидание за то, что я без предварительного предупреждения телеграфировал ему, что женился и вернусь только через десять дней. Шесть недель – это необычайно долгий срок для того, чтобы быть вдали от дома, когда ты только что обзавёлся женой, и я скрупулёзно считал дни до своего возвращения. Каждое утро во время своего отсутствия я получал письмо в награду за то, что был молодожёном. Было приятно, что кто-то вдалеке тоже считает дни. А потому вполне естественно, что, возвращаясь назад в поезде, я не замедлил рассказать попутчику всё о своей благоверной. То был весьма вежливый молодой человек, который знал очень многих русских. Выразив желание познакомиться с моей женой, он по прибытии в Питтсбург вышел со мной из поезда, дабы быть представленным. Я, как и следовало ожидать, сиял от гордости. Но видеть незнакомца рядом со мной оказалось для неё слишком, ведь она желала встретиться со мной наедине. Знакомство было испорчено, и вежливый молодой человек испыты-

вал сильное искушение стать невежливым. Я же был потрясён и опечален. Ведь раньше я не имел опыта супружества.

За время моего отсутствия наше местожительство было перенесено в довольно фешенебельный апартамент-отель. Однако в упомянутых обстоятельствах у меня возникли некоторые сомнения относительно того, разрешат ли мне вход в наше новое жилище. Молчаливая дипломатия в конце концов привела к перемирию. И я не только получил туда доступ, но мне также было милостиво дозволено принять участие в первом ужине, задуманном под нашей новой крышей. На закуску подавалась копчёная рыба, за которой следовало то, что должно было быть жареным цыплёнком. По-видимому, с моим кулинарным образованием что-то не так, однако я могу честно сказать, что не переношу копчёную рыбу. И если от меня требуют есть пищу, заготовленную солёным, я предпочту, чтоб это было что угодно, но только не рыба. Я с нетерпением ждал появления цыплёнка. И он появился на столе розовым, словно щёчка младенца.

"Как долго ты его готовила?" – тихо спросил я.

"Десять минут", – невинно ответила она.

"И ты считаешь, что он готов?"

"Конечно, готов. Взгляни, как он свеж".

"Да, он выглядит достаточно свежим. Но, может быть, чуть более свежим, чем нужно".

"Наверное, как и ты сам".

И это был неприятный ответ. Но единственное, что я смог

в итоге съесть, – это гроздь винограда.

"Славный виноград", – тактично заметил я.

Она начала плакать. Мне было жаль её, ужасно жаль, но я по-прежнему был голоден.

"Всё, не бери в голову, дорогая, я вмиг приготовлю яичницу", – успокоил я.

"У нас нет яиц".

"Ну, может быть, эта цыпочка снесёт для нас хотя б одно".

Я всего лишь пытался её рассмешить, но новые слёзы были ответом на каждую новую идею, что я выдвигал. В конце концов я пошёл на компромисс и съел копчёную рыбу.

Измученный нашими общими усилиями состряпать и съесть ужин собственного приготовления, я стал укладывать её в постель, – одна из тех вещей, что, появившись из ниоткуда, полностью накрывают нас и исчезают утром туда, откуда взялись. Мы как раз устраивались поудобнее и трагические моменты были почти забыты, когда зазвонил телефон.

"Не бери трубку", – воскликнула она.

"Я должен. Это может быть уведомление о пожаре", – объяснил я.

Это звонил снизу дежурный портье. К нам наведались мистер и миссис Джона. Когда я впервые, будучи холостяком, приехал в Питтсбург, чета Джона была очень добра ко мне. И вполне естественно, что они хотели познакомиться с женщиной, с которой я связал свою жизнь. Итак, я попросил портье передать им, чтобы они подождали около десяти минут,

пока я спущусь и заберу их.

"Кто это был?", – раздался голос из кровати.

"Вставай, милая, пришли мистер и миссис Джо-на, и мы должны их вежливо принять".

Совершенно внезапно во все стороны полетели подушки.

"Я их не приму. Где это видано являться в столь поздний час!"

Но в конце концов она послушалась, стремительно одевшись. Войдя через несколько минут вместе со своими гостями в парадную дверь и уже собравшись их представить, я услышал, как хлопнула задняя. Тот хлопок долетел и до них. Мне было трудно всё объяснить, но, должно быть, я сделал это идеально, так как с тех пор я никогда их больше не видел. После двухчасовой прогулки по парку она вернулась, и мы развелись во второй раз за вечер. Было предъявлено свидетельство о браке, скомканное в аккуратный шарик и брошенное мне в лицо. Позже я вернул его на прежнее место в ящике стола, хоть и потрёпанное, но не рваное.

Моей жене всегда было любопытно узнать, как я объяснил её отсутствие. Но я это сохраняю в тайне.

Позже, когда она научилась готовить ирландское рагу и я признал его превосходным, мы стали есть его каждый вечер в течение недели. Я предложил разнообразие и получил то, что просил, – на следующий же день вернулось это проклятие русского народа – копчёная рыба.

Безусловно, наш брак требовал внесения обеими сторона-

ми изменений в соглашение. Супруга была женщиной, никогда ранее не бывавшей в Америке; по сути, она была осведомлена о её жителях хуже, чем почти о любой другой нации. Она призналась, что в России Америку знали как великую торговую страну, страну миллионеров (это слово они никогда не употребляли по отношению к себе), Нью-Йорка, Чикаго, Бостона, Гулдов и Вандербильтов. Вот какой была её стартовая точка для процесса нашего урегулирования. Мы не сразу были в высшей степени счастливы, но стали такими из-за ужасных разногласий во мнениях, через которые нам пришлось пройти. И, оглядываясь назад, мы находим подобные инциденты лишь забавными, удивляясь, как они вообще могли быть столь серьёзными, когда происходили. Как же прекрасно я помню сказанное моей любимой тётёй, когда мы навестили её вскоре после нашей свадьбы.

"Тётушка, это Ирина, – объяснил я. – Мы недавно поженились".

"Но я думала, что все они варвары".

"Нет, только она", – уверил её я.

Питтсбург не подружился со здоровьем моей супруги. Для неё, пострадавшей во время "великого переворота" от невзгод, оставивших свои следы на одном из лёгких, воздух там был недостаточно чист. Мы переехали в Филадельфию, где её здоровье и нрав заметно улучшились.

Есть такая газета или журнал, где пишут истории о неловких моментах. Я мог бы снабдить редакцию этого издания описанием тысячи подобных случаев, и все они были бы самыми неловкими. Чрезмерно умная в речах, моя жена нередко шокирует многих и особенно часто меня.

Мы купили новый автомобиль. За обедом в честь этого события, когда все друзья уже были в сборе, ей сказали, что нужно дать ему какое-то имя. Кто-то предложил использовать то, что могло бы означать по-русски название его фирмы-производителя – "Студебекер". Значение оказалось непечатным, но это было сказано так наивно и все так непринуждённо рассмеялись, что потрясённый муж с трудом поверил своим ушам. Я никогда не знаю, являются ли подобные ляпсусы намеренными либо произнесены совершенно неосознанно. И мне не дано это выяснить.

Бейсбол всегда был одним из моих любимейших развлечений. Поскольку я играл в него в академии, а потом даже поработал там тренером, я один из тех американцев, которые, как сказал бы Синклер Льюис, пролистывают газету, чтобы прочитать сначала спортивную сводку. И вполне логично, что я люблю время от времени ходить на бейсбольные матчи. Приезд Бейба Рута⁷⁴ и разговоры о хоумранах⁷⁵ при-

⁷⁴ Джордж Герман "Бейб" Рут – профессиональный американский бейсболист,

вели к тому, что моя супруга захотела посмотреть на хоум-рэн. И я повёл её на игру, где должен был блистать могучий Бейб. Это был даблхэдер⁷⁶. Это была одна из моих наихудших ошибок. Не успели в первой игре завершиться три иннинга⁷⁷, как я уже был на взводе, поскольку меня буквально замучили вопросами до смерти.

"Почему никто не бросает мяч двум мужчинам в синих костюмах?"

"Они рефери".

"Кто такие рефери?"

"Судьи, что объявляют болы и страйки, ауты и сэйвы".

"Что такое болы и страйки, ауты и сэйвы?"

Каждый мой ответ приводил по меньшей мере к четырём новым вопросам. И это стало раздражать людей вокруг нас, особенно тех, чьи уши располагались прямо перед нами.

выступавший 22 сезона в Главной лиге бейсбола с 1914-го по 1935-й год. Его легендарная сила ударов и харизматичная личность сделали Рута одним из самых известных людей так называемых "Ревущих двадцатых".

⁷⁵ Самые популярные и зрелищные моменты в бейсболе, во время которых игроки нападающей команды успевают совершить пробежку (полный круг по "базам" и финиш в "доме") обычно после сильного и точного удара отбивающего ("хиттера"), отправляющего мяч за границы поля без касания земли.

⁷⁶ Спортивное мероприятие, в ходе которого две игры или два соревнования проводятся подряд на одном и том же поле, как правило, между одними и теми же командами или игроками.

⁷⁷ Период игры, поделённый на две части (фрейма), во время первой из которых одна команда играет в обороне, а другая в нападении, меняясь местами во второй. Полная игра обычно состоит из 9 иннингов, но может быть сокращена из-за плохой погоды или продлена, если счёт к концу 9-го иннинга равный.

"Я хочу немного арахиса".

Благодарение Господу, это переключило её внимание. Всё оставшееся время игры она сидела, жуя арахис, в основном опустив голову, иногда поглядывая на толпу и замечая всё, что происходило вокруг, но ни разу не обратив глаза на игровое поле.

"Мы не играем в подобные игры в России".

"Я не думал об этом".

"Похоже, в этой игре нет ничего особенного".

"Не было бы, если бы все проявляли к ней такой же интерес, какой проявляешь ты".

Чьи-то подачи привели к "базе за болы"⁷⁸. "Он его прогулял", – простонал один из фанатов.

"Это то же самое, что прокатить кого-то по Чикаго?" – с полной серьёзностью спросила моя жена.

Наконец раздаётся могучий рёв, поскольку Рут мощнейшим ударом зарабатывает свой хоумрэн. Он рысцой обегает все базы с обычным безразличным видом, который присущ его имиджу.

"А что случилось?" – слышу я, чувствуя тычки в свои рёбра.

"Рут выбил хоумрэн".

"Почему ты не предупредил меня, что он собирается это сделать? Ведь я же на хоумрэн и пришла посмотреть".

⁷⁸ "Прогулка" отбивающего ("хиттера") на первую "базу" после четырёх ошибок ("болов") подающего ("питчера").

И вот первая игра завершена. Теперь, возможно, наступит передышка. По крайней мере, мы найдём иные темы для беседы. Но я, как водится, не прав.

"Кто выиграл?" – было следующим вопросом, и мне пришлось поломать голову, чтобы на него ответить.

"'Янкис'⁷⁹", – упрямо буркнул я, стиснув зубы.

"Теперь мы идём домой?"

"Нет, это только конец первой игры. Лишь полдела сделано".

"Какие команды будут играть во второй?"

Я хотел сказать: "'Корея' и 'Монтесума'", – но был уверен, что это приведёт лишь к длительному обсуждению соответствующих достоинств обеих.

"Я хочу вернуться домой. Я невысокого мнения об этих людях вокруг. Они ведут себя так, будто сошли с ума. Ты только посмотри на этого человека в мятой соломенной шляпе. Вот увидишь, сейчас его жена его приструнит".

"Не все жёны одинаковы".

"А вот мужья – да. Думаю, 'Янкис' проявят вежливость и уступят во второй игре. Зачем теперь поливают газон? Только прошлой ночью шёл дождь. Бейб Рут – самое неподходящее имя. А как его фамилия? Я хочу вернуться домой".

"Что ж, пойдём домой, – сказал некто с мыслью об убий-

⁷⁹ "Нью-Йорк Янкис" – один из лучших профессиональных бейсбольных клубов, базирующийся в районе Нью-Йорка под названием Бронкс. На всём протяжении его существования за команду выступала целая плеяда самых знаменитых игроков в истории американского бейсбола, включая Бейба Рута.

стве. – Вперёд".

Это был один из тех разочаровывающих вечеров, что предвкушаешь с удовольствием, а завершаешь с отвращением. Я ожидал, что придётся ответить на несколько вопросов, но даже и представить не мог такого шквала. С тех пор мы ни разу больше не ходили вместе на бейсбольные матчи. Однако и по сей день, посещая их, я иногда ёрзаю на своём кресле, ожидая, что тоненький голосок спросит: "А сколько боллов в страйке?"

На следующей неделе мы отправились в Чикаго посмотреть футбольный матч⁸⁰ между командами армии и флота. В поезде она спросила, есть ли в военно-морском флоте кто-нибудь, кто мог бы выбивать хоумрэны столь же умело, как Бейб Рут. Мне пришлось объяснить, что ни один из терминов, использующихся в бейсболе, не применим к футболу. Позже мне на моей полке приснился вот такой кошмар:

Мы сидели напротив пятидесятиярдовой линии, и я только что вернулся на своё место, обшарив весь стадион вдоль и поперёк в поисках арахиса и хот-догов. Во время моего отсутствия защитник ВМФ пробежал 90 ярдов для тачдауна⁸¹ – я проворонил великолепную игру. Охваченный горем, я попросил свою жену рассказать об этом эпизоде.

"Они наконец-то разрешили одному из парней пробе-

⁸⁰ Имеется в виду американский футбол.

⁸¹ Один из способов набора очков в американском футболе — игрок одной команды должен доставить мяч в зачётную зону другой.

жаться, – сказала она. – Я не могу понять, почему они не всегда позволяют ему бегать. Он же хочет, а они не дают. Не очень-то спортивно – всем скопом прыгать на него, как они это делают".

Я проснулся, сжав руками подушку и вытряхивая из неё жизнь. В то же утро жену увезли прямо с поезда в больницу. Это был ежегодный приступ пневмонии. Та случалась у неё уже семь раз, и она всегда выкарабкивалась. Мы относимся к пневмонии так же, как большинство людей – к головной боли или икоте. Но она пропустила главное событие года – финальный счёт был 21:21.

"Наверное, это была плохая игра, – сказала она, лёжа в своей палате, – ведь ни одна из команд не оказалась достаточно хороша, чтоб обыграть другую. Тем не менее мне кажется, что после того, как всех этих парней привезли в Чикаго, они должны были, по крайней мере, сыграть тайбрейк⁸²", – поделилась она с медсестрой.

"Я так понимаю, что было уже слишком темно, чтоб продолжать матч", – ответила та.

Я на цыпочках вышел, чтобы принести цветы для прикро-

⁸² Так называемое "прекращение ничьей" – специальные способы выявления победителя при ничейном счёте, различные для различных видов спорта. В регулярных играх американского футбола при ничьей в основное время матча принято играть 15-минутный овертайм, но если и в течение него ни одна из команд не добилась победы, то матч так и завершается ничьей (что бывает крайне редко, хотя так, видно, и случилось в описанной Виктором игре, однако финальный счёт говорит о том, что обе команды боролись достойно).

ватной тумбочки.

Теперь, когда мы жили всего в двух часах езды от Нью-Йорка, было необходимо, чтобы тамошняя русская колония устроила в нашу честь вечеринку. Я должен был ощутить вкус того, что означает быть изгнанником, побыв чужаком в своей собственной стране.

"Что ты хочешь, чтоб я туда надел?" – спросил я Ирину.

"Надень что угодно. Мои люди будут там во всех видах одежды, от шикарных костюмов до казачьих бриджей для верховой езды. Они облачаются в то, что имеют".

Нас было сорок человек – все русские, кроме меня. Когда мы вошли в гостиную хозяина дома, все там присутствовавшие разговаривали одновременно на смеси французского, русского, итальянского и немецкого. Он же был очень вежлив и обратился ко мне на английском (мой русский словарный запас состоит из слов выражения привязанности, парочки ругательств и "ничево"). Нам сразу же вручили две рюмки водки и познакомили с хоровым пением. Все они были любителями, но исполнение оказалось по-настоящему красивым. А как они умели танцевать!

"Ты хорошо проводишь время?" – поинтересовалась Ирина, застав меня в какой-то миг одного.

"Замечательно. Я не понимаю ни слова из того, что говорят эти люди, но они определённо знают, как правильно кутить".

"Они ужасно милы, – сказала она с упрёком. – А вот ты, как я и ожидала, производишь плохое впечатление. Почему ты не общаешься? Мои люди любят поговорить".

"У меня пока не было возможности".

"Создавай возможности сам. Они не будут тебя умолять, но решат, что я вышла замуж за дурня".

"Но как же тут разговаривать? Никто ведь не слушает. Посмотри, все триндят, перебивая друг друга. Почему они не дают никому даже шанса?"

"Ты безнадёжен", – возмущённо отрезала она.

И тут мы прервались, заметив, как наш хозяин, встав на стул и призывая к тишине, махал руками.

"Нас пришёл сфотографировать мистер Коклёвич, – прокричал он, перекрывая шум, и добавил, – фотограф", – указав на невысокую коренастую фигуру в сюртуке с длинными фалдами, явно нуждавшемся в том, чтоб его почистили и погладили.

Как же было не запечатлеть всех этих русских собравшимися вместе. Мистер Коклёвич деловито расставил свой штатив, развернул мятый коричневый свёрток, содержащий порошок для вспышки, и вскоре уже группировал нас поближе друг к другу, чтобы мы все могли попасть в кадр.

"Мы должны сидеть в первом ряду по центру", – сказала

мне Ирина.

"Только не я. Я боюсь всех этих штук".

"Но ведь это праздник в нашу честь".

"Давай садись впереди, ровно посередине. Я же встану за тобой в заднем ряду, где смогу в крайнем случае пригнуться".

С детства с опаской относясь к вспышкам и ни разу в жизни не увидев ни одного снимка, где они придали бы запечатлённым там индивидам хоть какое-то сходство с реальными людьми, я постарался, чтобы позади Ирины была видна лишь моя голова. Ирина обернулась и улыбнулась мне, убедившись, что я буду виден на фотографии.

Многokrратно исчезнув под своей чёрной накидкой и столько же раз появившись оттуда, мистер Коклёвич сообщил нам, что всё готово. Он встал, держа в левой руке поднятую вспышку и призывая всех успокоиться и выглядеть приятно. Он дважды щёлкал, чтобы поджечь порошок, но это не сработало. Он выглядел столь нелепо, что был вынужден подождать, пока все не отсмеются. Пришлось приложить усилия, чтобы заставить людей замолчать.

Вдруг раздался громкий взрыв. Потолок почернел от дыма, со стен посыпались большие картины в тяжёлых позолоченных рамах, а со столов буквально смело вазы и антикварные безделушки. Сорок человек были в сильном возбуждении. Те, кто сидел в первом ряду, повернули назад свои грязные лица, запачканные катастрофой, происшедшей от них

так близко. И я едва узнал свою Ирину, когда бросился ей на помощь. Горе-фотограф просил прощения у каждого в отдельности, объясняя, что, должно быть, взял с собой не тот порошок. Говоря это, он низко кланялся, смахивая фалдами своего длинного сюртука остатки антиквариата со стола позади себя. Две женщины упали в обморок, и их уже приводили в чувство попеременными вливаниями воды и водки. С величайшим трудом я протолкался к своей жене. Она уже лежала на диване, обхватив голову руками.

"Ты не ранена?" – с тревогой спросил я.

Она подняла глаза. Слезы, образуя дорожки, текли по её измазанному сажей щекам. Она сотрясалась от смеха.

"Тебе лучше подняться наверх и принять ванну, – удалось выдать мне. – Это должно улучшить фотографию".

"Отлично, – откашливалась она, – Ему непременно следует сделать ещё одну после столь успешной первой".

"Он принёс всё, кроме римских свечей. Иначе они, вероятно, были бы частью второй попытки".

"Как ты думаешь, что это было?"

"Как я думаю, что это было? Ну, ничего особенного. Обычная русская процедура. То, что они всегда делают. Я даже удивлён, что мы все не вылетели сквозь крышу. Нам лучше вернуться в Филадельфию, где жизнь не такая насыщенная".

К этому времени с улицы прибежали прохожие и таксисты. Услышав взрыв, они захотели узнать, есть ли раненые,

и если да, то могут ли они оказать первую помощь.

Я не сомневаюсь, что вспышку по ошибке зарядили тринитротолуолом, поскольку камера лежала ничком на полу, а нелепый штатив развалился поверх неё, как огромный паук, на которого только что сели. Русские, быстро придя в себя, любезно говорили фотографу: "Ничего, с нами всё в порядке". А потом, к своему изумлению, я увидел, как хозяин дома дружелюбно пожал ему руку, прощаясь с ним у двери.

Остаток вечера был потрачен на то, чтобы собрать разбитый фарфор, снять испорченные дымом шторы, развесить картины и обсудить, какие именно дамские наряды смогли выдержать бомбардировку. Водки хватило, так что всё закончилось хорошо.

Вернувшись домой из короткого отпуска в Нью-Йорке, мы обнаружили, что в наше отсутствие произошёл неприятный инцидент. Одно из фасадных окон было разбито, а прямо у входной двери стояла пара наших лучших кожаных саквояжей с аккуратно сложенными в них нашими же более-менее ценными пожитками. При дальнейшем исследовании мы обнаружили, что дом был обшарен с носа до кормы. Пропали меховые шубы, платья и скромные украшения моей жены.

"Вот что случается, когда мы сообщаем газетчикам, что

собираемся уехать на несколько дней", – сказал я.

"Я ничего им не говорила. Газеты напечатали это ещё до того, как я узнала сама, что мы едем".

"Что ж, кто-то поймел неплохой улов".

"Когда на прошлой неделе срок действия нашей страховки истёк, ты же сам сказал её не продлевать. Ты всегда поджигашь сарай, прежде чем загонять туда лошадей – ой, я имела в виду выгонять оттуда. Теперь всех моих драгоценностей нет, и мои шубы пропали, а то, чего лишился ты, – это всего лишь блок сигарет".

"Это единственная ценная вещь, что мне когда-либо позволялось иметь".

"Видит Бог, мне уже сильно требовалась новая шуба, а что касается украшений, то я смогу найти им весьма разумную замену".

Это дело грозило обернуться тяжёлым бременем для семейного бюджета, вследствие чего я решил сменить курс, взяв его по левому борту.

"Похоже, он намеревался вернуться за саквояжами", – сказал я.

"Разумеется, он вернётся, однако я иду спать".

"Я сяду на диван и буду ждать его с пистолетом. Любой, кто войдёт в эту парадную дверь, будет сначала застрелен, а объяснения последуют потом", – предупредил я её, когда она стала подниматься по лестнице.

Я принялся гасить весь свет, дабы наш незваный гость,

вернувшись, решил, что на берегу чисто.

"А вдруг кто-то из твоих друзей ..." – донеслось со стороны перил. "Никто не склонен заявляться к нам после одиннадцати", – крикнул я в ответ.

"Твои сумасшедшие компаньоны никогда не заходят раньше одиннадцати, но они-то определённо заслуживают того, чтобы их пристрелили. Расстрел даже слишком хорош для многих из них".

В доме наступила тишина, и я приступил к тому, что вполне могло бы сойти за всеобщее бдение. Мой браунинг был взведён. Волнение от того, что в дом вот-вот заберётся грабитель, не особо приятно, но вызывающее дрожь чувство предвкушения, охватившее меня, сидевшего неподвижно, словно кот в засаде, не давало уснуть.

По моим прикидкам, должно быть, было около 2 часов ночи, когда я услышал безошибочно узнаваемые звуки в районе заднего крыльца. С сильно бьющимся сердцем я на цыпочках прокрался в кухню. Наконец-то мародёр осмелился вернуться, но через служебный вход. Я занял свою позицию так, чтобы, когда откроется дверь, оказаться за ней, позволив ему проникнуть внутрь прежде, чем он заметит моё присутствие. Полная же луна мешала моим планам, заглядывая в кухонные окна и освещая всё вокруг. В двери тихо повернулся ключ, и она стала медленно, исподволь открываться. Бог мой! Это была женщина. Я же не мог выстрелить в женщину. Итак, я обхватил её обеими руками, крепко прижав

к себе. Когда мои пальцы добрались до её горла, раздалось бульканье и кашель. Но она сопротивлялась. Поняв, что она наконец ослабла, я включил свет.

"Ирина?!"

Ибо это была она – в перепачканных туфлях и платье, с загадочной чернотой вокруг глаза, яростно сжимавшая в грязном кулаке белый обрывок ткани.

"Я почти поймала его, – торжествующе сказала она, гордо демонстрируя то, что оказалось куском его рубашки. – Я решила покараулить, как и ты, но только снаружи, в саду – и он действительно появился. Но, заметив меня, бросился бежать. Я погналась за ним, и настигла, и сбила его с ног – я научилась этому из вашего американского футбола, – но он всё же встал и ударил меня вот сюда (она указала на поменявшийся цвет глаз), и прежде чем я смогла подняться на ноги, он оставил меня далеко позади. Так что моя единственная добыча – этот лоскуток".

Итак, все мои планы рухнули. Грабитель сбежал, и меховые шубы с шёлковыми платьями не вернуть.

"Зачем ты это сделала?" – спросил я, промывая ей глаз.

"О, это было волнующе! Самое весёлое, что случилось со мной со времён революции. И, видимо, я должна была его упустить. Надеюсь, что будут ещё. Я больше не позволю им ускользнуть из моих рук".

"В следующий раз, когда вор придёт в этот дом, позволь мне разобраться с ним самому. Я сначала выстрелю, а потом

уж буду применять футбольные навыки".

"Я бы тоже выстрелила, будь у меня пистолет".

"И убила бы его, и была бы осуждена за непредумышленное убийство не того парня", – стал причитать я.

"О, как я скучаю по всему этому. Тюрьма, одиночное заключение, смертные приговоры – революция была потрясающей".

"Ты можешь, если захочешь, провести свой следующий отпуск в государственной тюрьме".

Вот *что* прикажете делать бедному мужу с женой, часами караулившей в одиночестве в мрачном саду, чтобы выследить вора, погнаться за ним и схватить?

Наконец она затихла в моих объятиях.

"Ирина, обещай мне, что ты больше так никогда не поступишь".

"Обещаю".

Но всегда находились другие поступки, которые я не мог предугадать, дабы заранее заставить её пообещать не совершать и их тоже. Я знал, что нужно лишь подождать. И ждать приходилось недолго.

Всего несколько дней спустя, в конце большого званого ужина, мы оказались лицом к лицу со столами для игры в

бридж. Я мог бы это предвидеть – мы были в окружении толпы фанатов этой игры. За ужином я был вынужден обсуждать Уорка, Уайтхеда и Калбертсона, а ещё выслушать обзор истории сей замечательной забавы, начиная со времен юкера и "Калифорнийского Джека"⁸³.

Также во время ужина я слышал, как моя жена задала своё стандартное количество вопросов: "Кто такой Калбертсон? Разве Работа⁸⁴ – это не забавная фамилия для мужчины? Является ли Седоголовый⁸⁵ одним из достопочтенных отцов церкви? Был ли Калифорнийский Джек золотодобытчиком?" и прочая и прочая и прочая.

Гости занырнули в свои кресла для бриджа, словно волки, окружившие парную тушу. Ведь намечалась битва экспертов.

"Извините, – сказал я хозяйке дома, – но моя жена не играет".

Ирина моё замечание услышала.

"Я определённо буду играть", – поправила она меня с недовольным видом.

Я знал, что она не играла, ненавидела карточные игры, в сущности, едва отличала одну карту от другой. Но, как и в

⁸³ Милтон Купер Уорк, Уилбур Черриер Уайтхед и Эли Алмон Калбертсон были известнейшими игроками в бридж. Юкер и "Калифорнийский Джек" – карточные игры.

⁸⁴ Фамилия Уорка совпадает с английским словом "work" – "работа".

⁸⁵ Фамилия Уайтхеда совпадает с английской фразой "white head" – "седая голова".

случае с маленьким мальчиком, который, когда его спросили, играет ли он на скрипке, ответил: "Не знаю, никогда не пробовал", – жребий был брошен.

К сожалению, меня не было за её столом, так как иначе для кого-то другого было бы на один испорченный вечер меньше. Со своего места за соседним столом я напрягал весь свой слух, пытаюсь понять, что же случится далее.

"Я бы сделала заявку на вину", – сказала она своему партнёру.

"Сколько, и, кстати, что такое вину?" – услышал я его вопрос.

"Вот эти", – сказала она, спокойно показывая туза пик.

Их соперники сердито зыркнули.

"Но могу – и на трефы, если вы предпочитаете сыграть на трефах", – сразу предложила она.

"А что такое трефы?"

Она подняла туза крестей.

"У меня есть и несколько других симпатичных карт без чисел". И, прежде чем соперникам удалось её остановить, она показала партнёру весь свой веер целиком.

Я был так заинтригован её крахом, что сразу же получил три взятки без козыря за собственным столом. Мой партнёр смотрел на меня так, словно желал спросить: "Ты хочешь сказать, что это твоя жена не умеет играть в эту игру?"

Я был так невнимателен, слушая, что творится за столом Ирины, что на следующей раздаче, имея на руках всё, что

только можно, глупо спасовал. Мой партнёр был ошеломлён, когда я в роли "болвана" выложил карты на стол. Он сделал заявку на две взятки на крестях, в итоге получив "малый шлем"⁸⁶.

Три человека, сидевшие с Ириной, были заняты её обучением азам бриджа. Минуло совсем немного времени, прежде чем всё стихло, и игра пошла своим чередом. Отсутствие какой-либо болтовни за её столом стало действовать мне на нервы. Да, они, судя по всему, всё ещё с ней играли. Скоро пришло время меняться. Все люди за остальными столами томились в ожидании, пока её стол завершал свой второй роббер⁸⁷. Я ёрзал на своём стуле. По окончании их розыгрыша я услышал, как Ирина спросила: "Куда мне теперь идти?" Неужели у неё не хватило здравого смысла попросить хозяйку дома, которой изначально не нашлось места, заменить её? Но нет, она перемещалась вместе со всеми.

"Как ты посмела заявить, что будешь играть? – прошептал я ей мимоходом. – Ты испортила мне весь вечер. Ты позоришь меня".

"Каков твой результат?" – безрассудно спросила она. Поскольку я был расстроен, наблюдая за ней, у меня набралось за два роббера лишь 200 очков.

⁸⁶ Максимально возможное количество взятков – 13. Заявка на 2 взятки означает, что нужно взять 8 (при обязательных 6-ти). "Малый шлем" – 12 взятков из 13-ти. "Большой" – все 13.

⁸⁷ Круг игры, состоящий из двух или трёх отдельных партий.

"Посмотри-ка на мой", – гордо сияла она. На её учётном листке было нацарапано 2135. Я в досаде вернулся к игре. Но удача ко мне так и не пришла, хотя со временем мои результаты и улучшились.

После финального роббера хозяйка дома занялась сбором и подсчётом суммарных очков. Я чуть не грохнулся навзничь, когда она, объявив, что моя жена выиграла приз среди дам, вручила ей прелестную сумочку, расшитую бисером. Ирина, подняв её, показала мне, дабы получить моё одобрение. Потом выяснилось, что я выиграл утешительный приз для джентльменов. Итак, я был награждён весёленьким ярко-красным галстуком.

По дороге домой чувство обиды от испытанного унижения буквально переполняло меня.

"Ты не очень хорошо справился сегодня, не так ли?" – спросил тихий голос.

"Паршиво".

"Это такая простая игра, что, как я думала, даже ты сумел бы в неё сыграть".

"Я умею в неё играть. Я играю в неё уже двадцать лет. А кто сказал тебе, что ты сможешь?"

"Я могу. Искусно. Я же выиграла приз, не так ли? И я уверена, что этот красный галстук будет хорошо смотреться с твоим парадным костюмом. Он будет необычайно уместно струиться по твоей манишке".

"Не могла бы ты, пожалуйста, объяснить мне, как же, чёрт

возьми, ты умудрилась выиграть приз?"

"Карточное чутьё, дорогой. У одних оно есть, у других нет. В тот единственный раз, когда ты был за моим столом, ты играл отвратительно. Тебе стоило бы взять пару уроков, чтобы людям не было стыдно приглашать со мной и тебя".

"Послушай. Ты когда-нибудь до сегодняшнего вечера играла?"

"Раньше я играла со своим отцом в вист. Это та же самая игра".

"Ты когда-нибудь в своей жизни до этого вечера играла в бридж?" – со злостью повторил я.

"Нет".

"Тогда как, во имя Евы, тебе удалось выиграть приз?"

"Большую часть времени я играла в роли 'болвана'. Но имела на руках все карты с картинками. Все так сказали. А ты идёшь и портишь всё дело, говоря им, что я не играю. Тебе должно быть совестно".

Признаюсь, мне было.

Вот так вечер!

В очередной раз мне пришлось совершить для моей компании длительную поездку по Югу, включавшую неделю в самом причудливом из американских городов – Чарльстоне.

Я возобновил старые дружеские связи прошлых лет (ведь в Чарльстоне я провёл два года на борту одного из эсминцев дяди Сэма). Мои прежние возлюбленные, хотя и вышли замуж, судя по всему, были рады меня видеть. Здесь устраивались вечеринки, подавались мятные джuléпы⁸⁸ и игрались мечтательные вальсы под чарами благоухающей набережной Бэттери. Было довольно приятно вновь выпить чего-нибудь вкусенького по разумным ценам, лишь перебравшись на пароходе из Флориды. И старый игорный зал с его рулеткой, некогда забравшей все мои деньги, на этот раз был добр ко мне. Я стал старше и играл консервативнее, ставя на "красное" и "чёрное", а не на более высокодоходные, но рискованные числа.

Когда я добрался домой, у двери меня встретила Ирина, поприветствовавшая мужа с насмешливой улыбкой.

"Хороша ли была поездка?" – спросила она, когда прошло волнение от долгожданной встречи.

"Так себе", – ответил я со скучающим видом, что присущ вернувшимся мужчинам-пилигримам.

"Так себе?"

"Да. Почему ты спрашиваешь?"

"Ну, я просто хотела узнать, понравилось ли тебе снова общаться с Джун Нельсон".

Как она узнала это имя? Я почувствовал краску, прилившую к моему лицу.

⁸⁸ Напиток из виски с водой, сахаром, льдом и мятой.

"Да", – сказал я, будучи не совсем готовым лгать по этому поводу.

"Танцует ли она так же хорошо, как раньше?"

"К чему ты клонишь?"

"Я рада, что ты выиграл в рулетку. Как общество Чарльстона смотрит на то, что ты всю ночь играешь в казино с дамами полусвета после танцев с их любимыми дочерьми?"

"Я не общаюсь с дамами полусвета".

"Там была красивая девушка, игравшая рядом с тобой. Неудивительно, что ты сорвал куш, получив такое вдохновение".

Я злился всё больше и больше, но решил позволить ей довести цепочку до конца.

"Каково это – совершать со своими прежними возлюбленными променад по Бэттери, будучи уже два года женатым?"

Я буквально оцепенел, не в силах вымолвить ни слова в свою защиту, хотя моё поведение во время отсутствия и являлось образцовым. Но ведь вполне естественно вернуться в любимые места своей дикой холостяцкой юности, чтобы выяснить, процветают они по-прежнему или нет. Как, когда и где она получила всю эту информацию?

"Это неправда, – кричал я снова и снова в ответ на все её расспросы. – Ты что, ясновидящая, у тебя открылся третий глаз?" – удалось вымолвить мне, когда наконец ко мне вернулось второе дыхание.

"Держу пари, что да", – ликующе воскликнула она.

"Ты либо следила за мной, либо наняла детектива, чтобы тот следил. Тебе должно быть стыдно!"

И тут зазвонил телефон. Она бросилась снимать трубку – я решил, что слишком нетерпеливо. Это выглядело подозрительным. Я промчался вверх по ступенькам к другому аппарату в моей берлоге.

"Это снова мистер Браун, – услышал я мрачный мужской голос. – У меня есть ещё кое-какие новости из Чарльстона. Во вторник вечером ваш супруг посетил яхт-клуб. Он был там с другой своей старой возлюбленной. Её мужа тогда не было в городе. Её зовут ..."

"Ты лжец!" – проорал я в ответ, и он поспешно повесил трубку. Я кинулся обратно вниз.

"Итак, у тебя есть детектив, который следил за мной. Шпионить за собственным мужем! Разве это не прелестно?" – вскричал я.

Она принялась хохотать.

"Самый подлый, низкий и жалкий из поступков!"

Она хохотала всё громче.

"Кто этот человек?"

"Я не знаю, кто он, однако он звонил мне каждый день или два с тех пор, как ты уехал. Очевидно, кто-то пытается нас рассорить".

"Ты ожидаешь, что я в это поверю?"

"Это правда. Он таинственный мистер Браун. И единственная причина, по которой я вообще с ним беседовала,

заклучалась в том, чтобы его найти. Я действительно наняла детектива, но совсем не для того, чтоб следить за тобой, а чтоб попытаться поймать мистера Брауна. Этот неприятный тип всегда звонил из другого автомата, и мой Шерлок Холмс не смог его отследить. Теперь, когда ты вмешался в наш разговор, я боюсь, что он больше не позвонит. Мне было забавно слушать его сразу после прочтения твоих писем о том, как усердно ты трудился в Чарльстоне. Единственная загадка для меня – как ты вообще находил возможность писать, будучи невероятно занятым весь день и всю ночь".

Мы так и не отыскивали мистера Брауна, как и не поняли его мотивов. Но Ирина пыталась его найти. Или же она добралась до своего детектива раньше меня? Как работающему мужу это узнать?

По прошествии нескольких дней, когда мы вместе ходили по магазинам, наше внимание привлекло скопище людей, собравшихся перед небольшим бутиком мужской одежды. Мы протиснулись сквозь толпу, чтобы как следует разглядеть то, что вызвало всеобщее возбуждение. Там, в большой упаковочной коробке, лежала огромная морская черепаха, у которой почти отсутствовал один глаз в том месте, где она, очевидно, зацепилась за крюк. Она маялась под па-

лящим солнцем, ведь температура была значительно выше ста градусов⁸⁹. Надпись на коробке рассказывала следующую историю:

ПОЙМАНА Д. Е. БИМИШЕМ ВО ВРЕМЯ ОТПУСКА.
ВОЗРАСТ: 150 ЛЕТ. ВЕС: 100 ФУНТОВ⁹⁰.

"Кто весит 100 фунтов, будучи 150-летним – мистер Бимиш?" – спросила Ирина.

"Нет, простофиля, черепаха".

"А как определяют, что черепахе 150 лет?"

"По кольцам на шее".

"Подумать только – такая старейшина в жуткой коробке. Бедная кусака. Выглядит так, будто ей дискомфортно. Её глаза полны страдания. Ей требуется вода".

Я не могу описать черепаху, полную страдания, у которой есть только один здоровый глаз, чтобы это страдание выразить, но при ближайшем рассмотрении она действительно выглядела испытывающей дискомфорт, да и вообще несчастной. Я увидел, как в глазах Ирины разгорался огонь.

"Пойдём", – крикнула она.

"Куда?" – спросил я.

"Потерпи и увидишь".

Она завела меня внутрь бутика одежды Бимиша. Щеголеватый молодой продавец, потиравший руки в предвкушении продажи пары запонок, учтиво с нами поздоровался. Прежде

⁸⁹ Это температура по Фаренгейту. По Цельсию – около 40°.

⁹⁰ Чуть более 45 килограммов.

чем он успел произнести обычное: "Что я могу для вас сделать?" – моя жена спросила: "Где мистер Бимиш?"

"Он у себя в кабинете. Вы хотели бы его видеть, мадам?"

"Немедленно".

"Что ты намереваешься делать?" – с беспокойством спросил я, когда наш посыльный исчез.

"Подожди, осталось недолго", – её глаза метали молнии.

"Горе Бимишу", – подумал я, увидев, как тот к нам приближается.

"Вы мистер Бимиш?" – спросила она, когда он был от нас ещё в восьми шагах.

"Да, мадам, что я могу ..."

"Это ваша черепаха?" – она указала в сторону двери.

"Да, безусловно, – гордо просиял он. – Я выловил её, будучи в отпуске в Южном Джерси. Разве ж она не ..."

"Почему вы позволяете ей лежать на солнце?"

"Ну, мадам, черепахи любят солнце, они ..."

"Правда? Вы понимаете, что она мучается и что ей не хватает воды? Я член ОПЖОЖ⁹¹, и вы либо засунете эту кусаку под кран, либо я заявлю на вас за проявленную к ней жестокость".

"Но, мадам ..."

"Я приду через полчаса. Если она всё так же будет лежать там в этих жутких условиях, то я вызову полицию". И, по-

⁹¹ "Общество по предотвращению жестокого обращения с животными". По-английски – SPCA (Society for the Prevention of Cruelty to Animals).

казав свой значок общества защиты животных, она повернулась на каблуках и вышла из магазина. Я покорно следовал за ней, не сказав ни слова. Когда я догнал её за дверью, ко мне вернулся дар речи.

"Зачем связываться с этой черепахой? Она же не твоя. И какая тебе разница, жарко ей или холодно? Какое это имеет значение? Ты ставишь нас в весьма неловкое положение".

Она проигнорировала все мои вопросы.

"Мы вернёмся через полчаса и уладим это дело", – было тем, что она посчитала нужным сказать.

Тридцать минут спустя мы вернулись поучаствовать в веселии. Я бы с радостью покинул корабль, однако одно из наших главных правил – никогда не бросать друг друга в стрессовой ситуации. Патрульный фургон был припаркован задом к обочине, и миссис Кусаку грузили на заднее сиденье.

"Куда вы её везёте?" – услышал я вопрос прохожего, обращённый к одному из стоявших на тротуаре патрульных.

"Какая-то дура из ОПЖОЖ приказала Джо её арестовать".

Я боялся, что моя супруга может услышать это замечание и перенести драку в полицейское управление. Лично я был готов не обращать на него внимания. К счастью, она не услышала, и через минуту мистер Бимиш снова попал к ней на сковородку.

"Я вижу, вы решили её сдать", – сказала она.

"Да, мадам, в полицейский участок. Они обещали поме-

стить её под кран, как вы и предлагали".

Я думал, что инцидент исчерпан. Но два вечера спустя мы ужинали в соседнем ресторане, в который частенько заходим.

"Что у вас сегодня вкусненького?" – спросил я официанта, который ещё ни разу нас не подводил.

"Есть прекрасный свежий черепаховый суп", – ответил тот.

"Где вы взяли черепаху?" – с тревогой спросила Ирина.

"Мы купили её у парня по фамилии Бимиш".

"Ну, нам нет до него никакого дела", – молвила она, неловко покраснев.

Я не смог удержаться от смеха. Когда мы сделали заказ и он ушёл, я сказал ей: "Теперь посмотри, что ты натворила своим неумным вмешательством. Ты повинна в убийстве. Угробила безобидную старую кусаку, которая счастливо грелась на солнышке. И вот она суп".

"Всё в порядке, – парировала она. – Суп стал её уделом, но она избавилась от своих страданий, и, я думаю, мистер Бимиш больше не будет использовать животных для рекламы. Я лишь сожалею, что мы не купили её для себя".

Я представил себе, что могло бы быть. 100-фунтовая черепаха таскала бы по дому все свои 150 лет, ожидая возможности оторвать нам ноги.

Несколько месяцев спустя случился похожий инцидент. На этот раз страдали живые индейки, подвешенные на рын-

ке вниз головами. Когда мы вернулись после настойчивых требований Ирины, они висели в том же положении, но уже без голов. Есть виды братьев наших меньших, которым она, судя по всему, бессильна помочь. Я испытываю искушение самому вступить в ОПЖОЖ, чтобы мочь защитить хотя бы своё достоинство.

Сидя в своей берлоге, мирно сосредоточившись на важном письме, которое должно было быть давно написано и все сроки для этого уже прошли, я услышал, что зазвонил телефон. Ирина сняла трубку. Я старался не обращать внимания на разговор, но это было невозможно. Судя по взволнованному приветствию на многословном русском, звонила одна из её соотечественниц. Очевидно, они только что обнаружили, что обе открыли Америку, и не только это, но и что живут всего в пятнадцати милях друг от друга.

Двадцать минут их разговора – это было всё, что я услышал. Затем я пришёл в бешенство.

"О, да, ну, конечно же, я вас помню. Разве это не было в Брест-Литовске? Не там? Ах, да, там этого не могло случиться, поскольку, если мне не изменяет память, я тоже там никогда не бывала. Должно быть, это было в Минске. Или в Пинске. Или, возможно, в Двинске. Дайте-ка подумать, вы же

из рода Пушкивичей! О, это не так? Тогда вы, должно быть, племянница Сосипатра Сосипатровича Булкина. Ох, нет, я не знала вашего отца, но разве Савватий Владимирович Попский не был вашим дедом по маме? Не был? Так, дайте-ка понять, ведь мы, очевидно, родственницы. Я просто думаю, как мы это можем доказать. Вы знали Устина Прокоповича Писарева? Он был вашим дядей? Ну, так вот он же женился на моей тёте. Тёте Авдотье Мочульской. Она до этого была замужем за Вячеславом Кузьминичем Поповым. Помните? Да! Разве это не замечательно? Получается, вы моя двоюродная сестра. Нет, бросьте, есть разница! Если вы утверждаете, что я ваша троюродная сестра, это вовсе не означает, что мы не можем быть также двоюродными по другой линии. Вы из Царёвококшайска? И вашим отцом был Ардалион Ильич? Теперь я начинаю всё понимать. Нет, я не знала Ардалиона Ильича, но я была знакома с Ильёй Степановичем. Он же женился на Василисе Трофимовне. А вы с ней родственницы. Да, это так, потому что она двоюродная сестра Ардалиона и потом ещё вышла замуж за Борислава Вячеславовича. Конечно, я его помню. Святослав – мой дядя и ваш четвероюродный брат. Теперь я вспомнила, кто вы такая. Вы были ребёнком в Париже, и ваши отец и мать перед разводом поспорились из-за вас в такси, а затем тянули к себе – он в одну сторону, а она в другую, – стараясь вытащить каждый в свою дверь. В какую дверь вы в конце концов вышли? А полиция арестовала ваших отца и мать, в результате чего вы упали,

ударившись головой. Я рада слышать, что это вас больше не беспокоит. Вы, должно быть, очень молоды, я предположу, лет на десять младше меня. Нет? Всего на пять? Ну, а я на десять лет старше своего мужа, но, конечно, выгляжу моложе, чем он. О, он вам понравится. Может, не сразу – так было со мной, – но потом-то точно. Его имя – Виктор Франклинович Блейкли. Не Блицкий – Блейк-сли-и-и, теперь вы поняли? Он ме-е-едленный, но с лёгким нравом. Из тех, кто всегда покупает новую машину за день до появления свежих моделей. О да, он будет с вами флиртовать. В этом он не такой уж медлительный. Но может и ударить по голове свёрнутой газетой – так бывает. Что? Нет, он не сумасшедший. Просто американец. Я рада, что у вас голубые глаза и золотые волосы. Ему это понравится. Нет, у меня самой карие, хотя иногда зелёные, а бывают, как говорят, похожи на болото. И каштановые волосы – густые и короткие. Блестящие? Да-а. Когда я их помою. Я уверена, что вы очень красивы. О, я тоже довольно хорошенькая. Мы легко узнаем друг друга на вечеринке у Андреева. Андреев? Да, он очень милый. Он приехал в эту страну десять лет назад и устроился на работу банковским курьером. Теперь он вице-президент. Нет, я бы тоже не стала класть свои деньги в его банк. Не после того, как он промотал всё состояние своего отца в Петрограде. Конечно, это крупный банк. Андреев вряд ли смог бы потратить всё, что у них в наличии. Да, мы будем приезжать поглядеться с вами, но вы так часто меняете мужей, так что как

прикажете нам запоминать ваши фамилии и где вы живёте? Будете держать нас в курсе? Отлично! А теперь дайте-ка подумать, не была ли Флегонтия Аркадьевна вашей тётей?"

Я не мог этого вынести больше ни минуты. Выбежав из дома, я протопал две мили, прежде чем вернуться. Когда я вошёл в дверь, они как раз говорили друг другу: "До свиданья". Они повторили это раз десять, и в доме снова стало тихо. Их беседа продолжалась ровно час и восемнадцать минут.

На следующий день Ирина объявила: "Я должна позвонить Соне и сказать ей, что мы всё-таки сможем навестить её сегодня вечером".

"Это та, с кем ты созванивалась вчера?"

"Да, ты меня слышал?"

"Слышал ли я тебя? – простонал я. – Я чуть не сошёл с ума. Зачем нам её навещать? О чём ещё вам разговаривать?"

"Да обо всём. Мало что можно узнать в течение нескольких минут беседы по телефону. Я скажу ей, что мы приедем. И мне действительно хотелось бы разузнать, является ли и Степанида Кириаковна её двоюродной сестрой".

Она взяла трубку, а я – свою шляпу и направился к двери. Я был абсолютно уверен, что сообщение Соне о нашем приезде целиком поглотит те крохи, что остались от угасающего светового дня, и к тому времени, когда они закончат, идти гулять будет уже слишком поздно.

Из-за совершенно необоснованного закона, прославившего имя Волстеда⁹², американцы въезжали в Канаду в количестве одиннадцати миллионов человек в год. Неудивительно, что мы должны были присоединиться к этому благородному паломничеству, дабы насладиться плодами удовольствия после года того, что моя жена называет "бум-бум", то бишь повседневной рутины американской экономической жизни. Мы решили отправиться туда на автомобиле, и Студебекер, сначала посмотрев на нас с недоумением, позже сообщил, что он мог бы проделать сей вояж без особого труда. Ведь он всё ещё был гордым парнем и "раскованность свободного хода" его младших братьев и сестёр пока что не успела превратить его в антиквариат. Составив бюджет на поездку и обложившись дорожными картами, преисполненные ожиданий, мы радостно тронулись в путь. Никто из нас никогда не был в Канаде. Жена мечтала о живописном великолепии чужой страны; я слышал о природной красоте, окружающей слово "паб". Какое же множество идей порождают эти три буквы в мозгу, перегруженном деловыми заботами. Я не из

⁹² Известный также как "сухой закон", этот акт был принят в 1919-ом году по инициативе конгрессмена из Миннесоты Эндрю Волстеда с целью принудительного проведения в жизнь положений Восемнадцатой поправки к Конституции США о мерах контроля за запретом на производство, перевозку и продажу алкоголя. Действовал вплоть до 1933-го года.

тех, кто является убеждённо "сухим". А мою жену опьяняет даже один глоток вина.

Въезжая в вечерние сумерки, мы были околдованы величием Адирондакских гор и озёр. Городок Саратога-Спрингс, через который пролегал маршрут, оказался сохранившимся нетронутым кусочком викторианской эпохи. Нам следовало заночевать в приграничном местечке Русес-Пойнт; следующий день должен был застать нас "о Кэнэда"⁹³. Хорошему ночному отдыху предстояло подготовить нас, заставив наши умы быть во всеоружии перед событиями грядущего дня. И события показали, что мы в этом определённо нуждались.

Встав рано, хорошо позавтракав, мы запрыгнули в автомобиль. Итак, где же наши острые ощущения от прохождения американской таможни? Увы! Там не обратили на нас совершенно никакого внимания. Тогда мы двинулись дальше, на ничейную территорию меж границами двух великих стран. Подъехав к очередному пропускному пункту, мы были встречены таможенниками Канады. Те были элегантно одеты, бдительны, работоспособны. Американцы же не могли похвастать ничем из упомянутых качеств. Перед нами и позади нас было много автомобилей, и седокам каждого из них приходилось отвечать на вопросы. К нам тоже приблизился приятного вида офицер.

"Вы оба американцы?" – полюбопытствовал он довольно скучающим тоном, ведь, задав этот вопрос массе людей до

⁹³ Французское "au Canada" – "в Канаде".

нас, всегда получал положительный ответ.

"Он да, а я нет", – пропищал, к моему ужасу, знакомый тоненький голос. "Я русская", – добавила супруга, буквально раздуваясь от гордости.

РУССКАЯ!!! Что за слово! Сколь подозрительные мысли оно вызывает в национальном сознании любой страны. Офицер наострил уши, как зайчик, заслышавший шаги крадущегося охотника.

"Русская. ОК. Но при этом вы натурализованная американка?"

Нет, она не натурализована. Просто русская, изгнанная из всех стран цивилизованного мира, ведь везде же заполнены квоты на ближайшие тридцать лет вперёд. Она нежеланна.

"Мне жаль, мадам, но я должен заявить на вас в полицию за попытку пересечения границы без паспорта".

"Паспорта! – в праведном гневе вскричал я. – У всех ли этих одиннадцати ежегодных миллионов имеются паспорта?" Но нет, все же они являются американцами – паспорта им совсем ни к чему.

Но русская. Как замечательно! И, судя по всему, шпионка, проникающая нелегально на британскую территорию. Какую же промашку она умудрилась допустить! Абиссинка, еврейка, китайка, малайка – всё было бы предпочтительнее, чем назвать себя русской. Итак, нас затолкали в его кабинет, арестовали, стали допрашивать, заставляя отвечать на всё, что нескончаемым потоком извергалось из его уст. По-

ка оформлялись документы на её депортацию, мы оба были вынуждены подписать такое количество формуляров, официальных бумаг, письменных показаний под присягой и прочего подобного, что я предложил изготовить печати, содержавшие наши факсимиле. Мы обменялись случаями из жизни с охранником, который должен был благополучно доставить нас обратно к границе и проследить, чтобы мы не просочились в страну. Его прощальные слова состояли в том, что нам, несомненно, не разрешат вернуться в Соединённые Штаты. Когда я спросил, куда же мы сможем отправиться, если не обратно в Америку, он пожал плечами и предложил Россию. Позже я узнал, что он имел в виду несуществующие земли, но так и не смог проникнуться его канадским юмором. Я представлял себе, как проживу остаток своих дней в межграницьи, одной ногой в Канаде, другой в Соединённых Штатах, с прижимающейся ко мне женой, боящейся, что её проткнут ножами, которыми будут тыкать преимущественно с канадской стороны, но иногда и с американской, чтобы как-то избежать однообразия.

Наконец нам разрешили вернуться туда, откуда мы прибыли. Мы снова ехали, но не по Канаде. И громадные надежды, питавшие нас утром, вечером обратились пеплом отчаяния.

Медленно двигаясь по главной дороге в Русес-Пойнт, мы притормозили у здания американской таможни. И снова были проигнорированы. Но к нам подошёл незнакомец без бей-

джа. Он сунул каждому из нас в руку по бумажке. "Ужин в хостеле ИМКА⁹⁴, один доллар", – гласила надпись на них.

"Суп, жаркое, салат и десерт – всё за один доллар, – объяснил он. – Могу я что-то ещё для вас сделать?"

"Да, – ответил я, – мы хотим поехать в Канаду, а нас не пускают".

Моя жена толкнула меня локтем. "Тсс, не рассказывай незнакомцам о нашем затруднительном положении. Вдруг нам удастся пройти таможенню и поехать домой", – прошептала она. Но он выглядел искренним.

"Не можете въехать? Ну, я знаю всех канадских чиновников – я договорюсь, чтобы вас пропустили. Кто был тот человек, что отправил вас обратно?"

Я сказал ему.

"О, с ним всё понятно – он был ранен на войне, контужен, никак не должен был получить должность таможенного инспектора. Давайте-ка назовите мне свои имена, найдите место для ночлега, насладитесь моим долларовым ужином, а к завтрашнему утру я договорюсь о встрече со старшим инспектором".

Последовала ночь слёз и страхов, что на нас, раскрывших свою ужасную тайну, теперь объявят охоту. Бедная маленькая русская, не нужная никому!

⁹⁴ По-английски YMCA ("Young Men's Christian Association") – "Ассоциация молодых христиан" – молодёжная волонтерская организация, насчитывающая около 64 миллионов членов в более чем 120 странах мира.

Утро выдалось чудесным; храбрость снова вернулась к нам. Мы опять были готовы пойти в атаку, руководствуясь опытом предыдущего дня. Краткая прогулка после завтрака целиком настроила нас на битву – лучшая половина должна была приобрести свой стандартный набор из пятидесяти открыток и пятидесяти марок, сломать три ручки, вписывая адреса, и пролить одну склянку чернил.

Мы снова двигались по главной магистрали, на этот раз тихо и пешком, чтобы наш Студебекер не намозолил глаза пограничникам. Вскоре нас остановил голос из проезжавшего автомобиля.

"Доброе утро, вы хорошо отдохнули? Вам понравился мой долларовый ужин? Я повсюду искал вас. Всё улажено. В десять часов у вас беседа со старшим инспектором на канадской таможне. И он даст вам проехать – он мой друг".

Это была отличная новость. Но вдруг у парня не всё хорошо с головой? Он, похоже, догадался, что у меня возникли на его счёт такие подозрения.

"Пойдёмте-ка в телефонную будку, – авторитетно произнёс он, припарковав свою колымагу. – Я позвоню ему и скажу, что наконец-то вас отыскал".

Похоже, всё было в порядке, и я дал ему десять долларов. Являлось ли это особым видом рэкета в Русес-Пойнт? И кем мог быть этот неофициальный посредник, который обо всём договорился?

"У вас больше не будет проблем", – заключил он, проща-

ясь с нами.

Дал ли я парню взятку, чтобы пересечь границу, или это был просто способ выразить свою благодарность?

Вновь прибыв на границу Канады, мы попросили позвать старшего инспектора. Он уже ожидал нас – приятный человек, изумительная беседа: мы пробудем у них всего две недели, жаждали увидеть нашу братскую страну и так далее. Он вручил нам записку для таможенников и выразил надежду, что нам понравится наше пребывание. Нас проводили назад к воротам. Неожиданно наш вчерашний причинитель беспокойства запрыгнул на подножку автомобиля.

"Что вы тут делаете? Опять пытаетесь прошмыгнуть?"

"У нас есть разрешение на въезд от мистера X, – с большим достоинством ответил я. – Он знает все обстоятельства".

"Но вы никогда не вернётесь в Америку. Теперь, когда вы внутри, как вы собираетесь выезжать?"

"Не волнуйтесь, мы как-нибудь разберёмся", – крикнул я через плечо, ускоряясь. Судя по тому, что мы наблюдали на американской границе, я смог бы провезти через ту таможенную весь зверинец братьев Ринглинг⁹⁵, даже не получив требования предъявить животных.

Итак, мы прорвались. Вперёд, нас ждёт Монреаль! Нет,

⁹⁵ Братья Ринглинг являлись пятью американскими братьями, превратившими свою небольшую труппу шапито в один из крупнейших цирков США в конце XIX – начале XX веков.

тпру! Прямо по курсу маячила вывеска: "ВИНА И РАЗЛИВНОЕ ПИВО". Когда мы встали под ней, моя всё ещё взъерошенная супруга пробормотала себе под нос: "И надо было тащить меня, единственную из одиннадцати миллионов человек, желавшую посмотреть на страну, чтобы кланяться каждому пабу!"

Дорога из Монреала в Квебек проходит вдоль величественной реки Святого Лаврентия⁹⁶, сыгравшей столь заметную роль в ранней истории нашего континента. Местность становится всё более и более французской, вдоль обочин появляются маленькие часовенки, люди ездят на лошадях и собачьих упряжках, атмосфера мечтательная, пусть земля и суровая из-за жёстких зим. Мы колеблемся, затем всё-таки останавливаемся, заметив гостиничку с двумя собаками, резвящимися во дворе с оленем. Владелец – француз, тут не говорят по-английски; приходится просить свой любимый эль, указав на его знак на стене позади самодельного бара. Хозяин весёлый и толстый, малоподвижный, тогда как его жена суетится, находя себе множество занятий. Мы узнаём, что олень игрив, когда тот встаёт и кладёт нам на плечи передние копыта. Его глаза, кажется, говорят мне: "Иди и выпей ещё кружечку эля". И я прислушиваюсь к его совету.

⁹⁶ Крупная водная артерия, протекающая по территории США и Канады и соединяющая Великие озёра с Атлантическим океаном. В день Святого Лаврентия в 1535-ом году французский исследователь Жак Картье дал имя этого святого заливу, в который впадает река, а позже оно распространилось и на саму реку. Та стала центром французской колонизации региона.

Но нельзя слишком долго засиживаться в этом очаровательном месте – до наступления темноты предстоит одолеть длинный путь. Видя моё весёлое настроение, супруга любезно предлагает сесть за руль, однако я непреклонен, хочу повести сам, дабы не создавалось опасности наезда на маленьких детишек, играющих на улицах придорожных деревень.

Не прошло и десяти минут, как меня попросили ехать по-медленнее.

"Всё под полным контролем", – было моим однозначным ответом.

А затем мы вошли в тот роковой поворот. Менее чем в тридцати футах спереди паслось стадо крупного рогатого скота, занявшее, по обыкновению, все мыслимые части шоссе. Ударив по тормозам и намертво вцепившись в руль, я понял, что мне остаётся лишь одно – выбрать корову, которую придётся сбить. Бедное жвачное, перелетев через капот, – ветровое стекло помешало ему приземлиться мне на колени – скатилось вниз, посмотрело на меня ошеломлённым печальным взглядом, поднялось и похромало вниз по склону. У моей жены обнаружились: содранная кожа на локте, ушиб коленной чашечки и отколовшийся уголок красивого переднего зуба. Меня защитил великий бог Бахус. Выскочив наружу, я обнаружил, что радиатор, треснув, сильно течёт, одна фара скошена набок и её стекло разбито вдребезги. Студебекер же прочирикал: "Не бери в голову, я прекрасно доберусь до Квебека".

Французский фермер – владелец скота – робко приблизился к нам.

"Спички есть?", – спросил его я, остро нуждаясь в сигарете.

"*Же нё кóмпрон па*"⁹⁷, – взволнованно промолвил он в ответ.

"*Алюмёт*"⁹⁸, – пришла на выручку моя жена.

"*О, уи*"⁹⁹, – и, прежде чем мы успели остановить его, он уже бежал к дому, находившемуся в четверти мили. Он вернулся, таща огромную коробку площадью в три квадратных фута, и торжественно вручил её мне – свой годовой запас спичек.

Я показал жестами, что заплачú за его корову, и на очень дрянном французском пытался объяснить, что мне жаль. Он, поглядев на Студебекер, немедленно прослезился – это был наилучший способ показать, что жаль и ему. Бедняга! Несомненно, это был первый автомобиль, остановившийся, чтобы с ним поговорить. После многих поклонов и загрузки спичек в салон мы попытались двинуться дальше.

Наше продвижение было медленным, ведь нам приходилось полемизировать.

"Я же просила тебя позволить мне сесть за руль. Бедная корова, она умрёт!"

"Она не умрёт. Разве ты не видела, как она встала и мед-

⁹⁷ Французское "Je ne comprend pas" – "Я не понимаю".

⁹⁸ Французское "Allumette" – "Спички".

⁹⁹ Французское "Oh, oui" – "О, да".

ленно ушла?"

"Ну, в любом случае, её молоко всегда теперь будет плохим. И ты испортил автомобиль. Нам придётся каждые полчаса останавливаться и заправлять радиатор водой".

"И что с того? Мы хорошо обучены остановкам – с тех пор как въехали в эту страну, мы паркуемся каждые три мили".

Это положило начало спору, не затихавшему до самых ворот Квебека. Мы снова развелись, и Ирина заявила о своём намерении первым же поездом отправиться в Штаты. Я молился, чтобы ни одна железнодорожная станция не попалась нам по пути – я бывал в подобных ситуациях и несколько в словах жены не сомневался.

Уже достаточно долгое время я не мог игнорировать живописную красоту мелькавших по сторонам придорожных гостиниц. Их владельцы меня очаровывали. Я представлял себя статистиком, лихорадочно ищущим всю доступную информацию для путеводителя "Все места отдыха: почему, где и зачем". День клонился к закату, мы двигались по Квебеку. Но к этому времени в салоне уже стояло молчание.

Всё впечатление от проезда по древнему городу было испорчено, поговорить было не с кем – мне объявили бойкот. Студебекер сдержал своё слово, доставив нас до места в целости и сохранности. Он остановился у обочины, справа возвышался замок Шато-Фронтенак.

Прекрасный палаццо – что может быть более идиллическим? Я поднял глаза, ожидая увидеть, как в окне башни по-

явится девушка с длинными золотистыми локонами, протянет руки и пригрозит совершить прыжок. Однако она никак не появлялась.

"На что ты смотришь?" – вдруг разомкнул губы другой обитатель передних сидений.

"На Гвиневру¹⁰⁰, в башне".

"На кого?"

"На Гвиневру".

"Ты начинаешь чудить".

"Да, наверное. Она должна быть там, наверху, но почему-то не подходит к окну. Может, с ней сейчас Ланселот?"

На лице жены выразилось ещё большее отвращение.

Мы решили поужинать в Шато.

"Ага! – воскликнул я. – Теперь мы будем есть по-средневековому. Это место располагает. Оленья нога, взамен ножей и вилок лишь пальцы, золотые кубки с вином, чтобы запивать нашу трапезу. А где же круглый стол и все мои благородные рыцари?"

Но там были обычные скатерти, неромантические маленькие столики, и большая часть этих рыцарей оказались американцами, точно такими же чокнутыми, как и тот, что явился среди них, за мгновение до этого мня себя добрым королём Артуром.

Что за въезд в волшебную страну! Моя королева со мной

¹⁰⁰ Супруга легендарного короля Артура, в которую был влюблён его лучший рыцарь Круглого стола Ланселот.

не общается, отказывается разделить изысканный ужин и стремительно исчезает, чтоб съесть сэндвич в ближайшей аптеке. Жалкое кушанье!

На следующее же утро с меня сняли бойкот, но волшебная страна испарилась. Мистер Студебекер нуждался в починке. Ведь он всё ещё протекал.

"Каким же опасным водителем ты оказался", – поприветствовал он меня.

"А ты пойди и найди себе поновее тормоза", – бросил в ответ ему я. Он ведь был нашим другом на протяжении двух долгих лет.

Гражданство

Влияние русских на Америку велико. Возможно, потому, что раньше мы многого о них не знали, ведь они стали приезжать сюда только после войны. Для нас это всегда была страна загадок, тайной полиции, многоцветных пейзажей, суеверий и неизведанных глубин. Мы знали, что это страна, которой боялась вся остальная Европа, империя с неограниченными ресурсами, великим талантом и большим невежеством. Вероятно, русские вызывают у нас интерес, так как во многом не так уж на нас и непохожи – столь же огромная держава, как наша собственная, необычайно щедрая, свободно выражающая любые мысли, революционная по духу. Они подобны детям в своём изумлении, но чрезвычайно стары в своём жизненном опыте. Однажды пообщавшись с образованным русским, вы осознаёте, что он вас пленил, и никогда уже его не забудете. Вам интересно, чем он занимается, как у него идут дела, а встретив его снова, восторгаетесь его приключениями, которые, как правило, невероятны. Он может разозлить или расстроить вас, но никогда вам не наскучит.

Один известный человек как-то спросил меня во время моей разлуки с молодой женщиной, впоследствии ставшей моей супругой: "Вы собираетесь на ней жениться?"

"Я думаю, вряд ли", – ответил я.

"Жёнитесь. Со временем вы поймёте, что просто не в со-

стоянии надолго с ней расставаться". Являясь большим знатоком России, он был совершенно прав.

Будучи сложным для постижения, русский человек всё больше захватывает вас, когда вы всё-таки начинаете его понимать. Вы спросите: "Но как его вообще можно понять? Какая основа может быть для вникания в мысли кого-то с таким темпераментом?" Ответ – это постоянное общение, эдакая "диагностика пациента".

Русскому трудно "вытаскивать себя за шиворот". Когда у него "чёрная полоса", он думает, что упал и ни за что не сможет подняться. Если же он "на взлёте", то не допускает даже мысли, что может упасть. Один из них, живя в Нью-Йорке, заработал в прошлом году 30 000 долларов, раздав потом все деньги менее везучим друзьям. Ныне он остался без цента в кармане и утверждает, что усвоил урок. Скорее всего, это не так. Другая, зарабатывая 100 долларов в месяц, содержала себя и помогала трём старым слугам, оставшимся за границей. В конце концов, убедившись, что это, вне всяких сомнений, не было оценено по достоинству (она не получила от них ни одной весточки), и нуждаясь в деньгах для создания хоть небольшого личного комфорта, она прекратила осуществление денежных переводов. Теперь у неё есть лишняя пара туфель и новое платье, но это, по её убеждению, едва ли компенсирует те жертвы, на которые она шла ради людей, в какой-то мере, как она считает, от неё зависящих.

Все они утверждают, что Петру Великому не следовало

открывать дверь западной культуре, что они восточные люди и обращены лицом на Восток. Они с гордостью называют себя великой восточной белой нацией.

Я слышал, что их религию клеймят как идолопоклонническую, догматичную и неискреннюю. Любой, кто простаивает пять часов на одном месте в русской церкви, не может являться неискренним. Я видел, как люди боролись за право попасть внутрь, когда церковь была переполнена. Скорее всего, тем клеймящим невдомёк, что русская религия соответствует по ритуалам религии Высокой Епископальной церкви¹⁰¹, равно как и то, что существует движение за объединение Греческой и Высокой церквей.

Некая молодая русская женщина в ходе нашей с ней беседы на одной из русских вечеринок попросила прощения за свой английский. Но она очень хорошо говорила, хоть и с акцентом.

"Я в Америке всего шесть недель", – объяснила она.

"Но разве вы не говорили по-английски до этого?"

"Нет, пока я сюда не приехала".

Очевидно, это является доказательством лингвистических способностей русского ума.

Русские очень легко адаптируются. Им, прибывшим в

¹⁰¹ Епископальная церковь – англиканская церковь США, входящая в состав Сообщества англиканских церквей. "Высокая церковь" – направление в англиканской церкви, тяготеющее к католицизму, сохраняющее обрядность, утверждающее авторитет духовенства, придающее большое значение церковным таинствам.

Америку в основном с очень скудными средствами, осторожно советуют устроиться на первую же попавшуюся работу. Для мужчин это обычно — мытьё автомобилей, для женщин — продажа шуб в любом из наших многочисленных универсамов. Период привыкания длится от одного до двух лет; они знакомятся с местной экономической системой, забавляются с ней как с новой игрушкой и постепенно обнаруживают, как по служебной лестнице происходит их медленный, но верный подъём.

Межнациональные браки с американцами стали довольно распространённым явлением, чего ещё не было в то время, когда общественность поразил наш странный союз. Все наши друзья столь настойчиво советовали нам не жениться, что это виделось единственным способом доказать свою независимость. Русские, что вступают в брак с американцами, без сомнения, чувствуют себя здесь счастливее, чем те, кто связывает собственную жизнь с представителем своей национальности — они быстрее приспосабливаются к нашим обычаям, у них меньше поводов обсуждать наши недостатки и особенности, а также то, "когда, если и как" они вернутся в свою страну.

В музыкальном мире они занимают уникальное положение. Наши зрители были в восторге от квартета Кедрова и ансамбля донских казаков. Мы посетили пасхальную службу в маленькой русской церкви, расположенной в бедном районе Чикаго. И там квартет Кедрова исполнял пасхальные пес-

нопения. Их благочестие было столь же смиренным, как у самого заурядного крестьянина. Похоже, их радовало и забавляло то, что церквушка была переполнена и священник решил пустить по второму кругу блюдо для сбора пожертвований, дабы удостовериться, что каждый смог внести столько, сколько хотел. Он был так взволнован, так занят, добавив эту дополнительную церемонию, что, думаю, я бы вносил и вносил свой вклад до тех пор, пока мой кошелёк бы не опустел, просто чтобы видеть его радость от, похоже, самого большого наплыва прихожан в его храме. Я имел удовольствие встретиться и поговорить с ним по окончании службы. И никогда не забуду его – длинная борода, лучистые глаза, божественный голос. То был поистине святой человек.

Приведу краткое описание того, как моя будущая жена прибыла в Соединённые Штаты. Громадный лайнер медленно причаливает после карантина. На его многочисленных палубах полно людей – одни упиваются величием силуэта нью-йоркских башен, тогда как другие снуют взад-вперёд в сумасшедшей спешке, готовясь к высадке. Буксир осторожно причаливает к борту гиганта, и несколько парней проворно карабкаются вверх по верёвочной лестнице. Они знают, что делают, бешено проносясь мимо той или иной группы пассажиров. Они набрасываются, будто стая волков, на стоящую в одиночестве невысокую фигурку, окружая её со всех сторон. Появляются блокноты, в ход идут карандаши. У неё берут интервью – как и большинство иностранцев, она сбита с тол-

ку, смущена, её забрасывают вопросами, уговаривают поведать историю, над ней потешаются. Поначалу она не понимает, кто это такие, думает, что в Америке так принято, чтобы совершенно незнакомые молодые люди окружали вновь прибывших, расспрашивая тех обо всём. А на следующий день наступает Четвёртое июля. И по всей стране фейерверки – жуткий треск взрывающегося пороха, либо острый, либо глухой, заставляет постоянно напрягаться уши. В тот же день она пишет своей сестре: "Странная страна Америка! По прибытии в порт на меня напала орда с блокнотами и карандашами, толкалась, пререкалась, заставляла говорить – сделаешь всё, что угодно, лишь бы от неё избавиться. Чудной народ американцы! Они весь день стреляют из ружей и запускают петарды. Я полагаю, со временем человек привыкает к этим кошмарным звукам, поскольку никто не обращает на грохот ни малейшего внимания. Несомненно, такова одна из причин, объясняющих их столь интенсивную активность, но это же, должно быть, сильно изматывает нервы – по крайней мере, до тех пор, пока наконец не выработаешь привычку". Замечательное знакомство со страной. Никогда не слышал, чтобы так описывали нашу манеру праздновать славное Четвёртое. Подразумевая, конечно же, что она потом стала свидетельницей нормальной американской жизни – нашего ежедневного безумия.

Моя жена долгое время балансировала на краю обрыва, который сделал бы её гражданкой Соединённых Штатов, ес-

ли бы она только решилась прыгнуть. Но "вдруг когда-нибудь она сможет вернуться в Россию, вдруг будет возврат собственности, вдруг советское правительство надумает совершить нечто такое, чего оно ещё никогда не делало" (и, в чём я вовсе не сомневаюсь, никогда не сделает).

"Ты волнуешься, когда видишь флаг, – сказал я как-то вечером после военно-морского бала, – ты пускаешь слезу, когда слышишь 'Усыпанное звёздами знамя'¹⁰², и говоришь, что никогда не захочешь жить в какой-либо другой стране. А кроме того, ты всегда указываешь мне, как голосовать. Почему бы тебе не оформить бумаги?"

"Я бы с гордостью пошла на это, – ответила она, – но что я должна делать? Как мне оформить то, что называется 'первыми документами'? Абсолютно все мои русские друзья получают их. А я жду свои каждый день, но их никак не присылают".

"Тебе не нужны 'первые документы'. Ты здесь уже больше пяти лет, и всё, что от тебя требуется, – это запросить гражданство".

Итак, после опыта, полученного в Канаде, и имея друзей, которые тайком перебрались отсюда в Англию, а потом не смогли вернуться, мы подали заявку на включение в списки претендентов.

Легко быть гражданином Америки, если ты родился здесь, поскольку всё, что тебе нужно делать, это просто ды-

¹⁰² Государственный гимн США.

шать. Однако превратить эту страну в своё законное место жительства, когда ты иностранец, – это совсем другая история. Многие из нас, появившихся в Штатах на свет, пришли бы в ужас, узнав, что верное определение "добропорядочный гражданин" означает способность ответить на все те вопросы, которые я услышал во время Ирининового экзамена. Кроме того, я понял, что всё зависит от склада ума претендента в смысле того, что именно и как много тот обязан знать об устройстве нашего государства.

После года предварительной подготовки, в ходе которой тебе предстоит доказать дружбу с бóльшим количеством друзей, чем у многих из нас когда-либо было, получить их подписи под тем, что ты должен стать желанным гражданином, и убедить Вашингтон в том, что ты не являешься помехой обществу и всегда вёл чистую и незапятнанную жизнь, ты созрел для главного сражения.

Нуждаясь в трёх свидетелях, чтобы подтвердить её личность, и не чувствуя возможности быть всеми ними в одном лице, я пригласил "посмотреть матч"¹⁰³ мою крёстную мать вместе с одним из моих самых знаменитых друзей. Мы явились ровно в 14 часов назначенного дня, уселись на почтовую скамейку и стали ждать, пока правительственные колёса будут накачаны и начнут крутиться. В тот день, когда я вывел

¹⁰³ Английская игра слов: "to watch the match" может означать как "посмотреть (спортивный) матч", так и "проследить за соответствием", то есть аналог фразы "подтвердить (что-либо)".

на арену свою цветущую партнёршу, было около пятидесяти кандидатов на высшую награду, вручаемую чужакам. После почти двух часов игры в шарады, "кофейник" и "О чём я думаю?" наконец настала наша очередь.

"Миссис Блейкли, не будете ли вы так любезны пройти сюда?" – прозвучало из открытой двери.

Мы проследовали за моей цветущей партнёршей во внутренний офис. Там нам велели оставаться за ограждением. Убедив инспектора, что я являюсь её мужем, что не привёл свидетелей с улицы и что мы все знаем её уже более пяти лет (по правде говоря, мне даже интересно, узнаем ли мы её до конца хоть когда-нибудь), я стал наслаждаться экзаменом.

"Верите ли вы в эту форму правления, болели ли когда-нибудь воспалением лёгких или желтухой, совершали ли убийства, сидели ли в тюрьме, содержались ли в сумасшедшем доме и являетесь ли анархисткой?" – спросил он Ирину, абсолютно не делая пауз.

"Да, я сидела в тюрьме", – ответила та, похоже, очень довольная, что смогла зацепиться хоть за что-то из этого потока волшебных слов.

"Где?" – явно заинтересовался инспектор.

"О, в разных местах. В общей сложности в четырёх".

"В этой стране?"

"О, нет. В России. В начале двадцатых".

Он вздохнул с облегчением: "Ну, ладно, не будем вдаваться в подробности".

Она знала, кто сейчас президент и на трёх членов кабинета министров больше, чем я, а также то, что вице-президентом является мистер Кёртис, присовокупив для пущей убедительности, что роль его официальной спутницы играет миссис Ганн¹⁰⁴.

"А сколько у нас конгрессменов?" – спросил он.

"О, должно быть, более 500".

"Верно. А как они избираются?"

"По одному от каждого штата", – торжествующе воскликнула она, но я слегка толкнул её под перилами. "Нет, по двое", – гордо поправилась она.

"Что? Пятьсот и только по двое от каждого штата? Сколько же у нас тогда штатов?"

"Сорок восемь"¹⁰⁵.

Моя бедная Ирина, как известно, слаба в арифметике. Поэтому она просто вцепилась в свои 500, 2 и 48, пытаясь свести воедино эти огромные числа путём загибания пальцев.

"Хорошо, если есть 500 конгрессменов и 48 штатов, и по 2 избираются от каждого штата, то сколько тогда сенаторов?"¹⁰⁶

¹⁰⁴ Пермелия Кёртис, известная на протяжении всей жизни как Долли и взявшая после замужества фамилию Ганн, являлась сводной сестрой Чарльза Кёртиса, избранного в 1929-ом году вице-президентом США. После смерти его жены стала играть роль его спутницы во время официальных мероприятий.

¹⁰⁵ На тот момент в число штатов не входили Аляска и Гавайи.

¹⁰⁶ Инспектор намеренно запутал Ирину. Конгресс США состоит из двух па-

"Лишь около сотни", – ответила она.

"И как они избираются?"

"От штатов", – уклонилась она.

"Как? По сколько от каждого?"

"Я думаю, трое". Я снова толкнул её. "Нет, четверо". Подсчёт на пальцах стал столь быстрым, что я решил, что она, возможно, пытается его загипнотизировать.

Отвечая на последующие вопросы, она доказала ему, что знает английское парламентское право, и теософию, и медицину, и древнеславянский язык, однако мало что – о правительстве Соединённых Штатов.

"Сколько существует ветвей власти?" – в конце концов пришил её он. "Пять". Я опять толкнул её. "Шесть. Нет, пять – это всё-таки правильно", – радостно констатировала она.

"Перечислите?" Я увидел, что инспектор действительно наслаждался своей работой.

"Есть ветвь, что правит, и ветвь, что устанавливает законы, и ветвь, что их исполняет, а также армия и военно-морской флот"¹⁰⁷.

лат: верхней (Сената) и нижней (Палаты представителей). Членов верхней – сенаторов – действительно избирают по двое от каждого штата, а нижней (которых более четырёхсот) – в зависимости от размеров штата и количества в нём избирательных округов. Хотя логически термин "конгрессмен" означает "человек из Конгресса", но применяется в основном только к членам нижней палаты.

¹⁰⁷ Власть в США разделена на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную.

Инспектор кашлянул, подавив улыбку. Она прошла испытание "*манья кум лаудэ*"¹⁰⁸, получив от всех поздравления.

"Почему ты не сказал мне, что они будут задавать все эти вопросы?" – взорвалась она, когда её вели в кабинет судьи для принесения присяги.

"Я и сам не знал, – попытался объяснить я. – Но ты справилась великолепно".

"Всё, что ты делал, – это толкал меня. Большая же помощь! Ты ничего даже не шепнул. Как я могла понять, что твои толчки означали?"

Встав перед судьёй, она принесла клятву верности. То была красивая и торжественная церемония. С поднятой правой рукой она расположилась между двух шёлковых американских знамён, обратившись лицом к портретам Вашингтона и Линкольна.

Когда всё закончилось и мы уже поворачивались, чтобы уйти, я увидел, как она деловито листает Библию, на которой только что принесла присягу.

"Что ты делаешь? Пойдём!" – прошептал я.

Но, позабыв о своём впечатляющем окружении, она взволнованно крикнула: "Иди и посмотри, что я нашла. На этой странице говорится о том, что царица Савская приехала в страну Соломона, и Соломон был рад принять её. Разве это не чудесно? Это всё про нас. Я – та царица, а ты – Соломон. И ты ведь рад, что я в вашей стране, не так ли?"

¹⁰⁸ Латинское "*magna cum laude*" – "с большим отличием".

Видя, что все улыбаются её восторгу, я насильно увел её, сказав как можно тише: "Конечно же, я рад. Мы все рады". Но одновременно думал о Соломоне и его 400 жёнах. Вероятно, он имел меньше забот со всеми ними, чем я со своей единственной русской.

Нам сказали явиться вновь спустя три месяца, когда будут готовы окончательные документы.

"Давай возьмём доску для игры в нарды", – воскликнула она, когда великий день настал.

"Нет, – сказал я, – нам не придётся в этот раз так долго ждать".

Шёл сильный дождь, и, поскольку мы ехали туда в открытом родстере, на ней была её самая старая одежда. Всего на церемонии присутствовало двести человек. Она храбро предстала пред очами федерального судьи в дождевике, га-лошах и клеёнчатой шляпке.

"Поднимите руку, – сказал тот, – и откажитесь от своего российско-го гражданства и титула".

"Почему я должна отказываться от своего титула, – услышал я её крик. – Я уже сделала это, когда выходила замуж".

"Тсс, – прошептал я с порога, откуда наблюдал за происходящим, – делай то, что тебе велят". И испытал огромное облегчение, когда она послушалась.

"Она никакая не княжна", – услышал я, как кто-то в толпе сказал своему соседу.

"Как ты это понял?"

"Глянь, как она одета".

Всё это заняло около десяти минут. По завершении она подошла ко мне и со слезами на глазах обняла. В моих тоже набухли одна или две.

"Я так счастлива, – прошептала она. – Теперь я твоя американская жена".

"Ты выглядишь точно как прежде", – это было всё, что я смог произнести, слегка улыбнувшись.

"Но, в конце концов, я навсегда останусь просто русской".

Я догадывался, что так оно и будет. Мы отпраздновали сие событие горячими пирожными и кофе в ресторане "Чайлдс" неподалёку, в то время как снаружи продолжал лить дождь, барабаня в огромное стекло рядом с нашим столиком.

Алексей Белов-Скарятин

Описанная финальная церемония имела место 26 марта 1930-го года. В газетной статье, посвящённой данному эпизоду, приводятся следующие слова, сказанные Ириной: "Плавильный котёл полностью поглотил меня. Я гражданка Соединённых Штатов и надеюсь никогда не жить в другой стране". Кроме этой цитаты, в тексте присутствует весьма ценный параграф, содержащий точный адрес "гнездышка" четы Блейкли в Филадельфии, а точнее, в её пригороде: *"Сейчас Ирина занята подготовкой к весне своего сада во дворе их коттеджа в поместье Дж. К. Стоуна 'Эджвуд' в Сент-Дэвидсе, округ Делавэр"*.

К моменту получения гражданства произошло и другое важное событие – истекли семь лет, в течение которых Ирина, согласно обещанию, данному выпустившим её за границу советским властям, не могла ни в каком виде публиковать свои воспоминания о пережитом ею во время и после Октябрьской революции. Теперь у неё были развязаны руки, и она решила сесть за перо. Заказчиками первого романа стали нью-йоркские издатели, основавшие своё дело совсем незадолго до этого, в 1929-ом году, – Джонатан Кейп и Харрисон Смит.

Писательство

Виктор Блейкли – от первого лица

Метро Нью-Йорка всегда выглядит переполненным драмами и трагедиями человеческих душ, которые оно перевозит. И не вызывает сомнений, что местные контролёры были довольны, когда в один прекрасный день разыгралась небольшая комедия, временно нарушившая рутину перемещения людей в различные пункты назначения.

Я тщательно нарисовал карту, очень внушительную, с бесчисленными деталями, чтобы жена могла без каких-либо проблем добраться от Пенсильванского вокзала до цели своей поездки. Без сомнения, в прошлом это незначительное путешествие стало бы очень трудным для приезжих, не знающих Нью-Йорка, и пусть эта история послужит мемориалом всем тем, кто, задав кучу вопросов, в итоге сел не на тот поезд и, выйдя на свет Божий, оказался в Гринвич-Виллидж или даже на Бруклинском мосту.

Моя карта включала в себя подземный переход из зала ожидания Пенсильванского вокзала через дверь с надписью "МЕТРО", один перегон до центра города, пересадку на ТАЙМС-СКВЕР и один перегон "ЧЕЛНОКОМ" до Центрального вокзала. Всё казалось предельно ясным – как можно было заблудиться? Ей следовало ехать именно на метро, поскольку моё либеральное американское образование, без-

условно, требовало указать маршрут для перемещения на самом безопасном поезде в мире. И мои детали вряд ли содержали "воду", будучи не просто указателями направления, а шагами предполагаемого алгоритма, совершаемого человеком.

Она подошла к окошку контролёра.

"На моей карте написано, что к Центральному вокзалу ведёт 'экскаватор'¹⁰⁹".

"Челнок, милочка, ЧЕЛНОК. Два пролёта вниз", – подбодрил он её, указав на лестницу.

"Этого не может быть, здесь написано 'Астория', а мне нужно попасть в отель 'Нью-Уэстон'".

"Сядьте в поезд и выйдите на следующей остановке – Центральном вокзале", – проскрежетал он.

"Верно, верно, теперь я вспомнила", – радостно воскликнула она, вдруг опять подумав о моей карте.

"Мадам, я здесь за все двадцать пять лет не ввёл никого в заблуждение. Не стоит так удивляться".

Она прибыла на Центральный вокзал, вышла из поезда и через двадцать пять минут смогла-таки выбраться на свежий воздух. Трудный подвиг был совершён.

¹⁰⁹ Английские слова "shuttle" – "челнок" и "shovel" – "лопата, экскаватор" звучат похоже. Челноком 42-ой улицы называется самая короткая из линий метрополитена Нью-Йорка, соединяющая площадь Таймс-сквер с Центральным вокзалом. Прежде она была частью более протяжённой и самой первой подземной линии, открытой в 1904-ом году.

Когда Ирина вернулась из Нью-Йорка с указаниями от своих издателей относиться к себе как к примадонне, то есть регулярно питаться, подольше спать и делать всё, что в её силах, чтобы писать, писать и писать, эти инструкции были переданы мне. Отныне я должен был отвечать на телефонные звонки, составлять от её имени письма, подбадривать её и убеждать в том, что *"Мир может закончиться"* будет завершён до того, как наступит конец мира. Мои активности в роли опекуна, фрейлины, секретаря и шеф-повара занимали все двадцать четыре часа. Я отвёз её в Вэлли-Фордж¹¹⁰, чтобы она смогла насладиться сменой обстановки в перерывах между шуршаниями пера по бумаге. Я изредка прерывал её, чтобы спросить, хорошо ли она себя чувствует и когда и что я могу для неё сделать. В конце концов не прошло и двадцати четырёх часов, как меня, обыкновенного мужчину, стали раздражать обязанности заботливой дуэньи.

В итоге я сказал ей, что и сам ухожу в затворничество, что если она может писать, то и я собираюсь делать то же самое. Сборник *"Моя русская жена"* и стал результатом этого уединения. Найдя издателя и кое-что напечатав, я был ошеломлён последовавшими за этим отзывами.

Я был порочным, жестоким, вульгарным, заурядным,

¹¹⁰ Национальный исторический парк.

юморным, талантливым и понимающим. Я был разрушителем характера персонажа, добродетелей и идеалов и вселял в сердца мужчин надежду справиться с проблемами, свойственными отношениям в браке. Одна шестидесятилетняя девственница поведала мне, сколь мало я знаю о супружестве, хотя и призналась, что сама никогда не имела подобного опыта. И что же я должен был предпринять, чтобы восстановить тот идиллический пьедестал, который возвели люди её города под моей женой? Я послал ей письмо, пообещав, что напишу ещё один рассказ, где будут вымараны все ядовитые вещи, сказанные в предыдущем. Не могла бы и она в свою очередь пообещать, что кто-нибудь это опубликует? Она не ответила.

Ночью меня разбудил голос молодой женщины, звонившей по междугороднему телефону. В её доме всё было не очень-то и хорошо. Возможно, с моими глубокими познаниями о браке и о том, как следует контролировать ситуации, я бы дал ей интервью? Я бы с удовольствием, но должен присутствовать и её муж. Вероятно, это был бы прекрасный бизнес – наставлять молодых жён, как бороться с идиосинкразиями своих мужей, – однако в нём скрывалась куча динамита. Они пришли и послушали оракула две недели назад и с тех пор жили долго и счастливо. Оба показали себя обладателями великолепного чувства юмора, но не в том, что касалось друг друга.

В послании от молодого человека из Нью-Йорка описы-

валось, как он со своей возлюбленной сидел на сорокаярдовой линии во время игры между командами армии и флота. Очевидно, эта девушка задавала те же вопросы и высказывала те же мнения, что и моя жена в похожих обстоятельствах. В дальнейшем он собирался вместо этого водить её на звуковые фильмы и спрашивал, считаю ли я, что так будет безопаснее? Ответ таков – намного; ведь во время звукового показа границы приличия требуют, чтобы дамы вели себя тихо – ну, естественно, все, кроме той, что сидит точно позади вас и всегда сводит на нет любое удовольствие, которое может нести в себе кинолента.

На званом ужине одна пожилая леди почти отказалась сидеть за столом рядом со мной. Я не стервятник, не людоед и не самец гарпии, и у меня нет ничего из того, что, как надеются в рекламе, есть у несчастных людей, но когда я узнал, что причиной тому являются мои рассказы, мне пришлось потратить весь вечер, дабы оправдаться в её глазах.

Благонамеренная пожилая дама, заинтересованная в нас обоих, попросила меня о встрече, сказав, что я пожалею, если не приду. Она показала мне два письма от своих старых закадычных подруг, где те молили Господа лишить меня жизни без покаяния. Что я собирался с этим делать? Конечно, исправить ошибочное впечатление о моём собственном творении. Как? Публичным признанием того факта, что я придумал *"Мою русскую жену"* во сне, либо что её написал какой-то большевик, либо что её публикация была оптиче-

ской иллюзией, миражом или чем-то подобным.

Итак, чтобы в будущем постараться понравиться всем, я принял решение писать свои следующие произведения на нейтральные темы, а если не получится, то называть свою супругу другими именами, чтобы никто и никогда больше не обвинил меня в слишком личном подходе к описанию брачных отношений.

Алексей Белов-Скарятин

Стоит отметить, что Виктор сдержал своё слово. В составе его рукописей, найденных в архиве библиотеки Конгресса США есть ряд замечательных рассказов, как ни коим образом не касающихся их с Ириной семьи (включая и их совместный сценарий немого фильма), так и описывающих взаимоотношения с абстрактными русскими девушками, которых зовут то Елена, то Тамара, но за которыми безошибочно угадывается его жена (я позволил себе вставить некоторые из них выше, поменяв имя обратно, – не думаю, что остались те, кто сможет на это обидеться). Более того, Виктор стал соавтором двух изданных романов-путешествий Ирины, о которых пойдёт речь чуть позже. В любом случае, сама она, имея прекрасное чувство юмора, нисколько не обижалась на содержание сборника рассказов *"Моя русская жена"*, даже представляя Виктора как его сочинителя на разных светских мероприятиях.

Первый роман Ирины *"Мир может закончиться"* вышел

из печати в конце июля 1931-го года. Права на это произведение писательница передала издателям (когда партнёрство Кейпа и Смита в 1932-ом году распалось, второй остался их владельцем, привнеся в своё новое издательство – Харрисон Смит и Роберт Хаас). Будучи очень благосклонно принят критиками (я приводил несколько фрагментов из обзоров в американских изданиях в предисловии к предыдущей книге данного цикла) и читателями, роман выдержал шесть переизданий, последнее из которых случилось в декабре 1934-го года, на волне успеха уже четвёртого романа Ирины. *"Мир может закончиться"* вызвал огромный интерес как у американских читателей, желавших разобраться в устройстве царской России, в причинах, приведших к событиям 1917-го года, и в том, что происходило и происходит в новой загадочной державе, названной СССР, так и у определённой части российских эмигрантов из числа тех, кто, несмотря на выпавшие на их долю испытания, не возненавидели свою страну и не стали красить всё, что касалось идущих в ней процессов, в угольно-чёрный цвет. В адрес Ирины от таких людей, которых судьба разбросала по многим странам Европы или же занесла, как саму Ирину, на североамериканский континент, стали приходиться благодарственные письма. Некоторые из подобных писем были найдены мной в личном архиве Ирины, переданном после её кончины в отдел специальных коллекций библиотеки университета в Принстоне. И мне хотелось бы процитировать ряд отрывков из двух пи-

сем, пришедших из Канады от некоей Екатерины Андреевны Барановской: "Милая Ирина Владимировна, только что прочла Вашу книгу и такое глубокое произвела она на меня впечатление, что захотелось Вам написать несколько слов. Мысленно пережила опять ужасные дни революции и вспоминала все подробности своей жизни при большевиках и бегство из России со своими тремя малолетними детьми. Я выехала из Новороссийска при помощи англичан вместе с Любой Оболенской и Машенькой Трубецкой с их детьми и с Вашей кузиной княжной Кантакузиной-Сперанской, и вскорости мы все жили на Prinkipo (один из греческих островов, где поначалу размещались эмигранты – А.Б.-С.), пока не удалось выбраться в Англию, к своей матери. Муж мой, Юрий Барановский, и брат мой, Борис Чичерин, сражались в армии Врангеля, и последний, который был принят в Кавалергардский полк, знал Вашего брата. Десять кошмарных месяцев провела при большевиках в Чернигове, куда мы бежали из своего имения, и там часто видела и навеждала Вашу тётушку, княгиню Паскевич, которой я носила соль и спички, которые мне удавалось доставать. Ужасно было в её возрасте переживать это время, и я часто удивлялась её мужеству. Моя тётя, Александра Николаевна Нарышкина (статс-дама), которую Вы, вероятно, знали, 83-х лет была убита большевиками в Тамбове.

Я была в Петрограде на многих вечерах, которые Вы описываете, между прочим, у графини Betsy Шуваловой, кото-

рая была племянницей моего дяди Нарышкина, и я хорошо помню Вас, Настеньку Гендрикову и других Ваших друзей. Сестёр Шнейдер я также знала хорошо, так как они проводили лето у моей тётки Чичериной, урождённой графини Капнист ...

Прожив шесть лет в Англии (в Canterbury), мы переехали в Канаду, где уже был мой брат, и тут купили себе ферму, на которой работаем и живём вот уже шестой год. С большой семьёй (у нас трое мальчиков и две девочки) это было единственным выходом, и мы не жалеем, что переехали, так как любим деревню, успешно ведём хозяйство и чувствуем себя *independent* (независимыми – А.Б.-С.) ...

Тут мы ведём жизнь трудовую, то есть всю работу на ферме делаем сами и летом работаем 16 часов в сутки. Но после всего пережитого такое счастье иметь 'a home' (дом – А.Б.-С.), что я благодарю судьбу, что поселились тут. Для детей атмосфера такая здоровая, все они такие весёлые и цветущие, что работа не пугает. У нас даже наша русская няня, прожившая с нами 17 лет, что для меня – большая помощь ...

Мой муж просит Вам передать своё почтение и то удовольствие, которое он испытал при чтении Вашей книги ...
Ваша книга и на него произвела глубокое впечатление.

Вам может быть интересно знать, что 'The Women's University Club' в Winnipeg ('Университетский женский клуб' в канадском городе Виннипег – А.Б.-С.) пригласил меня вы-

ступить публично с докладом о Вашей книге и о России до революции. Я ненавижу выступать публично, но согласилась, так как мне хотелось распространить Вашу книгу и сообщить о появлении новой Вашей книги 'A World Begins'. У людей здесь такая каша в голове от всех большей частью отвратительных статей о России, что мне хотелось хоть немного им открыть глаза и поговорить о прошлом России ...

Все члены клуба Вашу книгу прочитали и многие мне сказали, что перечитали по два раза и проливали над нею слёзы ... В газетах на следующий день расхвалили мою речь и Вашу книгу ..."

Вдохновившись таким успехом и желанием многих общественных и учебных учреждений организовать встречу, Ирина отправилась в свой первый автомобильный тур по США с лекцией под названием "Россия, старая и новая". Вот как было её краткое описание языком газет: *"Пойманная между двумя мирами, старой Россией и Америкой, Ирина Скарятина, бывшая графиня и фрейлина русской царицы, оглядывается назад на те дни, когда она была приговорена к смерти как аристократка, и смотрит вперёд на новую жизнь для России".* В течение лекции она высказывает поистине замечательные мысли, временами обескураживающие слушателей: *"Россия и Америка сблизятся политически благодаря своим экономическим связям (на тот момент между странами ещё не произошло установление дипломатиче-*

ских отношений по причине непризнания легитимности советской власти со стороны правительства Америки – А.Б.-С.) ... *Величие России не будет достигнуто, пока крестьянство не получит достойное место во власти. Миллионы человек ещё не сказали своего слова. Крестьяне должны подняться до возможности самовыражения путём интеллектуальной, мирной эволюции. Они обладают сильным интеллектуальным потенциалом, и всеобщее образование нынешнего поколения ознаменует перемены в устройстве российского государства".*

И именно тогда в ответ на упрёки в её терпимости к происходящему в СССР после всего, что пришлось пережить, после потери всего имущества и трагической смерти родителей из её уст слышатся две бесподобные фразы, которые я уже цитировал в прошлой книге: *"Можно ли злиться на этап истории? Там всё та же земля, то же небо и те же люди"*.

Убедившись в писательском и ораторском талантах Ирины, а также в формировании достаточно обширного сообщества её поклонников, уже имевший деловые разногласия с Джонатаном Кейпом Харрисон Смит самолично заказывает Ирине написание романа-продолжения под названием *"Мир начинается"*, и уже в начале апреля 1932-го года тот появляется на полках книжных магазинов. Ведь в лучших традициях "сериального подхода" первый её роман обрывался на цепляющем "моменте-крючке", когда Патриарх, заключён-

ный большевиками в Донском монастыре, благословлял её на отъезд из России, и поклонники, очевидно, просто обязаны были ждать рассказа о том, как ей в итоге удалось пересечь границу, каков был её путь, закончившийся в Америке, и через что пришлось пройти, чтобы состояться в роли писательницы и жены американца. И расчёт оказался верным – второе произведение повторило успех изначального и критики были за редким исключением единодушны в своих положительных оценках (яркие фрагменты из их обзоров приведены мной в предисловии к этой книге).

В последовавшем за публикацией *"Мир начинается"* новом турне с проведением лекций, интервью и раздачей автографов Ирину уже встречали как состоявшегося мастера. Вот лишь несколько забавных отрывков из газетных заметок о таких встречах:

"Русская графиня, чьи родители были убиты большевиками и сама избежавшая смертного приговора благодаря ходатайствам американских гуманитарных работников в России, но всё-таки не питающая неприязни к коммунистам, сегодня утром провела несколько часов в Ноксвилле. То была Ирина Владимировна Келлер-Скарятина, нынче просто миссис Виктор Блейкли из Филадельфии, автор двух книг и лектор. С ней был её муж.

Они остановились здесь по пути в Нэшвилл, где графиня завтра выступит перед девушками из прихода Белмонт. Это будет её третья поездка в Нэшвилл. Пара вернётся

в Ноксвилл в следующий понедельник, и графиня надеется, что у неё будет возможность прочитать лекцию и здесь ...

Миссис Блейкли – это обращение, похоже, подходит ей больше, поскольку она чрезвычайно дружелюбна и демократична и в ней нет даже намёка на превосходство или отстранённость – прибыла в офис 'Ньюс Сентинел' со своим мужем и миссис Люси Темплтон. Она была просто в восторге от отзыва миссис Темплтон о её последней книге, напечатанного в книжной колонке в прошлое воскресенье.

Её очень интересовал отдел новостей и работающие в нём мужчины. Её удивили там две вещи: тот факт, что комната не была завалена бумагами, и тот, что репортёры не клали ноги на стол. Касаемо первого, её интервьюер напомнил ей, что ещё рано, но к 4 часам дня этаж станет уже не таким быстрым в подаче информации.

Что поразило её ещё больше, так это сравнительная молодость всех сотрудников офиса, начиная с редактора и ниже. 'У вас, похоже, совсем нет здесь старых бабуинов', – сказала она, и стало ясно, что она видела пьесу или фильм 'Пять последних звёзд'¹¹¹. Она привлекательна, обаятельна и легка в общении.

В отличие от большинства белых русских, она не захотела подробно останавливаться на зверствах, которые сопро-

¹¹¹ Американская драма 1931-го года о бесчеловечности и безнравственности жёлтой прессы, погубившей в погоне за сенсацией нормальную, счастливую семью.

возждали русскую революцию и последовали за ней. Её больше интересовало будущее России.

Она принадлежала к ультра-имперскому сословию, и её родители не могли видеть ничего дальше своего небольшого класса – дворянства. Но она поступила на медицинские курсы, и, находясь там, 'узнала кое-что о других людях'. Более того, она начала им сочувствовать.

'Старая Россия должна была уйти, – сказала она. – Царизм стал анахронизмом и был обречён на смерть. Его уход был просто этапом истории. Царизм правил Россией – и подчас неправильно – в течение тысячи лет, и его полезности пришёл конец'.

Что касается коммунистов, которые сейчас находятся у власти, то она не испытывает к ним никакой злобы. 'Они причинили и много вреда, и много пользы, – сказала она. – Польза, например, включает в себя просвещение масс, чего никогда не предпринимали цари. Но это пока тоже классовое правление, как и при царях, а то, чему я желаю когда-нибудь стать свидетелем, – это правление народа целиком. Дворянство составляло очень малую часть населения России; коммунисты также представляют довольно малую группу – скажем, 2 500 000 человек; но в России насчитывается 160 000 000, голоса большинства которых пока никто не слышал"'. (Ноксвилл Ньюс Сентинел, 28/04/1932)

"Нэшвилл, где она дебютировала в литературе, остаёт-

ся её первой и самой большой любовью. Ирина Скарятина – очаровательная русская писательница, чей 'Мир может закончиться' вышел уже в пятом издании и чей совершенно новый 'Мир начинается' обещает иметь такой же успех, – заявила об этом в пятницу утром, во время своего третьего визита в этот город.

Писательницу, которая выступала сегодня в часовне Уорда-Белмонта и будет раздавать автографы на своей новой книге в книжном магазине 'Стоукс и Стокелл' в пятницу и субботу днём, сопровождает в этом визите её муж, Виктор Блейкли. Мистер и миссис Блейкли совершили поездку из своего дома в Пенсильвании на автомобиле – этот способ передвижения они выбрали для всего дальнейшего автографического вояжа.

Жизнерадостная и чудная бывшая графиня Келлер с энтузиазмом рассказывала о своих планах на ближайшие годы – планах, которые включают поездку в Россию этим летом, обширные лекционные туры и ещё большие литературного труда. Сильнее всего она жаждет возвращения в Россию – страну, где она родилась и которая, как она заявляет, всегда остаётся той же Россией, независимо от того, кто ею управляет ... 'Я вернусь туда как гражданка Америки. Российские власти, судя по всему, считают, что я была честна в своих писаниях, и мы не ожидаем никаких трудностей с оформлением виз', – поделилась она, признавшись, что надеется изложить свои впечатления в следующей книге ... 'Ни-

кто не может помешать будущему России быть великим', – заявила она ...

Когда общаешься с Ириной Скарятинной, всегда возникает ощущение, что перед тобой человек, который не может наслабоваться на жизнь вдоволь, который проживает её более полно, чем другие, и который находит настоящую романтику в событиях, что кажутся большинству людей само собой разумеющимися. Будто новый мир, который начался для неё, принёс ей нечто столь чудесное, что все серые и обыденные вещи были полностью забыты ...

'Мир может закончиться' уже опубликован на шрифте Брайля для слепых и получил хорошие отзывы в Англии, Канаде и Австралии ...

После своего возвращения из России она планирует всю зиму читать лекции. А начиная с 1 октября 1933-го года, она отправится в восьмимесячное турне по всей Америке. И это не считая выступлений по радио, которые она будет делать в промежутках. 'Я произнесла по радио уже четыре речи. Я имею в виду, что просто вела рассказ. Мне это нравится. Мой муж тоже выступил там, дав рецензию на мою новую книгу"'. (Кристин Сэдлер, Нэшвилл Баннер, 29/04/1932)

"Для Ирины Скарятинной 'мир закончился'. Но вчера утром, когда она без предупреждения ворвалась в книжный магазин в здании 'Фидэлити Бэнкерс', ей не нужно было вы-

ражать словами, что её мир начался заново.

"Это вы, моя русская графиня?" – воскликнула миссис Бет Морган.

"Нет, не я! Я Ирина Блейкли, и я настолько американка, что вам, возможно, причинят боль мои энтузиазм и рвение новообращённой'.

Она рассмеялась, протянув обе руки, и в её карих глазах плясали чёртики. В своём коричневом каракулевом пальто и облегающей коричневой шляпке она напоминала весёлую птичку – но птичку, не боящуюся в одиночку противостоять штормам и ураганам. Ибо при всей её весёлости, живости и жизнерадостности было нечто бесстрашное в этой маленькой женщине, которая была вынуждена рухнуть с высот очаровательной старой России в глубины социально-го и экономического упадка, затем пробив себе путь как к социальной, так и к экономической независимости в Америке". (Ноксвилл Джорнал, 29/04/1932)

"Если все русские графини похожи на Ирину Скарятину, то какую же ужасную ошибку совершило советское правительство! После вчерашней встречи с ней в книжном магазине миссис Бет Морган и прослушивания её лекции у Эндрю Джонсона кажется немислимым, что её могли так мало ценить в её родной России, вынудив бежать.

В миссис Блейкли, разумеется, течёт 'голубая кровь', а сравнительно молодая Америка привыкла смотреть на та-

ких особ с чем-то сродни благоговению. И всё же, после того как с ней немного поговоришь, тот факт, что она аристократка, вскоре затмевается её изумительной личностью.

Почти два часа миссис Блейкли оставалась в книжном магазине миссис Морган, раздавая автографы на книгах восхищённым жителям Ноксвилла. Однако для тех, кому не хватило печатных экземпляров, она столь же охотно подписывала открытки. Каждого подошедшего она приветствовала с такой любезностью и очевидной искренностью, что тот не спешил отходить.

'Задавайте интересующие вас вопросы, – предложила она, нанося помаду и пудру, а потом добавив. – Видите, я посвящаю вас даже в секреты своего макияжа'.

Однако пытаться хоть ненадолго завладеть графиней Ириной было невыполнимой задачей. Ей приходилось порхать, знакомясь с новыми людьми и раздавая автографы, пока не стало очевидно, что гораздо более простым планом ведения интервью будет следовать за ней и слушать.

Когда Джон Денкевиц, работающий здесь в компании 'Гудолл', забрёл в магазин, это стало настоящим представлением. Денкевиц немедленно обратился к графине по-русски. С криком восторга она ответила, и русские слова посыпались быстро и густо. Оба, казалось, были настолько поглощены беседой, что никто из них даже не заметил, что другие разговоры практически прекратились. Когда Денкевиц собрался уходить, графиня, сказав: 'Это будет потря-

сающе!" – и обняв его, на прощание поцеловала. Тот же с сияющими глазами приложился к её маленькой ручке. 'Это первый раз, когда я вижу настоящую русскую с тех пор, как 27 лет назад приехал в Америку, – поделился со мной он. – Раньше я служил в российской армии. Я знал её отца' ...

Графиня Ирина – это сгусток энергии. Она находит возможность одновременно делать очень много всего, вероятно, потому, что, по её словам, 'боится пробудиться и обнаружить, что жила во сне'. Её хобби – это писать в дневник и гулять. Других у неё нет. 'Бейсбольные матчи? Я на них засыпаю', – говорит она. И никогда не посещала игры в американский футбол. Что же касается любимого вида спорта россиян, то она заявляет, что его у них нет. 'Я считаю, что в России было бы намного лучше, имей та атлетические игры', – делится она.

По её мнению, американские города отличаются от российских тем, что в них гораздо больше суеты и активности. На вопрос, не кажется ли ей, что американцы более наивны, чем жители старых стран, она ответила: 'Да, но в очаровательном смысле, и я не имею в виду, что они не столь ярки интеллектуально. В них нет ощущения пресыщенности'.

'Крестьянский класс обладает очень высоким уровнем интеллекта. Скоро они научатся быть врачами, юристами и специалистами других профессий, добившись успеха для новой России', – считает она. Однако она не стала предсказывать, что коммунисты останутся во главе российско-

го государства, скорее предполагая, что Россия, как только встанет на ноги, примет некую форму демократического правления.

Она указала на магазинном глобусе примерное местонахождение бывшего родового поместья, летней усадьбы и ещё одной любимой точки на южном побережье. И всё же, когда графиня оглядывается назад на роскошь, в которой когда-то жила, она, похоже, не испытывает ожесточения по отношению к соотечественникам, навсегда отнявшим у неё всё это ... Она поведала, что принадлежавшие её семье угодья занимали 200 000 акров земли. 'Юг Америки во многом напоминает мне Россию. Можно ехать и ехать много миль точно так же, как мы делали это в нашем поместье. Я люблю Юг. Но я так же слышала истории о Юге, когда там были рабы. У нас тоже было много крепостных. Они были преданы моим родителям, и после революции многие из них приглашали меня их навестить. Старые крестьяне не заинтересованы в новой России. Они живут в своих маленьких деревенских избах, медленно умирая от отчаяния. Они отказываются приспособливаться к новому порядку. Молодые люди – вот те, кто заинтересован' ...

Что касается атеизма, к которому сегодня приучают Россию, миссис Блейкли убеждена, что рано или поздно там снова установится религия. 'Россия восторжествует, – уверенно промолвила она. – Невозможно подавлять 160 миллионов человек'.

И позже, после знакомства с графиней Ириной Владимировной Келлер-Скарятиной, просто нельзя не испытывать надежду, что её Россия, которую она планирует посетить этим летом, обязательно восторжествует. Если ни для чего другого, то хотя бы ради неё". (Герберт Бэрриер мл., Ноксвилл Джорнал, 03/05/1932)

И в том году супруги Блейкли смогли посетить СССР – правда, не летом, а поздней осенью, – а в сентябре следующего свет увидела третья Ирина книга *"Первая на возвращение"* (*"First to Go Back"*), которая стала в США абсолютным бестселлером, ведь в ней описывалось поистине захватывающее турне и был дан всесторонний обзор происходившего на просторах страны, столь малоизвестной для американского читателя. Созданная незадолго до этого основная туристическая компания Советского Союза "Интурист" (в главном вычислительном центре которой и я имел честь поработать 60 лет спустя – на излёте советских времён) не только предлагала заграничным гостям predetermined маршруты с фиксированным графиком пребывания в различных точках, но и давала им возможность самостоятельно построить план своих передвижений и культурной программы с посещением по желанию практически любых без исключения мест их интереса в дополнение к музеям и театрам (фабрик и заводов, рабочих городков и общежитий, дворцов культуры и клубов, колхозов и совхозов, судебных учреждений и даже тюрем)

для ознакомления с состоянием дел и бытом людей в молодой советской республике, восстанавливавшейся после разрухи и голода. Ирина и Виктор, естественно, воспользовались вторым предложением. Предпринятый ими вояж впечатлит любого, даже самого заядлого путешественника, поскольку после пересечения бурной Атлантики на океанском лайнере до германского порта в нём были: и переезд поездом через Прибалтику в Ленинград, где они провели незабываемую неделю; и перемещение в Москву с посещением грандиозного парада на Красной площади, устроенного в честь 15-летия революции; и комфортабельная железнодорожная поездка до Ростова-на-Дону через родные сердцу Ирины места Орловщины и восточной Украины; и некомфортный переезд местным поездом до Владикавказа; и очень рискованный автомобильный бросок по Военно-Грузинской дороге до Тифлиса за день до закрытия перевала из-за снегопада; и ужасающая поездка в промёрзшем вагоне до Батума; и морской круиз на перегруженном пароходе вдоль северокавказского и крымского побережий Чёрного моря до Ялты; и очередной горный бросок на автомобиле – на это раз в Севастополь; и железнодорожная поездка до Днепростроя, потом Харькова и наконец Киева; и отъезд со всевозможными курьёзными происшествиями из СССР через польскую границу.

Поскольку я планирую в обозримом будущем перевести и издать эту книгу, в которой Виктор тоже выступил автором нескольких очень важных кусков, я не хочу приводить сей-

час фрагменты рецензий, сохраняя их для своего послесловия, однако всё же дам несколько цитат репортёров и самой Ирины из американских газетных заметок незадолго до отъезда четы Блейкси и сразу же после их возвращения. В уже упомянутом чуть выше *Нэшвилл Баннере* было напечатано 22 сентября: *"Первая виза, выданная представителю русской аристократии нынешним советским режимом, ушла лектору и писателю Ирине Скарятинной. Информация получена от неё самой миссис Элси Уоррен Стоукс из книжного магазина 'Стоукс и Стокелл' ... Она отбывает из страны в субботу ... Согласно словам миссис Стоукс, после возвращения она первым делом объявится в Нэшвилле", – а 18 декабря: "Её первая лекция по прибытии в эту страну состоится 13 января под совместной эгидой отдела искусств Юниорской лиги и книжного магазина 'Стоукс и Стокелл' ... Её сообщение миссис Стоукс гласит: 'Мы благополучно выбрались и прекрасно провели время. Есть о чём написать и поговорить. Мы отдыхаем в Вене и рассчитываем отплыть семнадцатого числа на лайнере «Европа». Не могла писать из России – была занята каждую минуту"*.

В своих первых январских интервью Ирина говорит следующее: *"Это похоже на Создание Мира, на новую Россию, которая рождается из хаоса. Сделано много хорошего. Есть и плохое. Но то, что они совершили за последние 10 лет, просто поразительно ... Во время моей поездки туда в ноябре и декабре прошлого года мне оказали всяческое го-*

степриимство. Я провела 35 приятных дней, навещая свою старую служанку, посещая прежний дом и могилу отца и уделяя большую часть своего внимания изучению этой России ... Условия всё ещё примитивны, однако разруху начинает сменять порядок. Я считаю, что новые власти успешно преодолели поворотную точку ... Прежде всего, у народа есть надежда – надежда, которой раньше никогда не существовало. Людей учат основам культуры. Школы есть везде, они открыты для всех и их посещение обязательно. Есть и детские сады. А образовательная система включает в себя также профучилища и институты, где расходы студентов покрываются государством ... Во время моего пребывания меня сопровождала девушка-гид и я ходила абсолютно везде, где хотела, свободно общаясь со всеми слоями населения, но следующим летом хотелось бы посетить несколько деревень. Все выглядели бедными и потрёпанными, но безработицы я не увидела. Каждый имеет какую-то работу. Я не знаю, насколько счастлив российский народ, но он проявил интерес, а в некоторых случаях и энтузиазм по отношению к своему правительству ... Вчерашние дворцы поддерживаются властями в идеальном состоянии и используются как музеи и театры для народа ... Сегодняшняя Россия – страна ожиданий и прогресса. Главным достижением пятилетнего плана является то, что он заложил основу для индустриализации. Рабочие чувствуют себя совладельцами страны. Когда их спрашивают, хотели бы они вернуться к старому

режиму, они решительно кричат: 'Нет'".

По воспоминаниям беседовавших с ней репортёров, во время интервью она была одета очень просто: в зелёное шерстяное платье, чёрный тюрбан и коричневое меховое пальто. Будучи дамой средних лет (а в те дни ей уже шёл 45-й год), она, по их мнению, выглядела много моложе, покоряя собеседника живыми карими очами и приветливой улыбкой. Она со спокойствием воспринимала то, что некие люди обвиняли её в "восхвалении СССР", говоря на это, что просто констатирует увиденное своими глазами – как хорошее, так и плохое – и не хочет принимать чью-либо сторону.

Напоследок стоит отметить, что, начиная с этого произведения, Ирина стала постоянно пользоваться услугами другого издательства – "Боббс и Меррилл" из Индианаполиса, – а также регистрировать авторские права на собственное имя.

Параллельно с созданием третьего романа и лекционными турне, имевшими место и до, и после его публикации, Ирина всё больше сил прилагала для того, чтобы наконец произошло официальное признание СССР со стороны властей США и установление между державами дипломатических отношений. Она не только постоянно упоминала об этом во время своих выступлений, призывая аудиторию составлять петиции в адрес Госдепартамента в пользу такого решения, но и сама подписывала их в числе сотен видных деятелей американской культуры. Из одной её цитаты становится понятно, сколь важным она считала это в условиях "Великой депрессии" в США – полного обвала финансовой системы и бизнеса, вылившегося в массовую безработицу и даже голод – и нестабильности в мире – Гитлер уже выиграл выборы в Германии, Япония завершала завоевание Маньчжурии, шли сражения в Латинской Америке: *"Я думаю, что для Соединённых Штатов было бы замечательно признать Россию на благо обеих стран и не только с точки зрения увеличения числа рабочих мест, которые были бы предоставлены безработным, но и как мера установления мира. Я испытываю огромное восхищение Максимом Литвиновым – министром*

иностранных дел новой страны". Её отношение к Литвинову легко понять, ведь именно он распорядился дать ей визу в СССР после её личного письма ему, вызванного отчаянием из-за невозможности добиться этого другими официальными путями.

Как известно, по прошествии 16-ти лет после Октябрьской революции то, о чём мечтали Ирина и многие представители обеих стран, в конце концов свершилось в ноябре 1933-го года как результат огромных усилий Литвинова при поддержке "всесоюзного старосты" Калинина со стороны СССР и нового президента США Рузвельта вместе с главой Госдепартамента Халлом. И при установлении дипломатических отношений в собственность советского правительства под устройство там посольства было передано построенное в 1910-ом году здание, известное как "Дом Джорджа Пульмана" и расположенное по следующему адресу: округ Колумбия, город Вашингтон, 16-я улица, дом 1125 (а начиная с 1994-го года используемое не в роли посольства, а как резиденция российского посла). Сразу после обустройства интерьера здания под нужды дипломатического персонала (внутри он был разбит перегородками под офисы, большинство комнат и залов использовались как служебные помещения, однако золотое убранство большого зала было сохранено "вплоть до последнего волоска последнего купидона" и впоследствии несколько раз обновлялось) в нём было решено провести грандиозный приём для широкого круга

гостей, в числе которых оказались и супруги Блейкли. Но об этом лучше расскажет сам Виктор.

Виктор Блейкли – от первого лица (рассказ "Большевики закатывают вечеринку")

"Отвезите нас в российское посольство", – кричу я таксисту, чопорно и натянуто усаживаясь рядом с женой. Чопорно, потому что я одет во всё самое лучшее, что имею, а натянуто, поскольку моя парадная рубашка упорно толкает высокий воротник чуть ближе к ушам. Белый шёлковый шарф, моя радость и гордость, тоже лезет вверх, опасно приближаясь к отметке, когда он ухудшит мой обзор.

Я выглядываю из салона, удивляясь, почему мы ещё не тронулись. Но водитель всё так же стоит на обочине, печально уставившись на нас через дверной проём, – ошеломлённый.

"Ну, я думал, что знаю всё ..." – начал он.

"Но вы не имеете понятия, где находится советское посольство, – закончил за него я. – Ну, это на 16-й улице, где-то на 16-й улице, недалеко от Р или Z¹¹², я забыл". Мой голос резко обрывается, так как сказанное должно походить на важный приказ. Я стараюсь вести себя высокомерно, поскольку десять лет назад, когда часто бывал в Вашингто-

¹¹² Улицы в этом районе Вашингтона, идущие с юга на север, обозначаются числами, а с востока на запад – буквами латинского алфавита. На самом деле, искомое здание расположено в квартале между улицами L и M.

не, всё для меня (что состояло в основном из дебютанток) вращалось вокруг 16-й улицы. Теперь, когда мы поехали, я осмеливаюсь взглянуть на свою супругу.

"Разве я не потрясающе смотрюсь в этой новенькой кроличьей шубке и диадеме с бриллиантами?" – вопрошает она.

"Великолепно", – восхищённо восклицаю я, превосходя самого себя, хотя и хорошо понимаю, что "прелестно" было бы чуть более правильным термином.

"А ты уверен, что это на 16-й улице?" – продолжает она.

Я понимал, что так и будет, но из своего долгого опыта также знал, что мужьям полезно всегда и во всём быть уверенными. Итак, я отвечаю: "Ну, это недалеко отсюда, он найдёт. Огни, толпа, цилиндры, драгоценности – всё будет сверкать, так что он не сможет пропустить".

Но он пропускает, и по прибытии на улицу Z авто замедляет ход.

"Спросите копа", – сухо предлагаю я, наклоняясь вперёд на свою командирскую позицию. "Ты что, не можешь сказать 'полицейского'?" – увещевает Ирина.

Но полицейских вокруг не наблюдается.

"Они, наверное, все дежурят у посольства, чтобы отбирать у входящих большевиков их бомбы", – делаю предположение я.

Такси останавливается и наш водитель выходит, пока мы ёрзаем на заднем сиденье. "Мне придётся позвонить в офис, – сообщает нам он, – там будут знать, где находится это место".

Что ж, мы отдыхаем на улице Z, ожидая его возвращения. "Ты тоже выглядишь мило, – замечает Ирина, пытаясь меня подбодрить. – И просто поразительно, как хорошо ты знаешь Вашингтон", – всё портя, добавляет она.

"Конечно, я выгляжу мило, – рычу я. – После всего того времени, что я потратил на одевание, я просто обязан выгля-

деть мило – чертовски мило”.

Наш водитель приходит назад. Он усаживается на своё место так, словно уверен в нашем будущем. "И в офисе тоже не знают, где это", – бросает он через плечо, когда мы снова трогаемся в путь.

"Ну, мы же сейчас уже за городом, – восклицает Ирина. – Скажи ему, чтобы он развернулся, может быть, на обратном пути ты вспомнишь ещё какую-то улицу”.

Однако прежде чем я успеваю сказать "развернитесь", он уже делает это, и через несколько минут мы, заметив полицейского, останавливаемся рядом с ним, перекрыв движение на перекрёстке четырёх улиц, что возможно только в Вашингтоне.

"Где российское посольство?" – кричу я в окно.

"Такого нет", – бросает он в ответ. Но, будучи заботливым, пытается начать объяснять.

"Такое точно есть", – вмешивается Ирина.

"Нет, мадам, я прошу меня простить, но, видите ли, в далёком 1917-ом году случилась революция ..." Наш водитель трогается с места.

Становится поздно, а мы, во-первых, уже явно не успеваем к назначенному часу, и начинает казаться, что мы вообще можем пропустить эту вечеринку.

"Больше не тормозите, просто продолжайте движение", – кричит Ирина водителю, что кажется достаточно разумным.

Но вдруг я замечаю трёх таксистов, которые, развалив-

шлись в полумраке угла и болтая друг с другом, наблюдают за своими кэбами, и даю указание остановиться рядом.

"Где российское посольство?" – подражая мне, кричит наш водитель.

Те изумлённо пялятся друг на друга. "Где это, Билл? – говорит один. – Не хочешь ли ты сказать, что постоянно возишь свою задницу и не знаешь?"

"Ну, а что это за штука, в которой ты сам сидишь целый день?" – таков ответ.

"Пойди и спроси Гарри, – говорит третий, – он должен знать. Он в отеле. Ждёт ту толстую леди со вздёрнутым носом".

И, пока наш водитель исчезает в здании, троица возобновляет обсуждение.

"Нет никакого российского посольства, но есть французское и немецкое ..."

"И итальянское, и китайское ..."

"У британцев тоже есть, не забывайте". И когда наш водитель возвращается, он объявляет, что это недалеко от отеля "Мартиника".

"Я подумал, что это недалеко от 'Мартиники', но не был ..."

"Разумеется, это там, рядом с 'Мартиникой'".

И когда мы уже мчимся вперёд, прибавляя скорость, Ирина восклицает: "Оно обязано быть рядом с 'Мартиникой'", – что ставит жирную точку.

Подъехав к "Мартинике", мы видим людей, толпящихся вдоль улицы, навесы, натянутые от самого бордюра, и входящих гостей, лавирующих меж фонарей и газетчиков. Последние делают снимки пассажиров в едущих впереди такси. Секретарь чего-то там сбежал, не заплатив за проезд. А когда вернулся, ищeyки новостей взяли его с поличным.

"Я полагаю, сей конфуз расползётся в утренних выпусках", – говорю я Ирине, тут же вспомнив, что должен заплатить и сам.

"Ну, только не урони шляпу и не споткнись, а то тебя примут за какого-нибудь миллионера", – предупредила она.

У устланного ковром входа мы встречаем выходящими двух сенаторов, конгрессмена и трёх иностранных дипломатов.

"Это, должно быть, Бора", – восклицает кто-то в толпе.

"Нет, это Робинсон".

"Какой Робинсон?"

"Из Иллинойса".

"А сколько их вообще?"

Мы проходим внутрь. Охранник у двери пытается отыскать наши имена в списке гостей. Тех всего тысяча, и, поскольку русский алфавит не похож на наш, ему, разумеется, не удаётся. Но потом я вижу, что список всё-таки на английском, и не могу найти тоже. Я прикладываю все силы, чтобы объяснить, и мы проносимся дальше. Шотландец берёт у меня пальто, англичанин – шляпу, русский выдаёт на это чек.

Я жду Ирину в нижнем вестибюле – она должна в течение часа выйти из дамской комнаты.

Со всех сторон меня огибают входящие и выходящие персоны, чьи лица мне знакомы. Я изумлён. Прежде чем я успеваю решить, кто это – председатель ГКОП или АОР¹¹³, или старший сенатор от Айовы, или посол Греции, – мимо проходит член кабинета министров. Так случилось, что это женщина, и она выглядит способной выполнять свою работу. Дамы в костюмах – японская делегация – счастливо улыбаются друг другу. И я уверен, что вот эти люди – турецкий посол и его супруга.

Ирина присоединяется ко мне, и мы восходим по красной лестнице. Я ещё не заметил портретов ни Ленина, ни Калинина, ни Литвинова, но на верхних ступеньках кто-то уже спрашивает моё имя. Не рановато ли – неужели мы уже добрались? Да, вот и госпожа Трояновская¹¹⁴, улыбающаяся, грациозная, в отменном наряде. А рядом с ней посол СССР без бороды, кинжала, абордажной сабли и слоняющихся поблизости автоматчиков. Он так же любезен, как его супруга, и одет точно так же, как я. Я начинаю подозревать, что

¹¹³ "Гражданский корпус охраны природы" (по-английски "Civilian Conservation Corps" (CCC)) и "Администрация общественных работ" (по-английски "Public Works Administration" (PWA)) были двумя главными из ряда федеральных программ так называемого "Нового курса" президента Рузвельта для преодоления "Великой депрессии".

¹¹⁴ Первым послом СССР в США был Александр Трояновский, дворянин, офицер, революционер, советский дипломат.

эти русские знают, как закатить вечеринку. Нас приветствуют парой удачно подобранных фраз, и мы проходим дальше, чтобы дать шанс тем, кто стоит позади.

Оркестр играет русскую музыку. А позже дирижёр по секрету признаётся мне, что имеет русские корни. Гобелены на стенах красивые, подобраны с отменным вкусом, и бюст Ленина на видном месте. Мы поднимаемся наверх, чтоб на него посмотреть.

"Ну, теперь он тебе больше нравится?" – слышу я, как какой-то мужчина спрашивает свою пожилую спутницу. Они тоже смотрят на Ленина.

"Нет, – едко отвечает она, – ни капельки".

"Но, конечно, мы не можем относиться к этому слишком серьёзно, – восклицает её партнёр. – В конце концов ..."

И мы идём дальше, задаваясь вопросом, стоит ли относиться к большевистскому приёму со всей серьёзностью только потому, что он большевистский. Но нет, большой зал заполняется гостями, они разговаривают, смеются и интересуются окружающим. Все ремарки комплементарны, сказаны в хорошем тоне, тактичны. Два офицера-красноармейца привлекают к себе больше внимания, чем любой посол. Их военная форма проста, никаких признаков парадности, они чисто выбриты, молоды, приятны на вид, их манеры безупречны. А ещё есть советский военно-морской адъютант, вероятно, высокого ранга, но золотых галунов на его мундире не больше, чем у американского старшины.

Мы направляемся в столовую. Длинный стол богато уставлен блюдами с бутербродами, икрой, осетриной длиной в четыре фута, аппетитно выглядящей форелью с ещё не повреждёнными головой и хвостом, но чуть ли не наполовину съеденной серединой. Тут есть омары по-ньюбургски, мороженое в форме всевозможных цветов и – о, да! – столик с водкой в углу. Но из соседней комнаты появляются люди с бокалами скотча с содовой. Я направляю Ирину в их сторону.

"Держись виски-содовой очереди", – советую я, и вскоре уже овладеваю желаемым, говоря немцу, наполнившему мой бокал, "спассиииба" и поправляясь, когда тот объясняет, кто он. Толпа сгущается. Я вежливо кланяюсь молодому человеку, преградившему мне путь. Тот кланяется в ответ. Мы смеёмся над нашим затруднительным положением, не дающим разминуться, и он говорит: "Вы, наверное, русский?"

"Нет, а вы?"

Он – да, генеральный консул, и вот мы уже ведём беседу. Он пробыл в Америке неделю. А на следующей переедет на Западное побережье.

Я допиваю свой напиток, и мы следуем за толпой на второй этаж, а затем и на третий, изучая каждый укромный уголок посольства. Некоторые движимы обычным любопытством, но большинство чрезвычайно заинтересовано. Нынче, когда советское правительство официально признано и устраивает свой первый приём, здесь объявился весь ди-

пломатический Вашингтон. Атмосфера полностью русская – удивительно, сколько разговоров вокруг ведётся на русском языке.

Личный кабинет посла открыт для осмотра. Он выдержан в строгом стиле, как и частная семейная столовая с современными советскими гравюрами и русской мебелью. Мы спускаемся в бальную залу, где уже в полном разгаре танцы. "Голубой Дунай" заманчив, и мы идём вальсировать. Но то же самое относится и к следующему за ним американскому фокстроту – мы продолжаем танцевать. Танцуют молодые и старые, но дочь европейского посла – самая яркая из всех. Когда её отец встаёт, чтобы уйти, она желает своему партнёру спокойной ночи и выходит с отцом под руку. Ещё одна пара привлекает наше внимание. Они танцуют как профессионалы. Затем оркестр исполняет задорную русскую мелодию, и Ирина сама пускается в пляс.

Но вот уже близится полночь, и толпа начинает редеть. Пора возвращаться домой. Посол и его супруга всё так же любезно пожимают руки уходящим гостям. Они, должно быть, утомлены, но улыбаются столь же свежо, как и прежде. Мы присоединяемся к тянущейся мимо них веренице.

Первый советский приём очень скоро останется в прошлом. Интересно, сколько ещё он продлится и продолжатся ли до раннего утра эти танцы?

Снаружи толпа зевак разошлась. Ведь не было ни пожара, ни взрыва бомб, ничего, кроме прекрасного вечера для всех

с глубочайшим гостеприимством по отношению к каждому. Эти новые русские получили то, что хотели. Их штурм цитадели капиталистической культуры увенчался полным успехом, своего рода историческим достижением – спустя 16 лет быть "признанными" и иметь возможность развлекать в принятой здесь манере, делая это столь же хорошо, если не лучше, чем многие другие.

Нам немного грустно, когда мы ловим такси. Мы знали, что это будет славно – просто славно, – и мы рады, что так оно и было. Пусть это поможет нам понять, что большевики – такие же люди, как и мы сами, ни на йоту не отличающиеся от нас. Славные люди. Политически другие? Возможно. Но пытающиеся сделать что-то по-своему для 160 миллионов человек, примерно так же, как мы пытаемся сделать здесь для 120.

Алексей Белов-Скарятин

Чтобы закончить тему дипломатических взаимоотношений Америки и России, нелишним, как мне кажется, будет упомянуть, что на протяжении всего 1933-го года в речах Ирины проскакивала важная и достойная внимания мысль: *"Американцам стоило бы поразмышлять вот над чем: когда Екатерина II являлась императрицей России, она отказалась признавать Соединённые Штаты после того, как они сбросили ярмо Англии. В течение 20 лет она смотрела на Соединённые Штаты как на революционную страну. Теперь*

же они сами в течение уже 15 лет отказываются признавать новое советское правительство России, потому что оно 'красное' и революционное". Справедливости ради хочу отметить, что царица негласно поддерживала именно колонистов, боровшихся с Великобританией за независимость, и ценила философские труды Франклина (по окончании войны с Англией тот "приватно" прислал ей "Книгу конституции Соединённых Американских Провинций" на французском языке, а она позднее распорядилась приобрести для неё его собрание сочинений в двух томах, и тоже на французском), но одновременно не могла допустить распространения в своих владениях вольнодумных республиканских идей, а потому, действительно, с момента принятия в американских колониях декларации о независимости 4 июля 1776-го года (шумному празднованию годовщины которого Ирина стала свидетельницей сразу по прибытии в США) и до своей кончины в ноябре 1796-го не принимала решения об обмене послами. Более того, этого не случилось и во время краткого правления Павла I, и только уже при Александре I в 1809-ом году (через 33 года после упомянутой декларации и 26 лет после признания её со стороны Великобритании) были проведены необходимые процедуры по открытию посольств.

Уже с первых чисел октября 1933-го года Ирина в своих выступлениях начинает вскользь говорить о двух вещах: новой книге, над которой работает, и их с Виктором коттедже, где всё способствует её творчеству. Вот как это звучит:

"Сейчас я пишу книжку для детей, набор сказочных историй о прежней России, о жизни и традициях, существовавших там при царском режиме. Она будет называться 'Маленькая Эра в старой России' и должна быть закончена грядущей весной ... Вам следует увидеть мой дом в Сент-Дэвидсе. Это бывший амбар, которому 135 лет, перестроенный в причудливый коттедж с парочкой необходимых современных приспособлений ... Я провожу там от шести до восьми месяцев, пока пишу. Тогда мой телефон отключен, и нет соседей, да и вообще ничего, кроме деревьев и кустов, бобров и ондатр ... Одной из поразительных особенностей жилища являются белки, в большом количестве обитающие на чердаке, постоянно вступая в брачные союзы и становясь родителями. Они пытаются проникнуть и в другие помещения. А поскольку дом, пока мы в отъезде, долгое время без присмотра, они, вероятно, и сейчас там, прямо в эту минуту – особенно один старожил, которого я узнаю по кольцу на хвосте".

Я думаю, что Ирина взялась за создание именно этого произведения неслучайно. Став после публикации трёх востребованных романов и совершения головокружительных автовояжей по стране с проведением лекций, интервью журналистам и сессий по раздаче автографов в десятках городов за примерно то же количество дней – настоящей, признанной "звездой", она наверняка получала просьбы рассказать о своих детских и девичьих годах поподробнее. Ведь в сво-

ей первой книге она уделила этому лишь 86 страниц – около четверти всего объёма. Однако нельзя было повторяться, поэтому Ирина находит замечательное решение – не только умолчать в новом изложении о том, что уже было поведано, хотя взаимные сюжетные зацепки будут присутствовать, но и вести повествование в третьем лице, как бы не о себе, а о некоей маленькой девочке, которую все близкие и друзья зовут Эрой, придав сюжету налёт сказочности и волшебности. Мне видится, что и для создания соответствующей ауры вокруг ожидаемой её поклонниками новинки она начинает делиться кое-какими деталями об их с Виктором жилище, похожем на описанное в набиравшей тогда популярность серии детских книг *"Маленький домик в больших лесах"*. Даже их тогдашний автомобиль, старенький Форд, на котором они наматывают тысячи миль по стране (существует комментарий Ирины и по этому поводу: *"Сленг, который я переняла, слыша, как мой муж ругает его во время наших путешествий, сам по себе стал бы книгой"*), представлен журналистами следующим образом: *"Снаружи, у бордюра, стоял двухместный кабриолет-купе – наиболее демократичное маленькое авто, очевидно, повидавшее много миль, и трудных. Тонко выведенная надпись на его боку 'И.С.Б.' раскрыла тайну о владельце. На радиаторе, совершенно несовместимая с городским движением, красовалась весёлая бабочка, которая чем-то походила на саму Ирину в её стремительности, её храбром познании неведомого и её красоте"*.

Что ж, время показало, что совокупность всех этих факторов сработала, ведь в течение последующих минимум десяти лет *"Маленькая Эра в старой России"* считалась в США одной из самых любимых детских историй.

Книга и правда была дописана к лету, хотя явно позже, чем Ирина планировала. Я понял это по ряду косвенных признаков. Обнаружились две газетных заметки: в *Ноксвилл Джорнал* от 28/02/1934 и *Оклахома Ньюс* от 29/03/1934, то есть месяцем позже. И в обеих говорилось о намерении Ирины собрать из её самых преданных почитателей группу желающих поехать с ней в СССР летом того же года с указанием деталей такого путешествия. В первом случае они были более общими: *"Она говорит, что возьмёт с собой несколько человек. Планируется отплыть 4 июля и отправиться напрямик в Россию. Будет две альтернативы: можно либо выбрать то, что она называет 'более короткой поездкой', и вернуться домой где-то в середине августа, либо продолжить вместе с ней 'более длительную', задержавшись в России на несколько недель. Её будет сопровождать её муж Виктор Блейкли"*. Однако в той же заметке уточнялось: *"Участники команды 'возможных туристов' говорят, что их планы пока настолько неопределённые, что даже не могут их обсуждать, однако хотят – о, ужасно сильно! – поехать вместе с бывшей русской графиней"*. Во втором же случае некая миссис Тесс, автор периодической колонки "Разговор за чайным столиком", делилась подробнее:

"Я не намеревалась в этом году уезжать за границу, но надумала предпринять небольшой вояж – увидеть 'новую цивилизацию'. Это решение было принято совершенно неожиданно, вчера, когда я узнала, что могу совершить поездку под руководством такого выдающегося и интересного человека, как Ирина Скаряткина, и её супруга Виктора Блейкли. Мы должны отплыть из Нью-Йорка в самый славный из всех дней – Четвёртого июля, – провести три дня, осматривая достопримечательности Лондона, а затем отправиться по Северному морю в Ленинград. Увидев там самое важное, мы переедем в Москву, дабы лицезреть её славу, прошлое и настоящее, потом же продолжим наш путь в Харьков, Тифлис, Ялту, Одессу и Киев. Из российских городов мы переместимся в Вену и Инсбрук, а затем в Обераммергау, чтобы посмотреть всемирно известный спектакль-мистерию 'Страсти Христовы'. В Швейцарию мы заедем ненадолго, остановимся на несколько дней в Париже, а затем отправимся домой. Конечно, я привыкла путешествовать по полёту фантазии, но это звучит интересно, не так ли? И это будет так для всех, кто решится присоединиться, ибо я не могу представить более интересных попутчиков, чем эти известные писатели ... Однако тот факт, что 'Интурист' предоставил ей привилегию сопровождать путешественников по Советскому Союзу, заставляет вспомнить комментарий одного моего друга после прочтения её книги 'Первая на возвращение': 'Для меня это звучит как пропаганда'

... Прямо сейчас чета Блейкли собирается совершить турне по Италии и Германии, чтобы своими глазами увидеть эти диктатуры". Да-да, забавная ложка дёгтя в смысле комментария насчёт пропаганды! За полгода с момента выхода в свет романа "Первая на возвращение" у Ирины сложился и большой круг ненавистников, особенно, в среде ярких противников СССР, включая оголтелых русских эмигрантов (ей даже приходится вновь и вновь повторять нечто похожее на мантру: "Главная трудность, с которой я сталкиваюсь, связана с теми, кто хочет, чтобы я приняла чью-либо сторону. Большинство людей в Америке имеют очень резкое мнение, что либо с советским правительством всё в порядке, либо же оно во всём ошибается. Например, они хотят, чтобы я однозначно сказала, провалилась ли первая пятилетка или увенчалась успехом. Мой ответ таков: она заложила основу для индустриализации России, которая до сих пор была чисто аграрной страной", – и как же я её понимаю, когда сам постоянно встречаю подобных огульных "обелителей" и "очернителей" как прошлого, так и настоящего моей Родины, не вызывающих своим, как я его называл, "однобитным мышлением" ничего, кроме презрения). Но, "возвращаясь к нашим баранам", судя по всему, никто из "возможных туристов" так никуда и не поехал, а Ирина с Виктором не смогли "прямо сейчас" двинуться на изучение европейских диктатур (так как, видимо, "Маленькая Эра в старой России" ещё не была доведена до конца), поскольку в

действительности их летнее путешествие сложилось, мягко скажем, несколько по-другому. Однако об этом – буквально через два параграфа, ведь нельзя же не завершить рассказ об Иренином детском бестселлере.

Роман появился на книжных прилавках в самом конце сентября, будучи дописан к концу весны, но прождав всё лето возвращения домой своего автора. Отзывы критиков были, опять же за редким исключением, совершенно восторженными. Там звучали такие мнения, эпитеты и сравнения: *"Писательница рассказывает свою историю в третьем лице. Этот нарративный приём служит прекрасной цели, поскольку автор может изобразить далёкое прошлое так, как если бы оно было чем-то отдельным от неё самой, как если бы она говорила о ком-то, кого когда-то знала, но кого теперь больше нет. Происходит полное самораскрытие, однако эго никогда не навязывается. В этом действительно одна из прелестей Скарятинной, ведь она ведёт повествование с замечательной объективностью. Если на протяжении всей книги и присутствует стойкая нотка ностальгии, то это никогда не пафос, никогда не сентиментализм ... Это очаровательная книга, предположительно предназначенная для детей, но которая, скорее всего, привлечёт внимание всей семьи, если мать прочтёт её дочери вслух в присутствии бабушки, например, как произошло в моём случае, ... и они будут умолять: 'О, пожалуйста, не заканчивай сейчас, ну, ещё одну главу, ну, ещё хоть страничку' ...*

Один мудрый, бескомпромиссный писатель недавно сказал: 'Молодость – наша единственная вечность'. Как и всякая истинная мудрость, эта разносится эхом вверх и вниз по коридорам времени, эхом, которое сходится на 'сие есть Царствие Небесное' и превращается в шёпот, улетающий гораздо дальше, чем любой ураган. Если книга вызывает у взрослого ностальгическое воспоминание о той волшебной стране, что была его собственным детством, то это – хорошая книга. С точки зрения такой универсальной проверки 'Маленькая Эра в старой России' очень хороша ... Она полна тепла, красок и веселья. И её чисто развлекательная ценность тоже высока ... Она легко может стать самой популярной из всех книг её автора. Она написана с простотой, позволяющей ребёнку, который не слишком мал, полностью насладиться основной темой, однако её обертона предназначены для ушей постарше. Это правдивая и в то же время чарующая книга, сказка о жизненном опыте, приобретённом и запомнившимся столь реально, что это говорит само за себя". А вот и очередная ложка дёгтя – единственная, на которую я натолкнулся, но не могу не поделиться ею для контраста: "Это прямолинейное описание воспоминаний о событиях прошлого. Скарятина не взвешивает, не оценивает и не сравнивает; она лишь рассказывает то, что помнит. Её книга предназначена как для взрослых, так и для юных, хотя маловероятно, что кого-то из них непреодолимо привлечёт то, как поведана история. Это картина ушед-

шей жизни. Её обстановка, манеры и обычаи должны казаться столь же чуждыми ребёнку советского режима, как и американцу. Но это может дать великолепный материал для восхитительной книги. Ведь незнакомое легко вызывает интерес, а жизнь, которую описывает Скарятина, не только странна для нас, но и полна красок. Однако, несмотря на это, 'Маленькая Эра в старой России' довольно скучна, а если и не скучна, то уж точно гораздо менее занимательна, чем должна бы быть. Фон и детали интересны сами по себе, но манере их изложения недостаёт жизни и очарования. Это совершенно безопасная книга, чтобы её подарить ребёнку, однако велика вероятность, что она не будет прочитана с большим энтузиазмом". Что ж, есть достаточно много людей, у которых не было ничего светлого в детстве или это светлое ну никак не коррелируется ни с чем из описанного в романе, хотя мне, родившемуся в СССР, имевшему совсем другое, однако не менее полное чудных моментов детство и прочитавшему эту книгу совсем недавно, в 50-летнем возрасте и в уже совсем непохожей на советские или царские времена России, трудно это представить. Надеюсь, что то, как роман Ирины "цеплял" меня при работе над первой книгой данной трилогии, куда её перевод вошёл практически целиком (за исключением лишь нескольких незначительных купюр и правок исходного текста, которые я себе позволил, чтобы устранить небольшие нестыковки с текстом первой четверти "Мир может закончиться"), букваль-

но сквозит из полученного результата.

И теперь я обязан сказать несколько слов о том, почему же пошёл на такой шаг с созданием цикла *"Миры Эры"* вместо просто перевода и публикации "как есть" первого, второго и четвёртого романов Ирины (а такой и была изначальная идея в 2019-ом году, когда я узнал о существовании всех изданных в США произведений Ирины и затем смог найти их раритетные печатные экземпляры в разных американских букинистических магазинах). Причин этого несколько. Во-первых, залпом прочитав пять из шести оказавшихся в моих руках томов (шестой я умудрился раздобыть лишь летом 2021-го), я тут же мысленно разделил их на две группы: содержание указанной тройки покрывало длительные, многолетние этапы жизненного пути Ирины, тогда как другая пара являлась отдельными романами-путешествиями, нашпигованными множеством путевых событий и впечатлений, но спрессованных в рамках небольших промежутков времени (про шестую же книгу я знал, что она стоит особняком в творчестве писательницы, но об этом позже). Кроме того, как уже было разъяснено ранее, в случае тройки "автор писал, как писалось", поэтому сложилась ситуация, когда куски, покрывающие первый 17-летний этап, были размазаны между первым и четвёртым романами, но прекрасно стыковались между собой, как кусочки паззла; а второй, тяжёлый во всех отношениях – неудачное замужество, смерть сына, война, революция и 5 страшнейших лет после неё вплоть до

момента, когда Ирина выехала и нашла могилу матери на Ревельском кладбище, – 17-летний этап покрывался оставшимися 3/4 первого романа плюс начальной 1/6 второго плюс ещё небольшими "паззликами" из его середины; ну, и ошмётки раздербаненного второго романа повествовали об эмиграции Ирины вплоть до замужества. В-третьих, в определённый момент я, узнав о куче рукописей и Ирины, и Виктора, хранящихся вместе с прочими личными бумагами в архивах библиотек Конгресса США и Принстонского университета, начал переговоры с тамошними специалистами о получении цифровых копий всего, что представляло для меня интерес, и процесс (а действовали ограничения, связанные с пандемией) занял многие месяцы, однако мне стало понятно, что сборник рассказов Виктора *"Моя русская жена"*, как ничто другое, дополнит и обогатит описание эмиграционного этапа. Ну, и напоследок удалось, проглядев пару тысяч оцифрованных страниц американских газет и журналов за 1920-60-е годы, найденных в интернете и содержавших имена Ирины и Виктора, выбрать две с половиной сотни, где были крупные статьи, рецензии и заметки, а не просто краткие информационные объявления об их прибытии с лекциями и прочем подобном. На основе них я и пишу данную завершающую главу. Да, чуть не забыл – у меня ещё имелись многие сотни историко-генеалогических документов, мемуаров и писем из российских архивов и прочих источников, которыми обязательно нужно было дополнить или подправить

родовые реминисценции Ирины в первой и второй книгах трилогии. И вот перед Вами максимально полное жизнеописание уникальной и талантливейшей, но при этом из плоти и крови и не без недостатков женщины и её окружения. Был ли я прав — решать Вам!

Итак, в июне 1934-го года супруги Блейкли всё-таки отплывают в Германию, но без ожидавшейся команды соратников по вояжу и не имея исходной цели попасть потом в СССР. Однако судьба вносит свои коррективы, о чём и повествует вышедший в середине октября следующего года второй роман-путешествие *"Новые миры взамен старых"*, но уже за авторством обоих супругов, поскольку Виктор внёс весьма весомую лепту в общий текст произведения. Как и в случае с *"Первая на возвращение"*, я не буду приводить здесь выдержки из рецензий критиков, поскольку желаю сохранить их вкупе с другой интересной информацией для послесловия будущего русского издания, которое планирую подготовить и напечатать в ближайшие годы. Тем не менее, считаю, что стоит дать некий обзор содержания книги, ведь во время этого путешествия Ирина и Виктор постоянно становились невольными свидетелями и даже участниками знаковых событий в стремительно менявшейся перед Второй мировой войной Европе. Во-первых, их океанский лайнер прибывает в Гамбург на следующий же день после знаменитой "Ночи длинных ножей" – расправы Гитлера над своими бывшими соратниками, руководством штурмовых отрядов СА,

и супруги могут собственными глазами наблюдать все происходящие негативные перемены в немецком обществе, сопровождающиеся быстрым ростом массовых нацистских настроений и враждебности по отношению к иностранцам. Не видя возможности провести в такой обстановке в Германии весь свой отпуск, как задумывалось, они натываются в Берлине на новый офис "Интуриста", предлагающий лишь накануне введённую уникальную услугу – туристический авиаперелёт из Берлина в Ленинград с промежуточными посадками в Данциге (ныне Гданьск), Кёнигсберге (ныне Калининград), Риге и Ревеле (ныне Таллинн), и после оформления всех необходимых виз решаются-таки на эту авантюру, посетив по пути могилу Ириной матери на Ревельском кладбище. Невероятно яркая и остроумная глава, повествующая об этом приключении, озаглавлена с отсылкой к прошлому роману: *"Первая на обратный полёт"* (*"First to Fly Back"*). Проведя две недели в Ленинграде, Москве и их окрестностях, включая посещение деревень, как давно собиралась Ирина, они совершают железнодорожное турне через Варшаву, Берлин, Дрезден и Прагу в Вену, где оказываются в день фашистского путча, подавленного тем же вечером австрийскими правительственными войсками, затем принимая участие в церемониях прощания и похорон убитого канцлера Энгельберта Дольфуса. Проследовав после этого через Инсбрук и Мюнхен (с посещением спектакля-мистерии *"Страсти Христовы"* в Обераммергау, в котором уже

очень сильно чувствуется нацистская идеология), они добираются до Италии и, проезжая по маршруту: озеро Комо – Милан – Венеция – Флоренция – Рим – Неаполь – Палермо (по тем местам, где Ирина неоднократно бывала в дореволюционные времена), – могут воочию лицезреть расцвет фашистского государства Муссолини.

Вот несколько цитат из самого первого интервью Ирины через несколько дней после возвращения (в рамках презентационного тура по случаю выхода в свет *"Маленькой Эры"*), которые предваряет просто замечательное, на мой взгляд, вступление говорившей с Ириной журналистки: *"Быть в Берлине в день гитлеровской резни; в Мюнхене в день смерти Гинденбурга; прибыть в Вену в тот самый момент, когда Дольфус умирает от пули наёмного убийцы; и даже добраться до Инсбрука в день убийства местного начальника полиции – всё это неплохой рекорд, учитывая, что установившую его зовут Ирина, что в переводе с греческого означает 'мир'. Она объясняет свою 'удачу' тем фактом, что родилась под сиянием Юпитера, но оказаться в эпицентре некоторых самых волнующих мировых новостей и в то же время быть путешественницей писательницей – в этом случае, конечно же, не будет преувеличением сказать, что она родилась под целым созвездием счастливых звёзд ... Описывая их прибытие в Берлин в день, последовавший за ночью, когда Гитлер приказал убить своих лучших друзей, она наглядно изобразила пустынные улицы и людей, собравшихся*

небольшими кучками, склонивших друг к другу головы и перешёптывающихся украдкой. Это так отличалось от счастливых и добрых прежних дней в Германии, когда рестораны были заполнены весёлыми, кричащими и пьющими пи-во людьми. Теперь они выглядели обеспокоенными, полными страха и несчастными. А позже мы внезапно увидели, как появился Гитлер, и никогда ещё я не была свидетельницей такого разгула массовой истерии. Они сходили с ума по Гитлеру, будто буквально теряли рассудок. Он низенький, некрасивый человек, ни капельки не располагающий к себе внешне, без малейшего обаяния, но когда он начинает говорить, он что-то делает с ними, что-то странное, неконтролируемое, и это невозможно описать. По-видимому, этому есть только одно объяснение. Именно он возвращает Германии её самоуважение как нации – так они считают. Возглас «Хайль, Гитлер!» и салютование стали привычными по всей Германии. Любой мужчина, женщина и ребёнок вскидывает руку и кричит «Хайль, Гитлер!» всякий раз, когда они встречаются. Официанты, кассиры, водители автобусов, продавцы – все начинают разговор этими волшебными словами и жестом. Нам это казалось ребячеством и нелепостью, но для них это очень серьёзно ... Россия сильно изменилась по сравнению с нашим визитом почти двухлетней давности. Ушли в прошлое кожаные куртки, коротко подстриженные волосы и револьверы на бёдрах. Женщины носят модную одежду, пользуются губной помадой и

румянами, появляются «в свете» в вечерних нарядах, даже если те смотрятся слегка неуместно с выступающими из-под них тяжёлыми ботинками. Моя бывшая служанка 80-ти лет шьёт на дому красивые платья и пользуется большой популярностью. Люди выглядят загорелыми и здоровыми, еда стала лучше, 20-30% церквей открыты и заполнены, больше не нужно ходить везде с сопровождающим. Всё по сравнению с другими высокоцивилизованными странами по-прежнему весьма примитивно, но если вспомнить, что они начинали с нуля, из хаоса, всего с десятков лет назад, то прогресс замечателен ... В Италии, как и в Германии, никто не может произнести имя «Дуче» иначе, как предваряя его восторженным «Вива!». Муссолини, безусловно, навёл порядок в стране. Рим прекрасен, поезда ходят по расписанию, однако в воздухе буквально разлито высокое напряжение".

Судя по всему, совершив за октябрь-ноябрь объезд американских городов с "Маленькой Эрой" и лекциями о последнем путешествии, Ирина и Виктор с головой уходят в работу над "Новыми мирами". Такой вывод приходит мне на ум, поскольку вплоть до марта 1935-го о них в печати нет ни слуху ни духу, за исключением коротенького интервью Ирины для *Питтсбург Пресс* о её рецепте "вплоть до последней щепотки приправы" по писательству, где мы читаем следующее: "Ингредиент № 1 – выбрать что-то, с чем писатель знаком. Получив материал в руки, не нужно 'околачивать грузии'. Нужно сидеть с 9 до 16 или около того и просто лопа-

тить. Вдохновение? Фу! Рвать на себе волосы и хвататься за голову? Нет! Просто обычное включение. Когда дневная работа закончена, про неё следует забыть. Хороший повар не заглядывает в духовку, когда пирог уже стал выпекаться. И не стоит то и дело возвращаться к рукописи, чтоб изменить фразу либо добавить строчку". (Что ж, интересно! Практически во всём согласен, но думаю, что проверять и подправлять "на свежую голову" и "не откладывая в долгий ящик" всё-таки обязательно нужно – моё излюбленное многократное вычитывание. А потом – да, забыл и вкалывай дальше. И ещё добавил бы, что в середине дневного процесса непременно нужно сходить хотя бы на часовую прогулку с возможностью смотреть вдаль – желательно, до горизонта). Кроме того, в той заметке впервые упоминаются домашние питомцы четы Блейкли и важнейшая деталь интерьера кабинета Ирины: "Когда она пишет, её повсюду окружает синее стекло, а рядом с ней находятся кот и пёс. Синие бокалы, керамика и прозрачные блюда расставлены на полках возле окна кабинета, и, когда на них падает свет, они излучают сапфировое сияние. Кота зовут Пукик, а пса – Сэмюэл. Пока она работает за столом, они сворачиваются калачиком рядом. На самом деле, Пукик потом перебирается на вершину стопки рукописи, сидя там по мере того, как она растёт страница за страницей, пока не оказывается уже очень высоко, когда книга почти закончена". (Занятно, что и здесь у нас есть некоторое совпадение – пока я стучу

по клавиатуре компьютера, рядом со мной лежит калачиком любимая 15-летняя кошка Ньюня). И есть небольшая заметка с дополнением в *Форт-Уэрт Стар-Телеграм*: "Кота пяти лет зовут Пукик, и он такой дамский угодник, что во время своих зим в Филадельфии становится очень истощён и похож на уличного. Каждое лето ему приходится уезжать в штат Мэн восстанавливать силы. И тогда он похож на ангору. А пса зовут Сэмюэл Уэбстер Клеменс Блейкли. Он наречён в честь племянника Марка Твена, который гостил в доме Блейкли, когда Сэмюэл пришёл в мир жестокошёрстных терьеров, а также в честь самого юмориста. Сэм – так называют его близкие – тоже проводит лето в Мэне, в то время как его хозяева разъезжают по всей Европе".

Фотография Ирины с котом Пукиком у их с Викто-

ром Блейкли коттеджа в Сент-Дэвидсе (1930-й год).

Фотография Ирины с учёным псом Бозо из статьи

В начале марта Ирина выступает перед двухтысячной аудиторией в театре "Стрэнд" города Алтуна в Пенсильвании с лекцией под названием "Страна, которую я люблю, – Россия". И там она произносит крайне важные, на мой взгляд, слова, отражающие продуманный ею план действий на все ближайшие годы: *"Россия меняется с удивительной скоростью. Нужно постоянно поддерживать с ней связь, чтоб следить за её стремительным прогрессом. Её масштабная модернизация просто невероятна. Я собираюсь ежегодно посещать Россию со своим мужем, поскольку, когда я в Америке, я тоскую по России, а когда в России – по Америке"*. Итак, завершив свой роман о предыдущем путешествии и по традиции отложив его публикацию до осени, чета вновь отправляется в СССР. Но весной и не просто плюс-минус "по старым следам", а вновь перепрыгнув через самих себя, о чём становится известно из двух вышедших друг за другом интервью в газетах города Сент-Луис в штате Миссури в 20-х числах января 1936-го года. К тому времени число людей, прочитавших оба романа-путешествия и побывавших на встречах с Ириной, чрезвычайно возросло, и на неё ополчились чуть ли не все враги советской власти, обвиняя в том, что она является тайной коммунисткой и агентом Кремля. Стоит отметить, что в книге *"Первая на возвращение"* были описаны и её посещения судов и тю-

рем в Москве, и разговор о раскулачивании в поезде до Владикавказа с людьми, недовольными этим, – и были описаны честно, но, естественно, никто и никогда в СССР не дал бы ей посетить, к примеру, Котласлаг (откуда, кстати, не вернулся один мой прадед из "раскулаченных" в 1930-ом белорусских крестьян) или Соловки. И на каждой лекции, исходя как раз из опыта общения с судебными и исправительными инстанциями, она говорила, что хотя обычным убийцам дают 10 лет и содержат в местных тюрьмах, но за то, что считается контрреволюционной деятельностью, ссылают или могут приговорить к расстрелу, и что такие же вещи случались с крестьянами, когда те прятали зерно во время продразвёрсток. Просто из-за её принципа писать только о том, что видела своими глазами или узнала из прямого общения с компетентными людьми, а не по слухам, в её книгах и лекциях намного больше позитивного (конечно, она же сравнивает с тем, чему сама стала свидетельницей с 1917-го по 1922-ой), чем упоминаний о плохом. Похоже, к моменту указанных выше январских интервью, Ирина из-за описанных нападков была уже сильно накалена – разговор с корреспондентами получился крайне жёстким, и мне хотелось бы максимально раскрыть его содержание: *"Невинно спросите её, не хотела бы она вернуться к той роскошной жизни в прежней России, и она почти сразит вас своим резким ответом: 'Боже правый, нет! Этот вопрос смехотворен'. А потом более терпеливо объяснит: 'Автократия, при которой я родилась, бы-*

ла в двадцатом веке вопиющим анахронизмом'. Она настаивает на том, что не является пропагандисткой, так как не состоит в рядах коммунистов, но коммунистам трудно было бы найти более пылкого неофициального посла.

Недавно она вернулась из своей третьей поездки в Советский Союз. И её шестая книга будет посвящена оцивилизации Сибири, имея название 'Транссибирский экс-пресс'. 'То, что происходит в Сибири, – самое интересное из всех удивительных советских деяний, – заявила она. – Вся страна перестраивается. Прежние города разрушаются. Появляются новые здания, магазины, жилые дома, мосты, театры, фабрики и новые железнодорожные пути. По всей протяжённости Транссибирской магистрали прокладывается вторая линия – грандиозный проект, если вспомнить, что на пересечение необъятных просторов Сибири уходит десять дней. Это больше не территория для политической ссылки. Вместо того там организованы два показательных примера будущей коммунистической жизни в свободных Еврейской и Китайской автономных республиках'¹¹⁵.

¹¹⁵ Речь идёт о созданной в мае 1934-го года Еврейской автономной области для "советизации" евреев (потерявших средства к существованию из-за упразднения в результате революции их "буржуазных" видов деятельности) путём "аграризации", то есть превращения в крестьян на землях Дальнего Востока (туда добровольно и массово переехало множество обедневших еврейских семей со всей страны). А также о Синьцзян-Уйгурском автономном районе, нынче входящем в состав Китая, однако в те годы являвшемся независимой провинцией Синьцзян, тесно связанной с СССР рядом соглашений (она несколько раз обращалась к руководству СССР с просьбой быть принятой в его состав в качестве

В Биробиджане она обнаружила, что новое еврейское население ведёт счастливое сельскохозяйственное существование. Само телосложение людей изменилось. Благодаря жизни на свежем воздухе они стали крепкими и рослыми, потеряв бледный городской вид. Китайцы же в основном являются разнорабочими.

'Возвращается терпимость к религии. Уровень неграмотности снизился с 69-ти процентов в старые времена до нынешних 9-ти. Это страна молодёжи. Старые сторонники монархии могут тщетно мечтать о возвращении к своей былой славе, но этого никогда не произойдёт. После революции родилось шестьдесят миллионов человек. Это их система правления, их образование, их театры, их музыка и искусство – которые, кстати, поразительно расцветают – и их индустриальная схема развития, в чём они заинтересованы. Не нужно быть большевиком, чтобы это понять. А так как, несмотря на многие мои трагедии в прошлом, я могу видеть это и говорить, меня обвиняют в том, что я состою у большевиков на службе. Дважды я подавала в суд на этих клеветников и оба раза выигрывала иски. Часто я получаю и письма с угрозами, но мой ответ: «Когда-нибудь вы и правда сможете застрелить меня прямо на лекторской сцене, но даже с того света я прокричу вам, что в России оста-

семнадцатой союзной республики, но всегда получала отказ и в 1949-ом году, после победы коммунистической партии Китая над гоминьдановцами, вошла в состав КНР).

нется новый режим». Хотя, думаю, упёртые люди за её пределами мне всё равно не поверят. Один советский плакат чрезвычайно наглядно изобразил это неверие. На нём красуется грандиозный новый тракторный завод в Сталинграде, за которым возвышаются огромные новые жилые здания, и два заграничных туриста глядят на них, говоря: «И всё-таки это не может быть правдой. Это пропаганда».

Задача, состоящая в том, чтобы превратить Россию из аграрной страны в индустриальную, очень масштабна. Очевидно, американцы, приезжая в Россию и ожидая увидеть большой прогресс и достижения, неизбежно находят много поводов для критики. Сравнивать Ленинград с тем же Сент-Луисом несправедливо. Когда я знала Ленинград как Санкт-Петербург, в нём проживало 40 000 человек. Сейчас же почти три миллиона. Он находится в стадии строительства. Но сравнивать уровень безработицы здесь с ситуацией там, где работают все, тоже несправедливо по отношению к этому городу, не так ли? Я бы сравнила сегодняшние города Советского Союза с приграничными городками времён американских первопроходцев. Россия – страна в процессе становления, где люди готовы пожертвовать материальными благами в настоящем ради стремления построить новое будущее. Эти русские мужчины и женщины, и особенно новая молодёжь, обладают удивительным духом Америки времён крытых фургонов”.

Я был сильно удивлён, увидев эту информацию о сибир-

ском путешествии и о планирующейся по его результатам книге, ведь ни среди опубликованных произведений, ни в списках папок с рукописями в архивах Конгресса США и Принстона я не нашёл ничего подобного. Но ещё большее удивление вызвал тот факт, что потом, в течение долгих девяти месяцев, Ирина больше не сказала об этом ни слова, хотя изредка и появлялись некие краткие обзоры её лекций. И лишь в самом конце октября появляется заметка, где среди прочего можно увидеть: *"Её последний визит в Россию в сопровождении мужа состоялся ранней весной, когда они отправились через Японию, Корею, Сибирь и Уральские горы в Москву. Она обнаружила, что на смену старой Сибири приходят города, современные дороги и доступное авиасообщение. Она рассказала о новом еврейском поселении в Сибири под названием Биробиджан, столь же большим, как Голландия и Бельгия вместе взятые, и заселённом в основном российскими евреями, которые предпочитают жить в этой республике (газет-чик, очевидно, по ошибке присвоил площадь всей Еврейской автономной области её столице, городу Биробиджан – А.Б.-С.)."*

Автор пяти книг, созданных за столько же лет, четыре из которых посвящены России, а одна – её новой жизни в этой стране, сейчас работает над шестой, которую она назовёт 'Романтика Сибири'".

И это стало последним упоминанием как Сибири, так и неродившегося романа. Рискну предположить, что связано

это было с двумя вещами: в СССР после назначения главой НКВД Николая Ежова запускалась машина кровавых репрессий с созданием системы сибирских лагерей ГУЛАГА (в том числе печально известный громадный Вятлаг, где сгинул арестованный в 1937-ом году по 58-ой статье другой мой прадед, уже из русских крестьян-середняков), и нелегко было бы продолжать называть Сибирь *"не территорией для политической ссылки"* и превозносить *"свободу созданных там автономных республик"*; Ирина и сама "попала на карандаш", но в ФБР – я узнал об этом из книги Анатолия Афанасьева *"Одиссея генерала Яхонтова"*, повествующей о русском офицере, участнике Первой мировой войны, а с 1916-го года – военном атташе России в Японии, который в апреле 1919-го перебрался оттуда в США, где позже выступал повсюду с лекциями против иностранного вмешательства в дела СССР и за его признание со стороны США. Вот несколько цитат из этой книги, касающихся Ирины: *"Имя Яхонтова становилось всё более известным, он выступал в печати всё чаще и чаще. Вскоре его издатель мистер Ковард, который хорошо чувствовал конъюнктуру, предложил Виктору Александровичу написать книгу под заглавием 'Взгляд на Японию'. Естественно, тот с радостью согласился и засел за работу. Весной 1936-го года он сдал готовую рукопись. Материальное положение Яхонтова упрочилось настолько, что он смог наконец осуществить свою мечту: поехать в Советский Союз с женой и дочерью. С ними ехала целая груп-*

на, но в отличие от предыдущей поездки на этот раз подбирал её сам Яхонтов. Это всё были его друзья – американцы, а также ещё одна русская эмигрантка, Ирина Скарятина, бывшая фрейлина императрицы. Теперь она приняла приглашение Яхонтовых поехать и взглянуть на родную страну. Решили никуда не заезжать и поспешить в Ленинград, где они успевали на проводы белых ночей ...

Противоречивые чувства испытывал Виктор Александрович на Родине. И восхищение, и сомнения, радость и печаль, гордость и недоумение. Не со всеми своими спутниками Яхонтов был откровенен. Он считал ненужным говорить друзьям-американцам о том, как он грустит по поводу уничтоженных храмов и утраченных названий. Только с Мальвиной Витольдовной делился он своими сомнениями и (да и то не всегда) со Скарятиной. Даже с дочерью он был сдержан. Его огорчало, что Ольга смотрит на Россию глазами иностранки. Умом он понимал, что это естественно – о Родине у неё могли сохраниться лишь смутные детские воспоминания. Но кто она – американка, чеешка, японка? Русская ведь ...

Сведения о радиобеседе, в которой 'красный генерал' косвенно говорил о том, что население России поддерживает режим Сталина, были добавлены к досье на Яхонтова в ФБР. В обзорном докладе начальнику мистер Ярроу (бывший Жаров) указал на неоднократно высказывавшуюся 'объектом' лояльность к Советам. Более того, Ярроу приобщил к

делу им самим выявленный примечательный факт: поехав с 'объектом' в СССР, подпала под его влияние белоэмигрантка госпожа де Скарятинна. Вскоре после поездки она опубликовала в Индианаполисе небольшую книжку 'Впервые по старым следам' (смешно, конечно, по трём причинам: "книжка" была издана аж за три года до этой поездки; объём тома в 300 с лишним страниц трудно назвать "небольшим"; надо же так исхитриться перевести название "First to Go Back" – в общем, повеселил мистер Ярроу, что тут скажешь, да и сложно определить, кто под чьё влияние подпал – А.Б.-С.). В ней она вполне лояльно отзывалась о Советах. Вдохновлённая успехом книги в кругах подобных ей русских эмигрантов из высших слоёв, де Скарятинна опубликовала ещё несколько путевых очерков, которые ясно показывают, что она считает изменения на своей Родине закономерными и к большевикам, реквизировавшим её недвижимую собственность, зла не питает".

Здесь, кроме прочего, мы видим подтверждение четвёртого визита Ирины на Родину, но, похоже, на сей раз не в компании с Виктором и просто, чтобы расслабиться и насладиться пребыванием в своём любимом городе. Я нашёл и рекламу этой поездки с именами Яхонтова и Скарятинной, напечатанную по заказу "Интуриста" в журнале "Новые массы".

*In Europe
this Summer . . .*

See the
SOVIET UNION

● Vacationers to Europe will want to hear of the ease with which the most-talked-of country in the world may be included in their itineraries. Moscow, Leningrad, Kharkov, Kiev and Odessa are within easy reach of more western Continental centers by fast air and boat connections. The Soviet Union, off the beaten path of Europe travel, presents new vistas and experiences to those going abroad this season. Any travel agent can fit a few days, or even a month, of travel in the Soviet Union into your trip abroad. All-inclusive rates on a Soviet tour are \$5 third class, \$8 tourist and \$15 first per day. These include hotels, meals transportation between cities, sightseeing and trained guide-interpreters everywhere. On your free time (sightseeing is only a couple of hours) go where you please and see what you please. Travel incidentals are reasonable. Ask Intourist for its colored 22" x 16" map of the U. S. S. R. and booklet No. NM-5. Perhaps you would be interested in joining a group to study various phases of Soviet life under such outstanding authorities on the U. S. S. R. as Louis Fisher, General Victor Yakhontov, Irina Skariatina, Sherwood Eddy, Lester Cohen, Joshua Kunitz and others? Literature on all special interest studies will be promptly sent.

INTOURIST, INC.

545 FIFTH AVENUE, NEW YORK

Реклама "Интуриста" о поездке в СССР в журнале "Новые массы" от 12/05/1936.

Итак, в сложившихся обстоятельствах, в жизни Ирины наступает пятилетний моральный и творческий провал. Книжки не пишутся, а лекции пусть и случаются, но очень редко. Если в предыдущие пять лет упоминания супругов Блейкли в американской прессе исчислялись десятками, то здесь я насчитал по годам вот какие цифры: 1937-ой – 7, 1938-ой – 3, 1939-ый – 4, 1940-ой – 5, 1941-ый – снова 4. И Ирина не позволяет себе отменить ни одного своего заранее согласованного выступления ни при каких проблемах со здоровьем. Например, в газете *Кэпитал Таймс* города Мэдисон в штате Висконсин от 22 января 1937-го года читаем такое: *"Русская аристократка, борющаяся с гриппом, настояла на том, чтобы не отказываться от лекции. Более 200 отважных, пройдя по ледяным улицам, посетили её. С температурой 103 градуса¹¹⁶ докладчица настояла на том, чтобы встать с больничной койки в Чикаго и продолжить свой лекционный тур в Мэдисоне. Всё ещё страдая от слабости и жара, она стояла в Большом зале Мемориального союза, рассказывая о положении дел в России с XI века и роли, которую сыграли её предки в жизни страны, а также обсуждая сегодняшнюю Россию".* А в издании *Звезда Индия*

¹¹⁶ Это температура по Фаренгейту. По Цельсию – 39,5°.

наполиса за 29 мая 1938-го года находим: "Ирина Скаряткина, русская графиня, прошедшая через большевистскую революцию и дожившая до того, чтобы написать о ней книги, продемонстрировала здесь вчера, что её прежняя храбрость всё ещё при ней. Закованная в тяжёлый гипсовый корсет, потребовавшийся после рокового падения в её доме в Филадельфии (Пенсильвания) шесть недель назад, которое привело к перелому позвонка, она вчера выступила с речью перед клубом педагогов Индианы в отеле 'Клейпул'. Она отказалась считать этот несчастный случай причиной отмены выступления, приехала поездом и села на обратный вчера в 4 часа дня. Хотя ей трудно ходить, она передвигается без чьей-либо помощи".

В условиях неумолимо надвигающейся мировой войны, в которой, учитывая все предпосылки, США и СССР должны, несмотря на все идеологические и политические различия, самой судьбой быть помещены на одну сторону противостояния и приведены к союзничеству, но при сохранении Ириной иллюзорной надежды, что боины ещё можно избежать, основным лейтмотивом её посланий слушателям становится следующее: "Утверждая, что женщины во всех странах должны быть едины в своей борьбе за мир во всём мире, выдающийся лектор попросила женщин Энглвуда быть справедливыми в своей оценке России. По её словам, многие книги об этой стране были написаны людьми, не знающими её традиций, образа жизни или языка ... Объясняя, что её

целью является создание лучшего взаимопонимания между Россией – её Родиной по рождению – и Соединёнными Штатами – страной её теперешнего гражданства, – она сказала: 'Сейчас, когда весь мир готовится к новой войне, женщины всего мира обязаны объединиться, чтобы защитить молодое поколение от превращения в пушечное мясо, распространяя добрую волю и единое восприятие' ... 'В России, например, ко мне подходят группы озадаченных женщин, спрашивая: «А как же свобода, которой кичатся в Соединённых Штатах, когда мы слышим о плохом обращении с неграми?» Я пытаюсь объяснить, что разрозненные факты, которые они получают, не отражают действительную ситуацию в стране. А потом появляется американский фильм с кадрами про негров в цепях, и мне приходится снова многое объяснять. С другой стороны, какой-нибудь писатель приезжает в Россию на короткое время, ужасно разочаровывается или выбирает какую-либо деталь, которой он уделяет слишком много внимания в своей книге, и Америка верит, что это полностью олицетворяет Россию. Вот я недавно останавливалась в одном из лучших отелей Буффало, в котором в тот день была проблема с горячей водой, но мне же не придёт в голову писать книгу об отсталости Буффало!''.

Тем не менее трудные вопросы о происходящем в СССР не обходят её стороной, и она, явно и сама переоценивая многое в своём отношении к деяниям советских властей, честно признаётся в том, что во время последнего путеше-

ствия 1936-го года уже почувствовала похожую нервозность и напряжение в советских людях, как за два года до этого в Италии и Германии, а также открыто выражает мнение по поводу отдельных острых событий, как то: *"Исходя из своего личного взгляда на вещи, я утверждаю, что новый «заговор» является продолжением старой вражды между Троцким и Сталиным, – сказала она. – Троцкий хотел подтолкнуть мировую революцию и обвинил Сталина в том, что тот был «правым». Сталин ответил, что было бы лучше построить идеальное социалистическое государство у себя дома, которое было бы настолько совершенным, что остальной мир последовал бы за Россией. Но чего я не могу понять, – добавила она, – так это почему Троцкого обвиняют в заговоре с Германией и Японией, если он член старой большевистской гвардии, который верит в мировую революцию. Определённо, здесь что-то не так. Противостояние Троцкого и Сталина имеет давнюю историю. Если бы Троцкий на момент смерти Ленина не был в отъезде, то он легко мог бы стать первым человеком в России' ... 'Советская агрессия против Финляндии – это большая ошибка сталинского режима, от которой Россия пострадает, потому что это полностью противоречит программе, заложенной Лениным, по замыслу которого Красная армия должна только защищать границы своей страны' ... 'Абсолютно ожидаемая попытка Адольфа Гитлера «откусить кусок» от России в процессе экспансии своей империи на Восток закончится катастрофой для*

немецкого фюрера, как это уже случилось с Наполеоном и многими другими".

В сентябре 1939-го года появляется известие в прессе Питтсбурга, касающееся Виктора. Оно хоть и печально, но приоткрывают завесу над другими членами его семьи (ведь до этого нам было известно только о его старшем брате, погибшем при службе в ВМФ). Читаем: *"Заупокойная служба по Элмеру Ф. Блейкли, отвечавшему за строительство огромного стадиона Питтсбургского университета и 'Храма Познания' в центре университетского кампуса¹¹⁷, состоится сегодня в 2:30 по адресу: Честнат-стрит, 236, Энглвуд. Погребение произойдёт на кладбище Энглвуда.*

Мистер Блейкли, вице-президент 'Стоун энд Уэбстер Инжиниринг', скоропостижно скончался в воскресенье у себя дома от сердечного приступа. Ему было 49 лет.

В течение последних 14 лет он также был менеджером этой фирмы в округе Питтсбург. В дополнение к зданиям Питтсбургского университета мистер Блейкли руководил строительством клиники Фалька и школы Фалька в Питтсбурге, пресвитерианской больницы, глазной и ушной больницы и женской клиники. Последние три здания являются подразделениями медицинского центра Питтсбурга.

У него также были крупные строительные объекты в

¹¹⁷ 42-этажный небоскрёб в стиле поздней готики высотой 163 метра, который является самым высоким учебным зданием в западном полушарии и вторым по высоте в мире после МГУ.

поместье Ричарда К. Меллона в Лигонье, штат Пенсильвания. Он был членом Университетского клуба и Дюкен-клуба в Питтсбурге, а также загородного клуба 'Никер-бокер' в Энглвуде.

У него остались вдова, миссис Кэтрин Симан Блейкли, две дочери, мисс Джин и мисс Бетти Лу Блейкли, и брат, Виктор Блейкли из Вашингтона, округ Колумбия.

Мистер Блейкли родился в Ред-Клауде, штат Небраска, и получил диплом инженера-строителя в университете Иллинойса. Он был связан со 'Стоун энд Уэбстер' в течение последних 28 лет, а в прошлом году был избран вице-президентом. Он переехал в Энглвуд 6 месяцев назад".

Необычайно познавательная заметка, из которой можно логически сделать вот какие выводы: Виктор жил в Питтсбурге пару лет до женитьбы на Ирине и некое недолгое время после (уже вместе с ней), поскольку работал в строительной компании брата; скорее всего, именно брат посоветовал им купить и помог перестроить коттедж в Сент-Дэвидсе; Виктор к 1939-му году уже работал в Вашингтоне.

Всего через 4 месяца в его семье происходит и ещё одно событие, но на сей раз радостное: "В этот понедельник произошло бракосочетание Джин Блейкли, дочери покойного мистера Элмера Фредерика Блейкли, и Уэлда Меррика Стивенса-младшего из Энглвуда, сына Уэлда Меррика Стивенса из Шарлотт-Амалии, Виргинские острова ...

Невеста, которую вёл к алтарю её дядя, Виктор Ф.

Блейксли из Вашингтона, была одета в тяжёлое атласное свадебное платье цвета слоновой кости, принадлежавшее ещё бабушке жениха, миссис Герберт Б. Стивенс, и вуаль из фамильного кружева 'Роуз Пойнт'. Она несла гардении и ландыши.

Бетти Лу Блейксли являлась единственной подружкой невесты – своей сестры – и была одета в платье из старинной голубой парчи с бакским корсажем, миниатюрную шляпку в тон, отделанную цветами из старого розового бархата, и несла колониальный букет из голубых и розовых цветов ..."

Так Виктор заменил на этом торжестве своего внезапно ушедшего второго брата.

Моя догадка по поводу его работы в Вашингтоне позже подтверждается заметкой в *Нэшвилл Баннере* от 26 ноября 1941-го: "Виктор Ф. Блейксли, хорошо известный в *Нэшвилле*, был повышен в звании до капитана-лейтенанта. Об этом объявило сегодня в Вашингтоне Министерство военно-морского флота. Уроженец *Бруклина*, штат *Массачусетс*, капитан Блейксли часто бывал здесь со своей женой, писательницей *Ириной Скарятинной*.

После окончания Военно-морской академии Соединённых Штатов в *Аннаполисе*, где он был звёздным спортсменом, капитан Блейксли несколько лет служил в Военно-морском флоте. Он вышел на пенсию около десяти лет назад в результате травм, полученных в автомобильной аварии, но

был возвращён в строй около трёх лет назад. В настоящее время он находится в Вашингтоне и занимается административной работой конфиденциального характера. Капитан Блейкли, чья книга 'Боевые корабли США' была опубликована этой осенью, получил свой первый писательский опыт, когда помогал своей жене в работе над 'Первая на возвращение' (тут они, конечно, как мы знаем, слегка ошибаются – А.Б.-С.). А позже он сотрудничал с ней при написании 'Новые миры взамен старых'".

"О, сколько нам открытий чудных ..." Поискав в рассекреченных американских архивных материалах, доступных в интернете, я обнаружил, что перед началом Второй мировой войны Виктору была предложена должность начальника Журнального отдела в Подразделении по связям с общественностью Департамента Военно-морского флота. А осенью 1942-го там был создан новый отдел – Проверочный – "для более эффективного проведения проверки безопасности всех типов копий и рукописей, относящихся к Военно-морскому флоту, тем самым централизуя в одном отделе проверку материалов, ранее обрабатывавшихся различными отделами, к которым они относились. Проверочный отдел также взял на себя задачу проверки выступлений военно-морского персонала для обеспечения соответствия политике защиты вопросов военно-морской безопасности, а ещё поддерживал связь с Управлением цензуры по секретным вопросам. Капитан-лейтенант Виктор Ф. Блейкс-

ли был переведён со своей должности начальника Журнального отдела, чтобы взять на себя руководство Проверочным". Касаемо упомянутой книги, она была детской, широкоформатной, посвящённой кораблям, морякам и стратегии ВМФ США и опубликованной всего за несколько месяцев до самого мрачного дня американского флота – 7 декабря 1941-го года, когда произошло вероломное нападение Японии на военно-морскую базу в Пёрл-Харборе. Вступление к книге написал адмирал Уильям В. Пратт, и она стала бестселлером, так как тогдашнее поколение детей, уже предпочитая любым другим забавам игру "в войнушку", хотело знать все детали и тонкости.

К концу 1941-го года у Ирины также начинается долгожданная белая полоса – закончено написание её шестого романа под названием *"Тамара"*, и уже начиная с января 1942-го на много месяцев вперёд газеты и журналы Америки будут заполнены кучей обзоров и интервью. В декабрьском анонсе прямо накануне Рождества о книге сказано очень коротко: *"Это роман о дореволюционной России – история юной русской княжны с цыганской кровью в венах. Всё, что делает Ирина Блейкли, пронизано гениальностью, поэтому мы с нетерпением ждём выхода этой книги"*. Изначально я думал, что произведение является чисто художественным, но оказалось, что я не совсем прав. Лучше всего это иллюстрирует следующий отрывок из одной рецензии: *"Я спрашиваю себя: где же проходит та разделяющая черта между фактами*

и вымыслом. Является ли Тамара самой Ириной? Я думаю, что ответ – да. Не есть ли 100-комнатный дом Тамары та самая 300-летняя усадьба автора в Троицком, вплоть до летнего домика с колоннадой, и не скрывается ли за образом Ваньки её брат Мики, а Таньки – её сестра Ольга? То же да. Но тогда беллетристика ли это? И снова я говорю – да. Это – замечательная история, увлекательная сказка, пронзительная и трепетно живая".

Ирина в конце 1930-х – начале 1940-х (фото использовалось в нескольких газетных статьях).

Виктор в конце 1930-х – начале 1940-х (фото использовалось в нескольких газетных статьях).

Больше об этой книге я не скажу ни слова, а вместо этого, как тот старик с неводом из сказки, закину в третий раз читателям обещание издать её русскую версию, дополнив в послесловии всеми занятыми материалами, заимствованными из американской печати. Как не скажу и о длительной командировке Ирины во второй половине 1942-го года в качестве военного корреспондента в воюющий с фашистами Советский Союз, поскольку об этом уже всё сказано в изданной мной в мае этого года никогда ранее не публиковавшейся Ириной рукописи, озаглавленной *"Небесный путь в Россию. Дневник военкора"*.

В июне 1943-го года появляется новость, что Виктор также уехал в СССР, будучи назначенным помощником военно-морского и военно-воздушного атташе американского посла. Проведя там полгода, он в своих интервью по возвращении подключается к донесению до американского народа ключевых тезисов из выступлений Ирины: советский народ ведёт героическую битву почти со всей Европой, поддержавшей нацистскую Германию; пока советские мужчины воюют на фронте, женщины взяли на себя непосильную ношу помощи армии и флоту в тылу, выполняя практически любые виды мужских работ; открытие Второго фрон-

та со стороны США, Великобритании и других союзников уже давно должно было случиться и остаётся первостепенной задачей. В конце концов его призыв услышали и, тогда уже в чине капитана, Виктор 3 февраля 1944-го года был назначен руководить одной из крупнейших военно-морских баз США в Великобритании – центром снабжения в городе Эксетер графства Девон. *"Тот располагал 176-ю казармами, в которых проживали 2352 офицера и рядовых, и 109-ю как построенными с нуля, так и взятыми в аренду промышленными зданиями; занимал площадь в 38.5 гектаров с дополнительными 30.5 гектаров открытых складских площадей за пределами города. Районы Эксетера уже подвергались сильным бомбардировкам в 1942-ом году, и, к счастью, создание склада снабжения не привлекло дальнейшего внимания люфтваффе. Там хранились всевозможные запчасти, выгруженные в морских портах транспортным корпусом армии США, и оттуда же они выдавались. Там готовились контейнеры с горячей пищей, поставлявшиеся на все американские и британские десантные корабли, перевозившие американские войска во время 'великой высадки"*. После успешной высадки союзнических войск во Франции 6 июня 1944-го года Виктор получил из рук самого президента США орден "Легион почёта". Однако это не спасло его от попадания уже в начале 1945-го под расследование проникновения коммунистических идей в высшие эшелоны власти, армии и флота – то, что позднее, с началом

"холодной войны", выльется в печально известные процессы, наречённые "маккартизмом". Вот что писала об этом Чикаго Трибьюн в заметке от 19 марта 1945-го года: *"Проникновение коммунистов и сочувствующих им лиц на высокие посты в армии и на флоте было раскрыто членами подкомитета Палаты представителей, расследующего новую политику армии, позволяющую коммунистам получать чины и занимать строго конфиденциальные военные должности ... Члены подкомитета также изучали книги Виктора Блейкли, главного сотрудника по связям с общественностью в подчинении у адмирала Нимица. Виктор Блейкли с его женой русского происхождения Ириной Скарятинной вместе написали ряд хвалебных книг о России. В одной из них – 'Новые миры взамен старых' – описывается поездка в Советский Союз в 1934-ом году. На странице 191 этой книги говорится о гигантской электростанции вот какими словами: 'Но впечатление от неё осталось, подтверждая слова Ленина: «Коммунизм – это Советская власть плюс электрификация всей страны»'. На странице 193 Блейкли лукаво намекнул на демократию, процитировав слова советского комиссара: 'Здесь, в СССР, мы думаем, что у нас тоже есть демократия. Демократия настоящая, а не только в теории'. На странице 194 он пишет: 'Здесь, в России, нет той роскоши, которой наслаждается человек в других странах, но определённо есть надежда. Мы возвращаемся туда, где жизнь более комфортна, где у человека всего в из-*

бытке, но где надежда в миллионах сердец достигла самого низкого уровня за всю историю". Похоже, указанные цитаты не смогли убедить членов подкомитета в виновности их автора, поскольку через месяц он всё так же служил в Подразделении по связям с общественностью – это мне стало известно из заметки некоего Сесила Диксона, где был следующий параграф: "Я возобновил своё знакомство с капитаном ВМФ Виктором Ф. Блейкли из Вашингтона, отвечающим за связи с общественностью у главнокомандующего Тихоокеанским флотом в Пёрл-Харборе. Капитан Блейкли сделал многое для того, чтобы приоткрыть завесу тайны над битвой военно-морского флота на Тихом океане". Чтобы завершить эту тему, стоит упомянуть ещё краткие светские новости из Нэшвилл Баннера от 1 октября 1945-го: "Капитан ВМФ США Вик Блейкли недавно проезжал через Нэшвилл по пути в Голливуд, штат Калифорния, и провёл выдавшийся между самолётами час, звоня всем своим местным друзьям. Находясь в Голливуде, где он присоединится к своей обворожительной жене Ирине Скарятинной, он выступит режиссёром фильма для военно-морского флота", – и из Бостон Глоуб от 12 мая 1946-го: "Члены 'Женского городского клуба' приглашаются 14 мая в клуб на завтрак знаменитостей, среди гостей которого будут писатель Виктор Блейкли, ВМФ США, и его очаровательная русская жена, писательница Ирина Скарятинна. Капитан Блейкли, специалист по связям с общественностью Первого военно-мор-

ского округа, путешествует по миру, читает лекции и является авторитетом в военно-морских делах. Автор произведения 'Моя русская жена', он был военно-морским атташе адмирала Стэндли в Москве в 1943-ем году".

В течение нескольких лет после возвращения из военкомандировки в СССР Ирина бóльшую часть своего времени посвящает проведению по всей стране лекций под заголовком "Россия сегодня", где сводит воедино всё то прекрасное, чему смогла стать свидетельницей, начиная с первой поездки, и постоянно упоминает о том, что готовится к выходу её шестая книга "Небесный путь" (чего, как мы теперь знаем, так и не случилось). На вопрос, будет ли СССР и дальше строить коммунизм после окончания войны, она отвечает: "Короткий период построения коммунизма имел место в 1930-х годах, и цель не была достигнута. А когда завершится эта война, Россия займётся восстановлением городов и деревень европейской части страны, которые сейчас лежат в руинах, и у неё не останется времени и сил на коммунизм. В выпадах против СССР и его руководства, которые слышны сегодня, можно увидеть лишь желание найти причины к началу Третьей мировой". Какие же замечательные, "в точку" слова! Но не только этим занималась Ирина в те годы. Она отметилась своими рецензиями на спектакли и другие творческие события (чем спасалась и в тяжёлый период конца 1930-х – начала 1940-х), а также восхитительным переводом на английский язык пьесы Чехова

"Вишнёвый сад", по которому в 1944-ом году – в 40-ю годовщину первой постановки в России – был подготовлен спектакль в Национальном Театре на Бродвее со звёздным составом, включавшим Карли Вартон, Маргарет Вебстер, Еву Ле Гальенн и Джозефа Шилдкраута, а затем совершены четырёхмесячные гастроли по крупнейшим городам Восточной Америки, как то: Чикаго, Детройт, Питтсбург, Сент-Луис, Мэдисон, Милуоки, Филадельфия и Балтимор. Отзывы критики сводились к: *"Блестящий новый перевод, поставленный с высочайшим вкусом"*.

CARLY WHARTON and MARGARET WEBSTER
present

EVA
LE GALLIENNE

JOSEPH
SCHILDKRAUT

In a New Production of Chekhov's Famous Comedy

"The Cherry Orchard"

Translated by Irina Skariatina
Staged by MISS LE GALLIENNE
Designed by Motley

☆

THE CAST
(In order of appearance)

LOPAHIN (Yermolay Alexeyevitch) JOHN BLEIFER
DUNYASHA (a maid) FIONA O'SHIEL
EPIHODOV A. P. KAYE
FIRS (an old valet) HORACE SINCLAIR
ANYA (daughter of Lyubov Andreyevna) LOIS HALL
VARYA (adopted daughter of Lyubov Andreyevna),
CARMEN MATHEWS
LYUBOV ANDREYEVNA (the owner of the Cherry Orchard),
EVA LE GALLIENNE
LEONID ANDREYEVITCH (her brother) JOSEPH SCHILDKRAUT
CHARLOTTA IVANOYNA (a governess) LEONA ROBERTS
HER DOG TOUCHÉ
SEMYOMOV-PISTCHIK (a landowner) SAMUEL GOLDENBURG
YASHA (a young footman) KENNETH TOBEY
PETYA TROFIMOV (a student) HUGH FRANKLIN

Афиша спектакля по пьесе А. П. Чехова "Вишнё-

вый сад" в Национальном Театре на Бродвее.

В начале 1946-го года Ирине всё-таки приходится отменить заранее запланированную лекцию в тexasском городе Лаббок недалеко от Далласа. Вот что было напечатано в местной газете: *"В телеграмме от мужа докладчицы, капитана Виктора Блейкли, сообщается, что врачи настоятельно не рекомендуют ей в этом году совершать какие-либо поездки из-за её ослабленного физического состояния, она больна ревматизмом"*. Кроме упомянутого выше майского завтрака со знаменитостями в Бостоне, до самого апреля следующего года в прессе абсолютно отсутствуют какие-либо новости о супругах Блейкли, что даёт понять серьёзность ситуации с Ирининым здоровьем. И молчание это прерывается скорбным сообщением в *Майами Ньюс* от 5 апреля 1947-го года: *"Капитан Виктор Блейкли скончался вчера в Халландейле, на следующий же день после своего приезда из Вашингтона. Он перенёс сердечный приступ в туристическом центре Халландейла, где они с его женой, бывшей русской дворянкой, писательницей и военкором, сняли на неделю коттедж ...Капитан Блейкли был уволен из военно-морского флота в сентябре прошлого года в связи с хроническим заболеванием сердца. Они с женой жили в Вашингтоне.*

Перед тем, как потерять сознание, капитан Блейкли сказал своей жене: 'Если со мной что-нибудь случится, свяжись с флотскими'. Миссис Блейкли позвонила на воен-

но-морскую авиабазу Опа-Локка, и ей со всеми делами помог капитан Максвелл Ф. Лесли, комендант базы, игравший в бейсбольной команде Военно-морской академии, когда ту тренировал капитан Блейкли.

Завтра тело с помощью похоронного бюро Филбрика будет отправлено в Вашингтон, и похороны состоятся на Арлингтонском национальном кладбище со всеми воинскими почестями". Из коротенькой заметки в *Филадельфия Инквэйпер* от 9 апреля 1947-го года мы узнаём, что за день до этого так и случилось. Есть там и параграф с подтверждением моей второй догадки о работе Виктора вместе со старшим братом Элмером – правда, в смежной компании, входившей в ту же корпорацию, что и упомянутая ранее строительная: "Капитан Блейкли был хорошо известен здесь, поскольку был связан с инвестиционной фирмой 'Стоун, Уэбстер энд Блоджет', занимающейся обеспечением безопасности в нашем городе. Он уволился в 1931-ом году, чтобы путешествовать по Европе, писать и читать лекции". Но удивило меня не это, а осознание того, что они с братом умерли от одной и той же причины и в одном и том же возрасте – Виктору скоро должно было исполниться 49.

Замечательные слова написал о нём в некрологе его друг, некто Пэки Гэфф: "Это потрясение, когда теряешь близкого друга, особенно когда он мёртв и похоронен прежде, чем ты успеваешь об этом узнать. Вик был таким другом для меня и других выпускников Военно-морской академии, которые

знали его в Аннаполисе 30 лет назад и поддерживали с ним связь все эти годы. Он имел редкий жизнерадостный характер, был всегда в хорошем настроении на светских вечеринках. Его смех был заразителен. Он 'поднимал' тебя, когда ты был подавлен. Таких, как он, нечасто встретишь за всю свою жизнь.

Некоторые адмиралы никогда его не забудут, потому что Вик всегда, на совещаниях или вне их, говорил своему начальству именно то, что он думал о случившемся. Кое-кто из высшего руководства считал его слишком 'свежим'. Другие же уважали его способности и взгляды. Покойный военно-морской секретарь Фрэнк Нокс был о нём достаточно высокого мнения, чтобы повысить с младшего лейтенанта до капитана-лейтенанта, вообще минуя чин лейтенанта ...

Однажды он ворвался в мой офис в производственном подразделении 'Бауэр' в Вашингтоне и закричал: 'Давай, отведи меня на бейсбол. Я здесь на неделю. Я отправляюсь на Тихий океан с Нимицем. Вот как нужно вести эту войну: год в Европе, год на Тихом океане и неделя в Вашингтоне'.

Да, это страшный удар – знать, что ты никогда больше не увидишь сияющее лицо вечно весельчака военно-морского флота".

В ответ на его публикацию некая миссис Фёрбер отреагировала следующим посланием в той же газете: "Я прочла ваш прекрасный некролог. Мы с мужем отметили, что это было написано кем-то, кто хорошо знал Вика. Мы присут-

ствовавали на похоронах в Вашингтоне. Это было весьма впечатляюще. Покрытый гроб несли 6 адмиралов – все его одноклассники. Он был похоронен на мирно выглядящем холме в одной из новых секций Арлингтонского кладбища. Я провела вторую половину дня и вечер с его вдовой Ириной. Грустно думать, что ещё через неделю они приехали бы в Сент-Дэвидс. Они возвращались сюда, чтобы пожить спокойной жизнью. Я отослала Ирине вырезку с вашим некрологом".

Точку в истории смерти Виктора ставит появившаяся через пару месяцев в местной газете городка Вудсток в канадском Онтарио, где, очевидно, проживали в конце своей жизни его родители, заметка с дополнительными деталями: "Виктор Блейкли, последний остававшийся в живых сын покойных мистера и миссис Фред Блейкли, скончался от сердечного приступа в Страстную пятницу. Мы узнали это из письма, недавно полученного от мисс Амелии Фурер из Сан-Диего, Калифорния, являющейся тётёй покойного. Супруги Блейкли провели зиму в Сан-Диего и возвращались в Вашингтон через Флориду, где и произошла его кончина. Он оставил свою жену Ирину, русскую графиню, оплакивать его в одиночестве – детей у них не было".

Ирина, совершенно пропав после этого из поля зрения журналистов, оплакивала его ещё целых 15 с лишним лет. Это был период последнего "мира Эры" – мира, в котором были лишь одиночество, болезни и забвение. Пройдя через огромное число жизненных испытаний и постоянно подни-

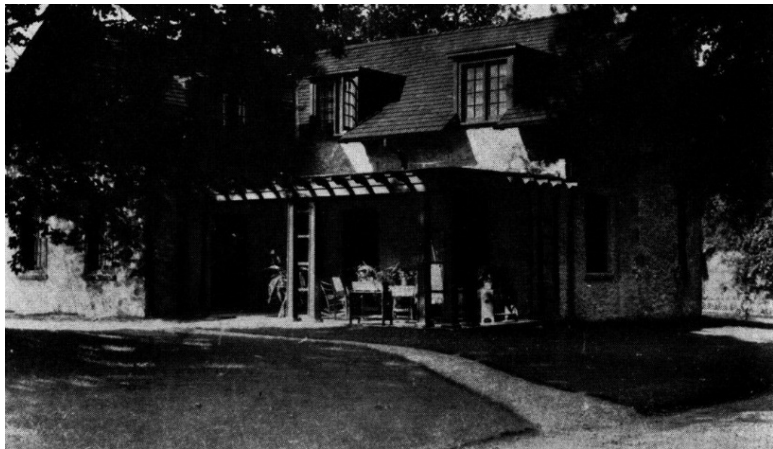
маясь после каждого удара судьбы, она уже не смогла этого сделать после самого страшного из них. Ведь их с Виктором, несомненно, связывала истинная любовь – об этом свидетельствуют все из без малого 21-го года их брака.

Лишь ещё в трёх газетных статьях в течение 15 лет оставшейся жизни Ирины я нашёл упоминание её имени. В марте 1951-го выходит обзор Люси Темплтон из *Ноксвилл Ньюс Сентинел*, начинающийся такой фразой: "Владимир Набоков в своих мемуарах 'Неоспоримые доказательства' рассказывает нам о своём счастливом детстве в старой России. Он единственный русский эмигрант, которого я знаю лично или по его произведениям, за исключением моей подруги Ирины Скарятинной, не проявляющий горечи, описывая то, что разрушили нынешние правители его страны". В феврале 1952-го в рубрике "10 лет назад" того же *Ноксвилл Ньюс Сентинел* замечаем параграф: "Симпатичная русская —Ирина Скарятинна – в беседе с женщинами Ноксвилла рассказала, как она выиграла пари по вопросу о том, смогут ли немцы разгромить русскую армию. 'Все поспорили со мной, что, когда Гитлер нападёт на Россию, он вскоре захватит всю страну и казнит Сталина и комиссаров, – сказала она. – Но сейчас всё выглядит так, что русские могут когда-нибудь захватить Германию и казнить Гитлера'. Русские войска в это время успешно наступали на откаты-вавшихся немцев. Они были почти у Смоленска и собирались отвоевать Харьков". И в последних числах апреля 1956-го

Форт-Уэрт Стар-Телеграм напечатал маленькую заметку: "Те, кто раньше посещал лекции в ратуше (которые проводились по ночам), возможно, помнят Ирину Скарятину, писательницу, лектора, а позже военного корреспондента Колъез. Сейчас она живет в тени военно-морского госпиталя в Бетесде, штат Мэриленд, где получает медицинскую помощь в связи с травмой бедра и ухудшением зрения".

Тяжело проболел последние 6 лет и практически ослепнув, Ирина ушла из жизни в ноябре 1962-го года, всего за три дня до своего дня рождения, и была похоронена вместе с Виктором на знаменитом Арлингтонском военном кладбище. По странному совпадению, сестра Ирины Ольга умерла в Лондоне в 1947-ом году, как и Виктор, а её муж Георгий Беннигсен, перебравшись потом в США, скончался там в том же 1962-ом году, что и Ирина. Известнейший американский журналист, обладатель Пулитцеровской премии, Ральф Макгилл, который был долгие годы дружен с Ириной, свою статью на её смерть, озаглавленную "Бесстрашие в изломанном теле", завершил так: "В её последнем письме говорилось, что нет особого беспокойства по поводу удаления катаракты, что есть возможность различать чуть больше, чем ночь и день, и что слепота умиротворяет. Она держалась превосходно".

Королёв – Челюскинский, июнь – октябрь 2023.

Фотография коттеджа Ирины Скарятиной и Виктора Блейксли в Сент-Дэвидсе (1932-й год).

Фотография могильного памятника Виктора Блейкли и Ирины Скарятиной на Арлингтонском военном кладбище в Вашингтоне.

Благодарности

Что ж, моё путешествие длиной в без малого два с половиной года подошло к концу. Программа-минимум выполнена. Всё, что я считал себя обязанным сделать, сделано. Почему обязанным? Потому что мне стало очевидно, что если за прошедшие с первых романов Ирины 90 лет не нашлось человека, решившего рассказать российским читателям о её жизни, то никто, скорее всего, уже и не найдётся. А такие истории нельзя предавать забвению. Почему нельзя? Я думаю, что любой человек, глядящий чуть дальше своего смартфона, это поймёт и сам. Поэтому, как все те ребята, что кричат каждое 2-ое августа: "Никто, кроме нас!" – я и взял задачу на себя. Осталось лишь поблагодарить помогавших.

Я искренне признателен:

- своей жене и другим дорогим моему сердцу людям – за то, что подбадривали, как могли, "во дни сомнений, во дни тягостных раздумий" (а их было много и подчас тягостных невыносимо);
- Александру Михайловичу Полынкину – за то, что он всегда поддерживал меня во всех изысканиях и делал (и не устаёт делать) всё возможное для популяризации моих книг;
- Екатерине Викторовне Черных, Андрею Марковичу Успенскому, Инне Евгеньевне Трубиной и Валентине Александровне Агаповой – за своевременную и такую нужную

материальную поддержку на протяжении всего этого длительного проекта;

- и, разумеется, специалистам отдела специальных коллекций библиотеки Принстонского университета Эдриэнн Русинко и Эннали Паулс и отдела рукописей библиотеки Конгресса США Ларе Шипшак – за оцифровывание по моему запросу нескольких сотен страниц различных уникальных документов из хранящихся там архивов Ирины и Виктора Блэсли.